

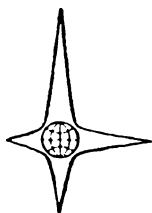
**ПИРШЕСТВО
ДЕМОНОВ**

**ПИРШЕСТВО
ДЕМОНОВ**

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

« М И Р »

ПИРШЕСТВО ДЕМОНОВ

**Сборник
научно-фантастических
произведений
ученых**

Послесловие Е. ПАРНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

МОСКВА 1968

Инд. 7-3-4

Составитель Р. ФЕСЕНКО

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

СОДЕРЖАНИЕ

АЙЗЕК АЗИМОВ. Что если... <i>Перевод Н. Галь</i>	7
ЛИНО АЛЬДАНИ. Повальное безумие. <i>Перевод Вершинина</i>	26
НОРБЕРТ ВИНЕР. Голова. <i>Перевод Р. Фесенко</i>	36
ЧЭНДЛЕР ДЕВИС. Блуждая на высшем уровне <i>Перевод Е. Владаровой</i>	55
АРТУР КЛАРК. Юпитер Пять. <i>Перевод Л. Жданова</i>	82
ДЖЕЙМС МАККОННЕЛЛ. Теория обучения. <i>Перевод И. Гуровой</i>	120
УИЛЛЬЯМ МОРРИСОН. Пиршество демонов. <i>Перевод Г. Хромова</i>	139
ДЖОН ПИРС. Грядущее Джона Цзе. <i>Перевод И. Гуровой</i>	170
ДЖОН ПИРС. Не вижу зла. <i>Перевод И. Гуровой</i>	180
РОБЕРТ РИЧАРДСОН. Малыш Андерсон. <i>Перевод Ю. Кларка</i>	194
ДЖОРДЖ СМИТ. В безвыходном положении. <i>Перевод А. Шилейко</i>	207
ЛЕО СПИЛАРД. К вопросу о «Центральном вокзале». <i>Перевод Е. Владаровой</i>	228
РОБЕРТ УИЛЛИ. Вторжение. <i>Перевод И. Гуровой</i>	236
КОНРАД ФИАЛКОВСКИЙ. Я — миликилос. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	256
ОТТО ФРИШ. О возможности создания электростанций на угле. <i>Перевод Н. Работнова</i>	271
ФРЕД ХОЙЛ, ДЖОН ЭЛЛИОТ. Дар Андромеды <i>Перевод И. Гуровой</i>	275
Еремей Парнов. Человек в лучах прожекторов.	370

Айзек Азимов — видный американский ученый, профессор биохимии, автор многочисленных научно-популярных книг, среди которых можно назвать «Краткую историю биологии», «Нейтрино», «Вид с высоты» и др. Широко известен также как писатель-фантаст.

Что если...

Разумеется, Норман и Ливи опаздывали — когда спешить на поезд, в последнюю минуту непременно что-нибудь да задержит, — и в вагоне почти не осталось свободных мест. Пришлось сесть впереди, так что взгляд упирался в скамью напротив, обращенную спинкой к движению и примыкавшую к стенке вагона. Норман стал закидывать чемодан в сетку, и Ливи досадливо поморщилась.

Если какая-нибудь пара сядет напротив, придется всю дорогу до Нью-Йорка, несколько часов кряду, с глупейшим ощущением неловкости пялить глаза друг на друга, либо — что едва ли приятнее — отгородиться барьерами газетных листов. Но искать по всему поезду, не найдется ли еще где-нибудь свободной скамьи, тоже нет смысла.

Нормана, кажется, все это ничуть не трогало, и Ливи немножко огорчилась. Обычно они на все отзываются одинаково. Именно поэтому, как уверяет Норман, он и по сей день нимало не сомневается, что правильно выбрал себе жену.

«Мы подходим друг другу, Ливи, это главное, — говорит он. — Когда решаешь головоломку и один кусочек в точности подошел к другому, значит он-то здесь и нужен.

Никакой другой не подойдет. Ну а мне не подойдет никакая другая женщина».

А она смеется и отвечает:

«Если бы в тот день ты не сел в трамвай, мы бы, наверно, никогда и не встретились. Что бы ты тогда делал?»

«Остался бы холостяком, разумеется. И потом, не в тот день, так в другой, все равно я бы познакомился с тобой через Жоржетту».

«Тогда все вышло бы по-другому».

«Нет, так же».

«Нет, не так. И потом, Жоржетта ни за что бы меня с тобой не познакомила. Она тебя приберегала для себя и уж постаралась бы не обзаводиться соперницей, не тот у нее характер».

«Что за чепуха».

И тут Ливи — в который уже раз — спросила:

— Слушай, Норман, а что если бы ты пришел на угол минутой позже и сел бы не в тот трамвай, а в следующий? Как по-твоему, что бы тогда было?

— А что если бы у всех рыб выросли крылья и они улетели бы на высокие горы? Что бы мы тогда ели по пятницам?

Но они тогда все-таки сели в тот самый трамвай, и у рыб не растут крылья, а потому они уже пять лет женаты и по пятницам едят рыбу. И так как они женаты уже целых пять лет, они решили это отпраздновать и едут на неделю в Нью-Йорк.

Тут она вернулась к настоящему:

— Неудачные нам все-таки попались места.

— Да, верно, — сказал Норман. — Но ведь напротив пока никого нет, так что мы более или менее одни хотя бы до Провиденса.

Но Ливи это не утешило, и недаром она огорчалась: по проходу шагал маленький кругленький человек. Отку-

да он, спрашивается, взялся? Поезд прошел уже полпути между Бостоном и Провиденсом. Если этот человек раньше где-то сидел, чего ради ему вздумалось менять место? Ливи достала пудреницу и погляделась в зеркало. Если не обращать внимания на этого коротышку, может, он еще и пройдет мимо. И она поправила свои светло-каштановые волосы, которые чуточку растрепались, пока они с Норманом бежали к поезду, и принялась изучать в зеркале голубые глаза и маленький пухлый рот — Норман уверяет, что губы ее всегда сложены для поцелуя.

Недурно, подумала она, глядя на свое отражение.

Потом она подняла глаза — тот человек уже сидел напротив. Он встретился с нею взглядом и широко улыбнулся. От улыбки во все стороны разбежались морщинки. Он поспешно снял шляпу и положил ее на свой багаж — маленький черный ящик. Тотчас на голове у него вокруг голой, как пустыня, лысины вздыбился венчик седых волос.

Ливи невольно улыбнулась в ответ, но тут взгляд ее снова упал на черный ящик — и улыбка угасла. Она тронула Нормана за локоть.

Норман поднял глаза от газеты. Брови у него такие грозные — черные, сросшиеся, — что впору испугаться. Но темные глаза из-под этих суровых бровей глянули на нее, как всегда, и ласково и словно бы чуть насмешливо.

— Что случилось? — спросил Норман. На человека напротив он не взглянул.

Кивком, потом рукой Ливи попыталась незаметно показать, что именно ее поразило. Но толстяк не сводил с нее глаз, и она почувствовала себя преглупо, потому что Норман только уставился на нее, ничего не понимая. Наконец она притянула его к себе и шепнула на ухо:

— Ты разве не видишь? Смотри, что написано у него на ящике.

И сама посмотрела еще раз. Да, так и есть. Надпись была не очень заметна, но свет падал вкось и на черном фоне виднелось блестящее пятно, а на нем старательно, округлым почерком выведено:

ЧТО ЕСЛИ

Человечек снова улыбался. Он торопливо закивал и несколько раз кряду ткнул пальцем в эту надпись, а потом себе в грудь.

Норман повернулся к жене и сказал тихонько:

— Наверно, его так зовут.

— Да разве такие имена бывают? — возразила Ливи.

Норман отложил газету.

— Сейчас увидишь. — И, наклонясь к человечку, сказал: — Мистер Если?

Тот с готовностью поглядел на него.

— Не скажете ли, который час, мистер Если?

Человечек вытащил из жилетного кармана большущие часы и показал Норману циферблат.

— Благодарю вас, мистер Если, — сказал Норман. И шепнул жене: — Вот видишь.

Он уже хотел опять взяться за газету, но человечек стал открывать свой ящик и несколько раз многозначительно поднял палец, словно старался привлечь внимание Нормана и Ливи. Он достал пластинку матового стекла, примерно девяти дюймов в длину, шести в ширину и около дюйма толщиной. Края пластинки были скошены, углы закруглены, поверхность совершенно слепая и гладкая. Потом человечек вытащил проволочную подставку и надежно приладил к ней пластинку. Установил это сооружение у себя на коленях и гордо посмотрел на попутчиков.

Ливи вдруг ахнула:

— Смотри, Норман, это вроде кино!

Норман наклонился поближе. Потом поднял глаза на человечка.

— Что это у вас? Телевизор новой системы?

Человечек покачал головой, и тут Ливи сказала:

— Норман, да это мы с тобой!

— То есть как?

— Разве ты не видишь? Это тот самый трамвай. Вон ты сидишь на задней скамейке, в старой шляпе, уже три года, как я ее выкинула. А вот мы с Жоржеттой идем по проходу. И толстая дама загородила дорогу. Вот, смотри! Это мы! Неужели не узнаешь?

— Какой-то обман зрения,— пробормотал Норман.

— Но ведь ты тоже видишь, правда? Так вот почему он это называет «Что если». Эта штука нам сейчас покажет, что было бы, если... если бы трамвай не качнуло на повороте...

Она ничуть не сомневалась. Она была очень взволнована и ничуть не сомневалась, что так оно и будет. Она смотрела на изображение в матовом стекле — и предвечернее солнце померкло, и невнятный гул голосов позади, в вагоне, начал стихать.

Как она помнила тот день! Норман был знаком с Жоржеттой и уже хотел встать и уступить ей место, но вдруг трамвай качнуло на повороте, Ливи пошатнулась — и шлепнулась прямо ему на колени. Получилось очень смешно и неловко, но из этого вышел толк. Она до того смутилась, что он поневоле должен был проявить какую-то учтивость, а потом и разговор завязался. И вовсе не потребовалось, чтобы Жоржетта их знакомила. К тому времени, как они обе вышли из трамвая, Норман уже знал, где Ливи работает.

Она и по сей день помнит, какими злыми глазами смотрела на нее тогда Жоржетта, как натянуто улыбнулась, когда они стали прощаться. Потом сказала:

— Ты, кажется, понравилась Норману.

— Что за глупости! — возразила Ливи. — Просто он человек вежливый. Но у него славное лицо, правда?

Всего через каких-нибудь полгода они поженились.

И вот он опять перед ними, тот трамвай, а в трамвае — Норман, она и Жоржетта. Пока она так думала, мерный шум поезда, торопливый перестук колес затихли окончательно. И вот она в тряском, тесном трамвайном вагоне. Они с Жоржеттой только что вошли.

Ливи покачивалась в лад ходу трамвая, как и остальные сорок пассажиров, — все они, стоя ли, сидя ли, подчинялись одному и тому же однообразному и нелепому ритму. Потом она сказала:

— Тебе кто-то машет, Жоржи. Ты его знаешь?

— Мне? — Жоржетта бросила рассчитанно небрежный взгляд через плечо. Ее искусно удлинненные ресницы затрепетали. — Да, немного знаю. Как по-твоему, зачем мы ему понадобились?

— Давай выясним, — сказала Ливи с удовольствием и даже с капелькой ехидства. Всем известно, что Жоржетта никому не показывает своих знакомых мужчин, будто они — ее собственность, и очень приятно ее подразнить. Да и лицо у этого ее знакомого, кажется, очень... занятное.

Ливи стала пробираться вперед, Жоржетта нехотя двинулась следом. Наконец Ливи оказалась подле того молодого человека, и тут вагон сильно качнуло на повороте. Ливи отчаянно взмахнула рукой, стараясь ухватиться за петли. С трудом, самыми кончиками пальцев, все-таки поймала одну и удержалась на ногах. Не сразу ей удалось перевести дух. Как странно; ведь секунду назад ей казалось, что в пределах досягаемости нет ни одной петли. Почему-то у Ливи было такое чувство, что по всем законам физики она непременно должна была упасть.

Молодой человек на нее не смотрел. Он с улыбкой под-

нялся, уступая место Жоржетте. У него были необыкновенные брови, они придавали ему вид уверенный и властный. Да, безусловно, он мне нравится, подумала Ливи.

— Нет-нет, не беспокойтесь,— говорила между тем Жоржетта.— Мы скоро выходим, нам только две остановки.

И они вышли. Ливи сказала:

— А я думала, мы едем за покупками к Сэчу.

— Мы и поедем. Просто я вспомнила, что у меня тут есть еще одно дело. Ничего, мы и минуты не задержимся.

— Следующая станция — Провиденс! — завопило радио.

Поезд замедлял ход, прошлое вновь съежилось и ушло в пластинку матового стекла. Человечек по-прежнему улыбался им обоим.

Ливи обернулась к Норману. Ей стало страшновато.

— С тобой тоже это было? — спросила она.

— Что такое стряслось со временем? — сказал Норман.— Неужели уже Провиденс? Невероятно! — Он взглянул на часы.— Нет, видно, так оно и есть.— И обернулся к Ливи.— На этот раз ты не упала.

— Значит, ты тоже видел? — Она нахмурилась.— Как это похоже на Жоржетту! Совершенно незачем было выходить на той остановке, просто она не хотела, чтобы мы с тобой познакомились. А до этого ты долго был с ней знаком, Норман?

— Нет, не очень. Просто знал в лицо, и неудобно было не уступить ей место.

Ливи презрительно скривила губы. Норман усмехнулся.

— Не стоит ревновать к тому, чего не случилось, малышка. И даже если бы случилось, какая разница? Ты все равно мне приглянулась, и уж я нашел бы способ с тобой познакомиться.

— Ты и не посмотрел в мою сторону.

— Просто не успел.

— Так как же ты бы со мной познакомился?

— Не знаю. Уж как-нибудь да познакомился бы. Но, согласишься, довольно глупо сейчас об этом спорить.

Поезд отошел от Провиденса. Ливи была в смятении. А человечек все прислушивался к их шепоту, только улыбаться перестал, давая знать, что понял, о чем речь.

— Вы можете показать нам дальше? — спросила Ливи.

— Постой-ка,— прервал Норман.— А зачем тебе это?

— Я хочу увидеть день нашей свадьбы,— сказала Ливи.— Как бы это было, если бы в трамвае я не упала.

Норман с досадой поморщился.

— Слушай, это несправедливо. Может, мы бы тогда поженились не в тот день, а в другой.

Но Ливи сказала:

— Вы можете мне это показать, мистер Если?

Человечек кивнул.

Матовое стекло вновь ожило, слегка засветилось. Потом рассеянный свет сгустился в яркие пятна, в отчетливые человеческие фигурки. В ушах у Ливи слабо зазвучал орган, хотя на самом деле никакой музыки не было слышно.

Норман вздохнул с облегчением:

— Ну вот, видишь, я на месте. Это наша свадьба. Ты довольна?

Шум поезда снова умолк; напоследок Ливи услышала собственный голос:

— Да, ты-то на месте. А где же я?

Ливи сидела в церкви на одной из последних скамей. Сперва она совсем не собиралась быть на этой свадьбе. В последнее время она, сама не зная почему, все больше

отдалялась от Жоржетты. О ее помолвке она услышала случайно, от их общей приятельницы, и, конечно, Жоржетта выходила за Нормана. Ливи отчетливо вспомнился тот день, полгода назад, когда она впервые увидела его в трамвае. В тот раз Жоржетта поспешила убрать ее с дороги. Потом Ливи еще несколько раз встречала Нормана, но он никогда не бывал один, между ними всегда стояла Жоржетта.

Что ж, тут и обижаться нечего, ведь Жоржетта первая с ним познакомилась. Она сегодня кажется куда красивее, чем обычно. А он всегда очень хорош.

Ей было грустно и как-то пусто на душе, словно случилась какая-то ошибка, а какая — она толком понять не могла. Жоржетта прошептывала по проходу, словно не заметив ее, но немного раньше Ливи встретила глазами с Норманом и улыбнулась ему. И, кажется, он улыбнулся в ответ.

Издалека до нее донеслись слова священника: «Нарекаю вас мужем и женою...»

Вновь слышался стук колес. Какая-то женщина с маленьким сынишкой возвращалась по проходу на свое место, покачиваясь в такт движению поезда. В середине вагона, где сидели четыре девочки-подростка, поминутно раздавались взрывы звонкого смеха. Мимо, озабоченный какими-то своими таинственными делами, торопливо прошел кондуктор.

Все это мало трогало Ливи, она словно застыла.

Она сидела неподвижно, глядя в одну точку, а за окном, сливаясь в лохматую ярко-зеленую полосу, проносились деревья, мелькали, точно в скачке, телеграфные столбы.

Наконец она сказала:

— Так, значит, вот на ком ты женился!

Норман посмотрел на нее в упор и уголок рта у него дрогнул. Он сказал беспечно:

— Это не совсем верно, Оливия. Все-таки моя жена — ты. Вспомни об этом, пожалуйста.

Она резко повернулась к нему:

— Да, ты женился на мне... потому что я свалилась к тебе на колени. А если бы я не упала, ты женился бы на Жоржетте. А если бы она не захотела за тебя выйти, ты бы женился на ком-нибудь еще. На ком попало. Вот тебе и твоя головоломка!

— Черт... меня... побери!.. — медленно, с расстановкой сказал Норман и ладонями пригладил волосы — они были прямые, только над ушами чуть курчавились. Могло показаться, что это он схватился за голову от отчаяния. — Послушай, Ливи, — продолжал он, — глупо же поднимать шум из-за какого-то дурацкого фокуса. Не можешь ты осуждать меня за то, чего я не делал.

— Ты бы так и сделал.

— Почему ты знаешь?

— Ты сам видел.

— Я видел какую-то нелепость... наверно, это гипноз. — И вдруг громко, голосом, в котором прорвалось бешенство, он сказал человечку напротив: — Убирайтесь вон, мистер Если или как вас там! Вон отсюда. Вы тут не нужны. Убирайтесь, пока я не выкинул вас за окно вместе с вашей хитрой механикой!

Ливи дернула его за локоть.

— Перестань. Перестань сейчас же! Люди кругом!

Человечек весь съежился, спрятал черный ящик за спину и забился в угол. Норман поглядел на него, потом на Ливи, потом на пожилую даму, которая сидела по другую сторону прохода и смотрела на него с явным неодобрением.

Он покраснел и поперхнулся еще каким-то злым словом. В ледяном молчании доехали до Нью-Лондона, ни слова не сказали во время остановки.

Через четверть часа после того, как поезд отошел от Нью-Лондона, Норман позвал:

— Ливи!

Она не ответила. Она смотрела в окно, но ничего не видела — только стекло.

— Ливи,— повторил Норман.— Ливи! Да отзовись же!

— Что тебе? — глухо сказала она.

— Послушай, это же нелепо. Я не знаю, как он это проделывает, но даже если в этом есть на грош правды, все равно ты несправедлива. Почему ты остановилась на полпути? Допустим, я и впрямь женился на Жоржете, ну а ты? Разве ты осталась одна? Откуда я знаю, может, ко времени моей предполагаемой женитьбы ты уже была замужем за другим. Может, потому я и женился на Жоржете.

— Я не была замужем.

— Откуда ты знаешь?

— Уж я бы разобралась. Я-то знаю, о чем я думала в то время.

— Ну, так вышла бы замуж не позже чем через год.

Ливи злилась все сильнее. Краешком сознания она понимала, что злиться нет причины, но это не утешало. Напротив, досада росла. И она сказала:

— А если бы и вышла, это бы тебя уже не касалось.

— Да, конечно. Но это бы только доказывало, что мы не можем отвечать за то, что было бы, если бы да кабы.

Ливи гневно раздула ноздри, но промолчала.

— Послушай,— продолжал Норман.— Помнишь, мы встречали у Винни позапрошлый Новый год? Было много народу и очень весело?

— Как не помнить! Ты мне устроил душ из коктейля.

— Это к делу не относится, да и коктейля-то было всего ничего. А я вот что хочу сказать: Винни ведь твоя лучшая подруга, вы с ней дружили давным-давно, когда мы с тобой еще не были женаты.

— Ну и что?

— И Жоржетта тоже с ней дружила, верно?

— Да.

— Ну так вот. И ты и Жоржетта все равно встречали бы у Винни Новый год, на ком бы я ни женился. Я тут ни при чем. Пускай он нам покажет, что было бы на этом вечере, если бы я женился на Жоржетте, и пари держу, ты там будешь либо с женихом, либо с мужем.

Ливи заколебалась. Честно говоря, именно это ее и пугало.

— Что, боишься рискнуть? — сказал Норман.

И, конечно, Ливи не стерпела. Она так и вскинулась:

— Ничего я не боюсь! Уж наверно я вышла замуж! Не сохнуть же по тебе! И любопытно посмотреть, как ты обольешь коктейлем Жоржетту. Она тебе при всех надает оплеух, не постесняется. Я ее знаю. Вот тогда ты увидишь, какой кусок в твоей головоломке подходящий.

И Ливи сердито скрестила руки на груди и устремила вперед взор, исполненный решимости.

Норман поглядел на человечка напротив, но просить ни о чем не пришлось. Тот уже установил на коленях матовое стекло. В окно косо светило закатное солнце, и венчик седых волос вокруг лысины человечка отливал розовым.

— Ты готова? — напряженным голосом спросил Норман.

Ливи кивнула, и они снова перестали слышать рокот колес.

Раскрасневшаяся с мороза, Ливи остановилась в дверях.

Она только что сняла пальто, на котором таяли снежинки, и обнаженным рукам еще было зябко.

Ее встретили криками: «С Новым годом!» — и она ответила тем же, стараясь перекрычать радио, которое орало во всю мочь. Еще с порога она услышала пронзительный голос Жоржетты и теперь направилась к ней. Она больше месяца не видала ни Жоржетту, ни Нормана.

Жоржетта жеманно подняла одну бровь — это она в самое последнее время завела такую манеру — и спросила:

— Ты разве одна, Оливия?

Окинула взглядом тех, кто стоял поближе, и вновь посмотрела на Ливи. Та сказала равнодушно:

— Я думаю, Дик заглянет попозже. У него там еще какие-то дела.

Она не притворялась, ей и правда было все равно.

— Ну, зато Норман здесь,— сказала Жоржетта, натянуто улыбаясь.— Так что ты не будешь скучать, дорогая. По крайней мере раньше ты в таких случаях не скучала.

И тут из кухни лениво вышел Норман. В руке он держал шейкер, кубики льда в коктейле постукивали, точно кастаньеты, в такт словам:

— Эй вы, гуляки-выпивохи! Подходите, хлебните — от моего зелья еще не так разгуляетесь... Ба, Ливи!

Он направился к ней, широко и радостно улыбаясь.

— Где вы пропадали? Я вас сто лет не видал. В чем дело? Дик решил вас прятать от посторонних глаз?

— Налей мне, Норман,— резко сказала Жоржетта.

— Сию минуту,— не взглянув на нее, отозвался Норман.— А вам налить, Ливи? Сейчас найду бокал.

Он обернулся, и тут-то все и произошло.

— Осторожно! — вскрикнула Ливи.

Она видела, что сейчас будет, у нее даже возникло какое-то смутное чувство, словно так уже когда-то было, и

все-таки это случилось, неизбежно и неотвратимо. Норман зацепился каблуком за ковер, пошатнулся, тщетно пытаясь сохранить равновесие, и выронил шейкер. Тот словно выпрыгнул у него из рук — и добрая пинта ледяного коктейля обдала Ливи, промочив ее до нитки.

Она задохнулась. Вокруг стало тихо, и несколько невыносимых мгновений она тщетно пыталась отряхнуться, а Норман опять и опять все громче повторял:

— Черт подери! Ах, черт подери!

Жоржетта сказала холодно:

— Очень жаль, что так вышло, Ливи. С кем не случается. Но это платье как будто не очень дорогое.

Ливи повернулась и выбежала из комнаты. И вот она в спальне, тут по крайней мере никого нет и почти не слышно шума. При свете лампы на туалетном столике, затененной абажуром с бахромой, она в куче пальто, брошенных на кровать, стала отыскивать свое.

За нею вошел Норман.

— Послушайте, Ливи, не обращайтесь внимания на то, что она сболтнула. Я просто в отчаянии. Конечно же, я заплачу...

— Пустяки. Вы не виноваты.— Она быстро заморгала, не глядя на него.— Поеду домой и переоденусь.

— Но вы вернетесь?

— Не знаю. Едва ли.

— Послушайте, Ливи...

Ей на плечи легли его горячие ладони...

Что-то странно оборвалось у нее внутри, словно она вырывалась из цепкой паутины, и...

...и снова слышался шум и рокот колес.

Все-таки, пока она была там... в матовом стекле... что-то пошло не так, как надо. Уже смерклось. В вагоне зажглись

лампочки. Но это неважно. И, кажется, мучительное, щемящее чувство внутри понемногу отпускает.

Норман потер пальцами глаза.

— Что случилось? — спросил он.

— Просто все кончилось, — сказала Ливи. — Как-то вдруг.

— Знаешь, мы уже подъезжаем к Нью-Хейвену, — растерянно сказал Норман. Он посмотрел на часы и покачал головой.

Ливи сказала с недоумением:

— Ты вылил коктейль на меня.

— Что ж, так было и на самом деле.

— Но на самом деле я твоя жена. На этот раз ты должен был облить коктейлем Жоржетту. Как странно, правда?

Но она все думала о том, как Норман пошел за нею и как его ладони легли ей на плечи...

Она подняла на него глаза и сказала с жаркой гордостью:

— Я не вышла замуж!

— Верно, не вышла. Но вот, значит, с кем ты повсюду разгуливала — с Диком Рейнхардтом?

— Да.

— Может, ты и замуж за него собиралась?

— А ты ревнуешь?

Норман как будто смутился.

— К чему ревную? К куску стекла? Нет, конечно!

— Не думаю, чтобы я вышла за Дика.

— Знаешь, — сказал Норман, — жалко, что это так вдруг оборвалось. Мне кажется, что-то должно было случиться... — Он запнулся, потом медленно договорил: — У меня было такое чувство, будто я предпочел бы выплеснуть коктейль на кого угодно, только не на тебя.

— Даже на Жоржетту?

— Я о ней и не думал. Ты мне, разумеется, не веришь.

— А может быть, и верю.— Ливи подняла на него глаза.— Я была глупая, Норман. Давай... давай жить нашей настоящей жизнью. Не надо играть тем, что могло бы случиться, да не случилось.

Но он порывисто взял ее руки в свои.

— Нет, Ливи. Еще только один раз, последний. Посмотрим, что бы мы делали вот сейчас, Ливи. В эту самую минуту! Что было бы с нами сейчас, если бы я женился на Жоржетте.

Ливи стало страшно.

— Не надо, Норман!

Ей вспомнилось, каким смеющимся и жадным взглядом смотрел он на нее, держа в руках шейкер, а Жоржетту, которая стояла тут же, словно и не замечал. Нет, не хочет она знать, что было дальше. Пусть будет все как сейчас, в их настоящей, такой хорошей жизни.

Проехали Нью-Хейвен. Норман снова сказал:

— Я хочу попробовать, Ливи.

— Ну, если тебе так хочется...

А про себя она с ожесточением думала: это неважно! Это ничего не изменит, ничто не может измениться! Обими руками она стиснула его руку выше локтя. Она крепко сжимала его руку и думала: что бы нам тут ни померещилось, никакие фокусы не отнимут его у меня!

— Заведите опять свою машинку,— сказал Норман человечку напротив.

В желтом свете ламп все шло как-то медленнее. Понемногу прояснилось матовое стекло, будто рассеялись облака, гонимые неощутимым ветром.

— Что-то не так,— сказал Норман.— Тут только мы двое, в точности, как сейчас.

Он был прав. В вагоне поезда, на передней скамье, сидели две крохотные фигурки. Изображение ширилось, рос-

ло... они слились с ним. Голос Нормана затихал где-то вдалеке.

— Это тот самый поезд,— говорил он.— И в окне сзади такая же трещина...

У Ливи голова шла кругом от счастья.

— Скорей бы Нью-Йорк! — сказала она.

— Осталось меньше часа, любимая,— отвечал Норман.— И я буду тебя целовать.— Он порывисто наклонился к ней, словно не собирался ждать ни минуты.

— Не здесь же! Ну что ты, Норман, люди смотрят!

Он отодвинулся.

— Надо было взять такси,— сказал он.

— Из Бостона в Нью-Йорк?

— Конечно. Зато мы были бы только вдвоем.

Ливи засмеялась:

— Ты ужасно забавный, когда разыгрываешь пылкого любовника.

— А я не разыгрываю.— Голос его вдруг стал серьезнее, глуше.— Понимаешь, дело не только в том, что ждать еще целый час. У меня такое чувство, будто я жду уже пять лет.

— И у меня.

— Почему мы с тобой не встретились раньше? Сколько времени прошло понапрасну.

— Бедная Жоржетта,— вздохнула Ливи.

Норман нетерпеливо отмахнулся.

— Не жалею ее, Ливи. Мы с ней сразу поняли, что ошиблись. Она была только рада от меня избавиться.

— Знаю. Потому я и говорю — бедная Жоржетта. Мне ее жалко: она тебя не оценила.

— Ну, смотри, сама меня цени! — сказал Норман.— Цени меня высоко-высоко, безмерно, бесконечно высоко, боль-

ше того: цени меня по крайней мере вполтину так, как я ценю тебя!

— А не то ты и со мной тоже разведешься?

— Ну, уж это — только через мой труп! — заявил Норман.

— Как странно, — сказала Ливи. — Я все думаю, что, если бы тогда под Новый год ты не вылил на меня коктейль? Ты бы не пошел за мной, и ничего бы мне не сказал, и я бы ничего не знала. И все сложилось бы по-другому... совсем-совсем иначе...

— Чепуха. Было бы все то же самое. Не в этот раз, так в другой.

— Кто знает... — тихо сказала Ливи.

Стук колес того поезда перешел в пынешний стук колес. За окном замелькали огни, стало шумно, пестро — это был Нью-Йорк. В вагоне поднялась суета, пассажиры разбирали свои чемоданы.

В этой суматохе одна Ливи словно застыла. Наконец Норман тронул ее за плечо. Она подняла глаза.

— Все-таки головоломка складывается только так.

— Да, — сказал Норман.

Она коснулась его руки.

— И все равно вышло нехорошо. Напрасно я это затеяла. Я думала, раз мы принадлежим друг другу, значит, и все другие — те, какими стали бы мы, если б жизнь сложилась по-иному, — тоже принадлежали бы друг другу. А на самом деле неважно, что могло бы быть. Довольно и того, что есть. Понимаешь?

Норман кивнул.

— Есть еще тысячи разных «если бы», — сказала Ливи. — И не хочу я знать, что бы тогда было. Никогда больше даже слов таких не скажу — что если...

— Успокойся, родная,— сказал Норман.— Вот твое пальто.

И потянулся за чемоданами.

Ливи вдруг сказала резко:

— А где же мистер Если?

Норман медленно обернулся, напротив никого не было. Оба пытливо оглядели вагон.

— Может быть, он перешел в другой вагон? — сказал Норман.

— Но почему? И потом, он бы тогда не оставил шляпу.— Ливи наклонилась и хотела взять ее со скамьи.

— Какую шляпу? — спросил Норман.

Ливи замерла, рука ее повисла над пустотой.

— Она была тут... я чуть-чуть до нее не дотронулась! — Ливи выпрямилась.— Норман, а что если...

Норман прижал палец к ее губам.

— Родная моя...

— Прости,— сказала она.— Дай-ка я помогу тебе с чемоданами.

Поезд нырнул в туннель под Парк-авеню, и перестук колес обратился в гром.

Лино Альдани — итальянский математик, преподаватель математики Римского лицея. Автор научно-фантастических рассказов, собранных в книге «Четвертое измерение» и в различных журналах, научно-фантастической повести «37 градусов».

Повальное безумие

Пелвис Дресли судорожно корчился посреди деревянной сцены. Голос у него был хриплый, надтреснутый — он переходил то в истерический крик, то в протяжные гортанные вопли. Зрители сидели затаив дыхание и как завороченные глядели на толстяка, извивавшегося на полу в бешеном ритме рок-н-ролла. Юные девицы рыдали. Их длинные волосы, собранные на макушке в «конский хвост», трепыхались, словно флаги на ветру. Внезапно музыка смолкла. Звуки песни, задрожав в воздухе в последний раз, замерли. Пелвис отчаянно застонал и умолк. Зрители бешено зааплодировали. В зале волнами взметывались руки, тяжело колыхалось море голов. Казалось, еще мгновение — и ложи, не в силах удержать восторженно реющих зрителей, рухнут в партер.

Пелвис поднялся, сжимая в правой руке микрофон. Девицы из первых рядов стали бросать на сцену цветы и веера, мускулистые подростки в ярких цветастых свитерах с воплем бросились к лесенке, и полицейским лишь с большим трудом удалось их оттеснить.

Певец, улизнув от своих буйствующих поклонников, поспешно переоделся в артистической уборной. Он попы-

тался уйти через служебный ход, но толпа разгадала его намерение. На тротуаре его уже ждали, и даже двойная цепь полицейских не могла служить ему надежной защитой.

— Великий, несравненный Пелвис! — кричали девицы.

Пелвис бросился к своей огромной желтой машине. Его тут же окружили журналисты и фоторепортеры.

— Синьор Дресли! Синьор Дресли!

Ярко вспыхнули блицы.

— Расскажите о вашем последнем турне по Австралии!

— Правда, что телевидение предложило вам двести тысяч долларов за десятиминутное выступление? Говорят, вы отказались?

Тут подоспел еще один наряд полицейских и стал разгонять журналистов.

Толпа навалилась, и цепь была разорвана. Тридцать девиц набросились на певца. Десятки рук схватили его за пиджак и рубашку. Миг — и все пуговицы пиджака были оторваны, столь же быстро исчезли носовой платок и авторучка. Кто-то сорвал с него галстук и выдрал с мясом запонки.

— Пелвис, автограф! — умоляли и грозили поклонницы.

К нему тянулся лес рук, и в каждой была губная помада с уже отвинченным колпачком. Девицы окружили его, стиснули, и Пелвис минут десять выводил на блузках помадой свои инициалы — П. Д. — большими красными буквами. Неистовство самых преданных поклонниц было вознаграждено.

Соблазн оказался слишком велик: удачливые поклонницы понатужились, еще раз прорвали цепь — и Пелвис оказался в новом кольце. Теперь уже сотни блузок требовали автографа. Полицейские пустили в ход резиновые дубинки, но поклонниц не могла остановить никакая боль. Двена-

дцать полицейских были сбиты с ног, и их безжалостно растоптали. Остальные блюстители порядка были оттеснены к стене и обезоружены.

И тут случилось непредвиденное: когда людское море уже грозило вот-вот поглотить знаменитость, раздался сухой треск, будто лопнул воздушный шарик, и под растерянными взглядами своих поклонниц король рок-н-ролла исчез.

Не успел синьор Каньотти закончить свою речь, как все триста сорок депутатов парламента разбились на три враждебные фракции, каждая из которых укрылась за письменными столами. Депутат Каньотти отпустил грубое ругательство в адрес левой оппозиции, и в воздух взвились чернильницы.

Заревела сирена, дежурные полицейские бросились очищать балконы: достопочтенным депутатам не полагалось драться на глазах у публики. В зале парламента бушевала битва. Полицейские, служащие и сторожа попрятались за дверьми и под столами, готовые вступить в действие, едва у сражающихся иссякнут боеприпасы.

Депутаты центра, естественно, подвергались огню как правых, так и левых, и самые обильные порции чернил достались именно им.

В отчаянии они ринулись кто влево, кто вправо. Началась рукопашная схватка, в которой каждый дубасил соседа, не разбираясь, принадлежит ли он к дружественному или враждебному стану.

Напрасно председательствующий отчаянно звонил в колокольчик. Затем ему в плечо угодила ножка от стула, и он, охнув, рухнул на пол.

Один из депутатов в схватке потерял ботинок. Кто-то не замедлил его поднять и пустить в ход против врага. Это грозное оружие сеяло панику и опустошение в рядах сра-

жающихся. Тогда депутат центра, грузная дама в пенсне, сняла туфлю с каблуком-шпилькой и принялась молотить ею по головам окружающих.

Больше всех свирепствовал депутат Каньотти, экс-фашист, экс-либерал, экс-неофашист, экс-радикал, а теперь глава партии «умеренных правых». Из носа у него текла кровь, по лицу струились потоки чернил, но он, словно разъяренный буйвол, с хриплым ревом вновь и вновь бросался в атаку.

Сторожа поняли, что начинать надо с этого разбушевавшегося вояки. Они одновременно кинулись на него с разных сторон, но в тот же миг депутат Каньотти исчез. Раздался легкий треск, словно лопнул воздушный шарик, и воинственный лидер «умеренных правых» растворился в пустоте.

Был чудесный летний день. Амилькаре Доре, служащий земельной управы, сорока пяти лет, неженатый, бродил по аллеям Луна-парка, останавливаясь у каждого аттракциона. Он долго смотрел, как толстуха исполняла танец со змей, побывал в «комнате смеха» и в «Пещере ужасов». Это был день его рождения, и он чувствовал себя молодым и счастливым. Покатавшись на телемобиле и элибусе, он отправился к «американским горам».

Когда он вылез из вагонетки, ноги у него подкашивались, а к горлу подступала тошнота. Нет, в его годы неосторожно и глупо кататься с американских гор. Надо быть осмотрительнее. Он сел за столик на открытой площадке как раз напротив аттракциона «Летающие блюда» и заказал коньяку.

«Как только перестанет тошнить, пойду домой», — с тоской думал он, потягивая коньяк. Над головой кружили четыре «летающих блюда» из сверкающего алюминия. У па-

вильона стояла длинная очередь жаждущих поскорее очутиться внутри круглых тарелок с узкими иллюминаторами из двух линз, резко уменьшающих все видимые предметы. Глядя в этот «перевернутый бинокль», пассажир начинал верить, будто он на самом деле находится в кабине космического корабля на высоте многих сот километров.

Амилькаре отвел взгляд от летающих блюдец. От движения этих кружащихся, сверкающих дисков его начинало тошнить еще сильнее. Он расстегнул ворот рубашки. И это не помогло. Тогда он решил пройтись. Но не смог даже подняться со стула. Веки его отяжелели, все тело словно одеревенело, в ушах стоял нестерпимый свист.

Внезапно Амилькаре открыл глаза. Он все еще сидел на стуле, но Луна-парк исчез.

— Святая мадонна! — воскликнул он, озираясь вокруг. Над ним был огромный купол из фосфоресцирующего металла. Справа от него сидел человек, лоб которого был заляпан чернилами, а из носа текла кровь. Слева сидел молодой человек в изодранной одежде без единой пуговицы. На шее у него болтался обрывок галстука, длинные космы падали на лоб.

— Послушайте, — сказал Амилькаре, почесывая шею. — Что это еще за шутки?

Молодой человек что-то промышчал, а сосед справа только пожал плечами.

Амилькаре даже вспотел от волнения. Он встал и принялся ощупывать металлическую стенку купола.

— Зря стараетесь, — сказал депутат Каньотти. — Я уже пробовал. Тут нет ничего похожего на дверь.

Внезапно перед ними появилась кинозвезда Лиан Лэндсфилд.

Она была в ночной рубашке, отделанной кружевами.

Звезда обвела окружающих изумленным взором, что-то невнятно пробормотала и тут же умолкла в полнейшем замешательстве. Рядом с ней возникла весьма странная фигура. При ближайшем рассмотрении она оказалась Шуллером — Эмилио Шуллером, знаменитым модельером. На нем были сверхузкие брюки из черного бархата, на ногах — позолоченные сандалии, а горло, словно у тореро, обвивал красный шелковый шарф. Все десять тонких бледных пальцев были унижены перстнями и кольцами.

— Сплю я, что ли?! — простонал Эмилио Шуллер.

Депутат Каньотти метнул на него грозный взгляд, кинозвезда посмотрела со смешанным чувством восхищения и недоверия, а Пелвис Дресли уставился совершенно очумелыми глазами.

Вдруг посреди зала с грозным жужжанием открылся люк и из него поднялся серебряный цилиндр на кристаллической подставке. Все пятеро невольно попятились к стене, словно ища там защиты. Из цилиндра вылетел сверкающий шар и заколыхался, подобно медузе.

«Готов поклясться, что это живое существо», — подумал Амилькаре.

— Земляне! — раздался голос внутри шара. — Люди Земли! Слушайте меня внимательно.

Собственно, из шара не доносилось никаких звуков, но все пятеро отчетливо слышали каждое слово, вернее, понимали его значение — таинственный незнакомец был телепатом.

— Вы находитесь на борту супергалактического корабля. В данное время корабль совершает облет вашей третьей планеты. Когда наши ученые закончат подробное исследование вашего мозга, мы доставим вас на Землю живыми и невредимыми. С незапамятных времен мы исследуем космос, вошли в контакт с тысячами и тысячами мыслящих существ и всегда понимали их обычаи и способ мышления.

Но ваше мышление остается для нас совершенной загадкой. Ваше поведение, земляне, противоречит всем законам логики, ваши душонки полны сомнений, в вашем мозгу прочно угнездились безумие.

Депутат Каньотти, сжав кулаки, шагнул вперед.

— Эй ты, недоносок! — крикнул он сверкающему шару. — Слезай с твоей подставки, и я пересчитаю тебе ребра, если только они у тебя есть.

Из шара вырвался тончайший голубой луч, и Каньотти получил сильнейший удар по лбу. Трясаясь от страха, лидер «умеренных правых» отполз к стене, словно побитая собака.

— Безусловно, — продолжал голос в их мозгу, — вы представляете собой редкую аномалию, а возможно, даже единственную в своем роде ошибку природы. Мы уже подвергли исследованиям других индивидуумов вашей породы. А теперь испытаем вас. По окончании опытов мы применим наш ликвидатор воспоминаний, и когда вы вернетесь на Землю, то все, что с вами произошло, полностью изгладится из вашей памяти.

Эмилио Шуллер, величайший законодатель мод, робко поднял два пальца. Но шар опередил его.

— Никаких бесполезных вопросов. Мы отлично знаем, что никто из вас не считает себя безумцем или преступником. Но наши сравнительные межгалактические исследования привели нас к совершенно противоположным выводам. Вы все до одного безумны. И ты, Пелвис Дресли, с твоей однострунной гитарой, надтреснутым голосом и конвульсиями, которым позавидует любой эпилептик. И ты, Шуллер, с твоими нелепыми шляпами, приводящими в восторг жен и в ужас — мужей. И ты, Лиан Лэндсфилд, с твоей вульгарной манерой выставлать напоказ грудь, приводящую в восторг мужей и в ужас — жен.

— Позвольте! — воскликнул Амилькаре Доре, привстав

от волнения па цыпочки.— Уважаемый синьор, произошла ошибка. Я здесь ни при чем. Я не певец, не законодатель мод и не киноактер... Я... я самый обыкновенный маленький человек, и никто меня не знает.

— Тебя зовут Амилькаре Доре,— изрек голос.— И ты — типичный представитель безликой массы, готовый поклоняться идолам с убогим, жалким умишком. Именно ты не задумываясь облек законодательной властью наглеца и невежду Каньотти, стоящего сейчас рядом с тобой. Ты самый большой безумец из всех, Амилькаре Доре. Для наших ученых именно ты представляешь особый интерес, и они постараются использовать представившуюся им возможность.

Амилькаре почувствовал, что вот-вот упадет в обморок.

— А теперь расслабьтесь,— прозвучал в их мозгу повелительный голос.— Для вас наступил летаргический сон.

Пелвис Дресли в конце концов принял предложение телевизионной компании. Но он потребовал не двести, а триста тысяч долларов. Представитель компании согласился не моргнув глазом — ведь Дресли был лучшей приманкой для телезрителей.

Лиан Лэндсфилд в новом фильме выставила на всеобщее обозрение обнаженные бедра, и зрители вопили от восторга, как сумасшедшие. Эмилио Шуллер создал новую модель шляпы высотой почти в полметра и шириной в метр — своего рода гибрид между ангаром и индейским типом.

Синьор Каньотти в ходе парламентских дебатов теперь все чаще прибегал к увесистым кулачным аргументам и площадным ругательствам, не сомневаясь, что только так можно убедить своих политических противников.

Ну, а Амилькаре Доре? С ним дело обстояло не так просто. Его, как и четырех остальных, спустили на Землю

в том самом месте, откуда он вознесся ввысь. Он снова очутился в ярко освещенном Луна-парке.

Амилькаре допил коньяк и встал. Но в голове у него роились какие-то смутные воспоминания и подозрения. Словом, ему было как-то не по себе. И вдруг он вспомнил слова шара: «Мы применим ликвидатор памяти...» «Э, нет, господа инопланетяне! Я-то помню все, и притом до мельчайших подробностей. Ваш ликвидатор не сработал,— подумал Амилькаре.— Но может, все это мне только почудилось. Слишком долго смотрел на летающие блюдца — вот фантазия и разыгралась».

Он долго стоял в мучительном сомнении. (Из Луна-парка он ушел уже давно, и теперь был почти дома.)

«Значит, я самый большой кретин из всех пяти? — рассуждал он.— Значит, этот сверкающий шар был прав? А ведь верно! Сколько раз мне хотелось дать этим демагогам ораторам по шее, а я только улыбался и аплодировал. Да и этому Пелвису Дресли тоже!»

Амилькаре почувствовал, что не мешает выпить еще коньяку. Он вошел в бар и тут же вновь ощутил тошноту. В углу четверо молодых людей стояли у проигрывателя, из которого доносился тигриный рев Пелвиса Дресли. В противоположном углу сидела сморщенная старуха в фиолетовом платье. На голове у нее красовалась огромная шляпа с перьями и ассорти из фруктов.

На стене висел отрывной календарь. Обнаженная чуть ли не до колен Ллан Лэндсфилд с очаровательной улыбкой уговаривала клиентов пить только кока-колу.

Амилькаре не выдержал. Он содрал календарь и бросил его на пол, потом выхватил из корзины лимон и запустил им в старуху, сбив ее роскошную шляпу. Старуха от изумления застыла с раскрытым ртом. Но Амилькаре и этого было мало. Он схватил металлический табурет и изо всех сил ударил им по стеклянной крышке проигрывателя.

Раздался оглушительный треск, и музыка смолкла.

— Вот так! — сказал Амилькаре и гордо направился к выходу. Но у дверей кто-то схватил его за воротник. Он обернулся, и в тот же миг бармен нокаутировал его прямым ударом в челюсть. Двое официантов оттащили его в угол и бросили там, словно ненужную старую метлу. Пришел полицейский.

— Ну-ка дыхни, мерзавец! — приказал он.

Впрочем, Амилькаре отделался сравнительно легко. Его оштрафовали и посадили на пятнадцать суток за буйство в общественном месте.

— Счастье еще, что в баре не было моего соседа, депутата Каньотти, — сказал про себя Амилькаре, переступая порог камеры. — Получил бы я тогда не меньше двух-трех лет. Да и то принимая во внимание смягчающие обстоятельства — как-никак это я его избирал!

НОРБЕРТ ВИНЕР

Норберт Винер — всемирно известный ученый, математик, философ, основоположник кибернетики. Советскому читателю хорошо знакомы его книги «Кибернетика и общество», «Творец и робот», автобиография «Я — математик» и др. Кроме того, перу Винера принадлежат два научно-фантастических рассказа; один из них предлагается вниманию читателя.

Голова

Мозг — своеобразный орган. Он ведаёт всеми ощущениями тела, но сам ничего не ощущает, когда к нему прикасаются, когда его режут скальпелем. Один человек умрет от легкого сотрясения мозга, а другому можно голову пробить ломом и у него только характер испортится. Последнее время вошло в моду проделывать над мозгом жуткие вещи с помощью игл и раскаленной проволоки для лечения различных депрессивных психозов. Это страшная операция, и она не внушает мне доверия. Иногда она уничтожает совесть пациента и почти всегда уродует его здравый смысл и душевное равновесие.

Например, в одном чикагском страховом обществе был агент, восходящая звезда, которого правление очень ценило. К несчастью, им часто овладевала хандра, и, когда он уходил со службы домой, никто не знал, воспользуется ли он лифтом или шагнет за окно десятого этажа. В конце концов правление убедило его расстаться с крохотной частичкой лобной доли мозга и он согласился лечь на операцию. После этого восходящая звезда взмохла. Ни один агент со дня основания общества не совершил равных подвигов и

области страхования. И в знак признательности он был сделан его вице-президентом. Однако все упустили из виду один факт: лоботомия не способствует тонкости суждения и осторожности. Когда страховой агент стал финансистом, он потерпел полный крах, а с ним и общество. Нет, я бы не хотел, чтобы кто-нибудь менял схему моей внутренней проводки.

Это напомнило мне про случай, о котором мне недавно довелось услышать.

Я принадлежу к небольшому кружку ученых, которые раз в месяц встречаются в отдельном кабинете малоизвестного рестораника. Считается, что мы приходим туда обсуждать научные статьи, но на самом деле нас туда приводит разносторонность интересов и словоохотливость, свойственные всей нашей компании. Здесь не место надутым педантам. Мы высмеиваем друг друга немилосердно, а если вам это не по вкусу, что ж — дверь открыта для всякого, кто хочет уйти. Сам я нечто среднее между математиком и инженером, большинство же участников этих сборищ — медики. Да сжалится небо над официантками, когда у врачей развязывается язык! Не стану утверждать, будто порой свет электрических лампочек мертвенно синее, а в воздухе пахнет серой, но в целом это близко к истине.

Душа нашей компании — Уотермен. Он заведует государственным сумасшедшим домом, расположенным примерно в пятидесяти милях от города, и смахивает на преуспевающего добродушного и довольного жизнью владельца кулинарной лавки. Он невысок, толст, обладает моржовыми усами и совсем лишен тщеславия. Обычно он является в сопровождении какого-нибудь бедняги, которого он взял под свое крыло. На этот раз он пришел с высоким болезненного вида человеком, фамилию которого я не слышал. Он как будто был врачом, но в нем чувствовалась стеснительность, которую я часто замечал у геологов или

инженеров, пробывших слишком долго вдали от цивилизации, где-нибудь в горах Кореи или в джунглях Борнео. Стеснительность эта порождается, с одной стороны, отвычкой от цивилизованного мира и, с другой, — чрезмерной застенчивостью и недовольством собой. Некоторым из этих ребят приходилось проделывать вещи, которые для цивилизованных людей не проходят безнаказанно и навсегда оставляют в душе рубцы и шрамы.

Не знаю почему, но разговор зашел о лоботомии. Кажется, один из инженеров поинтересовался, не может ли эта операция помочь его психически больному дальнему родственнику. Каждый из присутствовавших имел свое мнение по этому вопросу. Некоторые считали лоботомию полезной, однако большинство — даже нейрохирурги — и слышать о ней не хотели.

Затем речь зашла о том, что может сделать с мозгом ребенка автомобильная катастрофа. Тема эта обсуждалась со всеми малопривлекательными подробностями — разговоры врачей между собой вообще не для слабонервных. Завязался напряженный спор, и собеседники не замечали ничего вокруг. Как вдруг послышался глухой стук. Мы все очнулись и увидели, что знакомый Уотермена лежит без чувств на полу. На его лбу блестели капли пота. Уотермен нагнулся над ним и пощупал его пульс.

— Вряд ли это что-нибудь серьезное, — сказал он. — Это мой пациент, но он вполне разумен, и я надеялся, что наше общество его развлечет. Он страдает амнезией, и мы не знаем даже его настоящей фамилии. Мне не следовало рисковать и брать его с собой. Давайте побыстрее вынесем его отсюда, и можно будет продолжать беседу.

Уотермен позвонил к себе в больницу и вызвал санитарную машину, а двое из наших врачей переговорили с владельцем ресторана. Он был недоволен случившимся, однако разрешил нам перенести больного в одну из задних

комнат, где его положили на диван. Он понемногу приходил в себя. Было очевидно, что он находится в состоянии сильнейшего возбуждения и растерянности. Он что-то бесвязно бормотал. Можно было разобрать слова: «гангстеры», «маленький Поль», «Марта» и «столкновение». Слова эти слагались во фразы, но он говорил так тихо, что никто ничего не мог понять.

Уотермен сходил в гардероб за своим чемоданчиком и дал больному что-то успокаивающее, по-моему, снотворное. Больной было затих, но действие подобных средств никогда нельзя предугадать заранее. Вскоре он открыл глаза и заговорил более громко и внятно. Речь его стала связной.

Уотермен — хороший врач и умеет пользоваться благоприятными возможностями.

— Я не могу упустить такого случая, — воскликнул он. — Он заговорил. Примерно полтора месяца назад полицейский нашел его в подворотне. Из полиции его переслали к нам. Он не помнит даже своей фамилии. Мы знаем, что он врач, и нетрудно догадаться, что он перенес тяжелое душевное потрясение и, возможно, не одно. До сих пор он набирался сил, и мы не хотели тормозить выздоровление излишними расспросами. Но раз он заговорил сам, то приступим!

Наблюдать возвращение исчезнувшей памяти было захватывающе интересно. Уотермен умел обращаться с больными, и всем доставляло большое удовольствие слушать, как виртуозно он задает вопросы. Утраченная было личность постепенно возникала перед нами, как лицо утопленника, которого вытаскивают баграми из воды. Я не делал никаких заметок, но Уотермен заносил все в свою черную книжечку, и нижеследующий диалог я взял из его записей.

Вопрос. Как вас зовут?

Ответ. Артур Коул.

В. Вы врач, не правда ли?

О. Да.

В. Какое учебное заведение вы кончали?

О. Центрально-Западный медицинский колледж в Чикаго, выпуск 1926 года.

В. Где вы были интерном?

О. Я был ассистентом хирурга в чикагской хирурго-терапевтической благотворительной больнице. Вы, наверное, знаете, где это — в Саут-Энде.

Мне смутно вспомнилась эта больница — огромное, прокопченное кирпичное здание в гниющем аду мертвых улиц, там, где Саут-Энд сливается с Уэст-Эндом.

В. Ассистентом хирурга? Это интересно — вы специализировались в какой-нибудь узкой области хирургии?

О. Да, конечно. В течение двух лет я делал самые разные операции, которые мне поручали, но я всегда хотел стать нейрохирургом... О чем я говорю? Боюсь, я отвечаю очень сбивчиво. Я совсем забыл, что был нейрохирургом.

В. Так, значит, вы были нейрохирургом? Где вы работали потом?

О. Я помню длинные запертые коридоры и зарешеченные окна. Как же это место называлось? Наверное, это была психиатрическая лечебница. Да, да припоминаю, это была Мер... Мер... Меридитская окружная психиатрическая больница. Кажется, это в штате Иллинойс?

В. По-моему, да. Вы не помните, как назывался город, где была ваша больница?

О. Бакминстер. Нет, не Бакминстер. Вспомнил — Леоминстер.

В. Верно. Эта больница находится в Леоминстере. Сколько вам было лет, когда вы начали там работать?

О. Лет тридцать.

В. Помните ли вы, в каком это было году?

О. Это было в 1931 году.

В. Вы туда поехали одни?

О. Нет, с женой. Я женат, не правда ли? Что случилось с моей женой? Она здесь? О господи! Марта... Марта!

Вдруг он стал бессвязно что-то выкрикивать. Уотермен сказал:

— К сожалению, придется дать ему еще дозу снотворного. Но минимальную. Я не хочу упустить такой случай — узнать о нем как можно больше.

Наркотик подействовал, и больной постепенно успокоился. На несколько минут он впал в оцепенение и, казалось, не мог говорить. Потом он постепенно пришел в себя, и Уотермен возобновил допрос.

В. Вы должны нам помочь, чтобы мы могли помочь вам, — сказал он. — Соберитесь с мыслями. Сколько времени вы были женаты перед тем, как переехали в Леоминстер?

О. Меньше двух лет. Марта была медсестрой в чикагской больнице. Ее девичья фамилия Соренсон. Она из Миннесоты. У ее отца ферма, где-то у границы со штатом Северная Дакота. Мы сыграли свадьбу там.

В. Дети?

О. Да, сын, Поль. Теперь я все вспомнил, — он схватился за голову и зарыдал, повторяя: «Где ты, Поль? Где ты, Поль?» Было как-то неловко чувствовать себя посторонним зрителем такого горя.

Уотермен стоял у изголовья больного. Я привык к тому, что он — душа общества, веселый, остроумный, любитель соленых анекдотов. Но Уотермена-врача я еще никогда не видел. Он был спокоен, полон достоинства, и его голос облегчал страдания лучше любого болеутоляющего. Это был сам Эскулап — бог врачевания.

В. Успокойтесь, доктор Коул, — сказал он, — мы хотим помочь вам, только вы можете научить нас, как это сделать. Расскажите что-нибудь об окружной больнице. Вы жили при ней?

О. Несколько месяцев. Затем мы купили заброшенный фермерский дом примерно в миле от больницы. Марта считала, что мы приведем его в порядок, я же не представлял себе, как мы избавимся от всей этой грязи и хлама. Марта могла превратить даже свинарник в уютное жилище. Погодите! Я помню, что перед нашим домом проходило большое шоссе...

Он уткнулся лицом в диван, обхватив голову руками, его плечи задергались.

— Тормоза,— простонал он,— я слышу, как они визжат. Удар! Машина перевернулась. Кровь на бетоне... кровь на бетоне! Я видел ее и ничего не мог сделать, ничем не мог помочь!

Уотермен сделал нам знак соблюдать полную тишину. Было мучительно наблюдать ничем не прикрытую агонию чужой души. Постепенно рыдания стихли, и Уотермен продолжал:

— Не нужно вспоминать все подробности сразу,— сказал он.— Будет лучше, если вы разрешите мне задавать вопросы. Скажите, что это было за местечко, Гудер?

О. Один из городков, рассыпанных по прериям. Он обслуживал нужды окрестных фермеров, но, правда, в нем была фабрика.

В. Фабрика? Какая? Что она выпускала?

О. Я никогда не мог узнать толком. Жители городка... но ведь им верить невозможно. Вы знаете, какие слухи и сплетни изобретаются в таких тихих поселках.

В. Что это были за сплетни?

О. Одни говорили, будто это штаб-квартира бутлегеров, другие — что это подпольный центр производства наркотиков. Во всяком случае, на меня эта фабрика всегда производила тягостное впечатление.

В. Почему же?

О. Это было низкое, обветшавшее бетонное строение

времен первой мировой войны. Как-то раз во время прогулки я направился в ту сторону. Мне все время казалось, что за мной кто-то следит, и я не решился подойти слишком близко. Пустырь вокруг фабрики густо зарос колючим бурьяном, ее окружали канавы с зеленой застойной водой. На пустыре валялись разбитые старые автомобили и остовы сельскохозяйственных машин. Казалось, там никто не бывает неделями, но иногда мы видели, как к фабрике в сумерках подъезжал большой автомобиль.

В. Какой автомобиль?

О. Он походил на дорогой лимузин, но мощностью не уступал грузовику, а человек за рулем...

В. Когда вы видели этого человека?

О. Это произошло, когда лимузин мчался по шоссе мимо нашего дома со скоростью свыше восьмидесяти миль в час, как раз перед... О господи! Я увидел, как мой автомобиль был распорот, точно намокший бумажный корабль, и вылетел за обочину. Это ехали они. Мой Поль... моя Марта, мой бедный маленький Поль...

Речь Коула снова стала бессвязной, он весь дергался. Нечто подобное я видел только у подопытных животных на операционном столе. Уотермен впрыснул ему еще что-то не то успокаивающее, не то возбуждающее, и Коул постепенно затих.

В. Расскажите мне про человека в лимузине.

О. Высокий, толстый, щегольски одетый, с багровым шрамом на щеке от уголка глаза до губы.

В. Вы не помните, как его звали?

О. Кажется, Макалузо. Но его никогда не называли по имени. Местные жители мало о нем говорили, а когда упоминали, то называли его Головой.

В. Это он занимался производством наркотиков?

О. Кажется, но один мой приятель говорил, что он, кроме того, крупный грабитель банков. И чрезвычайно хит-

рый. Полиция давно следила за ним, но достаточным уликами не располагала.

В. Что было после катастрофы?

Больной пытался ответить, но был не в силах произнести ни слова. Уотермен терпеливо ждал, чтобы Коул взял себя в руки. Наконец он заговорил хрипло, с трудом.

О. У моей жены оказался перелом позвоночника. С того дня и до самой смерти она не сделала и шага... Мой сын ударился головой о переднее сидение и ему раздробило лобную кость. Я увидел сплюснутую, совершенно бесформенную голову. Мой коллега, второй хирург больницы — хороший врач, он спас ему жизнь. То есть спас жизнь глухому, слепому, парализованному идиоту. С уходом, который он получает сейчас в частной клинике, он, вероятно, переживет многих здоровых детей. Вы понимаете, что это означало. В государственном приюте такого ухода не получишь, а для частного нужны деньги, деньги, деньги. А иначе — видеть этот ужас перед собой всю жизнь. Господи, это не может быть правдой! Это неправда!

В. А разве вам не предложили денежной компенсации? Разумеется, я не хочу сказать, что деньги возместили бы вам подобную утрату, но ведь онигодились бы вам, чтобы обеспечить нужный уход за вашей женой и сыном.

О. Да, мне предложили компенсацию. Через несколько дней после случившегося мне позвонил местный юрист Питерсон. Он слыл в городке весьма ловким адвокатом. Питерсон спрашивал, кто мой поверенный. Я был в хороших отношениях с юрисконсультom нашей больницы Эпштейном, и я назвал его. Эпштейн велел мне не подходить к телефону и уклоняться от встречи с Питерсоном до тех пор, пока он сам со мной не поговорит.

В. А что произошло затем?

О. Пришел Эпштейн, и я спросил, чем объясняются подобные предосторожности. Он сказал, что Питерсон —

большой приятель Макалузо и его адвокат. Эпштейн мне также рассказал кое-что о Голове и о том, что местные власти у него на жалованье. Было бесполезно пытаться что-нибудь предпринять против него. Тут пришел Питерсон. Щегольские усики, сюртук, пенсне на черной ленточке. Мне он очень не понравился, но ему нельзя было отказать в вежливости.

В. Он вам все же предложил деньги?

О. Он не сказал нам, кого он представляет, и заявил, что его клиент не несет никакой ответственности за происшедшее. Он предложил мне чек на тридцать тысяч долларов в обмен на расписку об отказе от претензий. Говорил он очень убедительно, а деньги были мне необходимы. Я взял бы чек, но Эпштейн заявил, что расписку мы дадим лишь за пятьдесят тысяч долларов, так как больничные расходы очень велики и мне предстоит нести их еще длительное время. Питерсон объявил, что это невозможно, но у меня хватило ума промолчать. В конце концов он согласился на пятьдесят тысяч, и Эпштейн посоветовал мне принять эту сумму.

В. Такая компенсация, вероятно, облегчила ваше положение. А что произошло потом?

О. Лечить Поля больше не имело смысла. Он мог есть и физически он был достаточно здоров, но это был не мой сын, а бессмысленное животное. Он мог только лежать — глухой, слепой. Несмотря на все наши старания, нам не удалось заметить в его поведении ни единого проблеска разума. Мы сумели поместить его в один из немногих приютов для таких калек, но в нем ничего не осталось от человека, навещать его регулярно не было смысла.

В. А что случилось с вашей женой?

О. Она лежала в больнице штата, примерно в двадцати милях от нашего дома. Сначала все шло хорошо, и я подумывал построить специально оборудованный для нее дом

с пандусами и особым кухонным оборудованием. Однако у нее были больные почки, а это всегда наиболее уязвимое место у больных с параплегией *. Ее здоровье быстро ухудшалось. Через три месяца у нее началась уремия, она впадала в коматозное состояние и больше не приходила в сознание. Умерла она поздней осенью. К счастью, мои коллеги врачи были очень внимательны ко мне, и последние дни я провел у постели жены. Похоронили мы Марту в ее родных местах в Миннесоте. Ее отец, суровый старик-швед, все время молчал, но я видел, что он убит горем.

В. Таким образом, вас уже ничто не связывало с Леонинстером. Вы туда вернулись?

О. Да. Поезд прибыл на станцию около десяти вечера. Я заметил на перроне двух подозрительного вида молодых; они, казалось, ждали меня. Один был дюжий боксер со сломанным носом. Второй — среднего роста, худой, с морщинистым, болезненным лицом. Он был в облегающем пальто, шляпу надвинул на самые глаза, а руки не вынимал из карманов. Боксер подошел ко мне сбоку и сказал сиплым голосом астматика:

— Вы нам требуется. Хозяин разбился.

— Хозяин? — переспросил я. — А кто это?

— Вы его знаете, — прохрипел боксер. — Его все знают. И вы в том числе. Это Голова. Мы ехали не так уж и быстро, миль восемьдесят, не больше, как вдруг на шоссе вышла погулять корова. Ну, из коровы получился бифштекс, а из машины — лепешка. Ее три раза перевернуло. Голову шарахнуло о ветровое стекло, и нам что-то не нравится, как он выглядит. Мы посторонних глаз не любим. Да и ехали мы по делу, которое никого, кроме нас, не касается, а потому отвезти Голову в больницу мы не можем. А рабо-

* *Параплегия* — паралич обеих верхних и нижних конечностей. — *Прим. перев.*

та как раз по вашей части. Мы вас знаем, говорят, что в своем деле вы спец. Нам кажется, что мы с вами сговоримся. Ну, а если нет, то все равно, пошли...

Я ответил, что мне нужно зайти в больницу за своим чемоданчиком.

— Делай, что тебе говорят, умник. Тебе же будет лучше. Идем, — процедил второй, в узком пальто, и буркнул в сторону своего товарища: — Много треплешься, Жирный.

Вокруг не было ни души, и я не мог позвать на помощь; магазины уже закрылись. Все это очень мне не нравилось, но мне оставалось только одно — подчиниться.

Мы проехали около полутора миль и остановились на заросшем бурьяном пустыре у ворот фабрики. Кто-то крикнул:

— Эй вы, пароль!

Жирный что-то промывчал, и нас пропустили. Меня подхватили за оба локтя и ввели в контору. Это была уютная и даже с некоторой изысканностью обставленная комната — ничего подобного я не ждал после разбитых окон и голых половниц в остальных помещениях. Меня втолкнули в дверь так резко, что я, споткнувшись о порог, упал. Поднявшись, я увидел в комнате еще двух человек, кроме моих провожатых. Одним из них был Питерсон. Он помог мне встать. Второй был в коричневом костюме из твида и походил на энергичного старшего служащего какой-нибудь солидной фирмы. Имени его я так и не узнал, но, думаю, он был посредником между Головой и крупными деловыми воротилами.

Питерсон сказал:

— Я прошу извинения за нашу бесцеремонность, но мы оказались в таком положении, что не можем соблюдать правила вежливости. Мы не желаем вам ничего дурного, но мы надеемся на вашу сдержанность. С мистером Макалузо произошел несчастный случай, а вести его сейчас в

больницу было бы неразумно. Мы рассчитываем на вашу помощь, и я обещаю, что вам за нее хорошо заплатят.

— А если я откажусь?

Я обвел взглядом их лица — и похолодел.

— В таком случае, доктор Коул, — сказал Питерсон, — нам ради собственной безопасности придется принять соответствующие меры. Вы умный человек, и я уверен, что вы понимаете, какими будут эти меры.

Поколебавшись некоторое время, я решился.

— Хорошо. Где больной?

Передо мной открылась дверь соседней комнаты, обставленной с еще большей роскошью. Голова сидел в кожаном кресле, беспомощно откинувшись на спинку. Его лицо налилось темным румянцем, и шрам выделялся особенно четко. Рот был раскрыт. Он дышал тяжело и прерывисто, под левой ноздрей виднелась струйка засохшей крови, лоб был обмотан чистым полотенцем.

— Мистер Макалузо должен был поехать по одному крайне конфиденциальному делу, — сказал Коричневый Костюм. — Машина столкнулась с коровой, и его швырнуло о ветровое стекло. Для нас и — позволю себе сказать — для вас весьма нежелательно, чтобы кто-нибудь узнал о его состоянии.

Я размотал повязку. Макалузо бессмысленно смотрел прямо перед собой. Зрачки были расширены неодинаково. Я начал ощупывать его лоб. В нем была вмятина, словно в дыне, которую ударила копытом лошадь. Когда я начал осмотр, Питерсон наклонился вперед. Коричневый Костюм пристально рассматривал свои ногти и резко вскочил, когда кость под моими пальцами хрустнула. У Макалузо, несомненно, была разбита левая лобная кость. Окончив осмотр, я сказал Коричневому Костюму, что нужна немедленная операция и я должен послать за своими инструментами.

— Не беспокойтесь,— ответил он.— Мы позаботились о том, чтобы обеспечить вас всем необходимым.

С этими словами он передал мне чемоданчик с золотыми инициалами Дж. Мак-К. под ручкой.

— Это ведь чемоданчик доктора Мак-Колла? — сказал я.

— Возможно,— ответил он,— но вас это не касается. Нынче на автомобилях ставят удивительно скверные замки.

Я успокоился, узнав, что мне предстоит провести операцию инструментом Мак-Колла. Оперировал он иначе, чем я, но, во всяком случае, в моем распоряжении было все, что требовалось: трепан, элеваторы, электрическая пила, амитал натрия, новокаин и спирт.

— Справитесь? — спросил меня мой новый знакомый.

— Да,— ответил я, надеясь, что говорю правду.

Я был спокоен и полон уверенности в себе.

Я осмотрелся: мне нужна была кастрюля, чтобы вскипятить воду, несколько полотенец и хороший плоский стол, на котором я мог бы провести операцию. Коричневый Костюм понял, о чем я думаю.

— Вы можете использовать письменный стол,— сказал он.— Голова не будет в претензии, даже если на крышке останутся пятна. Вода в ванной уже согрета, а в бельевой у нас много полотенец. Купидон был санитаром в больнице, пока не отправил одного больного на тот свет. Ничего, ничего, Купидон,— добавил он,— при докторе можно говорить откровенно.

Очевидно, кто-то имел представление о том, как следует готовиться к операции. Вместо халата мне предложили чистый комбинезон. Второй надел Купидон. Мы уложили Макалузо на письменном столе.

Я приступил к делу. Атмосфера разрядилась. Сначала я обрил голову пациента и обработал ее спиртом. Затем

сделал укол новокаина. Когда он начал действовать, я анестезировал ткани вокруг разбитой кости. Я не стал применять общий наркоз, так как в таких случаях очень важно знать, вернется ли к пациенту сознание, когда прекратится давление на мозг. Затем я сделал надрез на коже и услышал, как трепан заскрежетал о кость.

Купидон был отличным ассистентом. В нужную минуту он без просьбы подавал мне на марлевой подушечке кровоостанавливающие зажимы и, казалось, следил за моими действиями взглядом знатока и с большим уважением. Признаться, даже при столь страшных обстоятельствах мне это льстило.

Пожалуй, самый неприятный момент в этой операции наступает тогда, когда выпиленный кружок кости отделяется от черепа. Затем требуется остановить кровотечение из твердой мозговой оболочки, этой целлофановой обертки мозга.

Макалузо стал приходить в себя, задышал равномернее и легче. Он открыл глаза. Остекленевшее выражение исчезло, зрачки стали симметричными. Его губы зашевелились.

— Где я? — спросил он. — Что случилось?

— Не волнуйтесь, Голова, — сказал Коричневый Костюм. — Случилось небольшое несчастье, но вы в хороших руках. Доктор Коул поставит вас на ноги.

— Коул... — сказал он. — Припоминаю, у меня было с ним недавно одно дельце. Он человек надежный. Я могу с ним поговорить?

— Я здесь, — ответил я как можно спокойнее. — Что вы хотите мне сказать?

— Мне очень жаль, что тогда получилось так неудачно. Но вы правильно отнеслись к тому, что случилось. Ну, что было, то было. А вы меня хорошо подштопаете, док?

Наверное, если бы он не растеребил мою рану, напом-

нив о моей невозвратимой потере, все обернулось бы иначе. Но тут я принял твердое решение. Я пытался сохранить внешнее спокойствие, но почувствовал, что бледнею, и когда я начал уверять Голову, что оперирую его с особой тщательностью, используя все мое умение, Купидон на меня посмотрел подозрительно, и это мне очень не понравилось.

— Мы еще не кончили,— сказал я.— Теперь не разговаривайте и не шевелитесь, пока я не завершу операцию.

Я знал, что мне нужно сделать, и никогда еще я не оперировал так искусно. Будь что будет, но с мистером Макалузо я сведу счеты раз и навсегда.

Внезапно Купидон крикнул:

— Эй, доктор, что это вы делаете? По-моему, тут что-то не то!

Я невозмутимо ответил:

— Опирую я и делаю то, что считаю пужным.

Я чувствовал себя хозяином положения. Второй человек из машины, тот, что ткнул меня пистолетом через карман, повернулся к Макалузо и сказал:

— Голова, Купидон опять разинул пасть.

Макалузо был весь забинтован, кроме того участка, который я оперировал, но он был в полном сознании. Так надежнее, а поверхность мозга нечувствительна.

— Все правильно,— ответил Голова,— Коул мой друг. Последите, чтобы Купидон не мешал операции. Он много разговаривает.

Я кончил очищать рану, но перед тем, как поставить на место кусочек кости, выпиленный при трепанации, мне оставалось еще кое-что сделать.

— Осторожней! — внезапно воскликнул Купидон,— он...

Человек, который все время держал руки в карманах, ударил Купидона по затылку рукояткой пистолета. Купидон замертво повалился на пол, из уха у него начала

сочиться кровь. Вероятно, у него был перелом основания черепа, но мне не разрешили оказать ему помощь. Не знаю даже, остался ли он жив. Мне пришлось перешагнуть через его тело, когда я пошел мыть руки в ванную после операции. Когда я вернулся, Коричневый Костюм сказал:

— Вот пятьдесят тысяч. Конечно, вы понимаете, что в Леоминстере вам оставаться нельзя. Если вы нам попадетесь в этой части страны, то, поверьте, вам недолго останется жить. Мы посадим вас на самолет, отправляйтесь на Тихоокеанское побережье и можете там работать под другим именем. Так не забудьте же, не то...

Я промолчал. Деньги для меня ничего не значили. Вообще мне ничего не было нужно. В это время Голова пробормотал через повязку:

— Дайте ему сто тысяч, ребята. Я чувствую себя отлично!

Я объяснил им, как за ним нужно ухаживать, и взял предложенные мне деньги — девяносто девять хрустящих тысячных купюр и еще тысячу купюрами в пятьдесят и сто долларов. Мне вручили билет до Сан-Франциско. Жирный в ту же ночь отвез меня на машине в чикагский аэропорт. Он ушел с летного поля, лишь когда я сел в самолет, отправлявшийся прямым рейсом в Сан-Франциско.

Очутившись в самолете, я уложил полученные деньги в большой конверт, который нашел в спинке сиденья перед собой, и оставил себе лишь несколько долларов на ближайшие расходы. На конверте я написал адрес окружной больницы и отдал его стюардессе.

Теперь у меня не было ни долгов, ни денег, ни друзей. Все это казалось сном. Я мог отправиться куда угодно, но мне некуда было ехать. Я покрылся холодным потом и почувствовал, будто часть моей души мертва и похоронена. Вот примерно все, что я помню. Дальше все смутно: трупы, товарные дворы, путешествия в товарных вагонах.

Как я попал к доктору Уотермену, не знаю. Говорят, полицейский подобрал меня в подворотне, приняв за пьяного.

Речь Коула становилась все замедленнее, наркотики оказывали свое действие, и наступил покой, который был ему столь необходим. Он закрыл глаза и уснул.

— Вы верите этой истории? — спросил я Уотермена.

— Не берусь решать, — ответил он. — Несомненно, этот человек перенес чудовищный удар. С другой стороны, все, что он рассказал, могло быть и плодом воображения. Я не совсем понял, что именно он сделал с Головой перед тем, как приступил к наложению швов. В конце концов в этой операции нет ничего хитрого. А вы что думаете по этому поводу?

— Не знаю, — ответил я. — Он ведь мог убить Макалузо сразу, но не сделал этого. Я не понял, на что он, собственно, намекал.

Послышалось далекое завывание сирены, и через несколько минут подъехала машина из больницы. Вошли два энергичных молодых санитара и врач в белом халате. Они подняли Коула, положили на носилки и исчезли. Уотермен устал и решил остаться с нами еще на несколько минут, а потом поехать в больницу. Мы молча курили.

— Кажется, он что-то уронил, — сказал Уотермен. — Это ведь бумажник?

В бумажнике оказалось несколько монет и какие-то записи, относившиеся ко времени пребывания Коула в больнице.

— Погодите-ка, — сказал Уотермен, протягивая руку. — Я видел такие бумажники. В нем должно быть потайное отделение. Дайте-ка его сюда.

— Да, вот потайное отделение. Посмотрим, что в нем есть.

В нем ничего не было, кроме вырезки из какой-то чп-

кагской газеты двухлетней давности. Заметка была озаглавлена:

ШАЙКА ГОЛОВЫ РАЗГРОМЛЕНА
НЕУДАЧНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ БАНКА ПЛУТОРИЯ
СТО ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ ВОЗВРАЩЕНО

В заметке рассказывалось о попытке ограбить банк, предпринятой Макалузо и его подручными. Попытка эта потерпела полный провал. Банковские служащие были готовы к встрече с гангстерами и в перестрелке не ударили лицом в грязь. Тем грабителям, которым удалось выйти из банка живыми, путь к отступлению отрезал проходивший мимо товарный поезд — в живых не осталось никого. Автор заметки, описывая происшедшее, указал, что Голова, всегда славившийся тщательной разработкой грабежей, впервые не принял никаких, даже самых элементарных, мер предосторожности.

Уотермен глубоко затынулся и медленно выпустил клуб дыма. Я был совсем сбит с толку.

— Не понимаю,— сказал я.— Это бессмысленно. Как по-вашему, что действительно произошло?

— Не знаю, но догадываюсь,— ответил он.— В ходе операции Коул обнажил лобную долю мозга. На то, чтобы подрезать ее и произвести так называемую широкую фронтальную лоботомию, требовалось лишь несколько секунд. В результате Макалузо как будто сохранил умственные способности, но вовсе не годился для разработки и осуществления планов, которые требовали бы расчета и осторожности.

Я затынулся сигарой.

— Малоприятная история,— сказал я,— но операция, во всяком случае, была очень успешной.

Чэндлер Девис — американский ученый, доктор математических наук, редактор журнала «Математикл ревьюз». Автор нескольких научно-фантастических рассказов.

Блуждая на высшем уровне

I

Дж. Элберт Леру нервничал, но едва ли следовало ставить ему это в вину. День был решающим. Надеясь приободриться, Элберт посмотрел на зычногolosого рослого человека, флегматично сидящего рядом с ним в стремительном подземокаре, и не обманулся в своих надеждах.

Тот, на чьей стороне Келвин Борсма, не может не приободриться.

— Я поглощен одной-единственной мыслью, — кротко, но упрямо сказал Элберт.

Борсма придвинул к нему ухо.

— О чем же?

— Об оксидазе эпсилон! — прокричал Элберт.

Кел Борсма хлопнул его по плечу и ответил тоном тренера, когда тот дает боксеру последние инструкции за минуту до гонга:

— Вас должна поглощать одна-единственная мысль — о том, как сбить оксидазу эпсилон. Если мы не заинтересуем Корпорацию, для нас тогда всему конец. А иметь дело со служащими Корпорации — значит иметь дело со специалистами.

Леру обдумывал это заявление, покачиваясь в такт движению подземокара.

— Но у нас ведь по-настоящему ценный товар, не так ли? — осмелился он спросить.

Оксидазу эпсилон Леру исследовал три года. Борсмы же дело касалось лишь постольку, поскольку он был зятем лаборанта Леру, помощником заведующего отделом сбыта в фирме по производству пластмасс... и единственным деловым человеком среди знакомых Леру.

И все же сегодня — в решающий день — из них двоих именно Кел Борсма был специалистом. Толкачом от науки. Человеком из гущи сурового практичного мира, окружающего тихие университетские лаборатории (этот мир приводил Дж. Элберта Леру в ужас).

Кел был воплощением бодрости.

— Оксидаза эпсилон, действительно, ценный товар. Только потому мы и можем надеяться.

Подземокар издал громкий протяжный гудок, затем послышалось пронзительное шипение. Их станция. Дж. Элберта Леру кольнуло дурное предчувствие. «Вот оно!» — сказал он себе. Вслед за другими пассажирами они направились к роскошному эскалатору.

— Да, Элберт, — громыхал Кел, пока они поднимались, — у нас ценный товар, только бы удалось добраться до начальства; например, до зонального директора. Знаете, Элберт, после этого вас могут сделать помощником начальника отдела в самой Корпорации!

— Ах, спасибо! Но я бы, конечно, не согласился... то есть я предан научной работе... — Элберт заметно взволновался.

— Ради вас я бы, конечно, сам занялся этой стороной дела, — утешил его Борсма. — Ну вот. Элберт, мы и у цели.

Эскалатор доставил их на залитую солнцем площадь между двадцатизэтажными зданиями. Через всю площадь ослепительно зеленая аллея вела к зональному управлению Корпорации. Элберт не мог побороть благоговейного стра-

ха. Это было внушительное здание — на целый квартал и высотой всего лишь в три этажа.

Кел уважительно понизил голос:

— Выстроить такое здание на самой дорогой земле Детройта — знаете, что это символизирует, Элберт? Всомогущество! Всомогущество и высокую коммерцию! Вот с чем вы сталкиваетесь, когда имеете дело с Корпорацией.

Здание — административный центр Великих Озер — отличалось монументальностью, как и следовало ожидать. Потрясенный Элберт что-то пробормотал. Кел выразил согласие.

— Стиль изумительный, — сказал он торжественно.

Стеклянные двери высотой во все здание бесшумно отворились, едва Элберт их коснулся. Впереди, по другую сторону прохладного вестибюля, другие стеклянные двери такой же высоты служили витриной для эффектных экспонатов, отражающих деятельность Корпорации. В колдовском полумраке мягко мерцали огоньки. Светящиеся буквы гласили: «Музей Прогресса».

Туристы целыми семьями восхищенно бродили от экспоната к экспонату, купались в славе высочайшего взлета коммерции, достигнутого человечеством.

Элберт машинально направился к Музею. Кел придерживал его за локоть.

— Не сюда, Элберт. По коридору направо.

— А? Но ведь... Мне казалось, вы говорили, что нам не назначили приема и придется следовать порядку, заведенному для простого народа.

Без сомнения, «простой народ» — это те, кто в восторге слоняется за великолепными стеклянными дверями.

— Ну, конечно, так мы и делаем. Но я имел в виду не этот народ.

— Ага.

Очевидно, Музей предназначен лишь для толпы. С со-

жалением оглядываясь через плечо, Элберт покорно двинулся за Келом к сравнительно незаметной двери в углу вестибюля; «тайный проход к владыкам для вновь посвященного», — подумал он с глубочайшим благоговением.

Но тут же заметил, что трое или четверо из тех, кто вошел в здание вслед за ними, повернули туда же.

Приемная. Она не приводила в уныние; видимо, Кел шел верным путем — они проникли в более высокие сферы. Комната была просторна и все же казалась святилищем.

Элберту еще не доводилось видеть таких кресел. Все двадцать пять (или около того) мужчин и женщин, пришедших раньше, были одеты намного лучше Элберта. Зато Кел своим костюмом — цельнокроеным шерстяным комбинезоном тускло-желтого цвета, по-модному пузырящимся на локтях и коленях, — мог потягаться с любым. Элберт даже воспрянул духом.

Он ерзал на месте. Басистым шепотом Кел мягко напомнил ему, что ерзанье может обойтись им дорого, и еще раз повторил с ним, что и как они будут говорить. Элберт скажет, что он — профессор, специалист по метаболизму растений; рекомендация не бог весть какая, с сожалением признал Кел, но ничем другим Элберт козырнуть не может. Высокую коммерцию пусть он предоставит Келу; сам он должен исходить из своего общественного положения — пусть оно и не бог весть какое — и быть самим собой, то есть ученым. От того, удастся ли ему произвести впечатление, зависит очень многое... хотя главное, подчеркнул Кел, возложено на плечи Кела.

Пока Кел говорил, Элберт ерзал и разглядывал приемную. Роскошные кресла, расставленные без соблюдения симметрии, тем не менее были все обращены к одной стене — стене с тремя невзрачными дверями. Время от времени появлялся служитель и провожал кого-нибудь из ожидающих к одной из дверей. Служителями были молодые

люди с длинными черными волосами, одетые в ливреи. Наконец, служитель подошел и к ним! Он вызвал их с поклоном — сверкнул глазами, тряхнул головой, расшаркался не как слуга, а как балетный танцор.

Элберт пошел к двери вслед за Келом.

— Это, наверное, младший администратор? Личный секретарь? Или...

Но Кел, казалось, не слышал.

Вслед за Келом Элберт перешагнул порог и увидел прекраснейшую в мире девушку.

Он не мог на нее смотреть — об этом не могло быть и речи. Слишком уж она была хороша. Но он совершенно точно знал, какая у нее внешность. Мысленным взором он видел поблескивающие локоны, обнаженные плечи, ослепительное бесстрастное лицо. О фигуре он не смел даже подумать; это было невысказано.

Девушка сидела за маленьким столом и смотрела на посетителей.

Кел принял властную позу, скрестил руки на груди.

— Мы пришли по научному вопросу, — сказал он высокомерно. — Этот вопрос нов для Корпорации, он касается северных колониальных областей.

Девушка спокойно записала что-то в блокнотик. Равнодушно и мелодично она спросила:

— Ваше имя и фамилия?

— Келвин Борсма.

Она перевела чуть прищуренные глаза на Элберта. Тот онемел. Все его сознание было поглощено одной мыслью: не смотреть на девушку.

Кел громогласно объявил:

— Это Дж. Элберт Леру, профессор, специалист по метаболизму растений.

Кел произнес это так, что Элберт стал прямо-таки гордиться своим именем.

Прекраснейшая в мире девушка нежно шепнула:

— Выйдите в эту дверь — и прямо по коридору, в кабинет мистера Блика. Он вас будет ждать.

Именно эту секунду выбрал Элберт, чтобы попытаться взглянуть на девушку. И она улыбнулась! Элберт, окончательно потеряв голову, рванулся к двери. Он благодарил судьбу за то, что девушка не улыбнулась раньше! Кел, обладатель более солидного опыта и более значительного положения в обществе, позволил себе на мгновение задержаться: облокотясь о стол, он ухмыльнулся в ответ.

И то в коридор он выбрался весь в поту.

Элберт осторожно спросил:

— Она ведь не из администрации?

— Конечно, нет,— чуть презрительно ответил Кел.— Просто эталонная секретарша из Агентства. В университете вы их, конечно, вряд ли видели, разве что в приемной представителя Корпорации, да, может быть, при кабинете ректора.— Элберт никогда и близко не подходил к таким титанам.— Работы у нее немного: только производить впечатление на посетителей и, конечно, отсеивать недостойных.

Элберт заколебался.

— Она, безусловно, производит впечатление.

— Еще бы,— согласился Кел.— Как вспомнишь, какие в Агентстве расценки, да сообразишь, что всякий представитель простого народа, придя по делу в Зональное Управление, видит эталонную секретаршу из Агентства,— так поймешь, где сильные мира сего, Элберт.

Элберта внезапно осенило. Он рискнул:

— Может быть, нам стоило взять напрокат эталонную секретаршу из Агентства и прийти сюда с ней?

Кел вытаращил глаза.

— На целый день? Совершенно исключено! Это обошлось бы вам в годовой заработок.

Элберт с жаром возразил:

— Нет, в том-то и прелесть, Кел! У меня есть молоденькая двоюродная сестра... правда, я ее давно не видел, но она прошла по конкурсу в Агентство, и, может, я бы ее уговорил...

Он осекся. Лицо Борсмы выразило возмущение.

— Простите, Элберт, но... Если бы ваша двоюродная сестра всего-навсего появилась с косметикой на лице у кого-нибудь в кабинете, ей пришлось бы брать за это деньги по расценкам Агентства... иначе ее выставят из Агентства в два счета. А потом еще взыщут огромную неустойку.— И утешительным тоном прибавил: — Все равно эталонная секретарша тут не поможет.

II

Мистер Блик походил скорее на ученого, чем на администратора, а его стол напоминал маленькую лабораторию. У левого локтя мистера Блика помещался внушительный щит коммутатора, выполненный так, что дотянуться до любой его части можно было без труда; селекторные переключатели с разноцветными ручками располагались стройными рядами. Мистер Блик кивнул Келу на кресло, а сам щелкнул тремя переключателями. На голове у него были укреплены наушники и микрофон, также с переключателями; правая рука подрагивала рядом со стенографопишущей машинкой невиданно сложной конструкции.

Он вполголоса проговорил что-то в микрофон, потом его рука почти неуловимо замелькала над машинкой.

— Здравствуйте, мистер Борсма,— сказал он и щелкнул последним переключателем, однако наушников не снял.— Простите, пожалуйста, мои странности, но так мне лучше работается.

Голос у него был уверенный, звучный и убедительный.

Кел опять взял переговоры на себя. Начал он с изящной хвалы в адрес конторской техники мистера Блика, затем без нажима перешел к еще более пышным похвалам, которые, как в смущении понял Элберт, относились не к кому иному, как к нему.

Через минуту или около того Элберт решил, что не так интересен разговор, как досадные перебивки. То и дело мистер Блик с извиняющимся видом, но стремительно поднимал вверх палец, вертел переключатели, прислушивался к наушникам, шептал в микрофон и исполнял что-то невероятное на абсолютно бесшумной машинке. По его лицу скользили пятна света, и Элберт понял, что в крышку стола вмонтирован набор разноцветных сигнальных лампочек и по меньшей мере один телевизионный экран. Едва покончив с досадной перебивкой, мистер Блик приятным голосом, с безупречной дикцией, напоминал Келу, на чем тот остановился. Элберт был поражен.

Свои разглагольствования Кел заключил настойчивым призывом, чтобы мистер Блик учел, как важно для Корпорации то, что ему сейчас сообщат. Затем Кел повернулся к Элберту — чересчур внезапно.

— Я поглощен одной-единственной мыслью, — пролепетал застигнутый врасплох Элберт. — Об оксидазе эпсилон. Несомненно, Корпорация поймет всю важность...

— Минуточку, профессор Леру, — перебил мистер Блик мягким профессионально-административным голосом. — Вам придется объяснить все с самого начала. У меня в отличие от вас, ученых, нет ни достаточного образования, ни способностей. Расскажите простыми словами, что это такое — оксидаза эпсилон?

Он улыбнулся с подкупающей скромностью.

— Не огорчайтесь, — поспешно сказал Элберт. — Многие из моих коллег тоже ничего о ней не слыхали.

Элберт слегка покривил душой. Каждый из тех, с кем

он сталкивался в университете, безусловно, слышал об оксидазе эпсилон — от самого Элберта.

— Это фермент, встречающийся во многих растениях, но открытый совсем недавно. Понимаете, на протяжении последних десятилетий многие растения, выведенные в лабораторных условиях, не вырабатывали обычной оксидазы, то есть оксидазы альфа, но, как ни странно, некоторые из них не погибли. Это объясняется наличием ряда сходных соединений, из которых выделены оксидазы бета и гамма, дельта и эпсилон, причем бету и эпсилон удалось также и синтезировать.

Мистер Блик слегка изменил позу в кресле. Элберт заторопился, чтобы тот поскорее понял, до чего все просто.

— Я исследовал реакции у некоторых видов *Triticum*, где оксидаза эпсилон служит катализатором. Совершенно неожиданно выяснилось, что ни один из этих видов не вырабатывает фермента самостоятельно. Удивительно, не правда ли? Всю оксидазу эпсилон эти растения получают от грибка *Puccinia tritici*, которым они заражены. Вот чем объясняется неудача Хиншоу и его сотрудников — они так и не вывели жизнеспособного *Triticum kasi* вслед за...

Мистер Блик улыбнулся с прежней скромностью.

— Право же, профессор Леру, вам придется объяснить, что это означает. На языке, понятном для меня. Будьте так добры.

Кел многозначительно прогудел:

— Это означает спасение экономики в трех богатейших колониях Корпорации.

«Слишком театрально», — подумал Элберт.

Мистер Блик одобрительно сказал:

— Отлично. Превосходно. Расскажите подробнее. В каких колониях... и почему?

Его правая рука разогнулась и нервно прыгнула к стеномашинке.

Элберт продолжал, одобренный столь лестным интересом.

— Имеется в виду Западная Лапландия в Европе, а также Великая Славия и Черчилль на нашем континенте. Все это колонии Корпорации, недавно переведенные на выращивание злаков, в основном *Triticum witti*; говорят, почва там чрезвычайно плодородная.

— А кто такой Тритикум Витти?

Элберт, шокированный, терпеливо разъяснил:

— *Triticum witti* — новый сорт пшеницы, для его роста необходима оксидаза эpsilon. А если грибок *Puccinia tricinia* на этой пшенице сочтут вредителем, его начнут уничтожать гербицидами. И погубят в этих колониях весь урожай.

— Погубят,— раздумчиво повторил мистер Блик. Его указательный палец, подобно дирижерской палочке, заставил Элберта умолкнуть; обе руки заплясали по кнопкам и переключателям, он снова забормотал что-то в микрофон.

«Опять досадная перебивка»,— подумал Элберт. Он питал должное уважение к несомненно важным делам, которые утрясал мистер Блик, но все же ему стало чуть обидно. Он вспомнил, что вообще-то у него есть основания для самонадеянности: оксидаза эpsilon — тоже важное дело. В те три колонии уже вложили свыше пятисот миллионов долларов и, бесспорно, неисчислимы людские ресурсы.

Тем не менее в конце концов оказалось, что как раз эта досадная перебивка была посвящена именно Западной Лапландии, Великой Славии и Черчиллю. Мистер Блик оставил в покое щит коммутатора и поздравил просителей:

— Мистер Борсма, принято решение назначить куратора по вашему вопросу!

И он широко улыбнулся.

Для Элберта настал миг торжества. Он, правда, не знал, при чем тут «куратор», но тон мистера Блика не оставлял сомнений, что им оказана неслыханная честь. У Элберта чуть голова не закружилась при мысли о том, как все сверкающее здание, все служители, эталонные секретарши и администраторы склонятся перед ним в поклонах, а, судя по мистеру Блику, дело шло именно к тому.

На столе у мистера Блика вспыхнула и погасла красная лампочка. Оборачиваясь к ней, мистер Блик произнес:

— Извините, джентльмены.

«Конечно,— мысленно простил его Элберт,— работать-то тебе надо».

Он шепнул Келу:

— Что ж, по-моему, дела идут как нельзя лучше.

— А? Ах да, очень неплохо,— тоже шепотом ответил Кел.— Пока что.

— Пока что? Разве мистер Блик не понял проблемы? Осталось только изложить ему детали.

— Да нет же, Элберт! Я убежден, что он-то не вправе принять решение. Он должен направить нас в вышестоящую инстанцию.

— В вышестоящую? Зачем? Неужели придется объяснять все с самого начала?

Кел повернулся в кресле, чтобы шептаться с Элбертом не столь демонстративно.

— Элберт, учреждение таких масштабов, как Корпорация, не может рассматривать все нелепые предложения, с которыми к ней обращаются. Есть установленный порядок. У кафедры метаболизма растений здесь нет связей (может, нам удастся что-нибудь предпринять в этом направлении), вот нас и ждет скачка с препятствиями. Выживают самые приспособленные, Элберт! Лишь достойнейшие доживают до того, чтобы попасть на прием к зональному директору. Разумеется, зональный директор сам

решает, какие идеи стоят внимания, но от бредовых выдумок его ограждают.

Аналогию с естественным отбором Элберт уловил. Тем не менее он смиренно задал вопрос:

— А где гарантия, что в результате отсева остаются лучшие предложения? Ведь многое зависит от того, как преподнесет идею агент по сбыту!

— Очень многое. Как же иначе?

— Но тогда... Представьте себе, например, что мы с вами незнакомы. Моя здравая идея не прошла бы дальше мистера Блика!

— Не прошла бы дальше эталонной секретарши, — поправил Кел. — А может быть, и до нее бы не дошла. Но, знаете ли, в таком случае идея не была бы важной, потому что осталась бы неосуществленной. — Он внушительно выпятил подбородок. — Разве что, конечно, у кого-нибудь другого хватило бы инициативы и предприимчивости изложить ту же самую идею лучше вас. Теперь вам понятно? По-настоящему важные идеи привлекают талантливого агента по сбыту, который ее непременно пробьет.

Элберт вынужден был признать, что эта логика ему недоступна. Такая важная мысль, а для него она пропадает. Он смиренно напомнил себе, что ученые ничего не смыслят за пределами своей специальности.

Значит, мистер Блик всего-навсего сообщил, что им пока еще не отказано. Элберт был горько разочарован.

Но все же его взяло за живое. Как получилось, что такое пустячное сообщение доставило ему столько радости? Неужели одним лишь тоном голоса и манерой держаться можно добиться такого эффекта? По-видимому, у мистера Блика это получается. Архитектура здания, эталонная сек-

ретарша и все остальное лишь нагнетает атмосферу, готовя посетителей к встрече с мистером Бликом; все это, безусловно, способствует эффекту, но не объясняет его полностью.

В чем же разгадка? В личном обаянии, понял Элберт. Вот что разумеют коммерсанты под профессиональным термином «личное обаяние». Личное обаяние — вот актив, благодаря которому мистер Блик занял свой нынешний пост, а не стал, например, ученым.

Такие, как Блик и Борсма, выработали в себе личное обаяние. Элберт с тоской размышлял над тем, как это делается. Ясно, специалисты в этой области не сообщают о своих экспериментах в печати, да Элберт и не следил за такого рода публикациями. Однако они важнее всего для культуры человечества, ибо на них зиждутся решения правительства... даже Корпорации! Решения на высшем уровне!

Элберт не мог определить, достиг ли Кел того же мастерства, что и мистер Блик: полагал, что для него, Элберта, Кел не особенно старается. Не считает нужным тратить порохи.

У Кела он спросил:

— Что такое куратор?

— А я-то думал, вы знаете, — прогудел Кел. — Куратор может оказаться весьма полезным. Потому и хорошо, что нам назначили куратора. Нам ведь предстоит беседовать на высшем уровне, Элберт; на таком уровне надеяться протолкнуть идею может лишь коммерсант экстра-класса. Если это кому-нибудь и под силу, то только куратору. Кураторы слишком молоды для высших административных должностей, но эти люди на пути к блестящей карьере. Они...

Мистер Блик обернулся влево, к двери, вложив в это движение всю силу своего личного обаяния.

— Мистер Демарест,— провозгласил он, и в кабинет вошел куратор.

III

На мистере Демаресте — рыжем, с пленительными курчавыми бачками и пронизательными карими глазами — был цельнокроеный комбинезон в несколько кричащую черно-бежевую клетку. Мистер Демарест чуть ли не вибрировал от избытка энергии. Это было заразительно: все начинали чувствовать себя столь же неестественно энергичными, как и он.

Мистер Демарест приветливо улыбнулся Элберту и Келу, радостно сказал:

— Как поживаете, мистер Борсма?

Мистера Блика словно выключили. Элберт почти забыл, что тот все еще присутствует в кабинете. Несомненно, мистер Демарест находился на пути к блестящей карьере.

Они с Келом и мистером Демарестом вышли из кабинета в новый коридор, ничуть не похожий на предыдущий: мертвенно-бледное мерцание осветительных панелей в полуметре от пола, вдоль стен — абстрактные скульптуры.

Вкупе с мистером Демарестом это было равносильно грозному вызову.

Элберт с безрассудной храбростью ринулся в бой.

— Оксидаза эпсилон,— возвестил он,— может спасти три богатейшие колонии Корпорации!

Мистер Демарест с энтузиазмом откликнулся:

— Согласен целиком и полностью — принадлежащий Корпорации урожай *Triticum witti* должен быть спасен! Мистер Блик по внутренней пневмопочте прислал мне ленту с вашим объяснением, профессор Леру. Я целиком и полностью на вашей стороне! Хочу со всей искренностью заверить вас обоих, что у мистера Саутфилда я сделаю для

вас максимум возможного. Профессор, приготовьтесь дать дополнительные пояснения после того, как я доложу все, что мне известно.

В его голосе не было ни малейшей снисходительности, ни намек на двуличие. Он позаботится обо всем, Элберт не сомневался. Вот повезло!

Тут Кел пробасил:

— Ваш мистер Блик, по-видимому, неплохо знает свое дело.

Разве можно так отзываться о должностном лице Корпорации? Но Элберт сообразил, что эта бестактность не случайна. Очевидно, Кел хочет, чтобы мистер Демарест видел в нем равного, и вот его первый ход. Элберту это показалось рискованным. По правде говоря, он даже перепугался.

— Если говорить о мистере Блике, то меня удивляет только одно,— продолжал Кел, самую малость подмигнув собеседнику (Элберт возгордился тем, что заметил это подмигивание).— Невольно диву даешься, как это он ухитряется найти работу всем своим переключателям.

Элберт с трудом удержался от стога.

Но мистер Демарест ухмыльнулся.

— Откровенно говоря, Кел,— ответил он,— я не совсем уверен, в какой степени переключатели старины Блика — только бутафория.

Кел добился своего! Вот к чему в основном сводилась реплика мистера Демареста.

Но неужто переключатели у мистера Блика и вправду бутафорские? Насколько все проще там, далеко-далеко, в университете, где человек говорит только то, что думает!

Они прошли почти весь коридор. Мистер Демарест сказал вполголоса:

— Кабинет мистера Саутфилда.

Одно лишь сознание того, что за стеной находится мис-

тер Саутфилд, заметно обуздало даже мальчишескую лихость мистера Демареста.

Через арку они вошли в просторный кабинет, где освещение было такое же, как в коридоре, а скульптуры еще замысловатее.

В глубине, в необъятном кресле изучал бумаги мистер Саутфилд — пожилой человек, причудливо одетый, но с удивительно заурядным лицом, едва виднеющимся над брыжами поверх ярко-малинового камзола. На вошедших он не обратил внимания. Мистер Демарест ясно дал понять, что все должны выждать, пока к ним обратятся.

Кел и Элберт расположились в двух креслах величиной с тахту так, чтобы сидеть лицом к мистеру Саутфилду, и замерли в ожидании.

Мистер Демарест шепнул:

— Я вернусь как раз вовремя, успею вас представить. Надо, знаете ли, привести себя в порядок.

Он усмехнулся, дружески хлопнул Кела по плечу. Элберт был рад, что мистер Демарест не проделал с ним того же, а лишь подал ему руку перед уходом. В противном случае Элберт разволновался бы.

Он откинулся на спинку кресла, утомленный переживаниями и успокоенный мягким светом.

Никогда еще Элберт не сидел в таком удобном кресле. Кресло было не просто удобно, оно с восхитительной настойчивостью предлагало расслабить все мышцы. В полудремоте Элберт почувствовал, как кресло нежно его укачивает и любовно массирует ему шею и спину.

Он блаженствовал. Не то чтобы он заснул. При чуть-чуть иной конструкции кресло, без сомнения, могло бы и усыпить сидящего, но так оно дарило лишь отдых, беззаботный и бездумный.

Кел заговорил (даже его спокойный бас прозвучал резко и назойливо):

— Выпрямитесь, Элберт!

— Зачем?

— Элберт, от вашего коммерческого сопротивления и следа не останется, если вы не сядете прямо и не обезвредите кресло!

— Коммерческое сопротивление? — размышлял вслух Элберт. — О чем беспокоиться? Ведь мистер Демарест на нашей стороне, не так ли?

— Мистер Демарест — отнюдь не зональный директор, — напомнил ему Кел.

Значит, трудности еще впереди! Значит, чудесное кресло — лишь очередная ловушка на пути, где гибнут неприкосновенные! Мысленно Элберт принял решение: «Отныне я буду поглощен одной-единственной мыслью: как сбросить в себе коммерческое сопротивление».

Он повторил про себя эти слова.

Повторил их еще раз...

— Элберт!

Теперь в голосе Кела слышалась неподдельная паника.

Хорошо же Элберт бережет коммерческое сопротивление! Опять доверился креслу. Он с сожалением переместил свой центр тяжести вперед и решил опереться на подлокотники кресла.

— Осторожней! — вскрикнул Кел. — Теперь хорошо, только не прикасайтесь к подлокотникам. Просто подайтесь вперед. Вот так. — И пояснил: — Поверхность у подлокотников шероховатая и влажная, а за этим может крыться только одна цель: вводить наркотики под кожу! Разумеется, в микроскопических дозах. Но нам и их надо остерегаться. Я слышал о таком приеме, но впервые столкнулся с ним на практике, — признался он.

Элберт изумился, а через мгновение изумился еще сильнее.

— У мистера Саутфилда точь-в-точь такое же кресло,

а он откинулся на спинку. Больше того, он, читая, поглаживает подлокотник!

— Знаю,— покачал головой Кел.— Выдающийся человек, правда? Выдающийся. Запомните, Элберт. Настоящий коммерсант, человек в зените успеха, в то же время и тонкий ценитель. Мистер Саутфилд — тонкий ценитель. Он хочет испытывать самые сильные из всех известных соблазнов — ради удовольствия, которое доставляют ему эти соблазны. Элберт, каждому действительно преуспевающему человеку (а мистер Саутфилд именно таков) свойственна тенденция к чувственности, эти люди склонны потакать собственным прихотям. А почему? Потому, что тот, кто хочет преуспеть, должен глубоко понимать людей, потакающих собственным прихотям.

Элберт мимоходом отметил про себя, что сам Кел не настолько потакает своим прихотям, чтобы довериться креслу. Он даже не делал вида, будто доверяется. В лице мистера Саутфилда они явно встретили человека, стоящего гораздо выше Кела. Это кого угодно лишит присутствия духа. Оксидаза эILON казалась слишком ничтожной соломинкой, не способной уравновесить столь невыгодное соотношение сил.

— Вот одна из причин существования кураторов,— продолжал Кел.— Высокое начальство не может работать в атмосфере посредственной коммерции. Ему нужен стимул и предмет роскоши — хорошо поданная информация. Кураторы это умеют.— Он доверительно склонился к Элберту.— Поэтому, говорят, их прозвали пяткочесами.

Элберту польстило, что Кел счел его достойным услышать профессиональную шутку.

Мистер Саутфилд перевел взгляд на арку, через которую кто-то вошел — не мистер Демарест, а черноволосая молодая женщина. Элберт вопросительно посмотрел на Кела.

— Минутку. Сейчас выяснится, кто она такая.

Женщина стояла лицом к мистеру Саутфилду у стены против Элберта и Кела. Мистер Саутфилд сонным полупшепотом произнес:

— Да, мисс Друри, план перевозок руды. Продолжайте.

— Должно быть, курирует другое дело,— заключил Кел.— Понаблюдайте за ее работой, Элберт. Такой случай вам не скоро представится.

Элберт стал разглядывать женщину. Она несколько не походила на эталонную секретаршу из Агентства: казалась значительно старше (лет тридцати); была одета в закрытый, строгий деловой костюм, серый с черным, тесно обтягивающий бедра; не употребляла косметики. Даже в прошлом не могла она быть эталонной секретаршей — не тот тип. Во-первых, сложена плотнее, во-вторых, хоть и очень привлекательна, но не ослепляет нечеловеческой красотой. Напротив, Элберт мог смотреть и смотрел на нее с удовольствием (хотя в отличие от мистера Саутфилда и не был тонким ценителем). Ласковые черные глаза и уверенная осанка мисс Друри подействовали на него освежающе.

Мисс Друри заговорила тихо и музыкально — о том, как разработать самые целесообразные маршруты перевозок металлической руды в Зоне Великих озер. Она перешла на речитатив, голос ее то нарастал, то понижался, а порой становился прерывистым. Прелесть!

Но коронный ее прием действовал исподволь, наподобие кресла. Прошло немало времени, прежде чем Элберт это осознал. Ну, точь-в-точь как кресло.

Мисс Друри не стояла неподвижно.

Она покачивала бедрами. Лишь на какой-то сантиметр в сторону, но весьма, весьма соблазнительно. Это движение можно было проследить во всех подробностях, ибо юбка не просто лгнула к бедрам, а обрисовывала каждый мускул

живота. Оно казалось совершенно произвольным, но Элберт понимал, что оно тщательно отработано.

Понимание, однако, не мешало ему наслаждаться.

— Ну и ну, — поделился он с Келом, — неужели мистер Саутфилд слышит, что она говорит?

— Чего? А-а... она иногда нарочно понижает голос, чтобы мы не подслушали секретов Корпорации, но он ведь к ней ближе, чем мы.

— Я не о том!

— Вы спрашиваете, каким образом ее манера говорить не отвлекает его от смысла? Элберт, — многозначительно сказал Борсма, — если бы в его кресле сидели вы, вы бы тоже воспринимали смысл — и со страшной силой. Безукоризненное изложение всегда сосредоточивает слушателя на смысле. Но у такого человека, как мистер Саутфилд, оно также стимулирует критическую оценку! Выдающийся человек. Специалист и тонкий ценитель.

Тем временем, как увидел Элберт, мисс Друри закончила свое сообщение. Может быть, она задержится, обсудит это сообщение с мистером Саутфилдом? Но нет, он отпустил ее, проронив всего лишь два-три слова.

IV

Спустя несколько минут вспышка удовольствия, доставленная присутствием мисс Друри, сменилась вспышкой гордости.

Он, простой, ничтожный профессор Леру, стал свидетелем драмы в нервном узле Озерной Зоны — свидетелем переговоров титанических личностей, решающих судьбы миллионов. Больше того, одно из решений будет касаться его самого! Хорошо бы следующим куратором на аудиенции у мистера Саутфилда оказался мистер Демарест!

Но его мучила одна забота.

— Кел, а разве мистер Демарест может излагать так же... ну... убедительно, как мисс Друри? В смысле...

— Ну, Элберт, уж предоставьте это ему. Помимо сексуального, существуют и другие подходы. Специалисты умеют вызывать к самым слабым и зачаточным из человеческих побуждений — даже к альтруизму! Да-да, я знаю, непосвященных это удивляет, но даже альтруизм можно использовать.

— В самом деле? — Элберт был благодарен за каждую крупницу сведений.

— Порой настоящие мастера просто из любви к искусству предпочитают именно такой метод, — прошептал Кел.

Мистер Саутфилд шевельнулся в кресле, и Элберт мобилизовал всю свою бдительность.

Действительно, в арке появился мистер Демарест.

Его выход на сцену, безусловно, не оставлял желать ничего лучшего. Мистер Демарест вошел еще стремительнее, чем в кабинет мистера Блика. Его костюм сверкал, его карие глаза пылали. Он встал у стены возле мистера Саутфилда, не совсем навывтяжку, а в борцовской стойке. Сжатая пружина.

Лишь на секунду его взгляд задержался на Элберте и Келе, но этот взгляд упоенно выразил товарищеское единство и радость битвы. Элберт почувствовал себя участником героических событий.

Мистер Демарест не сразу дал выход сосредоточенной в нем энергии. Он пересказал историю Западной Лапландии, Великой Славии и Черчилля. На стене за его спиной вспыхивали карты (как это делалось, Элберт не понял), а мистер Демарест голосом спортивного радиокomentатора воссоздавал драматическую историю колонизации арктических районов. Элберт непременно заподозрил бы, что мистер Демарест — чересчур скромный первопоселенец каждой из этих колоний, если бы не знал, что все три

осваивались одновременно. Нет, как ни трудно поверить, но все эти впечатляющие факты только что угодливо раскопала для мистера Демареста какая-нибудь архивная крыса. Но как он их преобразил!

Захватывающее повествование увлекло и мистера Саутфилда. Он даже выпрямился в кресле.

Временами мистер Демарест понижал голос, как это делала мисс Друри. К сожалению, Элберт и Кел сидели далеко и не могли подслушать секреты Корпорации.

По мере того как разворачивалась сага, мистер Демарест из викинга перевоплощался в древнего римлянина. Артистически модулируемый голос теперь звенел восторгом и упоением. Мистер Демарест говорил о планируемой экспансии грандиозных масштабов и, главное, о том, каких прибылей может ожидать Корпорация от трех своих колоний. Он сыпал цифрами. Он похлопал мистера Саутфилда по плечу. Он погладил мистера Саутфилда руку; перейдя к оценке будущего торгового баланса, он пощекотал ему шею. Мистер Саутфилд оценил эту перемену в настроении, снова откинувшись на спинку кресла.

Мистера Демареста это не остановило.

Во всем этом было что-то непристойное. Элберт, маскируя свое смущение, прошептал:

— Теперь я понимаю, отчего их называют пяткочесами.

Кел нахмурился, взмахом руки призвал его к молчанию и продолжал следить за происходящим.

Внезапно тон мистера Демареста вновь изменился: стал унылым, горьким, иступленным. Прибыли, которых вправе ожидать Корпорация от своих вложений, под угрозой... под угрозой даже сами капиталовложения!

Мистер Саутфилд наклонился вперед, чтобы лучше слышать, о какой опасности пойдет речь. Хорошо ли это? К мисс Друри он не наклонялся.

Слова мистера Демареста об опасности по существу,

конечно, повторяли то, что Элберт сообщил мистеру Блику, но, как понимал и сам Элберт, в устах мистера Демареста прозвучали куда страшнее. Когда он кончил, Элберта бросило в холод. Мистер Саутфилд сидел молча. О чем он думает? Неужто не понимает, какая трагедия нависла над колониями?

Но вот он кивнул и сказал:

— Недурно изложено.

«Мисс Друри он этого не говорил!» Элберт возликовал. Мистер Демарест принял торжественный вид.

Мистер Саутфилд всем корпусом повернулся к Элберту и посмотрел ему прямо в глаза. Элберт так растерялся, что даже не отвел взгляда. Ранее заурядный подбородок мистера Саутфилда стал волевым; грудь важно выпятилась.

— Вы, насколько я понимаю, хорошо информированы в вопросе метаболизма растений.— Голос его тоже, казалось, разросся и обрушивался на Элберта из всех углов кабинета.— Достаточно ли, по вашему мнению, велика опасность, чтобы отнимать время у зонального директора?

Это было нечестно. Мистер Саутфилд против Дж. Элберта Леру — силы и так смехотворно неравны! А тут еще Элберта застигли врасплох (чересчур долго оставался он пассивным зрителем) и ошеломили намеком, что он впустую отнял время у мистера Саутфилда... что его идея не только не стоит внимания, но и впустую отнимет время у зонального директора.

Элберт силился заговорить.

Раз мистер Саутфилд похвалил мистера Демареста за изложение, он, наверное, будет снисходителен; он учтет неопытность Элберта; он не будет ждать слишком многого. Элберт силился сказать хоть что-нибудь.

Но язык не поворачивался.

Он пялил глаза на мистера Саутфилда и чувствовал, как у него горбятся плечи и слабеют мускулы.

А Кел почти естественным голосом сказал:

— Да.

Этого было достаточно, хоть и еле-еле. Элберт шепотом повторил это «да», сам перепуганный собственной смелостью.

Еще с секунду мистер Саутфилд пристально смотрел на него сверху вниз. Затем сказал:

— Прекрасно, зональный директор вас примет. Мистер Демарест, проводите их.

Элберт слепо двинулся за мистером Демарестом. Все свое внимание он сосредоточил на том, чтобы прийти в себя после мистера Саутфилда.

Он было улучшил счет (благодаря мистеру Демаресту). Но как мог он сохранить этот счет до конца игры? Как должен был противостоять ошеломительному личному обаянию мистера Саутфилда?

Элберт снова и снова перебирал в памяти весь эпизод, вносил запоздалые поправки. И он добился своего — по крайней мере мысленно. Он понял, как следовало бы себя вести. Он должен был бы расправить плечи, дать волю голосовым связкам и самоуверенно скрестить взгляд с мистером Саутфилдом. Теперь-то он будет умнее.

Твердой поступью, с поднятой головой шагал Элберт за мистером Демарестом, храня на лице высокомерную полуулыбку. Он чувствовал, что способен самостоятельно вести переговоры с мистером Саутфилдом... или, поскольку мистер Саутфилд все же не зональный директор, вести переговоры с самим зональным директором!

Они остановились перед массивными двойными дверями, которые охранял абсолютно неподвижный человек с автоматом.

— Друзья, — с веселым простодушием напутствовал их мистер Демарест, — желаю успеха. Желаю величайшего в мире успеха.

Кел внезапно весь как-то сник, хотя и спросил деланно небрежным тоном (впрочем, не одурачив даже Элберта):

— А разве вы с нами не пойдете?

— О нет. Мистер Саутфилд распорядился только проводить вас сюда. Если я не ограничусь этим, то превышу свои полномочия. Но желаю вам всяческого успеха, друзья!

Кел весело попрощался, но, когда он снова повернулся к Элберту, в его тоне было отчаяние:

— Полный отказ.

Элберт не поверил своим ушам:

— Но... ведь мы представим наши выводы зональному директору, не так ли?

Борсма безнадежно пожал плечами:

— Как вы не понимаете, Элберт? Если мы представим их без Демареста, это ничего не стоит. Отправив нас одних, мистер Саутфилд тем самым нам отказал.

— Кел... вы тоже хотите отступить?

— Ну нет! Мы дошли до такого высокого уровня, Элберт, что уже одно это — немалое достижение. Надо следовать дальше, до тех пор, пока удастся!

Элберт подошел к двойным дверям. Он опасался вооруженного охранника, но тот их не остановил. По правде говоря, даже бровью не повел.

— Значит, еще есть надежда? — спросил Элберт Кела.

— Нет, надежды у нас не осталось.

Элберт начал было открывать двери, но заколебался.

— А вы сделаете все, что от вас зависит?

— Надо полагать! Не каждый же день выпадает случай изложить идею зональному директору.

Элберт решительно выпрямился, еще шире расправил плечи и приготовился отбивать атаку сил, вдвое превосходящих неизмеримые силы мистера Саутфилда. Он был поглощен одной-единственной мыслью: сохранить в себе коммерческое сопротивление. Он чувствовал, что стал на

несколько сантиметров выше ростом, и даже свысока поглядывал на пессимиста Кела.

Кел толкнул дверь, и они вошли.

Зональный директор сидел в одиночестве на стуле с прямой спинкой за простым письменным столом в очень простом кабинете скромных размеров.

Зональным директором была женщина.

Одета она была в обычный костюм всякой деловой женщины: скромно, как мисс Друри. Вообще-то даже лицо зонального директора было таким, каким будет лицо мисс Друри, когда та станет лет на пятнадцать старше. Безусловно, те же черные волосы, тот же нежный овал лица.

Какая неожиданность! Приятнейшая неожиданность! Элберт почувствовал себя еще большим великаном, ощутил еще большую самоуверенность, чем по ту сторону двери. Уж, конечно, он без труда поладит с этой милой, безобидной дамой, похожей на ласковую мать!

Она просматривала какой-то микрофильм при помощи специального аппарата; кроме этого аппарата, на письменном столе ничего не было. По-видимому, она уже кончала и вот-вот должна была освободиться. Элберт терпеливо наблюдал за тем, как она читает. Читала она крайне добросовестно, это сразу стало ясно.

Секундой позже она окинула посетителей мимолетным взглядом, улыбнулась извиняющейся улыбкой и снова занялась микрофильмом. Ее застенчивые темные глаза выразили так много! Было видно, как искренне рада она вошедшим, как жалеет, что у нее столько работы,— гораздо охотнее она поговорила бы с ними. Элберту стало ее жаль. Он жалел ее всем сердцем. Этот аппаратик, вполне вероятно, содержал целые тома путаных отчетов Корпорации. Бедняжка!

А бедняжка — она же зональный директор — продолжала читать.

Время от времени она устало, но энергично проводила рукой по лицу. Плечи ее слегка сутулились. Элберт жалел ее все больше и больше. Не такая уж она сильная — а пост до чего ответственный — и как мужественно не отступает она перед массой отчетов в микрофильме!

Но вот она подняла голову.

Очевидно, с работой она не покончила: на ее лице не отразилось облегчение. Но она подняла голову ради них.

Они погрузились в ее доброту, как в теплую ванну. Элберт понял, что в его власти совершить благороднейший поступок, равного которому он еще не совершал. Решимость в его душе неуклонно росла. Ну же!

Он сделал шаг к двери.

Перед самым уходом он опять поймал ее взгляд, и ее улыбка доказала, как высоко оценена его чуткость!

Элберт почувствовал, что выше награды не бывает.

В парке он наконец заметил, что за ним следует Кел. Они долго смотрели друг на друга.

Потом Кел первым зашагал к подземке.

— Полнейший отказ, — повторил он.

— Вы обещали сделать все, что от вас зависит, — упрекнул Элберт. Но он знал, что ответ Кела: «Я и сделал» — был правдой.

Шли они медленно. Кел заметил:

— Гениальная женщина... Настоящий мастер. Истинная виртуозка!

— Воистину наше общество вознаграждает самых достойных, — отозвался Элберт.

Этой одной-единственной мыслью он был поглощен весь долгий обратный путь,

Артур Кларк — видный английский ученый, председатель Британского астронавтического общества, член Британской астрономической ассоциации, автор ряда научно-популярных книг, один из известнейших популяризаторов науки. На русский язык переведены многие книги Кларка, в том числе «Черты будущего», «Сокровище большого рифа», «Лунная пыль» и др.

Юпитер Пять

Профессор Форстер такой коротышка, что для него пришлось сделать особый космический скафандр. Однако, как это часто бывает, малый рост с лихвой возмещается кипучей энергией и задором. Когда я познакомился с ним, он уже двадцать лет добивался осуществления своей мечты. Больше того, он сумел убедить множество трезвых дельцов, депутатов Всемирного совета и руководителей научных трестов, чтобы они финансировали его проект и снарядили для него корабль. Потом было немало примечательных событий, но я по-прежнему считаю это самым поразительным из достижений профессора...

«Арнольд Тойнби» стартовал с Земли с командой из шести человек. Кроме профессора и его главного помощника Чарльза Эштона, в состав экспедиции вошла обычная троица — пилот, штурман, инженер, а также два аспиранта, Билл Хоукинс и я. Мы с Биллом еще ни разу не бывали в космосе, и все нам казалось до того увлекательным, что нас нисколько не волновало, успеем ли мы вернуться на Землю до начала следующего семестра. Между прочим, нашего научного руководителя это, по-видимому, тоже не волновало. Характеристики, которые он нам написал, были

полны экивоков, но так как людей, мало-мальски разбирающихся в марсианских письменах, можно было сосчитать по пальцам одной руки (извините за штамп), нас взяли.

Поскольку летели мы на Юпитер, а не на Марс, было не совсем ясно, при чем тут марсианские письмена. Но мы кое-что знали о теории профессора и строили весьма хитроумные догадки. Они подтвердились — частично — на десятый день после отлета.

Когда по вызову профессора мы явились в его кабину, он встретил нас оценивающим взглядом. Даже при нулевой силе тяжести, когда мы цеплялись за что попало и уподоблялись плавающим водорослям, профессор Форстер всегда ухитрялся сохранять достоинство. Он посмотрел на Билла, потом на меня, потом опять на Билла, и мне показалось (конечно, я мог ошибиться), что он думает: «За что мне такое наказание?» Последовал глубокий вздох, явно означавший: «Все равно теперь уже поздно, ничего не поделаешь», и профессор заговорил — медленно, терпеливо, как обычно, когда он что-нибудь объясняет. Во всяком случае, он обычно говорит таким тоном с нами. Правда, мне сейчас пришло в голову, что... ладно, не будем отвлекаться.

— До сих пор, — начал он, — у меня просто не было времени рассказать вам о цели нашей экспедиции. Но, может быть, вы уже догадались?

— Мне кажется, я догадался, — ответил Билл.

— Ну-ка, послушаем. — В глазах профессора мелькнул задорный огонек.

Я хотел остановить Билла, но вы пробовали лягнуть кого-нибудь в состоянии невесомости?

— Вы ищете доказательства... то есть дополнительные доказательства вашей теории о диффузии внеземных культур.

— А как вы думаете, почему я ишу их на Юпитере?

— Точно не знаю, но мне кажется, вы рассчитываете найти что-нибудь на одном из его спутников...

— Блестяще, Билл, блестяще. Известно пятнадцать спутников Юпитера, причем их общая площадь приблизительно равна половине земной поверхности. Где бы вы начали поиски, будь у вас на то неделька-другая? Мне это весьма интересно узнать.

Билл неуверенно поглядел на профессора, точно заподозрив его в сарказме.

— Я не очень силен в астрономии,— сказал он.— Но, кажется, в числе этих пятнадцати спутников есть четыре большие луны. Я бы начал с них.

— К вашему сведению, каждая из этих лун — Ио, Европа, Ганимед и Каллисто — по величине равна Африке. Вы стали бы обследовать их в алфавитном порядке?

— Нет,— сразу ответил Билл.— Я начал бы с той из них, которая ближе к планете.

— Пожалуй, не стоит больше напрасно тратить время на изучение вашей способности логически мыслить.— Профессор вздохнул, ему явно не терпелось начать заготовленную речь.— К тому же вы глубоко ошибаетесь. Большие спутники нам ни к чему. Их давно сфотографировали, а часть поверхности изучена непосредственно. Там нет ничего интересного для археолога. Мы же с вами летим на объект, который еще никто не исследовал.

— Неужели на Юпитер! — ахнул я.

— Что вы, к чему такие крайности! Но мы будем к нему так близко, как еще никто не бывал.

Он помолчал.

— Как известно,— впрочем, вам это вряд ли известно — между спутниками Юпитера путешествовать почти так же трудно, как между планетами, хотя расстояния намного меньше. Это объясняется тем, что у Юпитера мощнейшее гравитационное поле и спутники обращаются во-

круг него с удивительной быстротой. Наиболее близкий к планете спутник движется почти со скоростью Земли, и, чтобы попасть на него с Ганимеда, требуется примерно столько же горючего, сколько на маршруте Земля — Венера, хотя весь перелет занимает полтора дня. Вот этот-то перелет мы и осуществим. Никто до нас не летал туда, нечем было оправдать такие затраты. Диаметр Юпитера Пять всего каких-нибудь тридцать километров, и от него ничего интересного не ждали. На внешние спутники попасть куда легче, и все же на некоторые из них еще ни разу никто не высаживался — что толку зря расходовать горючее!

— Почему же мы его расходует? — нетерпеливо перебил я.

Я считал, что из затей профессора ничего не выйдет, но это меня не очень тревожило: было бы интересно и не слишком опасно.

Пожалуй, стоит сознаться (а впрочем, стоит ли? Ведь другие об этом помалкивают!), что в то время я абсолютно не верил в теорию профессора Форстера. Конечно, я понимал, что он блестящий специалист в своей области, но все-таки есть предел, и наиболее фантастические его идеи казались мне нелепостью. Нет, в самом деле, свидетельства были настолько шаткими, а выводы — настолько революционными, что поневоле усомнишься.

Возможно, вы еще помните, как был удивлен мир, когда первая экспедиция на Марс обнаружила следы не одной, а двух древних цивилизаций. Обе достигли высокого развития, но обе погибли свыше пяти миллионов лет назад. Причину их гибели пока установить не удалось. Во всяком случае, их погубила не война, потому что обе цивилизации благополучно сосуществовали. Представители одного народа биологически напоминали насекомых, а представители второго были ближе к пресмыкающимся. По-видимому, аборигенами Марса были насекомые. Люди-рептилии (их

цивилизацию обычно называют «культурой Х») прибыли на планету позднее.

Во всяком случае, так считал профессор Форстер. Точно известно, что они владели секретом космических полетов: развалины их крестообразных городов были обнаружены не более и не менее как на Меркурии. По мнению Форстера, они пытались освоить все малые планеты; Земля и Венера им не подходили из-за большой силы тяжести. Профессора несколько огорчало, что на Луне не нашли никаких следов «культуры Х», но он был уверен, что их найдут.

По общепринятой теории «культура Х» первоначально возникла на какой-то малой планете или на спутнике. Люди-рептилии установили мирный контакт с марсианами — в ту пору единственными, кроме них, разумными существами в солнечной системе, — но затем их цивилизация погибла одновременно с марсианской. Однако профессор Форстер построил куда более смелую гипотезу. Он не сомневался, что «культура Х» явилась в солнечную систему из межзвездного пространства, и его раздражало, что никто, кроме него, не верил в эту теорию; впрочем, не так уж сильно раздражало, ибо он принадлежит к числу людей, которые счастливы только тогда, когда находятся в меньшинстве.

Слушая рассказ профессора о его плане, я смотрел в иллюминатор на Юпитер. Это было великолепное зрелище. Вот экваториальные пояса облаков, а вот, рядом с планетой, словно маленькие звездочки, — три спутника. Который из них Ганимед, первая остановка на нашем пути?

— Если Джек удостоит нас своим вниманием, — продолжал профессор, — я объясню, почему мы отправились в такую даль. Вы знаете, что в прошлом году я довольно много копался в развалинах в сумеречной зоне Меркурия. Возможно, вы знакомы с докладом, который я прочел по

этому вопросу в Лондонском институте экономики. Может быть, вы даже сами сидели в аудитории. Помнится мне, в задних рядах был какой-то шум... Так вот: тогда я умолчал о том, что обнаружил на Меркурии важный ключ к загадке происхождения «культуры Х». Да-да, я ничего не сказал, как ни соблазнительно было дать сдачи тупицам вроде доктора Хотона, когда они пытались прохаживаться на мой счет. Не мог же я рисковать, что кто-нибудь доберется туда прежде, чем я смогу организовать экспедицию.

В числе моих находок был хорошо сохранившийся барельеф с изображением солнечной системы. Конечно, это не первое открытие такого рода — как вы знаете, астрономические мотивы часто встречаются и в собственно марсианском искусстве, и в искусстве «культуры Х». Но здесь рядом с несколькими планетами, включая Марс и Меркурий, были проставлены какие-то непонятные значки. Помоему, эти символы как-то связаны с историей «культуры Х». И, что всего любопытнее, особое внимание почему-то обращено на маленький Юпитер Пять, чуть ли не самый неприметный из спутников Юпитера. Я убежден, что именно там можно найти ключ ко всей проблеме «культуры Х», — вот почему я и лечу туда.

Помнится, тогда рассказ профессора не произвел на нас с Биллом большого впечатления. Допустим, представители «культуры Х» побывали на «Пятерке» и даже почему-то оставили там свои изделия. Конечно, было бы интересно раскопать их, но вряд ли они окажутся такими важными, как думает профессор. Вероятно, он был разочарован тем, как мало восторга мы проявили. Но он был сам виноват, потому что -- мы в этом вскоре убедились — все еще кое-что таил от нас.

Примерно через неделю мы высадились на Ганимеде, крупнейшем спутнике Юпитера и единственном, на котором есть постоянная база — обсерватория и геофизическая

станция с полусотней сотрудников. Все они были рады гостям, но мы задержались ненадолго, только для заправки, профессору не терпелось лететь дальше. Естественно, всех заинтересовало, почему мы направляемся именно на «Пятерку», но профессор хранил молчание, а мы не смели его нарушить — он не спускал с нас глаз.

Ганимед, между прочим, очень интересное место, и на обратном пути нам удалось поближе с ним познакомиться. Но я обещал статью о нем другому журналу, так что не буду распространяться здесь. (Постарайтесь не пропустить очередного номера «Национального астрографического журнала».)

Прыжок с Ганимеда на «Пятерку» занял чуть больше полутора дней. Было немного жутко наблюдать, как Юпитер растет с каждым часом, грозя заполнить все небо. Я мало смыслю в астрономии, но меня не покидала мысль о чудовищном гравитационном поле, в которое мы падали. Мало ли что может случиться! Скажем, горючее кончится и мы не сумеем вернуться на Ганимед, а то и упадем на Юпитер.

Хотел бы я описать это зрелище: вращающийся перед нами колоссальный шар, опоясанный полосами свирепых бурь... Откровенно говоря, я даже попытался, но мои друзья литераторы, читавшие рукопись, посоветовали мне выбросить этот кусок. (Они надавали мне еще кучу советов, которые я решил не принимать всерьез, иначе этот рассказ вообще не увидел бы света.)

К счастью, теперь опубликовано столько цветных «портретов» Юпитера, что вы не могли их не видеть. Возможно, вам попался и тот снимок, который был причиной всех наших неприятностей. (Дальше вам все будет ясно.)

Наконец Юпитер перестал расти; мы вышли на орбиту «Пятерки», вот-вот — и мы догоним крохотную луну, стремительно обращающуюся вокруг своей планеты. Все мы

втиснулись в рубку, чтобы как можно раньше увидеть цель, — во всяком случае, все, кому хватило места. Мы с Биллом стояли у входа, пытаюсь хоть что-то разглядеть через головы остальных. Кингсли Сирл, наш пилот, сидел в своем кресле, как всегда невозмутимый, инженер Эрик Фултон задумчиво жевал ус, глядя на топливомер, а Тони Грувс колдовал над своими таблицами.

Профессор словно прирос к окуляру телеперископа. Вдруг он вздрогнул и тихо ахнул. Потом молча кивнул Сирлу и уступил ему место у окуляра. Та же картина. Сирла сменил Фултон. Когда вздрогнул и Грувс, нам это надоело, мы протиснулись к окуляру и после короткого боя овладели им.

Не знаю, что именно я рассчитывал увидеть, во всяком случае, я был разочарован. В пространстве перед нами висела неполная луна, ее ночной сектор едва просматривался в отраженном свете Юпитера. И все.

Но вот мои глаза, как это бывает, когда достаточно долго смотришь в телескоп, начали различать детали. Поверхность спутника покрывали тонкие пересекающиеся линии, и вдруг я уловил в них определенную закономерность. Да-да, эти линии образовали геометрически правильную сетку, совсем как параллели и меридианы на земном глобусе. Вероятно, я тоже присвистнул от удивления, потому что Билл оттер меня и сам прильнул к окуляру.

До чего же самодовольный вид был у профессора Форстера, когда мы засыпали его вопросами.

— Конечно, — объяснил он, — для меня это не такая неожиданность, как для вас. Помимо барельефа, найденного на Меркурии, я располагал еще и другими данными. В обсерватории на Ганимеди работает один мой друг — я посвятил его в свою тайну, и последние несколько недель он основательно потруился для меня. Человек посторонний удивился бы, как мало обсерватория занималась спут-

никами. Самые мощные приборы наведены на внегалактические туманности, а остальные — на Юпитер и только на Юпитер.

Что касается «Пятерки», то сотрудники обсерватории измерили ее диаметр и сделали несколько общих снимков, чем дело и ограничилось. Снимки вышли недостаточно четкие и не выявили линий, которые мы с вами сейчас видели, не то, конечно, этим вопросом занялись бы раньше. Стоило мне попросить моего друга Лоутона навести на «Пятерку» стосантиметровый рефлекс, как он их сразу обнаружил. Кроме того, он отметил одну вещь, на которую давно следовало бы обратить внимание. Диаметр «Пятерки» — всего тридцать километров, но яркость никак не соответствует таким малым размерам. Когда сравниваешь ее отражательную способность или альбедо... аль...

— Альбедо!

— Спасибо, Тони... Когда сравниваешь ее альбедо с альбедо других лун, оказывается, что она гораздо лучше их отражает свет. Отражает, как полированный металл, а не как горная порода.

— Вот оно что! — воскликнул я. — Народ «культуры X» покрыл «Пятерку» внешней оболочкой! Что-то вроде куполов, которые мы знаем по Меркурию, только побольше.

Профессор поглядел на меня с явным состраданием.

— Вы все еще не догадались! — сказал он.

По-моему, это было не совсем справедливо с его стороны. Скажите откровенно: вы на моем месте лучше справились бы с задачей?

Через три часа мы опустились на огромную металлическую равнину. Глядя в иллюминатор, я чувствовал себя карликом. Муравей, взобравшийся на газгольдер, наверно, понял бы меня. А тут еще громада Юпитера над головой. Даже обычная самоуверенность профессора как будто уступила место почтительной робости.

Равнина была не совсем гладкой. Ее прочерчивали широкие полосы на стыках громадных металлических плит. Эти самые полосы, вернее, образованную ими сетку мы и видели из космоса.

Метрах в трехстах от нас возвышалось что-то вроде пригорка. Мы заметили его еще в полете, когда обследовали маленький спутник с высоты. Всего таких выступов было шесть. Четыре помещались на равном расстоянии друг от друга вдоль экватора, два на полюсах. Напрашивалась догадка, что перед нами входы, ведущие внутрь металлической оболочки.

Я знаю, многие думают, будто бродить в космическом скафандре по планете с малым тяготением, без атмосферы — занятие чрезвычайно увлекательное. Эти люди ошибаются. Нужно столько всего помнить, делать столько проверок и принимать столько мер предосторожности, что тут уж не до романтики. Во всяком случае так обстоит дело со мной. Правда, на этот раз я был так возбужден, когда мы выбрались из шлюза, что не помнил абсолютно ничего.

Сила тяжести на «Пятерке» так мала, что ходить там нельзя. Связанные, как альпинисты, мы скользили по металлической равнине, используя отдачу реактивных пистолетов. На концах цепочки находились опытные космонавты Фултон и Грувс, и всякая опрометчивая инициатива тотчас тормозилась.

Через несколько минут мы добрались до цели — широкого, низкого купола около километра в окружности. А может быть, это огромный воздушный шлюз, способный принять целый космический корабль?.. Все равно мы сможем проникнуть внутрь только благодаря какой-нибудь счастливой случайности — ведь механизмы, несомненно, давно испортились, да хоть бы и не испортились, нам с ними не справиться. Что может быть мучительнее: стоять на поро-

ге величайшего археологического открытия и ощущать свою полнейшую беспомощность!

Мы обогнули примерно четверть окружности купола, когда увидели зияющее отверстие в металлической оболочке. Оно было невелико, метра два в поперечнике, и настолько правильной формы, что мы даже не сразу сообразили, что это такое. Потом я услышал в радиophone голос Тони:

— А ведь это не искусственное отверстие. Мы обязаны им какому-то метеориту.

— Не может быть! — возразил профессор Форстер. — Оно слишком правильное.

Тони стоял на своем.

— Большие метеориты всегда оставляют круглые отверстия, разве что удар был направлен по касательной. Посмотрите на края — сразу видно, что был взрыв. Вероятно, сам метеор вместе с оболочкой испарились и мы не найдем никаких осколков.

— Что ж, это вполне возможно, — вставил Кингсли. — Сколько стоит эта конструкция? Пять миллионов лет? Удивительно, что мы не нашли других кратеров.

— Возможно, вы угадали. — На радостях профессор даже не стал спорить. — Так или иначе, я войду первым.

— Хорошо, — сказал Кингсли; ему, как капитану, принадлежало последнее слово в таких вопросах. — Я вытравлю двадцать метров троса и сам сяду на краю, чтобы можно было поддерживать радиосвязь. А не то оболочка будет экранировать.

И профессор Форстер первым вошел внутрь «Пятерки» — честь, принадлежавшая ему по праву. А мы столпились около Кингсли, чтобы он мог нам передавать, что говорит профессор.

Форстер ушел недалеко. Как и следовало ожидать, внутри первой оболочки была вторая. Расстояние между ними позволяло стоять во весь рост, и, светя фонариком в раз-

ные стороны, он всюду видел ряды подпорок и стоек, но и только.

Прошло еще двадцать четыре томительных часа, прежде чем нам удалось проникнуть дальше. Помню, под конец я не выдержал и спросил профессора, как это он не догадался захватить взрывчатки. Профессор обиженно посмотрел на меня.

— Того, что есть на корабле, хватит, чтобы всех нас отправить на тот свет, — ответил он. — Но взрывать — значит рисковать что-нибудь разрушить. Лучше постараемся придумать другой способ.

Вот это выдержка! Впрочем, я его понимал. Что такое лишний день, если ищешь уже двадцать лет?

Вход нашел — кто бы вы думали? — Билл Хоукинс. Возле северного полюса этой маленькой планеты он обнаружил громадную, метров сто в поперечнике пробоину. Метеорит пробил тут обе внешние оболочки. Правда, за ними оказалась еще третья, но благодаря одному из тех совпадений, которые случаются, если прождать несколько миллионов лет, в это отверстие угодил другой метеорит, поменьше, и пропорол ее. Третья пробоина была совсем небольшая, только-только пролезть человеку в скафандре. Мы нырнули в нее один за другим.

Наверно, во всю жизнь мне не доведется испытать такого странного чувства, какое владело мной, когда я висел под этим исполинским сводом, будто паук под куполом собора Святого Петра. Мы знали, что нас окружает огромное пространство, но не знали, как оно велико, потому что свет фонарей не давал возможности судить о расстоянии. Здесь не было пыли, не было воздуха, поэтому лучи были попросту невидимы. Направишь луч на купол — светлый овал скользит все дальше, расплывается и наконец совсем пропадает. Посветишь «вниз» — видно какое-то бледное пятно, но так далеко, что ничего не разобрать.

Под действием еле заметной силы тяжести мы медленно падали, пока нас не остановили тросы. Над собой я видел мерцающий кружок там, где мы входили; конечно, далеко, но все-таки легче на душе.

Я раскачивался на тросе, во тьме кругов мерцали бледные звездочки — фонарики моих товарищей, и тут меня вдруг осенило. Забыв, что все радиопрофоны настроены на одну волну, я завопил:

— Профессор, по-моему, это вовсе не планета! Это космический корабль.

И тут же смолк, чувствуя себя последним дураком. Секунду царила напряженная тишина, затем она сменилась нестройным гулом — все заговорили разом. Тем не менее я разобрал голос профессора Форстера и сразу понял, что он удивлен и доволен.

— Совершенно верно, Джек. На этом корабле «культура Х» прибыла в солнечную систему.

Кто-то — кажется, Эрик Фултон — недоверчиво хмыкнул.

— Это фантастика! Корабль поперечником в тридцать километров!

— Уж вы-то должны в этом разбираться, — заметил профессор неожиданно кротко. — Представьте себе, что какая-то цивилизация задумала пересечь межзвездное пространство — как решить задачу? Только так: собрать в космосе управляемый планетоид, хотя бы на это ушло не одно столетие. Ведь надо обеспечить несколько поколений всем необходимым, поэтому корабль должен быть самостоятельным миром, отсюда такие размеры. Кто знает, сколько солнц они облетели, прежде чем нашли наше и кончились их поиски? Наверно, у них были и другие корабли, поменьше, чтобы спускаться на планеты, база же в это время оставалась где-нибудь в космосе. Они выбрали эту орбиту вокруг самой большой планеты, где можно было спокойно

оставить корабль на веки вечные — или до той поры, пока он не понадобится опять. Простейшая логика: если пустить базу вокруг солнца, со временем притяжение планет изменит ее орбиту настолько, что потом не отыщешь. Здесь же ничего подобного произойти не могло.

— Скажите, профессор,— спросил кто-то,— вы все это знали еще до начала экспедиции?

— Предполагал... Такой вывод подсказывали все факты. Пятый спутник всегда отличался некоторыми странностями, но до сих пор на это как-то не обращали внимания. Почему эта крохотная луна находится так близко от Юпитера, в семьдесят раз ближе, чем остальные малые спутники? С точки зрения астрономии это нелепо. А теперь довольно болтовни. Нас ждет работа.

И какая это была работа! На долю нашей семерки выпало величайшее археологическое открытие всех времен, и нам предстояло исследовать целый мир — пусть маленький, пусть искусственный, но все-таки мир. Что мы могли сделать? Наскоро провести беглую разведку, ведь материала здесь было достаточно для поколений исследователей.

Прежде всего мы спустили в проем мощный прожектор, подвешенный на длинном кабеле, который соединял его с кораблем. Прожектор должен был не только освещать внутреннюю часть спутника (до сих пор не могу заставить себя называть «Пятерку» кораблем), но и служить нам маяком. Затем мы спустились вдоль кабеля до следующего яруса. При такой малой силе тяжести падение с высоты в один километр ничем не грозило; легкий толчок полностью погашался пружинящими шестами, которыми мы вооружились.

Не буду занимать место описанием всех чудес «Пятерки», и без того опубликовано достаточно снимков, карт и книг. (Кстати, следующим летом в издательстве «Сиджвик энд Джексон» выйдет моя книга.) Что мне хотелось бы,

так это передать вам ощущения людей, которые первыми проникли в этот странный металлический мир. Но я, поверьте, просто не помню, что чувствовал, когда мы увидели первую входную шахту, словно накрытую исполинским грибом. Должно быть, случившееся чудо настолько поразило и взволновало меня, что частности просто забылись. Однако я помню, какое впечатление произвели на меня размеры конструкции. Этого никакие фотографии не могут передать. Создатели «Пятерки», уроженцы планеты с небольшим тяготением, были настоящие великаны, в четыре человеческих роста. Рядом с их сооружениями мы выглядели пигмеями.

В тот первый раз мы не проникли дальше верхних ярусов и не видели тех чудес науки, которые были открыты последующими экспедициями. Да нам и в жилых отсеках хватало работы; прожили мы несколько жизней, и то не управились бы со всем. По-видимому, в прошлом внутренний шар освещался искусственным солнечным светом, источником которого была тройная защитная оболочка, не позволявшая атмосфере улетучиться в космос. На поверхности шара юпитеряне (так уж повелось называть представителей «культуры Х») старательно воспроизвели условия покинутого ими мира. Вполне возможно, что у них были дожди и туманы, дни и ночи, сменялись времена года. Они взяли с собой в изгнание даже крохотное «море». Вода сохранилась, превратившись в ледяное поле шириной около трех километров. Говорят, как только будут заделаны пробоины в наружных оболочках, воду подвергнут электролизу и восстановят на «Пятерке» атмосферу.

Чем больше мы видели, тем больше нам нравились существа, в чьи владения мы вторглись впервые за пять миллионов лет. Они были великанами, они прилетели из другой солнечной системы, но в них было много человеческого. И бесконечно жаль, что наши цивилизации разми-

нулись на какие-то секунды, если мерять космическими масштабами.

Наверное, еще никому в истории археологии так не везло, как нам. Во-первых, космический вакуум предохранил все от разрушения. Во-вторых, юпитеряне — на это уж никак нельзя было рассчитывать, — принимаясь осваивать солнечную систему, оставили на корабле немало сокровищ. На поверхности внутреннего шара все выглядело так, как будто долгое путешествие корабля закончилось только вчера. Возможно, странники решили сберечь базу как святыню, как память о покинутой родине, а может быть, думали, что им эти вещи еще когда-нибудь пригодятся.

Так или иначе, все сохранилось в первозданном виде. Иной раз даже страшно становилось. Фотографирую вместе с Биллом великолепную резьбу, и вдруг буквально душа сжимается от чувства какой-то вневременности. И я пугливо озираюсь: кажется, вот-вот в эти стрельчатые двери войдут великаны и возобновят прерванную на миг работу.

Мы открыли галерею искусств на четвертый день. Иначе не скажешь, это была именно галерея. Когда Грувс и Сирл после беглой разведки южного полушария доложили об этом открытии, мы решили сосредоточить там все наши силы. Ведь, как сказал кто-то, в искусстве выражается душа народа. Мы надеялись найти там ответ на загадку «культуры X».

Постройка была громадной, даже для таких исполинов. Металлическая, как и все остальные постройки на «Пятерке», она, однако, не казалась бездушно практичной. Ее шпиль взметнулся вверх на половину расстояния до крыши этого мира, и издали, откуда не видно деталей, здание походило на готический собор. Некоторые авторы, сбитые с толку этим случайным сходством, называют это здание храмом, но мы не обнаружили никаких следов религии у

юпитерян. Другое дело — Храм искусств, недаром это название укоренилось так прочно.

Приблизительно подсчитано, что в одном этом хранилище от десяти до двадцати миллионов экспонатов — лучших плодов долгой истории народа, который, вероятно, был намного старше человечества. Именно здесь я обнаружил небольшое круглое помещение, сперва показавшееся мне всего лишь местом пересечения шести радиальных коридоров. Я отправился на разведку один, нарушая приказ профессора, и теперь искал кратчайшего пути обратно, к своим товарищам. По сторонам беззвучно уходили назад темные стены, свет фонаря плясал по потолку впереди. Потолок был покрыт высеченными письменами, и я с таким вниманием изучал их в надежде обнаружить знакомые сочетания, что не замечал ничего вокруг. Вдруг я увидел статую и навел на нее фонарь.

Первое впечатление от великого произведения искусства всегда неповторимо. А тут еще оно усиливалось тем, какой предмет был изображен. Я первым из всех людей узнал, как выглядели юпитеряне, — да-да, передо мной стоял юпитерянин, несомненно изваянный с натуры, изваянный рукой подлинного мастера.

Узкая змеиная голова была повернута ко мне, незрячие глаза смотрели прямо в мои. Верхние две руки, как бы выражая отрешенность, были прижаты к груди, две другие держали инструмент, назначение которого не разгадано до сих пор. Мощный хвост — видимо, он, как у кенгуру, служил опорой для тела — был распростерт по полу, подчеркивая впечатление покоя.

Ни лицом, ни телом он не походил на человека. Так, совсем отсутствовали ноздри, а на шее виднелось что-то вроде жаберных щелей. И все-таки эта фигура глубоко тронула меня. Я никогда не думал, что художник может так победить время, преодолеть барьер, разделяющий две

культуры. «Не человек, но так человечеп!» — сказал о скульптуре профессор Форстер. Конечно, многое отличало нас от творцов этого мира, но в главном мы были близки друг другу.

Мы ведь способны по морде собаки или лошади, отнюдь не родственных созданий, догадываться об их чувствах. Так и здесь мне казалось, что я понимаю чувства существа, которое стояло передо мной. Я видел мудрость, видел ту твердость, спокойную, уверенную силу, которой, например, проникнут знаменитый портрет дожа Лоредано кисти Джованни Беллини. Но угадывалась и печаль, печаль народа, который совершил безмерный подвиг — и понапраспу.

До сих пор остается загадкой, почему эта статуя оказалась единственным изображением юпитерянина. Вряд ли у столь просвещенного народа могли быть какие-нибудь табу на этот счет. Возможно, мы узнаем, в чем дело, когда расшифруем надписи на стенах маленького зала.

Впрочем, назначение статуи и без того понятно. Ее поставили, чтобы она, одержав победу над временем, приветствовала здесь того, кто когда-нибудь пройдет по следу ее творцов. Наверно, именно поэтому она сделана намного меньше натуральной величины. Видно, они уже тогда догадывались, что будущее принадлежит Земле или Венере, а это значит — существам, которые выглядели бы карликами рядом с юпитерянами. Они понимали, что физические размеры могут оказаться таким же барьером, как время.

Через несколько минут я отыскал своих товарищей и вместе с ними направился к кораблю, спеша рассказать про свое открытие профессору, который весьма неохотно оставил работу, чтобы немного отдохнуть, — все время, пока мы находились на «Пятерке», профессор Форстер спал не больше четырех часов в сутки. Когда мы выбра-

лись из пробоины и вновь оказались под звездами, металлическую равнину заливал золотистый свет Юпитера.

— Вот так штука! — услышал я в радиопhone голос Билла. — Профессор передвинул корабль.

— Чепуха, — возразил я. — Он стоит там, где стоял.

Но тут я повернул голову и понял, почему Билл ошибся. К нам прибыли гости.

В двух-трех километрах от нашего корабля стояла его вылитая копия — во всяком случае, так казалось моему неопытному глазу. Быстро пройдя через воздушный шлюз, мы обнаружили, что профессор, с припухшими от сна глазами, уже развлекает гостей. Их было трое, в том числе — к нашему удивлению и, честно говоря, удовольствию — одна прехорошенькая брюнетка.

— Познакомьтесь, — каким-то тусклым голосом сказал профессор Форстер. — Это мистер Рэндольф Мейз. Автор научно-популярных книг. А это... — Он повернулся к Мейзу: — Простите, я не разобрал фамилии...

— Мой пилот, Дональд Гопкинс... моя секретарша, Мериэн Митчелл.

Слову «секретарша» предшествовала короткая пауза, почти незаметная, однако вполне достаточная, чтобы в моем мозгу замигала сигнальная лампочка. Я не выдал своих чувств, однако Билл бросил на меня взгляд, который красноречивее всяких слов сказал: «Если ты думаешь то же, что я, мне за тебя стыдно».

Мейз был высокий, лысоватый, тощий мужчина, излучавший доброжелательность, без сомнения напускную, — защитная окраска человека, для которого дружеский тон был профессиональным приемом.

— Очевидно, это для вас такой же сюрприз, как и для меня, — произнес он с чрезмерным добродушием. — Никак не ожидал, что меня здесь кто-то опередит. Я уже не говорю обо всем этом...

— Зачем вы сюда прилетели? — спросил Эштон, стараясь не показаться чересчур подозрительным.

— Я как раз объяснял профессору. Мериэн, дайте мне, пожалуйста, папку. Спасибо.

Достав из папки серию прекрасно выполненных картин на астрономические темы, он роздал их нам. Это были виды планет с их спутников, сюжет достаточной избитый.

— Вы, конечно, видели сколько угодно картин в этом роде, — продолжал Мейз. — Но эти не совсем обычны, им почти сто лет. Написал их художник по имени Чесли Боунстелл, они были напечатаны в «Лайфе» в 1944 году, задолго до начала межпланетных полетов. А теперь редакция «Лайф» поручила мне облететь солнечную систему и посмотреть, насколько фантазия художника была близка к правде. В сотую годовщину первой публикации репродукции опять появятся в журнале, а рядом будут фотографии с натуры. Хорошо придумано, верно?

В самом деле, неплохо. Но появление второй ракеты несколько осложняло дело... Что-то думает об этом профессор? Тут я перевел взгляд на мисс Митчелл, которая скромно стояла в сторонке, и решил, что нет худа без добра.

Мы были бы только рады другим исследователям, если бы не вопрос о приоритете. Можно было наперед сказать, что Мейз израсходует здесь все свои пленки и полным ходом помчится обратно на Землю, махнув рукой на задание редакции. Как ему помешаешь — да и стоит ли? Широкая реклама, поддержка прессы нам только на пользу, но мы предпочли бы сами выбрать время и образ действия. Я спросил себя, можно ли считать профессора тактичным человеком, и решил, что беды не миновать.

Однако на первых порах дипломатические отношения развивались вполне удовлетворительно. Профессору пришла в голову отличная мысль — каждый из нас был при-

креплен к кому-то из группы Мейза и совмещал обязанности гида и надзирателя. И так как число исследователей удвоилось, работа пошла гораздо быстрее. Ведь в таких условиях опасно ходить в одиночку, и прежде это сильно замедляло дело.

На следующий день после прибытия Мейза профессор рассказал нам, какой политики он решил придерживаться.

— Надеюсь, обойдется без недоразумений, — сказал он, слегка хмурясь. — Что до меня, то пусть ходят, где хотят, и снимают, сколько хотят, только бы ничего не брали и не вернулись со своими снимками на Землю раньше нас.

— Не представляю себе, как мы им можем помешать, — возразил Эштон.

— Видите ли, я думал избежать этого, но пришлось сделать заявку на «Пятерку». Вчера вечером я радировал на Ганимед, и сейчас моя заявка, наверно, уже в Гааге.

— Но ведь заявки на астрономические тела не регистрируются. Мне казалось, этот вопрос был решен еще в прошлом веке, в связи с Луной.

Профессор лукаво улыбнулся.

— Вы забываете, речь идет не об астрономическом теле. В моей заявке речь идет о спасенном имуществе, и я сделал ее от имени Всемирной организации наук. Если Мейз что-нибудь увезет с «Пятерки», это будет кража у ВОН. Завтра я очень мягко растолкую мистеру Мейзу, как обстоит дело, пока его еще не осенила какая-нибудь блестящая идея.

Странно было думать о Пятом спутнике как о спасенном имуществе, и я заранее представлял себе, какие юридические споры разгорятся, когда мы вернемся домой. Но пока что ход профессора обеспечил нам определенные права, поэтому Мейз поостережется собирать сувениры — так мы оптимистически считали.

С помощью разных уловок я добился того, что несколь-

ко раз меня назначали напарником Мериэн, когда мы отправлялись обследовать «Пятерку». Мейз явно не имел ничего против этого, да и с чего бы ему возражать: космический скафандр — самая надежная охрана для молодой девушки, черт бы его побрал.

Разумеется, при первой возможности я сводил ее в галерею искусств и показал свою находку. Мериэн долго смотрела на статую, освещенную лучом моего фонаря.

— Как это прекрасно, — молвила она наконец. — И только представить себе, что она миллионы лет ждала здесь в темноте! Но ее надо как-то назвать.

— Уже. Я назвал статую «Посланник».

— Почему?

— Понимаете, для меня это в самом деле посланник или гонец, если хотите, который донес до нас весть из прошлого. Ваятели знали, что рано или поздно кто-нибудь явится.

— Пожалуй, вы правы. Посланник... Действительно, совсем неплохо. В этом есть что-то благородное. И в то же время очень грустное. Вам не кажется?

Я убедился, что Мериэн очень умная женщина. Просто удивительно, как хорошо она меня понимала, с каким интересом рассматривала все, что я ей показывал. Но «Посланник» поразил ее воображение сильнее всего, она снова и снова возвращалась к нему.

— Знаете, Джек, — сказала она (кажется, на следующий день после того, как Мейз приходил посмотреть статую), — вы должны привезти это изваяние на Землю. Представляете себе, какая будет сенсация!

Я вздохнул.

— Профессор был бы рад, но в ней не меньше тонны. Горючего не хватит. Придется ей подождать до следующего раза.

На лице Мериэн отразилось удивление.

— Но ведь здесь предметы ничего не весят, — возразила она.

— Это совсем другое, — объяснил я. — Есть вес, и есть инерция. Инерция... Ну да неважно. Так или иначе, мы не можем увезти статую. Капитан Сирл наотрез отказывается.

— Как жаль, — сказала Мериэн.

Я вспомнил этот разговор только вечером накануне нашего отлета. Целый день мы трудились как заведенные, укладывая снаряжение (разумеется, часть мы оставили для будущих экспедиций). Все пленки были израсходованы. Как объявил Чарли Эштон, попадись нам теперь живой юпитерянин, мы не смогли бы запечатлеть этот факт. По-моему, каждый из нас жаждал хотя бы небольшой передышки, чтобы на свободе разобраться в своих впечатлениях и прийти в себя от лобового столкновения с чужой культурой.

Корабль Мейза «Генри Люс» был тоже почти готов к отлету. Мы условились стартовать одновременно; это как нельзя лучше устраивало профессора — он не хотел бы оставлять Мейза на «Пятерке» одного.

Итак, все было готово, но тут, просматривая наши записи, я вдруг обнаружил, что не хватает шести экспонированных пленок. Тех, на которые мы сняли надписи в Храме искусств. Поразмыслив, я вспомнил, что эти пленки были вручены мне и что я аккуратно положил их на карниз в Храме, с тем чтобы забрать позже.

Старт еще не скоро, профессор и Эштон, наверстывая упущенное, крепко спят, почему бы мне не сбегать потихоньку за пленками? Я знал, что за пропажу мне намылят голову, а тут каких-нибудь полчаса — и все будет в порядке. И я отправился в Храм искусств, на всякий случай предупредив Билла.

Прожектор, конечно, был убран, и внутри «Пятерки» царил гнетущая темнота. Но я оставил у входа сигналь-

ный фонарь, прыгнул и падал, пока не увидел, что пора прервать свободное падение. Десять минут спустя я уже держал в руках забытые пленки.

Желание еще раз проститься с «Посланником» было только естественным. Кто знает, сколько лет пройдет, прежде чем я увижу его вновь, а этот спокойно-загадочный образ притягивал меня.

К сожалению, притягивал он не только меня. Пьедестал был пуст, статуя исчезла.

Конечно, я мог незаметно вернуться и никому ничего не говорить во избежание неприятных объяснений. Но я был так взбешен, что меньше всего думал об осторожности. Возвратившись на корабль, я тотчас разбудил профессора и доложил ему о случившемся.

Он сел на койке, протирая глаза, и произнес по адресу мистера Мейза и его спутников несколько слов, которых здесь лучше не воспроизводить.

— Одного не понимаю, — недоумевал Сирл, — как они ее вытащили. А может быть, не вытащили? Мы должны были заметить их.

— Там столько укромных уголков. А потом улучили минуту, когда никого из нас не было поблизости, и вынесли ее. Не так-то просто это было сделать, даже при здешнем тяготении. — В голосе Эрика Фултона звучало явное восхищение.

— Сейчас не время обсуждать их уловки, — рявкнул профессор. — У нас есть пять часов на то, чтобы придумать какой-нибудь план. Раньше они не взлетят, ведь мы только что прошли точку противостояния с Ганимедом. Я не ошибаюсь, Кингсли?

Сирл кивнул.

— Нет, лучше всего стартовать, когда мы окажемся по ту сторону Юпитера, — всякая другая траектория полета потребует слишком много горючего.

— Отлично. Значит, мы располагаем временем. У кого есть предложения?

Теперь, задним числом, мне иногда кажется, что мы поступили несколько странно и не совсем так, как приличествует цивилизованным людям. Всего два-три месяца назад нам и в голову не пришло бы ничего похожего. Но мы предельно устали, и мы страшно рассердились, и к тому же вдалеке от остального человечества все выглядело как-то иначе. Закон отсутствовал, оставалось только самим вершить правосудие...

— Можем мы помешать им взлететь? Например, повредить их двигатель? — спросил Билл.

Сирл наотрез отверг эту идею.

— Всему есть предел, — сказал он. — Не говоря уже о том, что Дон Гопкинс мой друг. Он мне никогда не простит, если я выведу из строя его корабль. Особенно если потом окажется, что поломку нельзя исправить.

— Украдем горючее, — лаконично посоветовал Грувс.

— Правильно! Видите, иллюминаторы темные, значит, все спят. Подключайся и откачивай.

— Прекрасная мысль! — вмешался я. — Но до их ракеты два километра. Какой у нас трубопровод? Сто метров наберется?

На мои слова не обратили ни малейшего внимания; все продолжали обсуждать идею Грувса. За пять минут технические вопросы были решены, оставалось только надеть скафандры и приступить к работе.

Записываясь в экспедицию профессора Форстера, я не подозревал, что когда-нибудь окажусь в роли африканского носильщика из древнего приключенческого романа и буду таскать груз на голове. И какой груз — одну шестую часть космического корабля! (От профессора Форстера, при его росте, проку было немного.) На Пятом спутнике корабль с полупустыми баками весил около двухсот кило-

граммов. Мы подлезли под него, поднатужились — и оторвали его от площадки. Конечно, оторвали не сразу, ведь масса корабля оставалась неизменной. Затем мы потащили его вперед.

Все это оказалось несколько сложнее, чем мы думали, и идти пришлось довольно долго. Но вот наконец второй корабль стоит рядом с первым. На «Генри Люсе» ничего не заметили, экипаж крепко спал, полагая, что и мы спим не менее крепко.

Я слегка запыхался, но радовался, как школьник, когда Сирл и Фултон вытащили из нашего воздушного шлюза трубопровод и тихонько подсоединили его к бакам «Генри Люса».

— Прелесть этого плана в том, — объяснил мне Грувс, — что они не могут нам помешать, для этого надо выйти и отсоединить трубопровод. Мы выкачаем все за пять минут, а им нужно две с половиной минуты только на то, чтобы надеть скафандры.

Вдруг мне стало очень страшно.

— А если они запустят двигатели и попытаются взлететь?

— Тогда от нас всех останется мокрое место. Да нет, сперва они выйдут проверить, в чем дело. Ага, насосы заработали.

Трубопровод напрягся, как пожарный рукав под давлением, — значит, горячее начало поступать в наши баки. Мне казалось, что вот-вот иллюминаторы «Генри Люса» озарятся светом и ошеломленный экипаж выскочит наружу, и я даже разочаровался, когда этого не произошло. Видно, крепко они спали, если даже не ощутили вибрации от работающих насосов. Но вот перекачка закончена, Сирл и Фултон осторожно убрали трубопровод и уложили его в шлюз. Все обошлось, и вид у нас был довольно глупый.

— Ну? — спросили мы у профессора.

— Вернемся на корабль, — ответил он, поразмыслив.

Мы сняли скафандры, кое-как втиснулись в рубку, и профессор, сев к передатчику, отбил на ключе сигнал тревоги. После этого оставалось подождать несколько секунд, пока сработает автомат на корабле соседей.

Ожил телевизор, на нас испуганно глядел Мейз.

— А, Форстер! — буркнул он. — Что случилось?

— У нас — ничего, — ответил профессор бесстрастно. — А вот вы кое-что потеряли. Поглядите на топливомер.

Экран опустел, а из динамика вырвались нестройные возгласы. Но вот опять показался Мейз — злой и не на шутку встревоженный.

— В чем дело? — сердито рявкнул он. — Вы к этому причастны?

Профессор дал ему покипеть, потом наконец ответил:

— Мне кажется, будет лучше, если вы придете к нам для переговоров. Тем более что идти вам недалеко.

Мейз слегка опешил, но тут же отчеканил:

— И приду!

Экран опять опустел.

— Придется ему пойти на попятный! — злобно сказал Билл. — Другого выхода у него нет!

— Не так все это просто, — охладил его Фултон. — Если бы Мейз захотел, он не стал бы даже разговаривать с нами, а вызвал бы по радио заправщика с Ганимеда.

— А что ему это даст? Он потеряет несколько дней и уйму денег.

— Зато у него останется статуя. А деньги он вернет через суд.

Вспыхнула сигнальная лампочка шлюза, и в рубку втиснулся Мейз. Судя по его лицу, он успел все взвесить по дороге и настроился на мирный лад.

— Ну-ну, — начал он добродушно. — Зачем вы затеяли всю эту чепуху?

— Вы отлично знаете зачем,—холодно ответил профессор. — Я же прямо объяснил вам, что с «Пятерки» ничего вывозить нельзя. Вы присвоили имущество, которое вам не принадлежит.

— Но послушайте! Кому оно принадлежит? Не станете же вы утверждать, что на этой планете все — ваша личная собственность?

— Это не планета — это корабль, а значит, тут приложим закон о спасенном имуществе.

— Весьма спорный вопрос. Вы не думаете, что лучше подождать, когда ваши претензии подтвердит суд?

Профессор держался весьма вежливо, но я видел, что это стоит ему огромных усилий.

— Вот что, мистер Мейз, — произнес он с зловещим спокойствием. — Вы забрали самую важную из сделанных нами находок. Я могу в какой-то мере извинить ваш поступок, так как вам не понять археолога, вроде меня, и вы не отдаете себе отчета в том, что сделали. Верните статую, мы перекачаем вам горячее и забудем о случившемся.

Мейз задумчиво потер подбородок.

— Не понимаю, почему столько шума из-за какой-то статуи, ведь здесь много всякого добра.

И вот тут-то профессор допустил промах.

— Вы рассуждаете, словно человек, который украл из Лувра «Мону Лизу» и полагает, что ее никто не хватится, раз кругом висит еще столько картин! Эта статуя настолько уникальна, что никакое произведение искусства на Земле не идет с ней в сравнение. Вот почему она должна быть возвращена.

Когда торгуешься, нельзя показывать, насколько ты заинтересован в заключении сделки. Я сразу заметил алчный огонек в глазах Мейза и сказал себе: «Ага! Он заартачится». Вспомнились слова Фултона насчет заправщика с Ганимеда.

— Дайте мне полчаса на размышление, — сказал Мейз, поворачиваясь к выходу.

— Пожалуйста, — сухо ответил профессор. — Но только полчаса, ни минуты больше.

Мейз все-таки был далеко не глуп: не прошло и пяти минут, как его антенна медленно повернулась и нацелилась на Ганимед. Конечно, мы попытались перехватить разговор, но он работал с засекречивателем. Эти газетчики, как видно, не очень доверяют друг другу.

Ответ был передан через несколько минут и тоже засекречен. В ожидании дальнейших событий мы снова устроили военный совет. Профессор дошел до той стадии, когда человек идет напролом, ни с чем не считаясь. Сознание своей ошибки только прибавило ему ярости.

Очевидно, Мейз чего-то опасался, потому что вернулся он с подкреплением. Его сопровождал пилот Дональд Гопкинс, который явно чувствовал себя неловко.

— Все улажено, профессор, — сообщил Мейз с торжеством. — На худой конец я смогу вернуться без вашей помощи, хотя это займет немного больше времени. Но я не отрицаю, что лучше договориться, это сэкономит и время, и деньги. Вот мое последнее слово: вы возвращаете горючее, а я отдаю вам все остальные — э-э — сувениры, которые собрал. Но «Мона Лиза» остается у меня, даже если я из-за этого смогу попасть на Ганимед только на следующей неделе.

Сперва профессор изрек некоторое число проклятий, которые принято называть космическими, хотя, честное слово, они мало чем отличаются от земной ругани. Облегчив душу, он заговорил с недоброй учтивостью:

— Любезный мистер Мейз, вы отъявленный мошенник, и, следовательно, я не обязан с вами церемониться. Я готов применить силу, закон меня оправдает.

Мы заняли стратегические позиции у двери. На лице Мейза отразилась легкая тревога, совсем легкая.

— Оставьте эту мелодраму, — надменно произнес он. — Сейчас двадцать первый век, а не тысяча восьмисотые годы, и здесь не Дикий Запад.

— Дикий Запад — это тысяча восемьсот восьмидесятые годы, — поправил его педантичный Билл.

— Считайте себя арестованным, а мы пока решим, как поступить, — продолжал профессор. — Мистер Сирл, проводите его в кабину Б.

Мейз с нервным смешком прижался спиной к стене.

— Полно, профессор, это ребячество! Вы не можете задерживать меня против моей воли. — Он взглянул на капитана «Генри Люса», ища у него поддержки.

Дональд Гопкинс стряхнул с кителя незримую пылинку.

— Я не желаю вмешиваться во всякие свары, — произнес он в пространство.

Мейз злобно посмотрел на своего пилота и нехотя сдался. Мы снабдили его книгами и заперли.

Как только Мейза увели, профессор обратился к Гопкинсу, который завистливо глядел на наши топливомеры.

— Я не ошибусь, капитан, — вежливо сказал он, — если предположу, что вы не желаете быть соучастником махинаций вашего нанимателя.

— Я нейтрален. Мое дело — привести корабль сюда и обратно на Землю. Вы уж сами разбирайтесь.

— Спасибо. Мне кажется, мы друг друга отлично понимаем. Может быть, вы вернетесь на свой корабль и объясните ситуацию. Мы свяжемся с вами через несколько минут.

Капитан Гопкинс небрежной походкой направился к выходу. У двери он повернулся к Сирлу.

— Кстати, Кингсли, — бросил он. — Вы не думали о

пытках? Будьте добры, известите меня, если решите к ним прибегнуть, — у меня есть кое-какие забавные идеи.

С этими словами он вышел, оставив нас с нашим заложником.

Насколько я понимаю, профессор рассчитывал на прямой обмен. Но он не учел одной вещи, а именно характера Мериэн.

— Поделом Рэндольфу, — сказала она. — А впрочем, какая разница? На вашем корабле ему ничуть не хуже, чем у нас, и вы ничего не посмеете с ним сделать. Сообщите мне, когда он вам надоест.

Тупик! Мы явно перемудрили и ровным счетом ничего не добились. Мейз был в наших руках, но это нам ничего не дало.

Профессор мрачно смотрел в иллюминатор, повернувшись к нам спиной. Исполинский диск Юпитера словно опирался краем на горизонт, закрыв собой почти все небо.

— Нужно ее убедить, что мы не шутим, — сказал Форстер. Он повернулся ко мне. — Как по-вашему, она по-настоящему любит этого мерзавца?

— Гм... Кажется, да. Да, конечно.

Профессор задумался. Потом он обратился к Сирлу:

— Пойдемте ко мне. Я хочу с вами кое-что обсудить.

Они отсутствовали довольно долго, когда же вернулись, на лицах обоих отражалось злорадное предвкушение чего-то, а профессор держал в руке лист бумаги, исписанный цифрами. Подойдя к передатчику, он вызвал «Генри Люса».

— Слушаю. — Судя по тому, как быстро ответила Мериэн, она ждала нашего вызова. — Ну как, решили дать отбой? А то ведь это уже становится скучным.

Профессор сурово посмотрел на нее.

— Мисс Митчелл, — сказал он. — Вы, очевидно, не приняли наши слова всерьез. Поэтому я решил показать

вам... им... что мы не шутим. Я поставлю вашего шефа в такое положение, что ему очень захочется, чтобы вы поскорее его выручили.

— В самом деле? — бесстрастно осведомилась Мериэн, однако мне показалось, что я уловил в ее голосе оттенок тревоги.

— Наверно, вы не очень разбираетесь в небесной механике, — продолжал профессор елейным голосом. — Я угадал? Жаль, жаль. Впрочем, ваш пилот подтвердит вам все, что я сейчас скажу. Верно, мистер Гопкинс?

— Валяйте, — донесся сугубо нейтральный голос.

— Слушайте внимательно, мисс Митчелл. Позвольте сначала напомнить вам, что наше положение на этом спутнике не совсем обычно, даже опасно. Достаточно выглянуть в иллюминатор, чтобы убедиться — Юпитер совсем рядом. Нужно ли напоминать вам, что поле тяготения Юпитера намного превосходит гравитацию остальных планет? Вам понятно все это?

— Да, — подтвердила Мериэн уже не так хладнокровно. — Продолжайте.

— Отлично. Наш мирок совершает полный оборот вокруг Юпитера за двенадцать часов. Так вот, согласно известной теореме, телу, падающему с орбиты, нужно ноль целых сто семьдесят семь тысячных периода, чтобы достичь центра сил притяжения. Другими словами, тело, падающее отсюда на Юпитер, достигнет центра планеты приблизительно через два часа семь минут. Капитан Гопкинс, несомненно, может вам это подтвердить.

После некоторой паузы мы услышали голос Гопкинса:

— Я, конечно, не могу поручиться за абсолютную точность приведенных цифр, но думаю, что все верно. Если и есть ошибка, то небольшая.

— Превосходно, — продолжал профессор. — Вы, разумеется, понимаете, — он добродушно усмехнулся, — что

падение к центру планеты — случай чисто теоретический. Если в самом деле бросить здесь какой-нибудь предмет, он достигнет верхних слоев атмосферы Юпитера намного быстрее. Я надеюсь, вам не скучно меня слушать?

— Нет, — ответила Мериэн очень тихо.

— Чудесно. Тем более что капитан Сирл рассчитал для меня, сколько же на самом деле продлится падение. Получается час тридцать пять минут, с возможной ошибкой в две-три минуты. Гарантировать абсолютную точность мы не можем, ха-ха! Вы, несомненно, заметили, что поле тяготения нашего спутника чрезвычайно мало. Вторая космическая скорость составляет здесь всего около десяти метров в секунду. Бросьте какой-нибудь предмет с такой скоростью, и он больше сюда не вернется. Верно, мистер Гопкинс?

— Совершенно верно.

— А теперь перейдем к делу. Сейчас мы думаем вывести мистера Мейза на прогулку. Как только он окажется точно под Юпитером, мы снимем с его скафандра реактивные пистолеты и... э... придадим мистеру Мейзу некое ускорение. Мы охотно догоним его на нашем корабле и подберем, как только вы передадите нам украденное вами имущество. Из моего объяснения, вы, конечно, поняли, что время играет тут очень важную роль. Час тридцать пять минут — удивительно короткий срок, не так ли?

— Профессор! — ахнул я. — Вы этого не сделаете!

— Помолчите! — рявкнул он. — Итак, мисс Митчелл, что вы на это скажете?

Лицо Мериэн отразило ужас, смешанный с недоверием.

— Это попросту блеф! — воскликнула она. — Я не верю, что вы это сделаете! Команда не позволит вам!

Профессор вздохнул.

— Очень жаль. Капитан Сирл, мистер Грувс, пожалуйста, сходите за арестованным и выполняйте мои указания.

— Есть, сэр, — торжественно ответил Сирл.

Мейз явно был испуган, но не думал уступать.

— Что вы еще задумали? — спросил он, когда ему дали его скафандр.

Сирл забрал его реактивные пистолеты.

— Одевайтесь, — распорядился он. — Мы идем гулять.

Только теперь я сообразил, что задумал профессор. Конечно, все это блеф, колоссальный блеф, он не бросит Мейза на Юпитер. Да если бы и захотел бросить, Сирл и Грувс на это не пойдут. Но ведь Мериэн раскусит обман, и мы сядем в лужу.

Убежать Мейз не мог; без реактивных пистолетов он был беспомощен. Сопровождающие взяли его под руки и потащили, будто привязной аэростат. Они тащили его к горизонту — и к Юпитеру.

Я посмотрел на соседний корабль и увидел, что Мериэн, стоя у иллюминатора, провожает взглядом удаляющееся трио. Профессор Форстер тоже заметил это.

— Надеюсь, мисс Митчелл, вы понимаете, что мои люди потащили не пустой скафандр. Позволю себе посоветовать вам вооружиться телескопом. Через минуту они скроются за горизонтом, но вы сможете увидеть мистера Мейза, когда он начнет... гм... восходить.

Динамик молчал. Казалось, томительному ожиданию не будет конца. Может быть, Мериэн задумала проверить решимость профессора?

Схватив бинокль, я направил его на небо над таким до нелепости близким горизонтом. И вдруг увидел крохотную вспышку света на желтом фоне исполинского диска Юпитера. Я быстро поправил фокус и различил три фигурки, поднимающиеся в космос. У меня на глазах они разделились: две притормозили ход пистолетами и начали падать обратно на «Пятерку», а третья продолжала лететь прямо к грозному небесному телу.

Я в ужасе повернулся к профессору.

— Они это сделали! Я думал, что это блеф!

— Мисс Митчелл, несомненно, тоже так думала, — холодно ответил профессор, адресуясь к микрофону. — Надеюсь, мне не надо вам объяснять, чем грозит промедление. Кажется, я уже говорил, что падение на Юпитер с нашей орбиты длится всего девяносто пять минут. Но вообще-то хватит и сорока минут, потом будет поздно...

Он сделал выразительную паузу. Динамик молчал.

— А теперь, — продолжал профессор, — я выключаю приемник, чтобы избежать бесполезных споров. Разговор мы возобновим, только когда вы отдадите статую... И остальные предметы, о которых мистер Мейз столь неосмотрительно проговорился. Всего хорошего.

Прошло десять томительных минут. Я потерял Мейза из виду и уже спрашивал себя, не пора ли связать профессора и помчаться вдогонку за его жертвой, пока мы еще не стали убийцами. Но ведь кораблем управляют те самые люди, которые своими руками совершили преступление. Я вконец растерялся.

Тут на «Генри Люсе» медленно открылся люк и показались две фигуры в скафандрах, поддерживавшие предмет наших раздоров.

— Полная капитуляция. — Профессор удовлетворенно вздохнул. — Несите сюда, — распорядился он по радио. — Я открою шлюз.

Он явно не торопился. Я все время поглядывал на часы — прошло уже пятнадцать минут. В воздушном шлюзе загремело, зазвенело, потом открылась дверь и вошел капитан Гопкинс. За ним следовала Мериэн, которой для полного сходства с Клитемнестрой не хватало только окровавленной секиры. Я боялся встретиться с ней взглядом, а профессор хоть бы что! Он прошел в шлюз, проверил, все ли возвращено, и вернулся, потирая руки.

— Ну, так, — весело сказал он. — А теперь присаживайтесь, выпьем и забудем это неприятное недоразумение.

— Вы с ума сошли! — возмущенно крикнул я, показывая на часы. — Он уже пролетел половину пути до Юпитера!

Профессор Форстер поглядел на меня с осуждением.

— Нетерпение — обычный порок юности, — произнес он. — Я не вижу никаких причин торопиться.

Тут впервые заговорила Мериэн; по ее лицу было видно, что она не на шутку испугана.

— Но ведь вы обещали, — прошептала она.

Профессор внезапно сдался. Последнее слово осталось за ним, и он вовсе не хотел продлевать пытку.

— Успокойтесь, мисс Митчелл, и вы, Джек, — Мейз в такой же безопасности, как и мы с вами. Его можно забрать в любую минуту.

— Значит, вы мне солгали?

— Ничуть. Все, что я вам говорил, — чистая правда. Только вы сделали неверный вывод. Когда я говорил вам, что тело, брошенное с нашей орбиты, упадет на Юпитер через девяносто пять минут, я — признаюсь, не без задней мысли — умолчал об одном важном условии. Надо было добавить: «Тело, находящееся в покое по отношению к Юпитеру». Ваш друг, мистер Мейз, летел по орбите вместе со спутником и с такой же скоростью, как спутник. Что-то около двадцати шести километров в секунду, мисс Митчелл. Да, мы выбросили его с «Пятерки» по направлению к Юпитеру. Но скорость, которую мы ему сообщили, — пустяк, практически он продолжает лететь по прежней орбите. Он может приблизиться к Юпитеру — капитан Сирл все это высчитал — самое большое на сто километров. В конце витка, через двенадцать часов, он будет в той самой точке, откуда стартовал, без всякой помощи с нашей стороны.

Наступило долгое, очень долгое молчание. Лицо Мериэн выражало и досаду, и облегчение, и злость человека которого обвела вокруг пальца. Наконец она повернулась к капитану Гопкинсу.

— Вы, конечно, знали все это! Почему вы мне ничего не сказали?

Гопкинс укоризненно посмотрел на нее.

— Вы меня не спросили, — ответил он.

Мы забрали Мейза через час. Он улетел всего на двадцать километров, и нам ничего не стоило отыскать его по маячку на его скафандре. Его радиотелефон был выведен из строя, и теперь-то я понял почему. Мейз был достаточно умен, чтобы сообразить, что ему ничего не грозит, и, если бы радиотелефон работал, он связался бы со своими и разоблачил наш обман. А впрочем, кто знает! Лично я на его месте предпочел бы дать отбой, хотя бы совершенно точно знал, что со мной ничего не случится. Сдается мне, ему там было очень одиноко...

Догнав Мейза на самом малом ходу, мы втащили его внутрь. К моему удивлению, он не устроил нам никакой сцены: то ли был слишком рад вернуться в нашу уютную кабину, то ли решил, что проиграл в честном бою и не стоит таить зла на победителя. Думаю, что второе вернее.

Ну вот, пожалуй, и все, если не считать, что на прощание мы еще раз натянули Мейзу нос. Ведь коммерческий груз на его корабле заметно уменьшился, значит, и горючего требовалось меньше, а излишки мы оставили себе. Это позволило нам увезти «Посланника» на Ганимед. Разумеется, профессор выписал Мейзу чек за горючее, все было вполне законно.

И еще один характерный эпизод, о котором я должен вам рассказать. В первый же день после того, как в Бри-

танском музее открылся новый отдел, я пошел туда посмотреть на «Посланника»: хотелось проверить, будет ли его воздействие на меня таким же сильным в новой обстановке. (Ну так вот: это было совсем не то, но все-таки впечатление сильное, и отныне я весь музей воспринимаю как-то иначе.) В зале было множество посетителей, и среди них я увидел Мейза и Мериэн.

Кончилось тем, что мы зашли в ресторан и очень приятно провели время за столиком. Надо отдать должное Мейзу, он не злопамятен. Вот только Мериэн меня огорчила.

Ей-богу, не понимаю, что она в нем находит.

ДЖЕЙМС МАККОННЕЛЛ

Джеймс Макконнелл — видный американский психолог, профессор, работает в области экспериментальной психологии, в частности занимается проблемами теории обучения. Автор ряда монографий.

Теория обучения

Я пишу это потому, что, насколько могу судить, Он хочет, чтобы я писал. Иначе зачем Он дал бы мне бумагу и карандаш? А «Он» я пишу с большой буквы потому, что это представляется мне наиболее логичным. Если я умер и нахожусь в аду, тогда большая буква — простое соблюдение приличий. Ну, а если я только пленник, то малая толика лести еще никогда никому не вредила.

Сидя в этом помещении и размышляя о случившемся, я более всего поражаюсь внезапности того, что произошло. Я гулял в рощице возле моего загородного дома, а в следующую секунду оказался в небольшой пустой комнате, голый, как птенец, и только способность логически рассуждать спасает меня от безумия. В момент «перемены» (в чем бы эта перемена ни заключалась) я не уловил ни малейшего перехода от прогулки по роще к пребыванию в этой комнате. Надо отдать должное тому, кто это проделал, — либо Он изобрел мгновенно действующий наркоз, либо разрешил проблему мгновенного перемещения материи в пространстве. Я предпочел бы первый вариант, так как второй вызывает слишком много опасений.

Насколько помню, в момент перехода я размышлял над тем, как лучше вдолбить моим первокурсникам-психоло-

гам некоторые из наиболее сложных положений теории обучения. Какими далекими и незначительными кажутся мне сейчас заботы академической жизни! По-моему, вполне простительно, что меня теперь гораздо больше занимает мысль о том, где я нахожусь и как отсюда выбраться, чем вопрос, какими ухищрениями добиться, чтобы первокурсники поняли Галла или Толмена.

Итак, проблема номер один: где я нахожусь? Вместо ответа я могу только описать это помещение. Оно имеет примерно шесть ярдов в длину, шесть ярдов в ширину и четыре ярда в высоту; окон нет вовсе, но в середине одной из стен есть что-то вроде двери. Все оно ровного серого цвета, а стены и потолок испускают довольно приятный неяркий белый свет. Стены сделаны из какого-то твердого материала — возможно, из металла, так как на ощупь они кажутся прохладными. Пол из более мягкого резиноподобного материала, который слегка пружинит под ногами. Кроме того, прикосновение к нему создает «щекотное» ощущение, откуда следует, что пол, вероятно, находится в состоянии постоянной вибрации. Он чуть теплей, чем стены, — тем лучше, так как другой постели у меня, по-видимому, не будет.

Мебели в помещении нет никакой, кроме чего-то вроде стола и чего-то вроде стула. Это не совсем стол и стул, но ими можно пользоваться и в качестве таковых. На столе я обнаружил бумагу и карандаш. Нет, это не совсем точно. «Бумага» гораздо грубее и толще той, к которой я привык, а «карандаш» — всего лишь тонкая палочка графита, которую я заострил о крышку стола.

Этим исчерпывается все, что меня окружает. Интересно, что Он сделал с моей одеждой. Костюм был старый, но судьба ботинок меня тревожит. Эти прогулочные ботинки очень мне нравились, стоили они недешево, и мне было бы весьма жаль их лишиться.

Однако все это не дает ответа на вопрос, где я, черт возьми, очутился — если, конечно, черт меня уже не взял.

Проблема номер два — орешек покрепче: почему я здесь? Будь я параноиком, конечно, пришел бы к заключению, что меня похитили какие-то мои враги. А может быть, даже вообразил бы, будто русские так заинтересовались моими исследованиями, что уволокли меня в какой-нибудь сибирский тайник и вот-вот войдут сюда предложить мне сотрудничество с ними или смерть. Но как ни грустно, для подобных фантазий у меня слишком реалистическая ориентация. Исследования, которые я вел, были очень интересны для меня и, может быть, еще для двух-трех психологов, занимающихся на досуге узкоспециальными проблемами обучения животных. Тем не менее моя работа не настолько важна для других, чтобы меня стоило похищать.

И я по-прежнему ничего не понимаю. Где я нахожусь и почему?

И кто такой Он?

Я решил не пытаться вести этот дневник по «дням» или «часам». Эти единицы времени в моем нынешнем положении утратили всякий смысл, так как, пока я не сплю, свет не меняется. Человеческий организм в отличие от многих видов низших животных не обладает точными внутренними часами. Многочисленные опыты неопровержимо доказывают, что человек, изолированный от всех внешних раздражителей, вскоре утрачивает ощущение времени. Поэтому я буду просто делать интервалы в моем повествовании и уповать на то, что Он посовестится требовать от меня нормальных записей, раз уж у Него не хватило сообразительности оставить мне мои часы.

Ничего особенного не произошло. Я спал, меня накор-

мили и напоили, и я опорожнил мочевой пузырь и кишечник. Пища стояла на столе, когда я проснулся в последний раз. Должен сказать, что Он отнюдь не гурман. Белковые шарики, на мой взгляд, никак нельзя назвать изысканным яством. Однако с их помощью можно пока не отдать богу душу (при условии, конечно, что я ее еще не отдал). Но я не могу не выразить протеста против того источника, из которого получаю питье. После еды меня начала мучить жажда, и я уже обрушивал проклятия на Него, а также на всё и вся, как вдруг заметил, что, пока я спал, в стене появился небольшой сосок. Я было подумал, что Фрейд все-таки прав и мое либидо подчинило себе мое воображение. С помощью эксперимента я, однако, убедился, что предмет этот вполне реален и что его назначение — служить для меня источником питья. Когда начинаешь его сосать, он источает прохладную сладковатую жидкость. Однако процедура эта чрезвычайно унижительна. Хватит и того, что я вынужден сидеть весь день в моем природном одеянии. Но чтобы профессору психологии приходилось вставать на цыпочки и сосать искусственный сосок, когда ему надо утолить жажду — это уж слишком! Я подал бы жалобу администрации, если бы только знал, кому ее адресовать!

После того как я поел и напился, естественные потребности стали заявлять о себе все настойчивее. Я уже привычен к современным удобствам, и отсутствие их поставило меня в чрезвычайно тяжелое положение. Но делать нечего — пришлось удалиться в угол и постараться смириться с неизбежным (да, кстати, это стремление удалиться в угол — не является ли оно в какой-то мере инстинктивным?). Однако в результате я узнал возможное назначение вибрации пола — не прошло и нескольких минут, как экскременты бесследно исчезли в полу. Процесс был постепенным. Теперь мне предстоит всякие неприятные раз-

мышления на тему о том, что может произойти со мной, если я засну слишком крепко.

Возможно, этого и следовало ожидать, но как бы то ни было, я начинаю замечать в себе некоторые параноидные тенденции. Пытаясь разрешить проблему номер два и понять, почему я нахожусь здесь, я вдруг заподозрил, что кто-то из моих университетских коллег использует меня для своего эксперимента. Макклири вполне способен задумать очередной фантастический эксперимент по «изоляции человека» и использовать меня в качестве контрольного материала. Конечно, ему следовало бы спросить моего согласия. С другой стороны, возможно, что подопытный не должен знать условий опыта. Но в таком случае у меня есть одно утешение: если все это действительно устроил Макклири, то ему придется вести занятия вместо меня, а он терпеть не может преподавать теорию обучения первокурсникам!

А знаете, тишина в этом месте какая-то гнетущая.

Внезапно я нашел ответ на две из моих загадок. Теперь я знаю, и где я нахожусь, и кто Он такой. И я благословляю день, когда меня заинтересовала проблема восприятия движения.

Прежде всего следует упомянуть, что содержание частичек пыли в воздухе этой комнаты выше нормального. Я не усматривал в этом ничего знаменательного, пока не обнаружил, что пыль скапливается на полу преимущественно вдоль одной из стен. Некоторое время я объяснял это системой вентиляции, предполагая, что в том месте, где эта стена соединяется с полом, проходит вытяжная труба. Однако когда я прижал там руку к полу, я не почувствовал ни малейшего движения воздуха. Но даже пока я держал ладонь прижатой к месту соединения стены и

пола, пылинки успели тонкой пеленой покрыть мою кожу. Я проделал тот же опыт во всех остальных частях комнаты — ничего подобного там не происходило. Явление это возникало только у одной-единственной стены и на всем ее протяжении.

Но если дело тут не в вентиляции, так в чем же? И вдруг у меня в памяти всплыли кое-какие расчеты, которыми я занялся, когда ракетчики впервые выдвинули идею создания станции-спутника с экипажем.

Инженеры бывают чудовищно наивны, когда речь идет о поведении человеческого организма в большинстве возможных ситуаций, и я вспомнил, как этот безалаберный народ попросту не учел проблемы восприятия вращения станции. Предполагалось, что дисковидному спутнику придано вращательное движение, чтобы центробежная сила заменила силу тяжести. В таком случае внешняя оболочка диска была бы «низом» для всех, находящихся внутри. Повидимому, конструкторы не учли, что человек столь же чувствителен к угловому вращению, как и к изменениям силы тяжести. Тогда я пришел к выводу, что стоит человеку внутри этого диска быстро переместить голову хотя бы на три-четыре фута дальше от центра диска, как она отчаянно закружится. Не так уж приятно, садясь на стул, каждый раз испытывать приступ тошноты. Кроме того, решил я, размышляя над этой проблемой, частички пыли и всякий мусор, по всей вероятности, будут смещаться в направлении, противоположном направлению вращения, и в результате скапливаться у любой стены или перегородки, оказавшейся на их пути.

Усмотрев в поведении пыли ключ к разгадке, я затем забрался на стол и спрыгнул с него. И действительно, когда я очутился на полу, моя голова гудела так, словно ее лягнул осел. Моя гипотеза подтвердилась.

Итак, я нахожусь на борту космического корабля.

Предположение это невероятно, и все же, как ни странно, в нем есть что-то утешительное. Во всяком случае, я могу пока отложить размышления о рае и аде — убежденному агностiku гораздо приятнее сознавать, что он находится на космическом корабле! Вероятно, я должен извиниться перед Макклири: мне следовало бы знать, что он ни за что на свете не решится на поступок, в результате которого ему придется вдальбивать первокурсникам теорию обучения.

И, разумеется, я знаю теперь, кто такой «Он». Вернее, я знаю, кем Он не является, а это в свою очередь дает пищу для размышлений. Как бы то ни было, я уже больше не могу воображать Его человеком. Утешителен этот вывод или нет — право, не берусь сказать.

Однако я по-прежнему не имею ни малейшего представления о том, почему я здесь очутился и почему этот звездный пришелец избрал своим гостем именно меня. Ну зачем я Ему нужен? Если бы Он стремился установить контакт с человечеством, то похитил бы какого-нибудь политического деятеля. В конце-то концов, именно таково назначение политических деятелей! Однако, поскольку никто не пытался установить со мной никакой связи, я должен с неохотой отвергнуть приятную надежду на то, что Он хотел бы установить контакт с *genus homo**.

А может быть, Он — какой-нибудь галактический ученый, скажем биолог, отправившийся в экспедицию на поиски новых видов. Фу! Какая неприятная мысль! А вдруг он окажется физиологом и кончит тем, что вскрыет меня, чтобы посмотреть, как я устроен внутри? И мои внутренности будут размазаны по предметным стеклышкам, чтобы десятки юных «Онов» разглядывали их под микроскопом?

* Биологический вид «человек» (лат.).— Прим. перев.

Бр-р-р! Я готов пожертвовать жизнью во имя науки, но предпочел бы сделать это по частям и постепенно.

С вашего разрешения я, пожалуй, попробую оттеснить все эти размышления в подсознание.

Боже правый! Мне следовало бы сразу догадаться! Судьба — большая любительница шуток, а у каждой шутки есть свой космический план. Он — психолог! Если бы я обдумал этот вопрос как следует, я бы понял, что, открывая новый вид, вы сначала интересуетесь поведением особи, а уж потом ее физиологией. Итак, на мою долю выпало наивысшее унижение... а может быть, наивысшее признание. Не знаю, что именно. Я стал подопытным животным для внеземного психолога!

Эта мысль впервые пришла мне в голову, когда я проснулся в последний раз (сны, должен сказать, снились мне ужасающие). Я немедленно заметил, что в комнате произошла какая-то перемена, и тут же обнаружил, что на одной из стен имеется что-то вроде рычага, а сбоку от него небольшое отверстие, под которым расположен приемник. Я неторопливо подошел к рычагу, начал его рассматривать и нечаянно нажал на него. Раздался громкий щелчок, из отверстия выскочил белковый шарик и упал в приемник.

На мгновение я недоуменно нахмурился. Все это показалось мне удивительно знакомым. И вдруг я разразился истерическим хохотом. Комната превратилась в гигантскую коробку Скиннера! В течение многих лет я исследовал процесс обучения животных, помещая белых крыс в коробку Скиннера и наблюдая за изменениями в их поведении. Крысы должны были научиться нажимать на рычаг, чтобы получить съедобный шарик, выбрасываемый точно таким же аппаратом, как тот, который появился на стене моей темницы. И вот теперь, после всех этих лет,

после всех моих исследований я оказался запертым, как крыса, в коробке Скиннера! Нет, наверное, это все-таки ад, сказал я себе, и приговор Лорда Верховного Палача гласил: «Пусть кара будет достойна преступления!»

Откровенно говоря, этот неожиданный поворот событий несколько меня расстроил.

По-видимому, мое поведение не расходится с теорией. Довольно быстро я обнаружил, что, нажимая рычаг, иногда получаю пищу, а иногда слышится только щелчок, но белковый шарик не падает в приемник. Примерно через каждые двенадцать часов аппарат выдает различное количество белковых шариков. Пока это число варьировалось от 5 до 15. Я никогда не знаю заранее, сколько крысиных... виноват, белковых шариков выдаст мне аппарат, и выбрасывает он их очень неравномерно. Иногда мне приходится нажимать на рычаг раз десять, прежде чем я получу хоть что-нибудь, а иногда шарик появляется после каждого нажима. Так как часов у меня нет, то я не знаю точно, когда приближается время кормления, и поэтому подхожу к рычагу и нажимаю на него через каждые несколько минут, если, по моим расчетам, двенадцать часов уже истекли. Точно так же, как мои крысы. А поскольку шарики невелики и я никогда не наедаюсь досыта, то порой я замечаю, что начинаю давить на рычаг со всем неистовством неразумного животного. Тем не менее как-то я пропустил время кормления и был уже на грани голодной смерти (так по крайней мере мне показалось), прежде чем аппарат, наконец, выбросил следующую порцию шариков. Единственное утешение для моей оскорбленной гордости я нахожу в том факте, что систематическое недоедание довольно быстро вернет моей фигуре стройность.

Во всяком случае, Он, по-видимому, не откармливает меня на убой. А может быть, Он просто предпочитает постное мясо?

Я получил повышение. По-видимому, Он в своей безграничной взвешенной мудрости решил, что у меня достаточно интеллекта, чтобы справляться с аппаратом скиннеровского типа, а посему я был повышен в чине и мне было предложено решать лабиринт. Вообразите всю глубочайшую иронию этой ситуации! На мне проверяется буквально вся классическая методика теории обучения! Если бы только я мог как-то вступить с Ним в общение! Мне обидно даже не то, что на меня сыплются эти тесты, а то, что мой разум оценивают так низко. Ведь я же способен решать задачи в тысячу раз сложнее тех, которые Он передо мной ставит. Но как Ему это объяснить?

Лабиринт имеет большое сходство с нашими стандартными Т-лабиринтами и запомнить его нетрудно. Правда, он довольно длинен, с двадцатью тремя разветвлениями на кратчайшем пути. В первый раз, когда я оказался в этом лабиринте, я блуждал в нем добрых полчаса. Как ни странно, я сначала не сообразил, что это такое, и поэтому не пытался сознательно запоминать правильные повороты. И только когда я добрался до последней камеры и обнаружил ожидающую меня пищу, я, наконец, сообразил, чего от меня ждут. В следующий раз я прошел лабиринт гораздо увереннее, а вскоре не делал уже ни одной ошибки. Однако моему самолюбию отнюдь не льстит мысль, что мои собственные белые крысы выучили бы этот лабиринт быстрее меня.

Аппарат Скиннера все еще не убран из моей, так сказать, «жилой клетки», только пищу рычаг выдает теперь лишь изредка. Я по-прежнему иногда на него нажимаю,

но так как в конце лабиринта я каждый раз получаю достаточно пищи, то рычаг меня уже не интересует.

Теперь, когда я совершенно точно знаю, что со мной происходит, мои мысли, естественно, заняты тем, как найти выход из данного положения. Лабиринты мне решать нетрудно, но, по-видимому, моих интеллектуальных способностей не хватает для того, чтобы составить план спасения. С другой стороны, помнится, у моих подопытных животных не было никакой возможности сбежать от меня. Если же предположить, что спасение невозможно, что тогда? После того, как Он проделает надо мной все интересующие его эксперименты, что случится дальше? Поступит ли он со мной так, как я сам поступал с моим подопытным материалом (разумеется, с животными, а не с людьми!), то есть бросят ли меня в банку с хлороформом? «По окончании эксперимента животные были забиты» — так мы изящно выражаемся в нашей научной литературе. Нетрудно понять, что подобная перспектива отнюдь не кажется мне соблазнительной. А может быть, если я покажусь Ему особенно сообразительным, Он захочет использовать меня как производителя для получения своего собственного штамма. Это обещает кое-какие возможности...

А, будь проклят Фрейд!

И будь проклят Он! Только я выучил лабиринт как следует, а Он взял и все перетасовал! Я бессмысленно тыкался туда и сюда, как летучая мышь на свету, и добрался до последней камеры очень нескоро. Боюсь, я показал себя далеко не с лучшей стороны. Он же просто изменил лабиринт на зеркальное отражение того, что было прежде. Я понял это при второй попытке. Пусть-ка поломает над этим голову, если он такой умный!

Вероятно, Он был доволен тем, как я решил обратный лабиринт, потому что перешел к задаче посложнее. И опять-таки я, наверное, мог бы предугадать следующий шаг, если бы только рассуждал логично. Несколько часов назад, проснувшись, я обнаружил, что нахожусь совсем в другом помещении. Оно было абсолютно пусто, но в стене напротив я увидел две двери — ярко-белую и совершенно черную. От дверей меня отделяло углубление, наполненное водой. Ситуация мне не понравилась, так как я немедленно сообразил, что Он приготовил для меня прыжковый стенд. Я должен был догадаться, какая из дверей распахнется, открывая для меня доступ к пище. Но вторая дверь будет заперта. Если я ошибусь в выборе и ударюсь о запертую дверь, то упаду в воду. Правда, мне не грех было принять ванну. Однако не таким же способом!

Пока я стоял и размышлял об этом, меня всего передернуло. В буквальном смысле слова. Этот сукин сын все предусмотрел. Когда я сам помещал крыс в прыжковый стенд, то, чтобы заставить их прыгать, я применял электрический ток. Он действует по точно той же схеме. Пол в этой комнате находился под напряжением. И под каким! Я вопил, подскакивал и проявлял все другие типичные признаки возбуждения. Однако через две секунды я пришел в себя и прыгнул к белой двери.

И знаете что? Вода в углублении ледяная.

Я, по моим подсчетам, решил в прыжковом стенде уже не меньше восьмидесяти семи различных задач, и все это мне безумно надоело. Один раз я рассердился и просто указал на правильную дверь — и тут же получил сильный удар тока за то, что не прыгнул. Я отчаянно завопил, принялся во весь голос ругать Его, кричал, что если Ему не нравится мое поведение, то Ему придется это проглотить. Ну, а Он, конечно, только увеличил напряжение.

Откровенно говоря, не знаю, надолго ли еще меня хватит. И не потому, что задачи так уж трудны. Если бы Он дал мне хоть малейшую возможность полностью продемонстрировать мои способности, я бы еще мог терпеть. Я придумал не меньше тысячи различных планов спасения, но ни один из них не заслуживает упоминания. Однако если я в ближайшее же время не выберусь отсюда, дело кончится буйным помешательством.

После того как это произошло, я почти целый час сидел и плакал. Я понимаю, что духу нашей культуры чужда идея плачущего взрослого мужчины, но бывают положения, когда перестаешь считаться с подобными запретами. И могу только повторить, что, задумайся я как следует над тем, какого рода эксперименты Он замышляет, я, наверное, предугадал бы следующий. Впрочем, и в этом случае я скорее всего поспешил бы загнать свою догадку в подсознание.

Одна из основных проблем, стоящих перед психологами, занимающимися теорией обучения, заключается в следующем: научится ли животное чему-нибудь, если не поощрять его за выполнение поставленных перед ним задач? Многие теоретики, например Галл и Спенс, считают, что поощрение (или «подкрепление», как они это называют) является абсолютно необходимым условием обучения. Всякий, у кого есть хоть капля здравого смысла, понимает, что это — полнейшая чепуха, и тем не менее «теория подкрепления» уже много лет занимает главенствующее положение в нашей науке. Мы вели со Спенсом и Галлом отчаянный бой и уже загнали их в угол, когда внезапно они выдвинули концепцию «вторичного подкрепления». Другими словами, все, что ассоциируется с

поощрением, приобретает свойство воздействовать как само поощрение. Например, вид пищи сам по себе становится поощрением — почти таким же, как поедание этой пищи. Вид пищи, подумать только! Тем не менее им удалось на время отстоять свою теорию.

Последние пять лет я пытался разработать эксперимент, который неопровержимо доказал бы, что вида привычного поощрения еще недостаточно, чтобы произошел акт обучения. А теперь посмотрите, что случилось со мной!

Несомненно, в своих теориях Он склоняется к Галлу и Спенсу: сегодня, когда я очутился в прыжковом стенде, за правильный прыжок я был вознагражден не обычными белковыми шариками, а... простите, но даже сейчас мне трудно писать об этом. Когда я сделал правильный прыжок, когда дверь распахнулась и я направился к пище, я обнаружил вместо нее фотографический снимок. Снимок из календаря. Ну, вы знаете эти снимки. Ее фамилия, моему, Монро.

Я сел на пол и расплакался. Пять долгих лет я громил теорию вторичного подкрепления, и вот теперь я снабжаю Его доказательствами, что теория эта верна. Я ведь волея-неволей «обучаюсь», через какую дверь я должен прыгать. Я не желаю стоять под напряжением, я не желаю прыгать на запертую дверь и без конца падать в ледяную воду. Это нечестно! А Он-то, несомненно, считает все это подтверждением того факта, что вид фотографии действует как поощрение и что я учусь решать задачи, которые он мне ставит, только для того, чтобы полюбоваться мисс — как бишь ее там?.. в костюме Евы!

Я так и вижу, как Он сидит сейчас в каком-то другом помещении этого космического корабля, вычерчивает всевозможные кривые обучения и самодовольно пыхтит, потому что я подтверждаю все Его любимые теориейки. Если бы только я...

С тех пор как я оборвал эту фразу, прошло около часа. Мне кажется, что времени прошло гораздо больше, и все-таки я уверен, что миновал только час. И я провел его в размышлениях. Потому что я, кажется, нашел способ выбраться из этого места. Но решусь ли я им воспользоваться?

Я как раз писал о том, как Он сидит, и пыхтит, и подтверждает свои теориейки, когда мне внезапно пришло в голову, что теория порождается методикой, которой ты пользуешься. Подтверждение этому, вероятно, можно найти в истории любой науки. Но для психологии это, во всяком случае, абсолютно верно. Если бы Скиннер не изобрел своей проклятой коробки, если бы не были разработаны лабиринт и прыжковый стенд, то, возможно, мы создали бы теории обучения, совсем не похожие на те, которые развиваем сейчас. Ведь если даже отбросить все остальное, реквизит эксперимента жесточайшим образом детерминирует поведение подопытных животных. А теории остаются только объяснять вот этот, лабораторный тип поведения.

Отсюда следует, что любые две культуры, разработавшие одинаковые экспериментальные методики, придут к почти совпадающим теориям.

Учитывая все это, я прихожу к выводу, что Он — твердолобый сторонник теории подкрепления, так как Он пользуется соответствующим реквизитом и той же самой методикой.

В этом-то я и усматриваю средство спасения. Он ждет от меня подтверждения всех Его излюбленных теорий. Ну, так он больше такого подтверждения не дожидется. Мне Его теории известны вдоль и поперек, и, следовательно, я сумею дать ему результаты, которые разнесут эти теории вдребезги.

И я могу довольно точно предсказать, что из этого по-

лучится. Как поступает исследователь, занимающийся теорией обучения, с животным, которое не желает вести себя согласно норме и не дает заранее ожидаемых результатов? Естественно, от него избавляются. Ведь всякий экспериментатор хочет работать только со здоровыми нормальными животными, и любая особь, которая дает «необычные» результаты, незамедлительно снимается с эксперимента. Раз животное ведет себя не так, как ожидалось, значит, оно больное, не соответствует норме или в чем-то ущербное...

Разумеется, нельзя предсказать, к какому методу Он прибегнет, чтобы избавиться от досадной помехи, которой теперь стану я. «Забьет» ли Он меня? Или просто вернет в «исходную колонию»? Не знаю. Но во всяком случае с этим невыносимым положением будет покончено.

Дайте Ему только сесть за обработку Его следующих результатов!

ОТ: Главного экспериментатора межгалактической космолаборатории ПСИХО-145.

КОМУ: Директору бюро наук.

Флан, дорогой друг, это — неофициальное письмо. Официальный доклад я вышлю позже, но сначала мне хотелось бы сообщить Вам мои личные впечатления.

Работа с недавно открытым видом в настоящее время находится на точке замерзания. Сначала все шло превосходно. Мы выбрали животное, казавшееся во всех отношениях нормальным и здоровым, и подвергли его стандартным тестам. Я, кажется, сообщал Вам, что этот новый вид во всем сходен с нашими обычными лабораторными животными, а поэтому мы снабдили наш экземпляр «игрушками», которые так нравятся нашим лабораторным жи-

вотным, — тонкими пластинками материала, получаемого из древесной массы, и палочкой графита. Вообразите наше удивление и наше удовольствие, когда это новое животное стало использовать «игрушки» точно так же, как наши прежние экземпляры! Неужели у низших видов во всей Вселенной существуют какие-то общие врожденные стереотипы поведения?

Но это так, мимоходом. Ответ на этот вопрос мало интересен для тех, кто занимается теорией обучения. Ваш приятель Верпк упрямо утверждает, что за использованием «игрушек» кроется какой-то глубокий смысл и что мы должны исследовать эту проблему. По его настоянию я прилагаю к письму материалы, которыми пользовался этот наш экземпляр. По моему мнению, Верпк повинен в грубейшем антропоморфизме, и я не желаю иметь к этому больше никакого отношения. Однако такое поведение внушило нам надежду, что экземпляры, взятые из недавно открытой колонии, будут действовать в точном согласии с принятой теорией.

Так оно поначалу и казалось. Животное очень быстро решило коробку Бфьяна — результаты были просто великолепны. Затем мы последовательно помещали его в лабиринт, в зеркальный лабиринт и в прыжковый стенд — даже если бы мы подтасовывали данные, они не могли бы более убедительно подтверждать наши теории. Однако когда мы начали ставить перед животным задачи, связанные со вторичным подкреплением, с ним произошла непонятная перемена. Его поведение перестало соответствовать норме. Иногда даже казалось, что животное просто взбесилось. В начале эксперимента оно вело себя превосходно. Но затем, как раз в тот момент, когда оно, казалось, находило решение поставленной перед ним задачи, его поведение незаметно менялось, следуя моделям, которые, несомненно, не могут быть свойственны нормальным осо-

бям. Дело шло все хуже и хуже, и в конце концов его поведение пошло вразрез с тем, что предсказывали наши теории. Естественно, мы поняли тогда, что животное заболело, ибо наши теории опираются на тысячи экспериментов с подобными же подопытными животными, и, следовательно, наши теории верны. Однако наши теории применимы только к нормальным экземплярам и к нормальным видам. Поэтому мы вскоре убедились, что взяли для опыта животное с какими-то отклонениями.

Взвесив все обстоятельства, мы вернули животное в его исходную колонию. Но, кроме того, мы почти единогласно постановили просить у Вас разрешения на полное уничтожение всей этой колонии. Совершенно очевидно, что для научной работы она нам не пригодится, и в то же время она представляет собой потенциальную опасность, против которой следует заранее принять необходимые меры. Поскольку все подобные колонии находятся в Вашем ведении, мы обращаемся к Вам за разрешением на уничтожение вышеуказанной колонии.

Должен упомянуть, что против голосовал только Верпк. Он носится с нелепой идеей, что поведение следует изучать в естественной среде. Откровенно говоря, не понимаю, зачем Вы навязали его мне в эту экспедицию, но, очевидно, у Вас были на то свои веские причины.

Несмотря на возражения Верпка, все мы твердо убеждены, что эту новооткрытую колонию следует уничтожить, и как можно быстрее, ибо она, несомненно, заражена какой-то болезнью, что ясно доказывается нашими теориями. А если благодаря непредвиденной случайности она войдет в соприкосновение с другими изучаемыми нами колониями и заразит других наших подопытных животных, то мы никогда уже не сможем правильно предсказывать их поведение. Мне кажется, этих доводов достаточно.

Можно ли надеяться, что Вы санкционируете скорейшее уничтожение данной колонии, с тем чтобы мы могли отправиться на поиски новых колоний для проверки наших теорий на других — здоровых — животных? Ибо только так можно обеспечить прогресс науки.

Остаюсь почтительнейше Ваш
Айюуи

УИЛЛЬЯМ MORRISON

Уилльям Моррисон — литературный псевдоним известного американского ученого и популяризатора науки, доктора биохимии Джозефа Сеймексона. Его научно-фантастические рассказы публиковались в различных журналах.

Пиршество демонов

I

В тот год нам пришлось нарядиться римлянами, и должен сказать, что в тоге и с коротким мечом на боку я выглядел омерзительно. Впрочем, Грек выглядел куда омерзительнее.

Так уж повелось. Оканчиваешь колледж или университет, а потом год за годом являешься на традиционные встречи своего выпуска. Почему бы и нет? Тут тебе и старая дружба, и деньги, и возможность завязать полезные деловые связи. И опять-таки — деньги!

Ну, мне-то не повезло, как другим. Да что говорить! В этих словах история всей моей жизни: мне-то не повезло, как другим! Я не учился ни в Гарварде, ни в Принстоне, ни в Йеле. Даже в Колумбийском университете, Калифорнийском или Чикагском не учился. А учился я в Огле-могле. И не притворяйтесь, будто бы когда-нибудь слышали про Огл-могл, даже если я назову его полный титул: «Оглтропский агрономическо-механизаторский колледж». В нашем выпуске — то есть выпуске 1940 года — было пятьдесят восемь человек, а на десятую встречу явилось ровно тридцать.

Свинство, верно? Только тридцать старых выпускников еще сохранили достаточно совести и студенческого духа, чтобы приехать на десятую годовщину, облачиться в римские тоги, напиться до одурения и обновить былую дружбу. А вот те, с кем больше всего хотелось бы повидаться и вспомнить молодость, — ну, например, Фейнбаргер («Пароходство Фейнбаргера»), Скуп из голливудской студии М. Ж., Диксон, член правления банка «Нейшнл сити», и прочие — те вовсе не явились. Все мы были очень разочарованы, а я особенно.

Короче говоря, вечером на банкете я сидел рядом с Эль Греко. Ну, просто никого больше там не было. Понятно, не с испанским художником — тот вообще-то умер, если не ошибаюсь. Я имею в виду Теобальда Греко, которого мы прозвали Греком.

Я назвал себя, а он тупо уставился сквозь толстые стекла очков на мою физиономию.

— Хэмпстед? Хэмпстед?

— Вирджил Хэмпстед, — подсказал я. — Ты ведь меня не забыл. Старину Вирджи.

— Ага! — сказал он. — А в бутылке что-нибудь осталось, старина Вирджи?

Я налил ему. У меня создалось впечатление, позже подтвердившееся, что пить он не привык.

Я сказал:

— До чего же это здорово — снова увидеть всех ребят. Правда? Погляди-ка на Толстяка Детвэйлера! В жизни не видел ничего смешнее этого абажура, который он напялил вместо шляпы!

— Передай-ка мне бутылку, ладно? — потребовал Греко. — Вирджи, хотел я сказать.

— Все еще наукой занимаешься? — спросил я. — Ты

всегда был голова, Грек. Даже сказать не могу, как я всегда завидовал вам, творческим людям. Сам-то я коммивояжер. Моя территория в здешних местах, Грек, и скажу тебе: это золотое дно! Да, золотое дно. Если бы я знал, где раздобыть небольшой капитал, то сумел бы расширить операции и... Ну, не стоит нагонять на тебя скуку разговорами о моих делах. Так чем же ты сейчас занимаешься?

— Трансмутацией,— отчетливо выговорил он, уткнулся лицом в стол и захрапел.

Меня никто и никогда не называл шляпой — всякими другими словами называли, но не шляпой.

Я знал, что такое трансмутация. Был свинец — становится золотом, было олово — стало платиной, ну и прочее в том же духе. И вот на следующее утро, наглотавшись таблеток от головной боли и черного кофе, я навел справки в колледже и выяснил, что Грек живет неподалеку от колледжа. Потому-то он и был на нашей встрече — а то я никак не мог понять, почему он вдруг оказался там.

Я занял у Толстяка Детвэйлера денег на такси и поехал по адресу, который мне дали.

Это был не обыкновенный дом, а облезлое фабричное здание. Над входом висела вывеска:

Т. ГРЕКО

ОРГАНИЧЕСКИЕ И МИНЕРАЛЬНЫЕ УДОБРЕНИЯ

Так как дело было в воскресенье, фабрика казалась пустой, однако я толкнул дверь и она открылась. Из подвала доносился шум, поэтому я спустился по лестнице и очутился в довольно-таки зловонной лаборатории.

Грек был там. Вытаращив глаза, длинный, тощий, он метался по лаборатории и, казалось, ловил бабочек.

Я кашлянул, но он меня не услышал. Он продолжал бегать, задыхаясь и что-то бормоча себе под нос, и разма-

хивал в воздухе чем-то вроде электрического тостера на палке. Я присмотрелся. Нет, это был не тостер, но что это было, я понять не мог. Сбоку у этого приспособления имелся счетчик, и его стрелка бешено металась по шкале.

Что именно ловил Грек, я не рассмотрел.

Собственно говоря, я рассмотрел одно: ловить ему было нечего.

Попробуйте представить себе эту картину: Грек носится взад и вперед, не спуская правого глаза со стрелки счетчика, а левым сверля пустоту. Он все время натывается на различные предметы, а потом вдруг останавливается и обводит взглядом стоящие на лабораторных столах приборы, а то щелкнет выключателем или повернет рукоятку и снова срывается с места.

Продолжалось это минут десять, и, по правде сказать, я уже начал жалеть, что не потратил деньги Толстяка Детвэйлера на что-нибудь более полезное. Грек, очевидно, свихнулся, другого быть не могло. Но раз уж я был здесь, то решил подождать, что будет дальше.

И действительно, через несколько минут Грек, по-видимому, изловил то, за чем гонялся,— во всяком случае, он остановился, тяжело дыша.

— Эй, Грек! — сказал я.

Он, вздрогнув, обернулся.

— А! — сказал он.— Старина Вирджи! — и привалился к столу, переводя дух.

— Чертенята! — выговорил он, отдуваясь.— Они, видно, думали, что на этот раз ускользнули. Но я с ними справился.

— Да, конечно,— сказал я.— Еще бы! Можно я войду?

Он пожал плечами. Не обращая на меня внимания, положил тостер на палке, щелкнул какими-то выключателями и выпрямился. Свистящий звук постепенно затих, мерцавшие лампочки потухли. Другие продолжали гореть, но

Грек, по-видимому, считал, что может кончить это свое занятие, в чем бы оно ни заключалось.

Потом подошел ко мне, и мы пожали друг другу руки. Я сказал одобрительно:

— А симпатичная у тебя лаборатория, Грек. Не знаю, что это у тебя за оборудование, но оно очень доро... доброкачественное, хотел я сказать.

Он хмыкнул.

— Так и есть. И то и другое. Дорогое и доброкачественное.

Я засмеялся.

— Послушай,— сказал я,— ты вчера здорово накачался. Знаешь, что ты сказал мне о том, чем ты здесь занимаешься?

Он быстро взглянул на меня.

— Что?

— Ты сказал, что занимаешься трансмутацией,— и я засмеялся еще громче.

Он смерил меня задумчивым взглядом, и мне было показалось... ну не знаю, что мне показалось, но мне стало не по себе. У него там было полно всяких непонятных штук-ковин, и его рука потянулась к одной из них.

Но потом он сказал:

— Старина Вирджи!

— Вот-вот,— подтвердил я поспешно.

— Я должен извиниться перед тобой,— продолжал он.

— Да за что же?

Грек кивнул.

— Я ведь забыл,— признался он смущенно.— Я только сейчас вспомнил, что это я с тобой бывал откровенен на последнем курсе. Единственный поверенный моих секретов. И ты сохранял мою тайну все это время.

Я кашлянул.

— Брось! — сказал я великодушно. — Пустяки какие! Он одобрительно кивнул.

— Да, это похоже на тебя, — сказал он, отдаваясь воспоминаниям. — Десять лет, а? И ты ни словом не проговорился, верно?

— Ни словом, — заверил я его, и это было чистой правдой. Я действительно ни словом не проговорился. Даже самому себе. Дело в том, что я не имел ни малейшего понятия, о чем он говорил. Я сохранил его тайну? Я даже не помнил, что это была за тайна! И теперь чуть с ума не сходил от злости.

— Я был уверен в тебе, — сказал Грек, вдруг оттаяв. — Я знал, что могу тебе доверять. Наверное, так — иначе я бы ничего не сказал тебе, правда?

Я скромно улыбнулся. И продолжал изо всех сил напрягать свою дурацкую память.

Потом он сказал:

— Ладно, Вирджи. Ты имеешь право на вознаграждение за то, что умел молчать. Вот что: так уж и быть, я скажу тебе, над чем я работаю.

И сразу у меня напряглась шея. Что он сказал? «Так уж и быть...»? Я сам часто пускал эту фразу в ход.

— Для начала, — сказал Грек, внимательно всматриваясь в меня, — тебя, может быть, интересует, чем я занимался, когда ты вошел?

— Конечно, — ответил я.

Он немного поколебался.

— Некоторые... ну, частицы, нужные для моих исследований, постоянно стремятся к освобождению. Я могу держать их под определенным контролем лишь при помощи электростатических сил, генерируемых вот здесь, — и он взмахнул штукой, похожей на тостер на палке. — Назначение же их... Вот, посмотри!

Эль Греко начал возиться с мерцающими стеклянными приборами на одном из столов, а я наблюдал за ним, признаюсь, с некоторой долей подозрения.

— Что ты там делаешь, Грек? — спросил я довольно грубо.

Он оглянулся на меня. Тут я с удивлением обнаружил, что подозрение было обоюдным; он хмурился и медлил в нерешительности. Наконец он тряхнул головой.

— Нет! — сказал он. — На минуту я... Но ведь я могу доверять тебе? Могу? Тебе, который хранил мою тайну десять долгих лет!

— Еще бы, — сказал я.

— Ну, ладно.

Он перелил воду из мензурки в трубку, изогнутую подковой и открытую с обоих концов.

— Смотри сюда, — сказал он. — Ты еще помнишь хоть что-нибудь из курса физики, который нам читали в колледже?

— Да уж так получилось, что мне было некогда освежать...

— Тем лучше, тем лучше, — сказал он. — Значит, ты не сумеешь ничего украсть.

У меня даже дух захватило:

— Слушай-ка!..

— Не обижайся, Вирджи, — сказал он настойчиво. — Но ведь это — миллиард долларов. Впрочем, ерунда. Когда дойдет до дела, то знай ты даже столько, сколько все наши дураки профессора вместе взятые, это все равно не помогло бы тебе ничего украсть.

Он потряс головой, рассеянно улыбнулся и снова занялся своими мерцающими приборами. Сказать по правде, я весь кипел. С меня довольно! У него не было ни малейших оснований ставить мою честность под сомнение. Я и

не помышлял использовать положение в ущерб ему, но раз так, то...

Он сам напрашивался на это! Буквально напрашивался.

Грек отрывисто постучал по изогнутой трубке стеклянной палочкой-мешалкой, требуя моего внимания.

— Я смотрю,— сказал я самым дружеским тоном, потому что благодаря ему я уже твердо знал, что́ буду делать.

— Прекрасно,— сказал он.— Итак, знаешь ли ты, чем я занимаюсь на этой фабрике?

— Ну... производишь удобрения... Так написано на вывеске.

— Ха! Ну нет! — сказал он.— Это просто ширма. Я разделяю оптические изомеры — вот что я делаю.

— И очень хорошо! — горячо поддакнул я.— Рад это слышать, Грек.

— Заткнись! — неожиданно прикрикнул он.— Ты же не имеешь ни малейшего представления о том, что́ такое оптический изомер, и сам это знаешь. Но попробуй немножко подумать. Это не физика, это — органическая химия. Есть такие соединения, которые существуют в двух видах, на первый взгляд идентичных во всех отношениях, кроме того, что одно представляет собой зеркальное отражение другого. Как перчатки на правую и левую руку: каждая из них есть другая, вывернутая наизнанку. Ты все понял?

— Конечно,— сказал я.

Он задумчиво посмотрел на меня, потом пожал плечами.

— Ну, неважно. Так вот, их называют *d*- и *l*-изомерами; от латинского *dextro* и *levo*, правый и левый. И хотя они идентичны во всем, кроме того, что являются зеркальными отражениями друг друга, иногда оказывается, что один изомер гораздо более ценен, чем другой.

— Это мне понятно,— сказал я.

— Я так и предполагал. Изомеры эти можно разделить, но это дорогой процесс. А вот мой способ дешев. Мой способ быстр и прост. Я использую демонов.

— Послушай, Грек! Это уж чересчур.

Он сказал скучным голосом:

— Не разговаривай, Вирджи. Просто слушай. Меньше устанешь. Но имей в виду, что то, о чем я сказал, это лишь самое пустяковое применение моего открытия. Так же просто я мог бы использовать его для отделения урана-235 от урана-238. Собственно говоря, я уже...— Он оборвал фразу, наклонил голову набок, искоса взглянул на меня и дал задний ход.

— Ну, это неважно. Тебе известно, что такое демон Максвелла?

— Нет.

— Молодец, Вирджи! Молодец! — одобрительно сказал он.— Я знал, что стоит мне только подождать, и я вытяну из тебя правду. («Опять двусмысленное замечание»,— подумал я.) — Но ты, разумеется, знаешь второй закон термодинамики?

— Разумеется!

— Я ждал от тебя именно такого ответа,— сказал он невозмутимо.— В таком случае тебе известно, что если ты, например, положишь кубик льда в стакан с теплой водой, то лед растает, вода охладится и в стакане не окажется льда, но зато температура воды понизится. Правильно? И это необратимый процесс. То есть ты не можешь взять стакан холодной воды и — раз, два, три! — получить отдельно теплую воду и лед. Верно?

— Естественно,— сказал я.— Боже ты мой! Я хочу сказать, что это глупо.

— Очень глупо,— согласился он.— Итак, ты это знаешь? Ну, так смотри.

Он не сказал «раз, два, три!», но подкрутил что-то в одном из своих приборов.

Раздался слабый свист, что-то забулькало, затрещало, как трещат крупные искры, пробегая между раздвинутыми электродами в каком-нибудь фильме ужасов.

От воды пошел легкий пар.

Но только у одного конца трубки! С этого конца шел пар, а в другом конце был... был...

Там был лед! Сначала тонкая корочка, потом она стала толще, а у другого открытого конца изогнутой трубки вода неистово забурилась. Лед на одном конце — пар на другом!

Глупо?

Но я же видел это своими глазами!

Впрочем, в тот момент я не знал, что ничего другого не увижу.

Случилось же это потому, что в эту минуту в лаборатории, пыхтя, спустился Толстяк Детвэйлер.

— А, Грек, — прохрипел он с порога. — А, Вирджи! Я хотел поговорить с тобой до своего отъезда.

Он вошел в комнату и, отдуваясь, развалился в кресле: утомленный бегемот, изнывающий с похмелья.

— О чем же ты хочешь поговорить со мной? — спросил Грек.

— С тобой? — Толстяк обвел взглядом лабораторию со снисходительной и брезгливой усмешкой, точно взрослый, который глядит, как чумазные ребятишки лепят пирожки из грязи.

— Да не с тобой, Грек. Я хотел поговорить с Вирджи. Насчет перспектив твоей территории. Я поразмыслил о твоих словах. Не знаю, известно ли тебе, что мой отец скончался прошлой зимой и оставил мне... ну, некоторые обязательства. И мне пришло в голову, что ты, возможно, захочешь, чтобы я вложил в дело кой-какой...

Я не дал ему докончить. Я вытащил его оттуда так стремительно, что мы даже не успели попрощаться с Греком. И все эти штучки с демонами, горячей и холодной водой и так далее выскочили у меня из головы, словно ничего этого и не было. Старина Толстяк! Откуда же мне было знать, что его папаша оставил ему такой лакомый кусочек, как тридцать тысяч долларов наличными?

II

Ну, затем начались деловые неудачи. В результате мне пришлось пропустить несколько последующих встреч. Но зато у меня было достаточно времени для размышлений и занятий в часы, свободные от работы на ферме и в мастерской, где мы штамповали для штата автомобильные номера.

Когда я вышел, я принялся разыскивать Эль Греко.

Я потратил на это полгода и зря. Эль Греко куда-то переехал вместе со своей лабораторией и не оставил адреса.

Но я хотел найти его. Так хотел, что дышать было трудно — ведь теперь я отчасти понимал, о чем он тогда говорил. И я продолжал поиски.

Но я его не нашел. Он нашел меня.

В один прекрасный день он вошел в убогий номер гостиницы, где я тогда жил, и я едва узнал его, таким преуспевающим и цветущим он выглядел.

— Да ты выглядишь просто великолепно, Грек! — сказал я с энтузиазмом тем большим, что это было правдой. Годы не прибавили ему ни фунта веса, ни морщинки — скорее наоборот.

— Ты и сам неплохо выглядишь, — сказал он и пристально посмотрел на меня. — Особенно для человека, не так давно вышедшего из тюрьмы.

— А! — я закашлялся. — Ты знаешь об этом?

— Я слышал, что Толстяк Детвэйлер подал на тебя в суд.

— Ах так, — я встал и начал освобождать сиденье стула от всякого наваленного на него хлама. — Ну что же... очень приятно... Как ты разыскал меня?

— С помощью сыскного бюро. За деньги можно купить сколько угодно услуг. А денег у меня сколько угодно.

— А! — я снова кашлянул.

Грек, кивая головой, задумчиво смотрел на меня. Во всем этом одно было безусловно хорошо: хоть он и прослышал про мою размолвку с Толстяком, а все-таки постарался меня отыскать. Следовательно, ему было что-то нужно от меня, а не наоборот.

Он вдруг сказал:

— Вирджи, ты сваял большого дурака!

— Сваял, — честно признался я. — И еще какого! Ты даже представления не имеешь, какого. Но теперь я помню. Грек, дружище, то, что ты говорил мне про этих демонов, меня заинтересовало. В тюрьме у меня было много времени для чтения. Ты увидишь, что я уже не такой невежда, каким был, когда мы разговаривали прошлый раз.

Он язвительно засмеялся.

— Смешно! После четырех лет колледжа ты сохранил все свое первозданное невежество, но пребывание за решеткой сделало из тебя образованного человека.

— И переродило меня.

Он мягко заметил:

— Но, надеюсь, не до конца?

— Преступление — вещь невыгодная, разве что оно совершается в рамках закона. Это главное, чему я научился.

— Даже и тогда оно невыгодно, — сказал он мрачно. — Деньги, конечно, приносит. Но что проку в деньгах?

Что можно ответить на такие слова? Я сказал, осторожно зондируя почву:

— Я так и понял, что ты разбогател. Если ты мог с помощью своих демонов отделить уран-235 от урана-238, значит, ты мог бы с их помощью отделять золото от морской воды. Да и вообще ты мог их использовать просто черт знает для чего.

— Черт знает для чего,— согласился он.— Вирджи, ты мог бы мне помочь. Я вижу, ты занимался Максвеллом.

— Верно.

Это была сушая правда. Тюремная библиотека дала мне массу полезного — в частности, я узнал все, что можно было узнать о Клерке Максвелле, одном из величайших физиков мира, о его крошках-демонах. В свое время я тщательно прорепетировал все это для встречи с Эль Греко.

— Допустим,— начал я,— у вас имеется маленькая камера внутри трубы, по которой течет газ или жидкость... Так говорил Максвелл. Допустим, что в камере имеется маленькая дверка, позволяющая молекулам входить или выходить. Вы ставите у дверки демона — так Макси сам их назвал. Демон видит, что приближается горячая молекула, и открывает дверку. Видит холодную — закрывает. Мало-помалу все горячие молекулы оказываются по одну сторону дверки, а все холодные молекулы, то есть те, что движутся медленно,— по другую. Пар с одной стороны, лед — с другой, вот к чему это сводится в конечном счете.

— Ты видел это собственными глазами,— напомнил мне Теобальд Греко.

— Не отрицаю,— ответил я.— Не отрицаю и того, что ничего тогда не понял. Но теперь понимаю.

Я много чего понимал теперь. Если можно разделять изотопы, значит, можно разделять и элементы. Пускай-ка ваш демон открывает дверку для платины и закрывает

для свинца. Да ведь он в мгновение ока может сделать вас богачом!

Что он и сделал с Греко.

— Вот первый взнос,— сказал Греко, вытащил что-то из кармана и вручил мне. Это был металлический брусок, похожий на шоколадный батончик, какие выкидывают автоматы за цент,— если вы еще не забыли дней детства. Брусок сверкал, брусок сиял. А цвет его был красновато-желтым.

— Что это? — спросил я.

— Золото,— сказал он.— Оставь его себе, Вирджи. Оно извлечено из морской воды, как ты и говорил. Считай это авансом в счет твоего жалованья.

Я взвесил брусок в руке. Попробовал на зуб. Я сказал:

— Кстати, о жалованье...

— Любое, какое тебе угодно,— скучным голосом ответил он.— Миллион долларов в год? Почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — повторил я за ним, несколько ошарашенный.

Ну а потом я просто сидел и слушал, а говорил он. Что же еще мне оставалось делать? Даже не могу сказать, что я его слушал; во всяком случае, слушал не с полным вниманием, потому что мысль о миллионе долларов в год то и дело застилала от меня смысл его слов. Но общее представление получил. Возможности были неограниченные. Теперь я это хорошо понимал.

Золото из морской воды? Да, конечно. Но еще энергия, свободная энергия, бери — не хочу. Энергия молекул воздуха, например. Холодильники охлаждались бы, котлы давали бы пар, дома обогревались, домны плавил металл — и все это без топлива! Самолеты могли бы летать без капли бензина в баках! Все, что угодно.

Миллион долларов в год...

И это только начало.

Я очнулся.

— Что?

Грек смотрел на меня. Он повторил терпеливо:

— Меня разыскивает полиция.

— Тебя? — изумился я.

— Ты слышал, что было в Гранд-Рапидс?

Я прикинул.

— Постой, постой. Пожар. Большой пожар. Так это был ты?

— Не я. Мои демоны. Демоны Максвелла, или демоны Греко, как их следовало бы назвать. Максвелл говорил о них; я их использую — когда они не эксплуатируют меня. В тот раз они спалили полгорода.

— Теперь вспоминаю, — сказал я.

Газеты были полны этим.

— Они тогда вырвались на свободу, — мрачно сказал Грек. — Но это еще не худшее. Тебе придется отрабатывать свой миллион в год, Вирджи.

— Как так — вырвались!

Грек пожал плечами:

— Система контроля не совершенна. Иногда демоны ускользают. Я ничего не могу с этим поделать.

— Ну а как же ты их контролируешь?

Он вздохнул.

— Собственно говоря, это даже трудно назвать системой контроля, — ответил он. — Только максимум того, что я могу сделать, чтобы помешать им вырваться.

— Но ведь ты сказал, что иногда разделяешь металлы, а иногда получаешь энергию. Если ты говоришь, что не можешь управлять ими, то откуда же демоны знают, чего ты от них хочешь?

— А как ты объяснишь яблоне, что на ней должны вырасти яблоки того, а не иного сорта?

Я уставился на него.

— Но чего тут объяснять, Грек? Я хочу сказать, что на каждой яблоне растут яблоки одного какого-то сорта.

— Точно так же и с демонами! Ты, кажется, действительно поумнел? Это — как выведение собачьих пород: берешь потомство какой-то одной дворняжки, а через несколько поколений можешь получить эрделя, таксу или шпица. Как именно? С помощью отбора. Колонии моих демонов растут, они расщепляются; новые разновидности приспособляются к новым условиям. Эволюционный процесс. Я только помогаю ему — и все.

Задумавшись, он взял из моих рук золотой брусок.

Вдруг он с силой швырнул его в стену.

— Золото! — неистово выкрикнул он. — Но кому оно нужно? Помощь мне нужна — помощь! Вирджи, если я смогу купить твою помощь за золото, ты его получишь. Но я в полном отчаянии! И ты придешь в отчаянье, если впереди тебя будет ждать лишь гнусная, унижительная смерть от малолетства и...

Я перебил его:

— Что это?

Где-то поблизости хрипло и тоскливо заревела сирена.

Грек оборвал фразу на полуслове и замер, как затравленный зверь.

— Мой номер! — прошептал он. — Все мое оборудование... на следующем этаже!

Я попятился с некоторой тревогой. Он производил не слишком приятное впечатление: тощий, длинный, с дикими глазами. Его худоба меня вполне устраивала — будь он сложен пропорционально своему росту, вот тогда бы я действительно встревожился, увидев его вытаращенные испуганные глаза и услышав всю эту бессвязную нелепи-

цу. Впрочем, у меня не было времени тревожиться. По коридорам загромыхали шаги. В отдалении перекликались голоса.

Снова взвыла сирена.

— Пожарный сигнал! — крикнул Грек. — Гостиница горит!

Он вылетел из моей комнаты в коридор.

Я бросился за ним. Пахло паленым — не горящими сухими листьями или бумагой, нет. Это был запах горящих химикалий, запах горячей кожи, запах пожара в курятнике. В нем было много разных оттенков — порохового дыма, жженных перьев, удушливого смрада горящего масла, бодрящего аромата пылающих поленьев. В первое мгновение я было подумал, что это типичный запах горячей гостиницы, но ошибся.

— Демоны! — завопил Грек, и спешивший мимо коридорный задержался, чтобы окинуть нас подозрительным взглядом. Грек кинулся к лестнице и затем — вверх по ступенькам.

Я последовал за ним.

Да, горел номер Грека — в этом можно было не сомневаться, так как он упорно пытался проникнуть туда. Но не мог. Из двери вырывались клубы черного дыма и оранжевое пламя. От ведра воды, которое притащил дежурный администратор, толку не было никакого.

Я отошел подальше. Но Грек с бледным, искаженным лицом нырнул в дым.

Я остановился у лестницы. Пламя заставило Грека отступить, однако он предпринял еще одну попытку. Но огонь вновь отогнал его, и на этот раз окончательно.

Шатаясь, он заковылял ко мне.

— Идем! Ничего сделать нельзя!

Он повернулся и невидяще уставился на коридорных и горничных, которые передавали по цепочке ведра с водой.

— Эй, вы! Что вы, по-вашему, делаете? Это же...

Он умолк и облизнул губы.

— Это горит бензин,— соврал он.— А еще у меня в багаже — динамит. Скорее выводите всех из гостиницы, слышите?

Как я уже сказал, это было ложью. Но гостиница тут же опустела. А затем...

Что ж, это вполне мог бы быть и бензин, и динамит. Багрово полыхнуло, глухо и раскатисто ухнуло, и вся крыша четырехэтажного здания взлетела на воздух.

Я схватил Грека за локоть.

— Лучше уйдем отсюда,— сказал я.

Он тупо посмотрел на меня. Готов поклясться, что он меня не узнал. В глазах его было страдание.

— Поздно! — прохрипел он.— Поздно! Они опять на свободе!

III

Вот так я стал работать у Теобальда Греко, в его лаборатории в Южной Калифорнии, где мы кое-как восстановили погибшую аппаратуру.

В одно прекрасное утро я проснулся и обнаружил, что мои волосы побелели.

— Грек! — завопил я.

На мой крик бегом явилась Минни. Кажется, я еще не упоминал Минни. Она была воплощением представлений Грека об идеальном лаборанте — глупая старуха, никому в целом мире не нужная и, по-видимому, совсем одинокая. Она вошла, уставилась на меня и залилась кудахтающим смехом, от которого мертвые проснулись бы.

— Мистер Хэмпстед! — дребезжала она.— Ну и вид же у вас!

— Где Греко? — крикнул я и оттолкнул ее с дороги.

В пижаме и купальном халате я кинулся вниз по лестнице в комнату, которая когда-то была кухней, а теперь стала лабораторией Греко.

— Смотри! — завопил я. — Что ты на это скажешь?

Он повернулся и посмотрел на меня.

Несколько секунд спустя он покачал головой.

— Этого я и боялся, — пробормотал он. — Люди в детстве часто бывают белобрысыми, верно? Вот ты и стал опять белобрысым.

— О чем ты, Грек? У меня же волосы теперь совсем седые!

— Не седые, — уныло поправил он меня. — Они у тебя льняные. К ним возвратилась молодость. За одну ночь — так иногда бывает. Я предостерегал тебя, Вирджи. Я говорил тебе, что есть опасность. Теперь ты знаешь. Дело в том...

Он запнулся, взглянул на меня, потом отвел глаза.

— Дело в том, — продолжал он, — что ты молодеешь, как и я. Если мы не найдем какого-нибудь выхода, ты тоже умрешь от помолодения.

Я уставился на него.

— Ты говорил это и раньше — о себе. Я думал, ты просто оговорился. Но ты действительно хочешь сказать, что...

— Сядь, — приказал он. — Вирджи, я ведь сказал тебе тогда, что ты помолодел. Это не просто так казалось. Это все — демоны, и не только ты и я — но и многие другие. Сначала — Гранд-Рapidс. Затем — когда сгорела гостиница. В зоне воздействия оказалось множество людей, а у тебя шансов было больше, чем у остальных. Думаю, для тебя это началось еще в тот день, когда ты зашел ко мне на фабрику, а я ловил ускользнувших демонов. Пожалуй, я тогда изловил не всех.

— Ты хочешь сказать, что я...

Он кивнул.

— Некоторые демоны вызывают омоложение. И в тебе сидит колония таких демонов.

Я судорожно сглотнул и сел.

— Ты хочешь сказать, что я буду становиться все моложе и моложе, пока в конце концов не превращусь в младенца? А тогда... что же тогда, Грек, а?

Он пожал плечами.

— Откуда я знаю? Спроси у меня лет через десять. Посмотри на меня, Вирджи! — вдруг громко выкрикнул он. — Сколько лет ты мне дашь по виду? Восемнадцать? Двадцать?

Это была сушая правда. Он выглядел не старше. Смотря на него изо дня в день, я не замечал перемены. Тем более что я помнил его с той поры, как мы учились, и думал о нем как о молодом. Но ведь ему самое меньшее сорок лет, а выглядел он совсем зеленым мальчишкой.

Он сказал:

— Я ношу в себе демонов уже шесть лет. Судя по всему, они разборчивы и населяют не весь организм, а только некоторые его органы: сердце, легкие, печень. Может быть, кости. И некоторые железы — оттого-то я и чувствую себя физически таким бодрым. Но не мозг — во всяком случае, пока. К счастью.

— К счастью? Но это же ошибка, Грек! Если бы твой мозг тоже становился моложе...

— Дурак! Если бы это было так, я забыл бы все, что узнал, точно магнитофонную ленту пустили бы в обратном направлении. Вот та опасность, Вирджи, грозная опасность, которая нависла надо мной. Вот почему мне нужна была помощь! Ведь если однажды я все забуду — это конец. Не только для меня — для всех. Потому что никто больше в целом свете не знает, как ими управлять. Никто, кроме меня... и тебя, если мне удастся тебя выучить.

— Так, значит, они на свободе? — я задумчиво ощущал

свои волосы. Что ж, это не было неожиданностью.— Их много?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Когда в Австралии выпустили первую партию кроликов, разве можно было сказать, сколько их будет поколений через двадцать?

Я присвистнул. Минни просунула голову в дверь и хихикнула. Я отмахнулся от нее.

— Вот ей бы твои демоны пригодились,— заметил я.— Иногда я думаю, что она держится слишком молодо для женщины, которой стукнуло не меньше шестидесяти.

Греко захохотал сумасшедшим смехом.

— Минни? Она работает у меня год. Когда я ее нанимал, ей было восемьдесят пять!

— Не могу поверить!

— Тогда начинай тренироваться.

Это было трудно, очень трудно. Но я поверил. И теперь речь шла уже не о миллионе долларов в год.

Теперь меня подгоняла мысль, что мне придется кончить свои дни беззубым пищащим младенцем — а то и хуже! Чтобы предотвратить это, я готов был заставлять свои мозги работать до изнурения.

Первым делом надо было учиться — выучить все о так называемых «странных частицах». Вы о них когда-нибудь слыхали? Это не мой термин — так их называют физики. Позитроны. Нейтрино. Пи-мезоны и мю-мезоны, плюс и минус, лямбда-частицы, К-мезоны — положительные и отрицательные, антипротоны, антинейтрино, сигма-частицы — положительные, отрицательные, нейтральные, ну и еще...

Ладно. Хватит и этого. Однако физика порядочно продвинулась с тех пор, когда я прогуливал лекции в Огле-

могле. И появилось много нового, что нужно было постичь.

Дело в том, что некоторые из этих «странных частиц» оказались куда более странными, чем думало большинство физиков. Некоторые из них в определенных комбинациях и были «демонами» Греко.

Мы покупали животных — мышей, кроликов, морских свинок, даже собак. Мы заражали молодые особи теми демонами, которые сидели в нас самих. Это было просто, до ужаса просто: нам нужно было всего лишь несколько раз потрогать их. А затем мы наблюдали, что получается.

Они умирали. Умирали от помолодения.

Тот или иной жизненно важный орган регрессировал до эмбрионального состояния, и зверьки умирали — той же смертью, какой должны были умереть мы с Греко, если не найдем противоядия. Такой же смертью, какая грозила всему миру. Было ли это лучше, чем возвращение в эмбриональное состояние, а потом и в безжизненную зародышевую клетку? Этого я не мог решить. Все равно — умирать; когда эмбриональному сердцу или печени приходится обслуживать взрослый организм, результат может быть только один — смерть.

Но и после смерти демоны продолжали действовать. Собака, которую мы кормили останками морских свинок, последовала за ними в небытие за какие-то несколько недель.

Интересным случаем была Минни.

Энергия, с которой она исполняла свои обязанности, возрастала день от дня, и провалиться мне на месте, если однажды за спиной Греко я не поймал на себе ее взгляд, отдававший Мэрилин Монро.

— Может быть, мы ее уволим? — спросил я у Эль Греко, рассказав ему об этом.

— За что?

— Она мешает работе!

— Эта работа и так ни черта не стоит,— сказал он угрюмо.— У нас ничего не получается, Вирджи. Если бы еще процесс развивался равномерно, в предсказуемом темпе. Но посмотри на нее. Она набирает скорость! Она сбросила пять лет за последние две недели.

— Ну, ей это не повредит,— сказал я сердито.

Он пожал плечами.

— В зависимости от того — где. Ее нос? Он стал маленьким, как у пятнадцатилетней девочки. Волосы на лице? Они почти исчезли. Кожа? Ну, я полагаю, слишком молодой кожи не существует, не говоря, конечно, об обложке зародыша, но... Погоди-ка!

Он уставился в открытую дверь.

Там стояла Минни и хихикала.

— Пойдите сюда! — скомандовал он громовым голосом.— Пойдите сюда, слышите! Вирджи, смотри на ее нос!

Я посмотрел.

— Брр! — сказал я про себя.

— Да нет же! — закричал Греко.— Вирджи, разве ты не видишь ее носа?

— Что за чушь. Конечно, я его видел. Длинный, крючковатый.

И тут я действительно увидел.

— Он удлинился! — прошептал я.

— Правильно, милый! Правильно! По крайней мере один изгиб восстановился. Видишь, Вирджи?

Я кивнул.

— Она... Она снова начинает стареть.

— Лучше! Гораздо лучше,— торжествовал он.— Это быстрее нормального старения, Вирджи. Значит, существуют и демоны, вызывающие старение!

Луч надежды!

Но он тут же погас. Конечно, Грек прав, но что толку было от его правоты!

Демоны старения действительно существовали. Мы изолировали их в некоторых из наших подопытных животных. До этого нам пришлось долго уламывать Минни, но в конце концов она согласилась и стояла смирно, пока Греко, ужасно ругаясь, брал у нее биопсию; Минни это совсем не нравилось и только вознаграждение в сто долларов смягчило ее упрямство. Твердая углекислота заморозила кожу на ее носу, а потом Греко скальпелем отделил тонкий лоскуток ткани от самого кончика. Грек немного поколдовал над лоскутком и к концу дня мы испытали его действие на некоторых мышах.

Мыши умерли.

Что ж, в некотором отношении опыт можно было назвать удачным: они умерли от старости. Но ведь все-таки умерли. Действие препарата сказалось только через три дня, но зато оно было очень эффективным. Вначале это были молодые мыши, в полном расцвете мышинной силы. Когда же за них принялись новые демоны, они мгновенно стали дряхлыми и облезлыми — похожими на старых бездомных бродяг из Бауэри*, над которыми сказочная фея махнула по ошибке не той палочкой. А через два дня они были мертвы.

— Я считаю, что мы кое-чего добились, — задумчиво сказал Греко.

Но я этого не считал, и был прав. Смерть — это смерть. Мы могли убивать животных, делая их слишком молодыми. Мы могли убивать животных, делая их слишком старыми. Но сохранить их жизнь, раз уж демоны вселились в них, мы не могли.

У Греко появилась идея смешать оба вида демонов! Взять какое-нибудь животное, в котором уже есть демоны

* Район нью-йоркских трущоб. — *Прим. ред.*

омоложения, и добавить к ним демонов, работающих в обратном направлении.

Одно время казалось, что из его идеи выйдет толк,— но только одно время. Недели через две та или другая разновидность демонов обязательно брала верх. И животные умирали.

С мышами это происходило быстро, с людьми — медленнее. Минни еще жила, однако ее нос становился все длиннее и на лице опять появилась растительность. Однако цвет лица у нее стал прекрасным, а сгорбленная спина выпрямилась.

И тогда впервые за все время мы начали читать газеты.

«Странная эпидемия в Элдджине!» — вопила «Чикаго трибюн», а дальше описывалось, что в пригородах Элджина в Иллинойсе свирепствует неизвестная донныне болезнь, симптомом которой было помолодение.

«В Окленде заболевание «детская кожа» поразило свыше 10 000 человек», — кричал сан-францисский «Экземинар». Нью-йоркская «Ньюс» обнаружила тысячи случаев в Бруклине. В Далласе целая больница была эвакуирована, чтобы освободить место для жертв нового недуга.

И еще и еще.

Мы посмотрели друг на друга.

— Их там легионы, — глухо сказал Теобальд Греко, — а у нас еще нет способа лечения.

IV

Все в мире пошло кувырком. И тут исчезла Минни, истерически выкрикивая, что донесет на нас властям. Не стану отрицать, что я встревожился.

А наши эксперименты не продвигались. Беда в том, что эти разновидности демонов — вызывающая старение и вызывающая омоложение — не сочетались. Если в какой-то части организма поселялась одна из них, другая уходила.

Более многочисленные уничтожали слабейших; равновесия не возникало. Мы снова и снова проводили опыты на мышах, и никакого сомнения не оставалось.

До сих пор на свободе были только демоны омоложения. Но теперь, когда Минни сбежала от нас, это было только вопросом времени. Разносчики демонов из Гранд-Рэпидс и из гостиницы распространили их по Калифорнии и восточному побережью, на север и на юг, по всей стране, а к этому времени, возможно, по всему миру. Распространение демонов старения должно было идти не так быстро, поскольку разносчицей была одна только Минни, но конечный результат мог быть только таким же.

Греко запил.

— Это конец,— повторял он безнадежно.— Мы ничего не можем сделать.

— Нет, Грек! Мы не имеем права сдаваться!

— Какая разница? Демоны заполонили всю землю, Вирджи! Люди, о которых пишут в газетах, умрут от помолодения. И другие тоже умрут. Даже растения, и животные, и микроорганизмы тоже вымрут, как только демоны приспособятся к ним. А потом — почему же нет? — и воздух... Камни, океан, даже сама Земля. Вспомни, энтропия Вселенной, как предполагают, стремится к максимуму не только в целом, но и в каждой отдельной части пространства. Эволюция Земли пойдет вспять, причем пятнами, а это, может быть, еще хуже, потому что некоторые области будут эволюционировать, другие регрессировать, как это происходит в моем теле. Да сжалится над миром бог, старина Вирджи! Ведь дело не ограничится только Землей — что способно остановить распространение демонов? На Луну, на другие планеты — и дальше, за пределы солнечной системы, на другие галактики даже. Почему бы и нет? И тогда...

— ГРЕКО!

Чудовищный, металлический, нечеловеческий голос наполнил комнату. Он несся снаружи. Я подпрыгнул на целый фут. Голос звучал как зов демона! Но я взял себя в руки и сообразил, что это кричит громкоговоритель, установленный на улице.

— ГРЕКО! МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ТЫ ЗДЕСЬ. ВЫХОДИ!

Мной овладело знакомое неприятное ощущение.

— Полиция! — крикнул я. — Греко, это полиция!

Он вяло посмотрел на меня и покачал головой.

— Нет. Вероятнее, что ФБР.

Вот мы и дождались. Я вышел на улицу, не дожидаясь разрешения Греко.

Я остановился на пороге, и три ярких луча ударили мне прямо в глаза. Лабораторию со всех сторон окружали машины, но я их не видел. Я вообще ничего не видел после того, как были включены эти прожекторы. Я окаменел и боялся шевельнуться — хотел, чтобы они поняли, что я не Греко и у меня нет оружия.

Они это поняли.

И позволили мне выйти.

Меня посадили в одну из машин и рядом со мной сел худощавый сероглазый молодой человек в шляпе с узкими полями, вежливо не спускавший с меня глаз. Мне позволили посмотреть, что будет дальше. А это было совсем не смешно.

Греко так и не вышел. Они все кричали ему через громкоговоритель, и наконец он отозвался — голосом слабым и спокойным, который, казалось, шел ниоткуда. Он сказал только:

— Уходите. Я не выйду. Предупреждаю: не пытайтесь ворваться силой.

Но, конечно, он знал, что они не послушаются.

Они и не послушались. Они попытались применить силу.

А он, как в романе, тоже применил силу в ответ.

Когда я вышел, дверь дома захлопнулась. Они выломали из забора столб и пустили его в ход, как таран, но он тут же загорелся. Они разыскивали железный брус от старой кровати и попробовали пустить в дело его. О чем тут же и пожалели: он расплавился посередине, обдав их огненными брызгами.

Вежливый молодой человек сказал, забыв про вежливость:

— Эй, ты, что он там делает? Что у него там такое?

— Демоны,— сказал я тупо. Зря я так сказал, но что мне оставалось? Пытаться втолковать федеральному агенту уравнения Максвелла?

Они предприняли еще одну попытку, их было по крайней мере человек пятнадцать-двадцать. Они побежали к окнам, и окна разлетелись и окатили их вишнево-красным дождем расплавленного стекла.

Они попытались вновь сунуться через пустые рамы, когда никаких стекол уже не осталось, и рамы запылали вокруг них. Голубой дым вспыхнул белизной в желтом свете пламени и белом — прожекторов. Они пробовали и в одиночку — крадучись, и группами человек по десять — громко вопя.

Это было безнадежно. Безнадежно для обеих сторон, потому что они не могли ворваться в дом, а Грек не мог выбраться из него, так как они не уходили. Даже тогда, когда с глухим хлопком и желтой вспышкой взорвался бензобак одной из машин. Только я и худощавый молодой человек в мгновение ока выскочили из машины. И тут все машины взлетели на воздух. Но они не отступились. Тогда

их пистолеты начали стрелять сами собой, не дожидаясь, чтобы кто-нибудь нажал на спуск, а стволы размягчились, потекли и разбрызгались по земле. Но у них еще оставались руки, и они не отступили.

Грек не то спятил, не то потерял контроль над демонами — что именно произошло, сказать невозможно. Вдруг раздался зловеющий воющий рев — и целое дерево запылало от корней до верхушки. Гигантский старый дуб, ярдов двадцать высотой, простоявший там лет двести, не меньше. Однако демоны Греко все переделали по-своему. Дуб вспыхнул и взлетел на воздух, выбрасывая снопы пламени и искр, как римская свеча. Может, Грек думал, что это их пугает. Может, так оно и было. Но вдобавок они пришли в бешенство. Они все разом, все до одного, кроме моего приятеля, бросились к самому большому, самому зияющему из окон...

И отскочили назад с проклятиями и воплями, сбивая с одежды пламя.

Струи пламени вырвались из всех окон и дверей. Старый дом, казалось, вдруг разбух и через полсекунды превратился в огненный тюльпан.

Тут приехали пожарные, но они немного опоздали. О, они вытащили Греко, причем даже живым. Но от лаборатории остался только пепел. Это был третий пожар за карьеру Греко, и притом самый опасный, так как прежде на свободу вырвалась только горстка демонов омоложения, а теперь — мириады демонов обоих видов.

Наступил конец света.

Я это знал.

А жаль, что я ошибся. Вчера я был у Греко. Он женат, и у него чудесный сын. Смотреть на них — одно удоволь-

ствие: красивая пара в самом расцвете сил и милый карапуз, только-только научившийся ходить.

И всего один минус: карапуз — это Греко.

Он больше не называет себя Греко. А как вы поступили бы на его месте при нынешних обстоятельствах? Грек успел обеспечить себе порядочное состояние, и я тоже, конечно; правда, деньги теперь не так уж много значат.

Его мозг не был затронут, только тело. Полагаю, что ему повезло. Иной раз демоны поражают мозг своих жертв, и тогда...

Ну, в общем довольно скверно получается.

Через некоторое время Греко понял, что происходит. В мире расплодился оба вида демонов, и оба эти вида со временем поселились в каждом индивидууме.

Но они не убивают друг друга.

Просто один вид растет быстрее, захватывает все в свои руки, и так до тех пор, пока не израсходуются все молекулы, которые нужны этому виду. Тогда верх берет другой вид.

Потом первый.

Потом снова второй...

Мыши живут недолго, и как нельзя балансировать иглой на кончике носа, потому что она слишком коротка, так и короткого мышинога века не хватает для достижения равновесия.

Но человеческая жизнь...

Однако надо же все это привести в порядок.

Плохо и то, что во всех семьях все перемешано, как в семье Греко — сам он сейчас омолаживается, его сын старится, а Минни (я, кажется, забыл упомянуть, что женился он на Минни?), Минни завершила второй цикл омоложения и теперь снова старится.

Но есть вещи и похуже этой.

Начать с того, что, видно, не так уж далеко то время, когда мы израсходуем все пространство. Я имею в виду не время, а именно пространство. Жизненное пространство.

Ну, пусть теперь люди, достигнув зрелости, начинают попеременно молодеть и стареть без конца. Это-то ладно...

Но, черт побери! Хотел бы я, чтобы хоть время от времени кто-нибудь умирал!

Джон Пирс — известный американский физик, член Национальной Академии наук США, занимается, в числе многих других проблем, вопросами теории информации. Советскому читателю известен монографиями по электронике. На русский язык, кроме того, переведены и научно-популярные книги Пирса «Квантовая электроника», «Символы, сигналы, шум» и др. Научно-фантастические рассказы Пирса, включенные в настоящий сборник, впервые были опубликованы под псевдонимом Дж. Дж. Каплинг.

Грядущее Джона Цзе

Внезапно оказалось, что он сидит в другом кресле — упругом, удобном и словно изготовленном по его мерке. Когда он увидел перед собой письменный стол непривычной формы, то сразу догадался, что именно произошло. Когда же он посмотрел на человека, сидевшего за этим столом, и встретил взгляд, исполненный энергии и мудрости, то последние сомнения исчезли — он находился в грядущем. Потом, заметив, что на человеке напротив надет не лабораторный халат, а рубашка с непривычным узором и кургузая куртка и что в этой небольшой, мягко освещенной, серебристо-серой комнате нет ни единой машины, ни единого прибора или счетчика, он понял, что находится в своем грядущем, — в грядущем, которое он предсказывал, в которое неколебимо верил. Все окружавшее его ясно подтверждало, что контроль над феноменами психики установлен и что силы психики одержали решительную победу над грубыми физическими энергиями.

За эти секунды его жгучее желание поверить перешло в несокрушимую убежденность.

— Вы — пси-человек, — сказал он.

Кроудон глядел на Джона с растущим недоумением, которое сменилось самыми дурными предчувствиями. Нет, это, конечно, не Скиннер. Человек, сидевший в кресле перед ним, нисколько не походил на сохранившиеся фотографии. В чем была его ошибка? Он направил миллиарды джоулей энергии, необходимых для путешествия во времени, со всей точностью, выработанной за долгие годы исследований. Он, несомненно, сфокусировал свои лучи на том месте, где, по всем расчетам, следовало находиться кабинету Skinнера, примыкавшему к лаборатории, местоположение которой было твердо известно. И лучи коснулись человеческого тела. Но вот перед ним сидит этот странный субъект и говорит непристойности.

— Я не совсем пси-человек, — ответил Кроудон, — хотя и имею некоторое представление о пси.

«Какой нелепый синоним для слова «психолог»!» — подумал он. Правда, в материалах XX века ему попадался термин «мозгоправ», но чаще всего психолог в них именовался психологом. Прекрасная иллюстрация того, насколько письменный язык отличается от устного. И это доказывает, подумал он со злостью, которую нижестоящие порой испытывают к вышестоящим, что и светила исторической психологии способны ошибаться в вопросах лингвистики. Однако работа есть работа, даже если все и пошло не так, как хотелось бы.

— Боюсь, я не знаю вашего имени, — сказал он, обращаясь к человеку из прошлого. — Меня зовут Кроудон.

Он встал и, выполняя инструкции психологов, протянул руку приветственным жестом XX века.

— Я Джон Цзе, — ответил Джон, вставая и пожимая протянутую руку. — Это не совсем то, что пророчила правоверная наука моего времени. Но мне это нравится. Я ждал именно этого. Какой у вас век, Кроудон? Двадцать первый?

Кроудон был озадачен. Он ожидал растерянности и не сомневался, что объясниться с пришельцем окажется трудно, а то и совсем невозможно. Однако все получалось что-то уж слишком легко.

— Двадцать второй, — ответил он. — А точнее, сейчас двадцать седьмое марта две тысячи сто семьдесят восьмого года... тринадцать часов тридцать минут. — Помолчав, он спросил: — А вы пси-человек?

— Я физик-ядерщик, — ответил Джон. — Массачусетский технологический институт. Однако я издаю журнал, посвященный вопросам пси. Рассказы и статьи. Я и сам ставил кое-какие опыты на машинах Иеронима, — добавил он.

Первые его слова настолько оглушили Кроудона, что остального он просто не расслышал. Обиходные выражения одного столетия могут стать нецензурными в следующем. После атомной катастрофы 1987 года слова «физик-ядерщик» и «ядерная физика» стали грязнейшими ругательствами.

Разумеется, все знали, что на свете существуют такие вещи, как ядерная физика. Ею даже пользовались. Но в мире, который психологи-практики создали заново из хаоса ядерных разрушений, люди избегали столь непристойных слов, как «физика». А «физик-ядерщик» — это было даже хуже, чем «специалист по реакторам». Сам Кроудон называл себя натурфилософом. Ради интересов общества приходится делать то, что делает он, но зачем давать своей профессии похабные названия?

Разумеется, этого вульгарного сквернословя следует

как можно скорее отправить в его собственный век. Но это потребует нескольких часов подготовки. Ведь прежде его помощники должны будут проверить аппаратуру, которая занимает десяток комнат вокруг благопристойно пустого кабинета и целомудренно скрыта от посторонних глаз за стенами, точно водопроводные и канализационные трубы. Да и не повредил ли приборы чудовищный разряд энергии, столь бессмысленно вырвавший Джона Цзе из далекого прошлого, которое ему вовсе не следовало покидать?

Но как бы то ни было, он очутился тут. И его надо представить Координатору. Резиденция Координатора находилась весьма далеко от этих промышленных трущоб, куда были изгнаны мощные натурфилософские установки. Кроудон сказал Джону, что им нужно отправиться в другое место, они встали и вышли из кабинета (расположенного на первом этаже) в тихий переулок. Кроудон грустно оглянулся на здание, которое они только что покинули. По виду этого здания, казалось, никак нельзя было догадаться ни о его назначении, ни о том, что оно скрывало внутри. Пришельцу из другой эпохи и в голову не пришло бы заподозрить что-нибудь неладное — этот, во всяком случае, не заподозрил. Но он-то, Кроудон, знает все и несет на себе печать отверженности.

Кроудон уже успел набрать вызов с указанием места назначения, и менее чем через минуту перед ними остановился пустой автомобиль, запеленговавший его передатчик. Дверца распахнулась, и Кроудон сделал Джону знак садиться. Как только он сам сел рядом с Джоном, дверца захлопнулась и автомобиль тронулся в путь.

Джон нашел, что салон удобен и просторен. Двигался автомобиль бесшумно, и нигде не было заметно никаких признаков мотора — ни приборной доски, ни рычагов.

— Какая энергия его движет, Кроудон? — спросил Джон. — Какой у него мотор?

Это не было вопиющей непристойностью, но все-таки подобные вещи незнакомым людям не говорят. Кроудон растерянно уставился на него, не зная, что ответить.

— Пси, конечно! — безапелляционно заявил Джон, восторженно улыбаясь.

У Кроудона полегчало на душе.

— Да, мы, в сущности, так это и воспринимаем, — сказал он.

Эвфуизмы — вещь путаная, но, как бы то ни было, прикладная психология охватывает широкую область — например, оформление в соответствии со вкусами потребителя. Да и сами психологи прибегают к помощи натурфилософии, хотя лишь малых, низших ее отраслей — так сказать, кибернетических приспособлений.

Джон погрузился в блаженную задумчивость. Несомненно, этот мир победоносного пси сознательно отыскал в прошлом его — пророка, уже тогда провозглашавшего истину.

— Вы искали в прошлом именно меня? — спросил он.

«Только этого не хватало!» — подумал Кроудон. Он и так уже мучился из-за своей неудачи, а тут еще приходилось объяснять, что это перемещение во времени было досадной ошибкой.

— Не совсем, — объяснил он Джону. — Мне был нужен пси-человек по фамилии Скиннер. Мы считаем его провозвестником нашей цивилизации. После атомной катастрофы (он поперхнулся на этих мерзких словах) пси-практики сплотили остатки человечества воедино. Они основали нашу цивилизацию, заложили основы нашей культуры. Мы все почитаем Скиннера как первого создателя их искусства. И я не понимаю, — добавил он как мог мягче, — каким образом селектор сфокусировался на вас.

— Я находился в Гарварде, где ожидал одного правоверного ученого в его кабинете, — ответил Джон. — На-

сколько мне известно, вокруг на много миль не было ни одного пси-человека. Но подумайте вот о какой возможности: предположим, решающий фактор тут — симпатия, эмпатия *. Предположим, что вокруг меня существует, выражаясь условно, симпатически-эмпатическое поле. Это могло сбить фокусировку вашей машины...

Кроудон смотрел на него в полном недоумении. Хотя он и сам был натурфилософом, слова этого (брр!) физика из прошлого были ему абсолютно непонятны. Большая часть физических книг была сожжена после катастрофы, а остальные хранились в закрытых фондах из-за своего нецензурного содержания. О подобных вещах можно было говорить только эвфуизмами. «Ну-ка, ну-ка, — подумал он. — Эмпатия... это что-то связанное с дисбалансом, кажется так? Или это энтропия? Но что тогда симпатия?» Кроудон решил не тратить времени на бессмысленные головомомки.

— Право, не знаю, — произнес он вслух. — Мы, разумеется, проведем расследование. И тщательно взвесим ваше предположение.

Кроудон был достаточно сведущ в психологии, о чем свидетельствовали его заключительные слова.

Но Джон думал уже о другом.

— Этот пси-человек, которого вы искали... — начал он.

— Скиннер, — подсказал Кроудон.

— Так что же сделал Скиннер? — спросил Джон.

Кроудон досадливо поглядел на него.

— Работал с голубями,** — ответил он коротко.

* *Симпатия* — здесь внутреннее сродство; *эмпатия* — излучение духовной энергии. — *Прим. перев.*

** Скиннер — американский профессор, психолог, ставивший опыты над голубями. См. его статью «Обучающиеся машины» в журнале «Сайентифик америкэн» за 1961 год о применении теории обучения к голубям. — *Прим. авт.*

Глаза Джона остекленели. Перед ним распахнулись новые горизонты. Значит, в его время большинство исследователей пси шло неверным путем! Они работали со столь сложным объектом, как человек. Но наука всегда начинала с простейшего и лишь затем переходила к сложному. Перед его умственным взором встало сияющее видение — голуби-телепаты! Но если возможно телепатическое общение с голубями, то почему не с амебами? И в случае успеха — ясновидение, телекинез, телепортация... весь этот мир, который сейчас его окружает. Но тут ему пришлось отвлечься от своих грез — автомобиль остановился перед длинным рядом металлических дверей в глухой стене.

— Тут мы выходим, — объяснил Кроудон. — Телепортация в резиденцию Координатора.

Кроудон не был психологом и не осознавал полностью всей эвфуистичности своего мира. Для него слово «телепортация» было названием крупнейшей корпорации его страны. «Телепортации» принадлежала сеть автоматических транспортных туннелей с ракетами дальнего следования, охватывавшая весь его мир. Пассажир так же не думал о силах, приводящих систему в действие, как не думал он о канализационной сети, скрытой под мостовыми городов. Он просто входил в полутемное купе, садился в мягкое кресло в коконе из упругой пластической массы и терпеливо переносил неприятные ощущения, возникавшие при ускорении и торможении. Кроудон и не подозревал, что когда-то это название было значащим словом.

На Джона телепортация произвела наиболее сильное впечатление из всего, что он успел увидеть за время своего визита в грядущее. Ускорение он воспринял не как физическую, а как психическую нагрузку. Когда он вышел из купе в приемную Координатора (координаторам полагались личные телепортационные станции), он был вне

себя от восторга. И даже на несколько секунд утратил дар речи.

Войдя в кабинет раньше Джона, Кроудон шепотом предупредил Координатора, что Джон — физик-ядерщик и отчаянно сквернословит. Координатор был человек с широкими взглядами, весьма тактичный и, разумеется, психолог. Он держался с Джоном безупречно и даже находил в себе силы сочувственно улыбаться в ответ на то, что, на его взгляд, было непристойным бредом. И время от времени произносил ничего не значащие, но любезные слова. Мысли же его были заняты совсем другим: он соображал, что можно сделать со столь странным существом. Когда же Джон выразил желание отправиться с помощью телепортации на Марс, Координатор окончательно убедился, что перед ним сумасшедший.

— Телепортация не обслуживает Марс, — сказал он после неловкой паузы.

Затем Координатор отвел Кроудона в сторону и сказал вполголоса:

— Либо этот человек и раньше был помешанным, либо шок вызвал у него тяжелое душевное расстройство. Ответьте его в Классификацию к психологу-клиницисту. Я позвоню и предупрежу, чтобы кто-нибудь задержался, — добавил он, взглянув на часы. — Потом отправьте его назад в его собственное время.

«И мне, право, все равно, попадет он туда или нет», — с горечью подумал Координатор.

Телепортация доставила упоенного восторгом Джона в Классификацию, где хорошенькая служительница (на самом деле это была медсестра) надела ему на голову шапочку, обвешанную проводами, и попросила покрепче сжать металлические ручки кресла.

— Ну, а теперь расслабьтесь, — сказала она и вышла в соседнее помещение настроить лучеуловитель.

Через пять минут она вернулась и проводила Джона в кабинет, почти совсем пустой. Только письменный стол, кресло перед ним и человек за столом. Психологу пришлось задержаться после работы, чтобы принять Джона.

— Э... гм... мистер Джон, — сказала сестра, — это... э... пси-человек Миллер. Он вам поможет, — добавила она мягко.

Психолог Миллер сделал Джону знак сесть в кресло у стола. Он очень устал и даже поддерживал голову ладонью, пока проглядывал энцефалограмму Джона через окошечко в крышке стола. «Как облечь все это в слова?» — недоумевал он.

— У вас бывают периоды возбуждения, — сказал он наконец. — Вы всегда уверены в себе. Вы многословны. Ваши убеждения (он содрогнулся) идут вразрез с общим направлением вашей культуры.

Это было лишь бессмысленное хождение вокруг да около, и он решил не продолжать.

— На вашем месте я бы обратился к врачу, — сказал он. — Есть... а... э-э... некоторые указания на гормональный дисбаланс. Вот примите штучку, — и он протянул своему посетителю прозрачный тюбик с сахарными таблетками.

Джон застыл в благоговейном изумлении. Этот человек, только прижав руку ко лбу и сосредоточившись, сумел узнать так много! Глаза Джона увлажнились при этом доказательстве могущества силы пси. Он взял предложенную таблетку и рассеянно разжевал ее. Его охватило ощущение блаженного покоя.

— Примите и вы, — предложил он Миллеру.

— Почему бы и нет? — сказал Миллер и проглотил двойную дозу эвфорина. День и без того выдался тяжелый, а тут еще это...

Заключительная часть визита Джона в грядущее прошла словно в блаженном сне. Телепортация, автомобиль, кабинет Кроудона — и вот он уже в той самой комнате его собственного мира, из которой его так внезапно вырвали. Он выбежал на улицу — скорее на самолет, на поезд, скорее, скорее! Лишь бы почувствовать под пальцами клавиатуру пишущей машинки и начать редакционную статью, уже рождавшуюся слово за словом.

Он писал:

«Мы живем в мире, который ученые-ортодоксы отказываются видеть, а увидев, отказываются признать, отказываются поверить собственным глазам.

И все же за последние столет и в этой среде находились мужественные ученые, удостоверявшие пси-свойства многих одаренных людей. Они видели неопровержимые доказательства левитации и телепатии.

Теперь благодаря тому, что мне пришлось пережить, я узнал, что сейчас среди нас есть человек, уже сумевший установить телепатический контакт с голубями.

Мы живем на исходе бесплодной эры в истории человечества, но семена грядущего уже прорастают в земле. Это именно то грядущее, которое предсказывали те из нас, кто лишен предвзятости, кто истинно восприимчив. Мертвящая рука научной ортодоксальности не в силах надолго задержать...»

Не вижу зла

Когда мы с Виком Тэтчером проходили курс в Дальнезападном университете, многие аспиранты тех не столь тучных времен кое-как перебивались, читая лекции студентам. Многие, но не Вик. Он зарабатывал куда больше, изготавливая диатермические аппараты для частных практикующих врачей, но главное — конструируя для преуспевающих медиков-шарлатанов внушительные, сложнейшие и совершенно бесполезные приборы, с мигающими лампочками, зуммерами и прочими загадочными атрибутами. Он нравился мне тогда, нравится и сейчас. Меня радовало, что он сумел добиться большего количества жизненных благ, чем кто-либо другой из нас всех. Однако многие наши однокашники, которые нравились мне не меньше, всегда относились к нему гораздо хуже, чем я. Я приписывал это зависти или чрезмерной щепетильности.

Поэтому прежде, когда я заезжал в наш Дальнезападный и болтал с Грегори и другими ребятами, меня всегда злило, если они упоминали про Вика в своем обычном тоне, и я им это высказывал. Но в прошлый раз, когда я там был, я промолчал. Мне не хотелось даже вспоминать о моей последней встрече с Виком, а уж тем более говорить о ней. Я прекрасно знал, что сказали бы по этому поводу мои друзья, и не мог придумать никакого ответа. К тому же у меня не было ни малейшего желания сообщать о моей собственной роли в этой истории.

Встретились мы с Виком тогда по чистой случайности. Он не знал, что я должен прочитать доклад об игровых машинах на съезде радиоинженеров Тихоокеан-

ского побережья, а я не знал, что он в то время находился в Калифорнии. Однако о моем докладе упомянули газеты, и Вик позвонил мне в гостиницу. И следующий день я неожиданно и с немалой для себя выгодой провел в большой киностудии в Калвер-Сити — описать это место так, как оно того заслуживает, мне, разумеется, не по силам. «Мегалит» как раз заинтересовался телевидением. Вик возглавлял научно-исследовательское бюро компании, я оказался там в качестве эксперта-консультанта по теории связи, а разворачивалось действие в конференц-зале.

Должен заметить, что зал этот был самым обыкновенным и от всех прочих конференц-залов отличался лишь одним: стол, кресла и ковер были не только солидными и дорогими, но и практичными. Люди, сидевшие за столом, казались умными и деловитыми. Вик, высокий, темноволосый, усатый, как две капли воды походил на энергичного гения науки. Мистер Брейден, который восседал на председательском месте с секретаршей возле локтя, лучился спокойной силой и знанием дела. Внешность остальных в моей памяти не сохранилась. Вик начал с того, что представил меня собравшимся.

— Я счастлив сообщить, что доктор Каплинг по моей просьбе согласился приехать на несколько дней к нам в Калифорнию, — сказал он. — Я пригласил бы и Норберта Винера с Клодом Шенноном, но, к сожалению, Норберт сейчас во Францин, ну, а сотрудники лабораторий Белла, как известно, не консультируют другие фирмы.

Вик улыбнулся, и мистер Брейден улыбнулся ему в ответ, включив в эту улыбку и меня.

— Как поживает доктор Шеннон, доктор Каплинг? — спросил меня мистер Брейден. — Вик много рассказывал мне о его работах, как и о ваших, разумеется.

Я довольно неопределенно ответил, что Клод чувствует себя прекрасно, а сам тем временем пытался отга-

дать, в качестве кого я, собственно, фигурирую на этом совещании и что именно говорил про меня Вик мистеру Брейдену.

— Конечно, я не посвятил доктора Каплинга в сущность нашей работы,— объяснил Вик.— Ты, несомненно, понимаешь, Джон,— продолжал он, повернувшись ко мне,— что она имеет значительную коммерческую ценность, и мы вынуждены держать ее в секрете.

Мистер Брейден одобрительно кивнул.

— Однако,— продолжал Вик,— я считаю, что нам следует получить подтверждение доктора Каплинга относительно основных наших предпосылок.

Следующие полчаса оставили у меня ощущение сонного бреда. Как известно всем, кто читал статью, недавно помещенную в одном из наших самых залихватских журналов, теория связи — или, как ее еще называют, теория информации — напигована весьма учеными и заворачивающими терминами и понятиями, которые легко создают впечатление невероятной философской глубины. Энтропия, эргодический источник, многомерное пространство сообщений, биты, многосмысленность, процесс Маркова — все эти слова звучат весьма внушительно, в каком бы порядке их ни расположили. Если же расположить их в правильном порядке, они обретают определенное теоретическое содержание. И настоящий специалист порой может с их помощью найти решение повседневных практических задач.

Мистер Брейден, несомненно, знал все эти термины и даже настолько набил руку, что нанизывал их в осмысленной последовательности. Его слова обладали определенной логикой, но я был не в силах понять, какое отношение могло иметь то, что он говорил, к конкретным проблемам телевидения или кино. Однако формулировал он свои вопросы так, что мне удавалось отвечать ему соответствующе.

щим образом, хотя в течение всей нашей беседы я никак не мог разобраться, действительно ли мы обмениваемся мыслями или просто играем в испорченный телефон на высоком логическом уровне.

Да, соглашался я, любой электрический сигнал может быть представлен в виде точки в многомерном пространстве сообщений. Да, сигналы одного какого-то типа будут занимать лишь ограниченный участок этого пространства. Например, звуковые сигналы английской речи займут чрезвычайно ограниченный участок, добавил я в виде пояснения. Звуковые сигналы немецкой речи займут другой ограниченный участок пространства сообщений — возможно, недалеко от участка, занятого английскими звуковыми сигналами: «недалеко» в смысле, определяемом теорией линейных пространств.

Музыка будет занимать еще одну очень ограниченную часть такого пространства сообщений. Шумы будут распределяться по этому пространству без каких-либо определенных закономерностей.

Да, в принципе возможно создать прибор, который будет пропускать только ограниченную систему сигналов, занимающих определенную область в многомерном пространстве сообщений. Я хотел было прибавить, что заданный род сигналов, например музыка, скажем музыка Бетховена, весьма вероятно, расположится по пространству сообщений, подобно спутанному клубку спагетти, в миллиардах измерений, и что мне было бы любопытно взглянуть на машину, которая окажется в состоянии рассортировать эти сигналы.

Вик понял, какие слова вертелись у меня на языке.

— Конечно, доктор Каплинг знает, насколько трудно это осуществить, мистер Брейден, — объявил он и с победоносной улыбкой добавил, обращаясь ко мне: — Но тебе не известна наша методика, Джон,

Мистер Брейден обвел взглядом всех присутствующих.

— Боюсь, нам пора переходить к следующему вопросу, — сказал он. — Мы очень благодарны вам, доктор Каплинг, за вашу любезную помощь, — продолжал он, вставая и пожимая мне руку. — Вик будет еще некоторое время занят, но Ларри Холт покажет вам студию.

Сидевший в конце стола худощавый невысокий человек с остреньким лицом поспешно вскочил и пошел со мной к двери, до которой меня проводил и Вик. Когда я уже выходил, Вик протянул мне чек и сказал Ларри:

— Доктор Каплинг, вероятно, предпочтет получить деньги немедленно. Они ему понадобятся для покрытия расходов на обратном пути в восточные штаты.

Я взглянул на чек — это был чек на две тысячи долларов.

Ларри повез меня в банк на «кадиллаке» с откидным верхом.

— Приходится обзаводиться, — ответил он, когда я выразил восхищение машиной.

В банке он удостоверил мою личность, и дальше я вынужден был разгуливать с двумя тысячами долларов наличными в кармане — довольно нелепое ощущение. На обратном пути Ларри рассказывал мне о киностудиях, мимо которых мы проезжали, а по возвращении в «Мегалит» взял на себя роль гида. Я запомнил лишь малую часть того, что мне довелось увидеть на огромной территории студии, — потемневшие от непогоды города, закрытые водоемы и гигантские, похожие на суперсарай здания, в которых ютились всевозможные одомашненные цивилизации. В конце концов я впал в такое ошеломленное состояние, что не способен был больше удивляться, и дальнейшее окуталось туманом, однако Ларри, несомненно, знал там всех и вся, и, по-видимому, мое знакомство с тайнами кино было исчерпывающим. Мы даже позавтракали с на-

стоящей кинозвездой, хотя и не первой величины, и я обнаружил, что испытываю удовольствие, когда меня называют «доктором» люди, которые считают науку колдовством, а не тяжелым будничным трудом.

В начале третьего Ларри повел меня за угол колоссального здания, к длинной невысокой пристройке, довольно неказистой, без окон и лишь с двумя-тремя дверями. В одну из них мы вошли, и в великолепном кабинете я увидел Вика, который ухмылялся самым гнусным образом. От энергичного гения науки не осталось и следа. Его лицо словно сделалось шире, глаза весело блестели.

— Спасибо, Ларри, — сказал он, взмахом руки выпроваживая моего проводника за дверь. Затем, откинувшись на спинку кресла, он улыбнулся мне через стол и спросил: — Ну, Джонни, как тебе понравилась киностудия?

— Что все это, черт подери, означает, Вик? — осведомился я. — Да, кстати, спасибо за чек.

— Таков порядок, — ответил он. — Вспомни, пожалуйста, что тебе пришлось специально приехать в Калифорнию. И, значит, кто-то должен был читать за тебя лекции. К тому же Брейден не почувствовал бы к тебе должного уважения, дай я тебе меньше.

— Но что это все-таки означает, Вик? — не отступал я.

— Это, — объявил он, — особая программа исследований. «Мегалит» намерен заняться телевидением, и магия науки дает нам возможность на самом старте далеко обойти наших конкурентов.

— Но при чем тут теория связи и многомерное пространство сообщений? — спросил я.

— Не торопись, Джонни, сейчас ты все увидишь сам. На завтра я наметил показать наши результаты Брейдену и устрою для тебя предварительный просмотр.

Вик взял телефонную трубку.

— Я буду в лаборатории, Нелли, — сказал он, а затѣм встал, открыл внутреннюю дверь — и мы очутились в сказочной лаборатории.

Не такой, какими бывают настоящие лаборатории, а такой, какой ожидает увидеть лабораторию нормальный президент акционерной компании. Обычно лабораторные столы делаются из расчета, что на них будут работать, а не любоваться ими. То же относится и к прочему лабораторному оборудованию. Но эту лабораторию создавал художник. Она была просторной и незагроможденной. В одном углу хранились новехонькие блестящие инструменты. Вдоль стен располагались красивые приборы — все в изобилии снабженные счетчиками и всяческими рукоятками, а также бесчисленными мигающими лампочками. В дальнем конце, залитый ровным светом флуоресцентных ламп, стоял человек в белоснежном халате. Перед ним сверкала коллекция каких-то деталей, а сам он с напряженным вниманием вглядывался в бледно-зеленую кривую на экране осциллографа.

— Мистер Смит! — окликнул Вик, и человек в белом халате обернулся. — Сегодня у нас в гостях мистер Каплинг.

Вик снова стал энергичным гением науки. Он объяснил мне:

— В нашей лаборатории мы обходимся без званий. Мы стараемся поддерживать дух дружеского равенства.

Мистер Смит протянул мне руку, которую я пожал. Это был щедушный субъект с желтыми от табака пальцами. Вик продолжал объяснять — теперь и он, как прежде Брейден, с большой логичностью говорил неизвестно о чем.

— Смит, — сказал он, — работает над диграммером. Для того чтобы вести исследования пространства сообщений, мы должны изучать последовательные ряды конкрет-

ных сигналов. Чтобы показать, как это может быть достигнуто, Смит и сконструировал свой прибор, который ведет статистическую запись сигналов в двумерном пространстве.

И далее в том же духе, пока я не выслушал полного и точного описания диграммера, так и не получив никакого представления о том, зачем он был изготовлен. Я поблагодарил Смита, и мы ушли.

— Что это все-таки значит? — спросил я. — Ведь тут нет ничего нового: в лабораториях Белла это было сделано давным-давно. Да и Смит — кто он такой? По-моему, он простой радиотехник.

— Конечно, — ответил Вик. — Но диграммер все-таки очень хорош. А видел бы ты проигрыватель, который он собрал для меня! Ну, теперь сюда — тебе следует ознакомиться и с этим.

Мы вошли в небольшую ровно освещенную комнату, стены которой были увешаны какими-то на первый взгляд совершенно абстрактными рисунками. Вик вновь приступил к официальным объяснениям.

— Само собой разумеется, что целью нашей работы является создание механической, а вернее, электронной блокировки материала, не отвечающего кодексу морали. Новый кинофильм всегда тщательно изучается с этой точки зрения специалистами, и лишь потом его пускают в прокат. Режиссер, конечно, стремится к тому, чтобы, не впадая в ханжество, в то же время нигде не преступить требований кодекса. Тем не менее актриса, разумеется, может случайно наклониться чуть ниже, чем следовало бы, или юбка задерется чересчур откровенно. В кино такие кадры убираются из фильма при монтаже, но в телевидении дело обстоит не так просто. Тщательные испытания показали, что ни один человек не обладает достаточно быстрой реакцией, чтобы успеть переключить камеру

при такой прискорбной случайности. Поэтому мы собираемся прибегнуть к помощи электроники.

— Подумай, — продолжал он, — какое преимущество получит «Мегалит», если у него будет возможность вести передачи на любые темы, кроме прямо запрещенных кодексом, и не беспокоиться о последствиях, зная, что электронный монитор успеет уловить и предотвратить малейшее нарушение кодекса до того, как оно станет явным для человеческого зрения и мысли.

— Это же нелепость! — сказал я. — Теоретически, конечно, можно исключить... отфильтровать... предупредить любой заданный ряд сигналов. Но ведь все электронно-вычислительные машины Америки вместе взятые не способны осуществить этого на практике, даже если бы мы знали, как их для этого запрограммировать, чего мы не знаем.

Вик поглядел на меня с притворной озабоченностью.

— Как по-твоему, мистеру Брейдену это известно? — спросил он.

— Наверное, нет, — ответил я.

— Конечно, нет, — заверил меня Вик. — Ну, а эта комната посвящена одному из направлений, в которых мы ведем свою работу.

К этому времени я успел совсем забыть, где мы находимся, и теперь с интересом повернулся к рисункам на стене.

— Вначале мы можем требовать от наших схем только простейших результатов, — сообщил мне Вик. — Как видишь, эти рисунки крайне упрощены и стилизованы. Художественный отдел во всем шел нам навстречу, и, мне кажется, мы теперь располагаем возможностью обозначить моменты, запрещаемые кодексом, всего двумя-тремя линиями и значками.

Возможно, дело было в самовнушении, но, по мере того как Вик продолжал говорить, прямые линии, завитуш-

ки и точки на рисунках вдруг начали слагаться в нечто единое и обретать смысл, от которого я, фигурально выражаясь, остолбенел. Спокойным невозмутимым голосом, какого ждет от ученого широкая публика, Вик перечислял одну запрещенную деталь за другой и указывал, какие именно завитки их обозначают. И то, что прежде представлялось простым узором, теперь поражало непристойностью.

— Заметь, — заключил он, — геометрическую простоту и четкое различие символов, которые будут рассортировываться нашими электронными схемами.

— Конечно, — сообщил он мне, когда мы вышли в коридор, — этот материал пригоден только для предварительной работы. В своем завершенном виде устройство должно будет сортировать далеко не такой чистый материал. К разрешению этой проблемы мы идем двумя путями.

— Здесь, — сказал он, когда мы вошли в маленькую полутемную комнату, — мы работаем над проблемой лиминальных единиц. Мисс Андерсон, это мистер Каплинг. Не могли бы вы показать ему тест А—Б?

Мисс Андерсон, высокая блондинка с величественной осанкой и правильными чертами лица, была бы настоящей красавицей, если бы только весь ее облик не дышал такой пугающей строгостью. В левой руке она держала блокнот и карандаш, на ней был белый нейлоновый халат.

Мисс Андерсон усадила меня в кресло футах в пяти от прямоугольного экрана и вложила мне в руку дистанционный выключатель.

— У всякого устройства, предназначенного для избирательного анализа, существует какой-то предел точности, — объяснила она. — Если мы ставим перед собой задачу ни на йоту не отклоняться от кодекса, предел этот не должен превышать одного лимина или доли лимина.

Лимин — это, разумеется, то минимальное отклонение, которое способен уловить человеческий глаз. Но, вероятно, мистер Каплинг, вам все это известно, — улыбнулась она мне.

Я ответил утвердительно и улыбнулся в ответ.

— Когда начнется эксперимент, — продолжала она, — зазвенит звонок. В момент, когда он зазвенит, изображение может измениться, а может и остаться прежним. Если вам покажется, что оно изменилось, нажмите кнопку выключателя. Результаты фиксируются автоматически. Вам все понятно, мистер Каплинг?

Я улыбнулся в ответ и сказал, что мне все понятно. Тогда раздался серебристый звон и передо мной возникло яркое цветное изображение рыжеволосой красавицы в платье с глубоким вырезом. Снова зазвенел звонок, и линия выреза угрожающе пошла вниз; я послушно нажал кнопку.

По-видимому, погрузившись в изучение вопроса о том, происходят ли в момент звонка какие-нибудь изменения в одежде на экране, я совсем забыл о времени. Во всяком случае, от этого занятия меня оторвал Вик, сказав:

— Я думаю, вам следует ознакомиться и с другими работами, мистер Каплинг.

Когда я встал с кресла, он добавил:

— Может быть, у вас есть еще вопросы к мисс Андерсон?

— Вы провели много проверок? — спросил я.

— Работники студии всегда любезно шли нам навстречу, — ответила она. — У дверей неизменно стоит очередь... кроме тех случаев, конечно, когда доктор Тэтчер показывает машину почетным гостям.

— Вы работаете только над этим? — спросил я.

Мисс Андерсон задумалась.

— Мы рассматриваем декольте как отдельную пробле-

му, — сказала она. — Кроме того, ведется работа по облегчающим балетным костюмам, в частности трико. Но там вопрос о декольте, мне кажется, не встанет, — заключила она, глядя мне прямо в глаза невинным взором.

Вик открыл новую дверь, и я вошел вслед за ним в маленький просмотрный зал.

— Где ты ее откопал? — спросил я.

— В стенографическом бюро, — ответил он. — Но Марта — бакалавр психологии. И неплохая актриса. Возможно, после того как ее увидят Брейден и члены дирекции, ей удастся сделать карьеру в кино.

Вик во что бы то ни стало хотел, чтобы я довел осмотр до конца.

— Само собой разумеется, — заявил он, — чувствительности в один лимин у первых машин нам не добиться. Для начала достаточно, если они будут различать резкие контрасты. Для этой цели были сняты специальные filmy. Каждый состоит из ряда контрастирующих кадров. Сначала идет кадр, снятый в строгом соответствии с требованиями кодекса. Затем следует сходный кадр, но снятый так, что во многих, если не во всех, деталях он оказывается явно неприемлемым.

Когда мы сели (перед креслом Вика был установлен внушительный пульт управления), он нажал кнопку, свет померк и заработал кинопроектор. Каждому кадру предшествовало краткое вступление и за каждым кадром следовал краткий анализ — текст читала мисс Андерсон своим невозмутимым, бесстрастным голосом. Фильмы, однако, отнюдь не способствовали сохранению бесстрастности. Осматривая лабораторию Вика, я все время чувствовал, что качусь по наклонной плоскости, и когда снова вспыхнул свет, я, несомненно, достиг самого дна.

— А Брейден тоже видел все это? — спросил я.

— Только диграммер, — ответил Вик.

— Такая штука тебе с рук не сойдет, Вик. Даже в Голливуде.

Вик чуть не расхохотался.

— Об этом предоставь беспокоиться мне! Да, кстати, ты получил деньги по чеку?

Я кивнул.

— В таком случае пойдем выпьем, и ты расскажешь мне, что ты поделявал последнее время.

Он распорядился, чтобы мою машину перегнали назад в отель, а сам повез меня к «Сиро» на «порше». «Кадиллак» Ларри, разумеется, бледнел перед этой маркой, хотя «порше» и показался мне слишком шумным и тряским. Гонзики, если не ошибаюсь, называют такие машины «жесткими».

Весь вечер, то по-пьяному приятный, то смутный, мы вспоминали старые времена, старых друзей и бывшие приключения, то есть говорили обо всем, кроме того, что меня действительно занимало. Чем объяснялась сумасшедшая затея Вика? Таил ли он давнюю обиду на Голливуд? Расхвастался ли как-нибудь вечером под действием алкоголя, а на другой день оказалось, что ему поверили и поймали его на слове? Или он просто обнаружил возможность заработать легкие деньги — такую же, какую предоставил и мне? Вспомнив про мои две тысячи, я пришел к выводу, что он отхватил порядочный куш. Во всяком случае, он смотрел на все это легкомысленно, как на веселое развлечение. Однако я беспокоился и за него, и за себя. Как он собирался выйти из положения, в которое себя поставил? Это я узнал перед тем, как мы расстались поздно вечером.

На следующий день я уехал к себе на восток, а Вик на самолете компании «Панамерикэн» отбыл в Сан-Траторио, где состоит теперь при министре внутренних дел советником по вопросам технического образования. Он

подыскал себе это теплое местечко за те два праздных месяца, которые провел в Голливуде, работая для «Мегалита». Не сомневаюсь, что его деятельность в Сан-Траторио приносит ему немалые доходы.

Я не знаю точно, как вел себя мистер Брейден, когда осматривал лабораторию на следующий день. Вероятно, сохранял полное хладнокровие, не выходя из своей роли невозмутимого администратора. Я скоро сообразил, что ему вовсе не захочется делать эту историю достоянием гласности. А позже я узнал, что он оказался даже еще более находчивым, чем я предполагал. Судя по всему, афера Вика в конечном счете не причинила ему значительных убытков. Лаборатория была использована для съемок «Космического чудовища» и выглядела на экране великолепно. Абстрактные рисунки вы, возможно, видели на галстуках. И мне даже довелось еще раз посмотреть кое-какие из тех лент, которые показывал мне Вик,— в кулуарах конференции по электронике, устроенной в одном из штатов Среднего Запада. Но Марта Андерсон не стала кинозвездой. Ее имя значилось рядом с именем Вика на открытке, которую я получил от него на прошлое рождество.

РОБЕРТ РИЧАРДСОН

Роберт Ричардсон — видный американский астроном, занимается проблемой изучения солнечных пятен, атмосферы Марса и Венеры. Автор многих научных статей, а также нескольких научно-фантастических произведений, опубликованных под псевдонимом Филиппи Лэтем.

Малыш Андерсон

— Так тебе Анжеллотти не побить.

— Знаю.

Брэд настолько уже свыкся с этой мыслью, что ответил машинально, не отдавая себе отчета в том, что слова были произнесены другим человеком. Только тут он заметил темную фигуру в дверях сарая; он не слышал, как открылась дверь. Брэд нахмурил брови: он не любил, когда посторонние наблюдали за его работой.

— Что толку дубасить тяжелую грушу? — снова заговорил незнакомец, входя в сарай. — Тебе нужно что-нибудь движущееся.

«Побереги свои советы для себя самого», — хотел было ответить Брэд, но промолчал. Он сел на тюк сена и стащил перчатки. Старенький будильник на стене показывал, что ему все равно уже пора кончать.

— Партнеры для спарринга обходятся дорого, — сказал Брэд, обтираясь влажным полотенцем. — Вот и выкручиваюсь как могу.

Незнакомец стоял, широко расставив ноги, и поглядывал на него искоса. Теперь, когда он был рядом, Брэд с удивлением отметил про себя, что ему около тридцати, не-

многим больше, чем ему самому. Лицо его казалось знакомым. Возможно, он его уже встречал когда-то. Мало ли с кем он встречался в своей жизни.

Незнакомец поставил ногу на тюк сена.

— Один раз ты выиграл у Анжеллоти. А что произошло в прошлый раз?

— Должно быть, он оказался сильнее, — пожал плечами Брэд.

— Теперь он будет еще сильнее.

— А кто вы, собственно, такой: репортер, болельщик? — резко спросил Брэд.

Незнакомец вытащил из тюка сена длинную сухую травинку и стал не спеша накручивать ее на палец.

— Я теперь твой хозяин, — небрежно уронил он.

— Вы с ума сошли... Линди Джойс...

— С ним у тебя все кончено. — Незнакомец вытащил какую-то внушительного вида бумагу. — Я перекупил твой контракт. Теперь ты работаешь на меня, на Бена Уайта.

В душе Брэда вспыхнуло возмущение. Но в следующий же миг, подавленный, он сник. К черту Джойса! В конце концов, что сделал для него эта скотина? А этот парень, видно, ничего.

— Вы, должно быть, любите рисковать, — пробормотал он.

— Ну нет. Я люблю играть наверняка. — Уайт раскрутил травинку и отбросил ее. — Я разработал совершенно новый метод тренировки. Метод, о котором не слышал еще ни один человек... Помогите-ка мне притащить сюда один ящик.

Брэд послушно вышел из сарая и последовал за своим новым хозяином к пикапу, который стоял под перечным деревом. Уайт открыл заднюю дверцу и быстро влез в кузов, забитый ящиками; в тех, что были открыты, виднелась какая-то электронная аппаратура. Середину занимал самый

большой ящик. Настолько большой, что в нем мог уместиться человек.

— Берись с этой стороны,— распорядился Уайт.— Держи крепче: ящик тяжеленный. Контрольные приборы принесем позже.

Они втащили ящик в сарай и поставили рядом с импровизированным рингом. Крышка была заперта большим висячим замком. Уайт вынул из кармана ключ и вставил его в замочную скважину.

— Знакомься: Малыш Андерсон,— сказал Уайт, приподнимая крышку.— Для краткости — Анди. Вам с Анди предстоит хорошо узнать друг друга.

В ящике лежал манекен, одетый в спортивные трусы и джемпер. У него была классическая фигура боксера: длинные руки, широкие плечи и узкий таз. Его самое обыкновенное лицо ничего не выражало. Оно могло бы принадлежать кому угодно.

Уайт окинул взглядом сарай.

— Самое лучшее место для него вон там, у стены на тюке сена. Тебе, пожалуй, одному удобнее перенести его туда.

Брэд сгреб манекен в охапку и усадил его на тюк сена, спиной привалив к стене. Весил он фунтов сто пятьдесят, столько же, сколько и сам Брэд, боксер полусреднего веса.

— Знаешь, почему я назвал его Анди? — спросил Уайт.

Брэд покачал головой.

— Сокращенное имя от «андроид». Андроид — это автоматическая машина, по внешнему виду похожая на человека. Я очень горжусь Анди.

Голова Анди была слегка наклонена. При слабом освещении его можно было принять за дремлющего человека. Но даже в его покое таилось что-то злое.

Уайт ткнул пальцем в грушу.

— Убери эту штуку. Теперь ты будешь тренироваться с Анди.

— Это что еще за фокусы! — пробурчал Брэд.

— А спишь ты хорошо? — спросил Уайт. У него была привычка отвечать вопросом на вопрос.

— Довольно хорошо.

— Так я и думал... довольно хорошо. Я знаю, в чем дело: ты мысленно дерешься с Анжеллоти. Не спишь часами и все думаешь, какие приемы он пустит в ход против тебя. Верно?

— Не так-то просто отключиться.

— Предположим... пока только предположим... у тебя были бы деньги для тренировки. Что бы ты тогда сделал? Брэд задумался.

— Ну... я постарался бы найти себе партнера, который боксирует в том же стиле, что и Анжеллоти. Кого-нибудь вроде Тони Лопеца или Сесилия Джорджа.

— А подошел бы тебе Анжеллоти?

— Анжеллоти?

— Не сам Анжеллоти, а кто-нибудь другой, кто походил бы на него как две капли воды.

— Тогда бы я мог заранее разыграть весь бой,— медленно протянул Брэд.

Уайт энергично потер руки.

— Вот так мы и сделаем. Заранее разыграем весь бой. Все будет точно так, как если бы ты тренировался с самим Анжеллоти. Мой Анди и есть Анжеллоти.

— Звучит неплохо,— сказал Брэд.

— Слушай дальше,— продолжал Уайт.— Тебе предстоит провести бой. Очень важный для тебя бой, решающий. Выиграешь — ты на коне. Вполне естественно, тебе хочется знать о противнике все. И что же ты делаешь? Достоешь как можно больше фильмов, где засняты его бои, и часами прокручиваешь киноплёнки. Это, конечно, помогает, но этого мало.

Он махнул рукой в сторону автомобиля.

— Там у меня лежат фильмы со всеми боями, которые провел Анжеллоти с тех пор, как стал профессионалом. Но моя техника позволяет мне не только смотреть, как работает Анжеллоти. У меня есть сам Анжеллоти. Я загнал его в бутылку, как джина, и могу делать с ним все, что захочу. В моей власти заставить его драться в полсилы или во всю, быстро или медленно.— Тут он понизил голос, словно опасаясь, как бы андроид не услышал его.— Я даже могу в него вложить самого Анди.

Уайт подошел к Анди и схватил его за подбородок.

— Хочешь увидеть человека, с которым тебе придется драться? Смотри.— Его пальцы смяли лицо манекена и быстрыми, уверенными движениями стали менять его черты и форму. Когда он наконец отнял руки, Брэд был поражен. Невыразительность лица Анди исчезла — вместо нее появились расплуснутые черты Джо Анжеллоти.

Неожиданно Брэд ощутил сильную усталость. Мускулы его ног заныли — ему захотелось поскорее принять душ и уйти в свою тихую, уединенную комнату.

Уайт хлопнул его по плечу.

— Ну как, справишься с ним?

Брэд потянулся за халатом.

— Да я из него котлету сделаю! — проворчал он.

У Брэда никогда раньше не было такого тренера, как Уайт. И никогда еще ни один тренер не интересовался так глубоко его личной жизнью. Уайт ни о чем не расспрашивал, но, казалось, знал о нем все до мельчайших подробностей. Прежде всего он попытался изменить не только бессистемные тренировки Брэда, но и весь его образ жизни. С неопровержимой убедительностью он повторял, что успеха добиваются только правильными действиями, а не неправильными, что опыт приобретают не тем, что допус-

кают ошибки... Нужно выбрать себе цель и неуклонно стремиться к ней.

Изменения начались на следующий же день, за завтраком. Брэд жил у своей тетки-вдовы, хозяйки небольшого клочка земли и дома возле шоссе 101. Тетка владела небольшим антикварным магазином и кое-как сводила концы с концами, сбывая доверчивым туристам из восточных штатов местные цветные камни и разного рода индейские сувениры. Она согласилась, чтобы Брэд жил у нее не только потому, что он был сиротой, но и потому, что чувствовала себя спокойней, когда в доме был мужчина.

При виде поданного завтрака Уайт нахмурился.

— Так дело не пойдет, — заявил он твердо. — Совершенно не пойдет. Брэд сейчас должен есть больше яиц, ветчины, картофеля и хороших бифштексов.

— А где взять денег? — возразила тетушка.

Уайт молча вытащил из бумажника две двадцатидолларовые бумажки и бросил их на стол.

— Я составлю список необходимых продуктов. Когда деньги кончатся — скажите.

После этого случая тетка прониклась симпатией к мистеру Уайту. Все, кого до сих пор Брэд приводил в дом, страдали одной общей болезнью — хроническим безденежьем. Она уже давно разочаровалась в племяннике. Взрослый человек, а ничем серьезным не занимается, целыми днями слоняется по комнатам. А как хорошо, если бы у него была своя контора, где бы он усердно работал с девяти до пяти. Потом, глядишь, обзавелся бы семьей, накопил денег на хороший дом и машину. Брэд совершенно не отвечал этому идеалу. В часы, свободные от тренировок, он валялся на кровати, просматривал старые газеты и журналы или забавлялся игрой света в кусочке кристалла. У нее было самое смутное представление о том, чем, собственно, занимается ее племянник на ринге. Она, не задумываясь,

влепила бы ему оплеуху, если бы уличила в каком-нибудь недостойном поступке.

После завтрака Брэд помог Уайту установить оборудование в сарае. Сложная аппаратура произвела на него большое впечатление. С самого детства его тянуло ко всяким машинам и электрическим приборам. Он мечтал стать инженером, но обстоятельства вынудили его бросить школу, когда он был в шестом классе. Уайт обращался со своими аппаратами с небрежной легкостью. Самым удивительным было то, что он всегда мог заставить их работать. На такого человека можно положиться, решил Брэд. Он чувствовал, что Уайт и его заставит действовать так же безотказно, как и эти аппараты.

К концу дня Уайт объявил, что оборудование налажено, и велел Брэду надеть тренировочный костюм. Когда Брэд вернулся, тренер рылся в чемоданчике, набитом, как медицинская сумка, флаконами. Уайт взял один из них, отвинтил крышку и вытряхнул на ладонь небольшой предмет, завернутый в желтый целлофан, точно конфета. Внутри оказался сверкающий металлический шарик величиной с вишневую косточку. Стоило Уайту поднести его к свету, как шарик заиграл всеми цветами радуги — словно перламутр или крыло диковинной птицы.

— Этот шарик — Анжеллоти, — торжественно произнес Уайт. — На вид он гладкий, но это не так. Если ты положишь его под сильный микроскоп, то увидишь, что он весь покрыт бороздками, как только что вспаханное поле. Когда я вставляю его в механизм, через эти бороздки проходят лучи, приводящие Анди в движение. — Он утопил шарик в отверстии на приборной доске. — Бороздки нанесены на поверхности таким образом, что лучи проходят через непрерывно меняющийся их рисунок и андроид не повторяет движения по определенной схеме.

Уайт показал Брэду несколько других флакончиков.

Каждый из них был снабжен этикеткой с именем и номером.

— У меня здесь все лучшие боксеры, — сказал он самодовольно. — Вот тяжеловес Джек де Сото, третий претендент на встречу с чемпионом. А вот — Аик Маккэнн, чемпион Англии в полусреднем. А это Милт Капек, который в прошлом месяце выиграл у Вилли Леона техническим нокаутом. Даже ты у меня здесь есть.

Из угла чемоданчика он достал флакон с чистой этикеткой.

Брэд подозрительно взглянул на пузырек.

— Откуда вы знаете, что это я?

— Ты самый последний в моей коллекции. Я даже не успел тебя зарегистрировать.

Уайт поставил флакон на место и бросил взгляд на часы.

— Пора приниматься за дело. Начнешь с разминки?

— Я готов, — ответил Брэд, уже ведя «бой с тенью».

Уайт с интересом следил за его движениями.

— Непривычно видеть, как боксер работает в правосторонней стойке. Ты ведь левша?

— Да, — подтвердил Брэд. Он несколько раз ударил правой, затем пригнулся и послал хук левой.

— Некоторые боксеры теряются, когда их противник — левша, — заметил Уайт.

— Не помню, чтобы мне это заметно помогало.

Уайт повернулся к приборной доске, щелчок выключателя — и вспыхнули красные и зеленые огоньки, судорожно затрепетали индикаторы.

— Наблюдай за Анди, — тихо проговорил он, медленно вращая диск с делениями.

Почти минуту Анди, казалось, оставался безжизненным. Но вот он пошевелился и стал колыхаться, точно сморщенный воздушный шар, который наполняют возду-

хом. Наконец он сел и осторожно повернул голову сначала в одну, а потом и в другую сторону. Неожиданно он соскользнул на пол и зашагал к центру ринга.

— Анди будет действовать только в половину своей мощности, так что не напрягайся, — прокричал Уайт. — Итак, время!

Не успел Брэд сообразить, что происходит, как в лицо ему ударила перчатка... раз... другой... третий. Уходя от нападения, он вошел в клинч и крепко прижался к андиду, пытаясь сориентироваться. Но Анди легко отбросил его и стал наносить быстрые удары правой и левой по голове и по корпусу. Удары были слишком слабыми, но в них угадывалась скрытая мощь.

Брэд отступил, удерживая Анди вытянутой правой рукой. Так вот какого человека ему предстоит побить в ближайшие две недели! Он непременно должен побить его. Брэд держался уже не так скованно, как вначале. Вскоре он инстинктивно блокировал... нырял.... парировал... наносил ответные удары. Он провел несколько хороших ударов, которые могли бы достичь цели, если бы он вложил в них всю свою силу. К концу раунда Брэд почувствовал, что добился небольшого преимущества.

— Ну, что ты о нем скажешь? — спросил Уайт после третьего раунда.

— Сначала я здорово напугался, — признался Брэд. — Черт возьми! В нем больше от Анжеллоти, чем в самом Анжеллоти.

Уайт торжествующе усмехнулся.

— А что я тебе говорил! Теперь ты можешь не спешить. Изучи хорошенько все его приемы. Когда выйдешь на ринг, ты уже будешь знать все наперед.

Брэд легонько ткнул в бок повисший на канате манекен.

— Ты сказал, что запустил его только на пятьдесят процентов мощности?

— Я буду каждый день понемногу увеличивать, пока мы не дойдем до семидесяти пяти процентов.

— Но ведь тогда я не узнаю его полной силы! — возразил Брэд.

— Ты узнаешь ее достаточно полно. Если ты перестарешься и сорвешься, то в сарае и закончатся твои бои.

То, что вначале было в новинку, вскоре стало обычным. Каждый день Уайт поворачивал диск на одно деление. И с каждым днем справляться с Анди становилось чуть труднее. Но росло и мастерство Брэда. Он входил в форму, становился более ловким и подвижным. Никогда еще он не дрался так хорошо! Шесть напряженных раундов с Анди почти его не утомляли. Все должно было бы идти хорошо.

И однако Брэда снедало какое-то странное нетерпение. Уайт отработывал систему тренировок до тех пор, пока каждая деталь не была учтена и заранее предусмотрена. Жизнь потекла словно спокойный ручей. Ее размеренность действовала Брэду на нервы. В голову лезли фантастические мысли, которые и пугали его и одновременно доставляли какое-то противоестественное удовлетворение. Постепенно он возненавидел Уайта безрассудной, необъяснимой ненавистью, хотя и не смел возражать ему открыто. Ведь Уайт принимал в нем такое горячее участие. Заботился о нем с такой внимательностью. Он, Брэд, стольким ему обязан! Уайт так много ему дает.

Единственным утешением Брэда был Анди. Его уже не тревожил двойник Джо Анжеллоти. Он знал все его приемы. Предугадывал каждое его движение. В любую минуту он мог бы разделать его в пух и прах. Иногда он даже смотрел на андроида с искренней жалостью, пока не вспоминал, что тот включен лишь на семьдесят пять процентов

своей мощности. Интересно, справится ли он с Анди, если установить диск на сотом делении? Брэд не был уверен. Это-то он и должен был выяснить.

— Включи Анди на все сто процентов, — потребовал он у Уайта, когда они встретились утром в сарае. — Я должен знать, на что я способен.

Уайт укоризненно посмотрел на него.

— Я довел тебя до предельно возможной нагрузки. И ты выйдешь на ринг в наилучшей форме.

— Только один раунд.

Уайт ответил не сразу. Он вынул из чемодана несколько флаконов и заменил их новыми из недавно полученной партии, предварительно заполнив этикетки. «Вот бы добраться до этих флаконов!» — сверлило у Брэда в голове. Он всегда внимательно следил за манипуляциями Уайта и не сомневался, что сможет сам управлять аппаратурой. Завладей он этими пузырьками, он мог бы испытать себя на лучших боксерах своей весовой категории. Какая замечательная возможность! Постепенно узнавать противника, пока не постигнешь его до конца. Кто знает, может, из третьеразрядного боксера он сделается чемпионом в полусреднем весе. А возможно, завоюет венки и в среднем весе.

Уайт с сожалением покачал головой.

— Нет, парень, не могу я это сделать. Семьдесят пять — потолок. Нельзя рисковать перед самым боем.

Не говоря ни слова, Брэд повернулся и набросился на Анди. Он был взбешен. Откинув всякую осторожность, он дрался почти вслепую. Когда он на секунду потерял равновесие, Анди нанес ему удар в челюсть сбоку. Удар был несильный, но он подействовал на Брэда как-то странно. Словно где-то в затылке разорвалась граната. Весь день Брэд пытался избавиться от этого ощущения, но оно упорно не проходило.

Впервые Брэд заметил, что с ним творится что-то не-

ладное, когда он вошел в ванную. С ручек кранов исчезли надписи «Гор.» и «Хол.» А он знал, что надписи эти должны быть на месте. Огромным усилием воли он заставил их появиться, но буквы были неясными и продолжали то исчезать, то снова появляться. Наспех пообедав, он тотчас ушел к себе и, не раздеваясь, бросился на кровать. Он долго лежал, уставившись в водянистое пятно на потолке, наблюдая, как оно делилось и сливалось, и снова делилось. Он не заметил, как уснул.

Брэд проснулся, когда было еще темно. В доме царила полная тишина. Он успел досчитать до ста десяти, прежде чем услышал шум проезжающей машины. Значит, скоро рассвет... Брэд находился в том же состоянии неестественного спокойствия, которое охватывало его перед выходом на ринг. До сих пор он никогда не намечал плана боя, а действовал, сообразуясь с обстоятельствами. Сейчас он точно знал, что ему надо делать.

Не раздумывая, он тихо спустился вниз и вышел через черный ход во двор. Луны не было. Ветер, дующий со стороны пустыни, обдавал его лицо жаром. Сухая кора эвкалиптов потрескивала, в глаза летела пыль. Брэд был рад, когда, наконец, добрался до сарая и смог приступить к осуществлению своего замысла. Анди лежал на том самом месте, где его оставили, вперив взгляд в потолок. Брэд сбросил одежду и с лихорадочной поспешностью натянул спортивный костюм, словно его ждали на ринге. Ветер крепчал, и его шум доносился до Брэда, подобно реву отдаленной толпы.

Брэд быстро осмотрел приборную доску. Диски стояли в том же положении, в каком Уайт установил их вчера днем. Брэд не притронулся к ним и только повернул один до сотого деления. Потом он отбросил крышку чемоданчика и пробежал глазами по рядам пузырьков. Глаза его от пыли болели и слезились. Под мышкой он держал перчат-

ки и машинально потер одной из них глаза. А этого ни в коем случае нельзя было делать. Перчатки старые и на них, возможно, осталась канифоль. Наконец, он нашел нужный флакон и внимательно осмотрел этикетку. Затем вставил шарик в механизм и повернул выключатель.

В Анди стала пробуждаться жизнь. Брэд с нетерпением ждал его, приплясывая на носках. Все его сомнения и тревоги исчезли. Никогда еще он не чувствовал себя так легко и свободно. Наступил долгожданный момент!

Анди, пригнувшись, ринулся на него; подбородок его был прикрыт плечом, правая рука вытянута...

Когда рано утром Уайт вошел в сарай, Брэд ничком лежал на полу. Над ним склонился Анди с безжизненно повисшими руками; на лице его застыло бессмысленное выражение. Уайт оттолкнул Анди и осторожно перевернул Брэда. Мягко, почти ласково, он ощупал его голову и шею. Тело уже начинало костенеть. Смерть, очевидно, наступила несколько часов назад.

Уайт подошел к чемоданчику и достал оттуда флакон. Как он и ожидал, флакон был пуст. Это был единственный флакон с чистой этикеткой.

ДЖОРДЖ СМИТ

Джордж Смит — известный американский исследователь, специалист по радиоэлектронике, работает, в частности, над практическими проблемами теории информации. Автор ряда научно-фантастических рассказов.

В безвыходном положении

Пол Уоллак вошел в мой кабинет. Вид у него был взволнованный.

По иронии судьбы только два человека у нас не имели за своей фамилией цепочки букв, означающих ученые степени и звания, — одним был Пол Уоллак, руководитель «Проекта туннель», а вторым — я.

— Что-нибудь случилось, Пол? — спросил я.

Он кивнул и сказал:

— Туннельная капсула действует.

— Еще бы ей не действовать. Сколько раз мы ее проверяли.

— Холли Картер не повезло.

— А... — начал было я и сразу осекся, как только до меня дошел скрытый смысл его слов. — Она не... не...

— Холли вполне благополучно достигла Венеры, — ответил он. — Беда в том, что мы не можем вернуть ее обратно.

— Вернуть ее обратно?

Он снова кивнул.

— Мы ведь ничего толком не знали об атмосфере Венеры.

— Да.

— Ну вот. Перед тем как Холли потеряла сознание, кое-что прояснилось, а именно, оказывается, атмосфера Венеры содержит цианистые соединения в концентрации, достаточной для того, чтобы вызвать паралич нервной системы.

— И что же?

— А то, — уныло протянул Пол, — что, открыв люк, Холли Картер перестала дышать. Минутой позже остановилось и сердце.

— Холли умерла?!

— Нет еще, Том. Если мы сумеем доставить ее сюда в течение ближайших пятнадцати-двадцати минут, наши врачи будут еще в силах вернуть ей жизнь.

— Но необратимые изменения в мозгу?

— О, возможны некоторые временные нарушения. Но излечимые. Задача в том, чтобы вернуть ее назад.

— Нам следовало бы построить две туннельные капсулы.

— Нам следовало бы сделать очень многое. Но когда ракета с аппаратурой опустилась на Венеру, все только и думали, как бы поскорее испробовать капсулу. Бог свидетель, я старался удержать вас от опрометчивых шагов, но приказывать вам — это только попусту тратить время и бумагу.

Я посмотрел на него.

— Профессор, — сказал я, машинально присваивая ему эту степень. — Отсюда до Венеры не один десяток миллионов километров. Второй туннельной капсулы нет и никакая ракета не долетит за необходимое время. Как же вы надеетесь спасти Холли?

— В том-то и дело, — сказал Уоллак, — оказывается, Венера обитаема.

— Неужели?!

— Из-за этого Холли и забыла про осторожность. Она

совершила посадку и увидела, что к капсуле приближается какое-то существо. Уверенная, что никакая жизнь невозможна в ядовитой атмосфере, Холли открыла люк и... убедилась в обратном.

— И что же теперь?

— Теперь нам нужно только одно: найти способ растолковать венерианцу, в чем состоит различие между правым и левым. Я решил, что тут нам можете помочь вы.

— Но ведь я всего только программист!

— Вот именно. У вас есть опыт общения с вашей машиной. Что до остальных, то, как вы знаете, они с трудом общаются даже друг с другом, не говоря уж о неспециалистах. Каждый изъясняется на своем собственном жаргоне. Ясно, что произойдет, если выпустить любого из них на связь с венерианцем.

— Хорошо, попробую, — сказал я.

«Проект туннель» — это заключительный этап программы исследований, начатой много лет назад, когда кто-то принял всерьез случайную шутку.

Кто-то из ученых, объясняя, как работает туннельный диод, заметил, что если бы можно было привести электрон в состояние абсолютного покоя, то, согласно «соотношению неопределенности» Гейзенберга, положение этого электрона в пространстве было бы совершенно безразличным. Другими словами, с одинаковой степенью вероятности такой электрон мог бы оказаться на Земле, на Венере или в любом другом месте. Так вот, именно этот эффект и используется в туннельном диоде. Когда к переходу туннельного диода прикладывается напряжение смещения и величина этого напряжения выбирается в заданных пределах, неопределенность, следующая из соотношения Гейзенберга, нарушается. В результате создаются условия, при ко-

торых электрон со значительно большей вероятностью оказывается с одной стороны перехода и со значительно меньшей вероятностью — с другой.

Нельзя отрицать, что туннельный диод действует. «Проект туннель» и явился серьезной попыткой использовать туннельный эффект в крупных масштабах. В ракете, упомянутой Уоллаком, находилась аппаратура, необходимая для создания между Венерой и Землей напряжения смещения.

И вот теперь «Проект туннель» похитил у Земли самую замечательную девушку в мире.

Поскольку последнее — это мое личное глубокое убеждение, то до лаборатории я летел, как настоящий спринтер.

Лаборатория напоминала сумасшедший дом. Все яростно спорили, разбившись на кучки. Те, кто молчал, неистово мотали головами в знак отрицания.

Спокойной казалась только Тереза Дуайт — наша телепатка. И здесь я должен исправить одну неточность. Говоря, что только Пол Уоллак и я не имели ученых званий, я забыл про Терезу Дуайт. Но меня можно извинить. Тереза была совершенно бесцветным существом, не интересным ни внутренне, ни внешне. Ей было только четырнадцать лет. Но она уже обнаружила, что ее телепатические способности могут обеспечить ей удовлетворение любых желаний. А при таких условиях человек, как правило, ничего не хочет, и Тереза не была исключением. Поэтому вы простите мою забывчивость.

Теперь, однако, мне пришлось заметить Терезу. В тот момент, когда я вошел, она подняла голову и сказала:

— Харла хочет знать, почему ему нельзя сделать попытку.

Уоллак стал белым как полотно.

— Скажи этой венерианской твари: «Ни в коем случае!» — и как можно громче.

Тереза сосредоточилась, затем спросила:

— Но почему?

— Этот Харла понимает сущность соотношения Гейзенберга?

Она ответила через несколько секунд.

— Харла говорит, что ему известна подобная теория. Но для него это абстрактное физическое понятие и ему трудно воспринять его по-другому.

— Скажи Харла, что настоящее критическое положение доктора Картер объясняется именно тем, что мы нашли способ практического применения туннельного эффекта.

— Это он понимает. Но он хочет знать, почему для первого эксперимента вы не использовали какое-нибудь низшее животное.

— Скажи ему, что использовать животных для лабораторных экспериментов можно только в странах, где всех членов лиги противников вивисекции придушили их собственными норковыми манто. Пусть-ка он поломает над этим свою венерианскую голову. Ну а теперь, Тереза...

— Что?

— Растолкуй Харла, что если нажать левую кнопку, то туннельная капсула вернется на Землю немедленно, как только он захлопнет люк. Скажи ему также, что если нажать правую кнопку, то напряжение смещения удвоится и вызовет новое перемещение материи. Другими словами, на Венеру отправится кусочек нашей лаборатории, который будет там стремиться занять пространство, уже занятое туннельной капсулой. Никто из нас не может предсказать, что именно произойдет, когда две массы попробуют занять одно и то же пространство. Есть основание предполагать, что результаты окажутся одинаково катастрофическими как на его, так и на нашем конце.

— Харла говорит, что он ни до чего не дотронется, пока не получит ваших точных инструкций.

— Отлично! Теперь, Том, — сказал Уоллак, обращаясь ко мне, — как можно объяснить различие между правым и левым?

— Разве кнопки не пометили?

— Правая кнопка окрашена в красный цвет, а левая — в зеленый.

— Разве Харла не различает цвета?

— Различать-то различает, но, насколько я понял, видит он в совсем другом спектре, чем мы. А поэтому какими именно кажутся ему кнопки, роли не играет.

— Вы могли бы выгравировать на кнопках «ТУДА» и «ОБРАТНО».

— И отправить венерианцу через Терезу самоучитель английского языка? — буркнул Фрэнк Крэндол.

Я посмотрел на Крэндола. Он не внушал мне симпатии: всякий раз, стоило Холли Картер выбраться из тумана теоретической физики на срок, достаточный, чтобы заметить невежду, которому для выполнения простейших расчетов требовалась машина, как появлялся Фрэнк Крэндол и уводил ее от меня. Хотите — назовите это глупой ревностью. Но что делать, я всего лишь человек!

— Крэндол, — сказал я, — даже неграмотному дикарю я смог бы объяснить, что надпись «ТУДА» состоит из четырех смешных букашек, а в надписи «ОБРАТНО» их гораздо больше.

Уоллак прервал наш спор.

— Мы ведь не предполагали встретить там разумные существа. А теперь нам надо решить задачу общения с ними.

Крэндол сделал вид, что не заметил моего сарказма, и спросил:

— Так в чем же дело, черт побери?

— В том, — сообщил я ему, — что у нас нет общей исходной точки, на которую я мог бы опереться.

— То есть?

— А то, что на Земле я смог бы объяснить различие между правым и левым любому полудиоту, лишь бы он имел хотя бы смутное представление об окружающем мире.

— Например?

Я подумал несколько мгновений и начал не очень уверенно:

— Например, в метеорологии есть правило, справедливое для северного полушария. Когда ветер дует в спину, то левая рука указывает в сторону центра низкого давления.

— Хорошо. Ну а Венера? Должны ведь существовать общие астрономические законы.

Я покачал головой.

— А почему нет? — спросил он. — Когда мы стоим лицом к северу, солнце встает справа от нас. Разве не так?

— Да. И в южном полушарии тоже.

— Так чего же вам еще нужно? Неважно даже, в каком полушарии они находятся!

— Ты прав. Но при этом ты исходишь из предпосылки, что Венера вращается вокруг своей оси, что ось вращения Венеры параллельна оси вращения Земли и, наконец, что обе планеты вращаются в одну и ту же сторону.

— Мы знаем, что Венера вращается.

— У нас есть все основания предполагать это, — согласился я. — Но ведь они опираются только на тот факт, что температура затемненной стороны Венеры, измеренная с помощью термопар, слишком высока и, следовательно, один период обращения ее вокруг своей оси должен быть меньше тамошнего года. Если не ошибаюсь, последние данные

указывают на период вращения длительностью от нескольких недель до месяца. Далее, ось вращения Венеры вовсе не обязательно должна быть параллельна оси вращения какой-либо другой планеты. Брось, Крэндол! Тебе прекрасно известно, что солнечная система — это такие часы, в которых ни одна из осей не параллельна остальным, а эллиптические колесики изменяют скорость по мере вращения.

— Однако в солнечной системе буквально все вращается в одну сторону.

Я посмотрел на него.

— И ты считаешь возможным положиться на то, что Венера подчиняется этому правилу? У тебя есть ровно пятьдесят шансов из ста оказаться правым. Но если ты ошибешься, ровно одна тонна вещества будет стремиться занять то же самое пространство, где уже имеется другая тонна вещества.

— Но...

— И более того, — продолжал я. — Нам еще очень повезло, что в данное время у нашего Северного полюса есть такой указатель, как Полярная звезда. Полюса Марса, например, не помечены никакими яркими светилами. Да и как бы то ни было, вряд ли венерианцы превратили свой небосвод в тот же зоопарк мифических животных, что и наши предки, а если мы воспользуемся народным названием, то где гарантия, что у венерианцев когда-нибудь были ковши? Любое название будет понятным только для жителей Земли. Существует много звезд, так или иначе указывающих полюс, но как объяснить, какую именно звезду мы имеем в виду? Моя мама, например, всегда называла Плеяды Малой Медведицей.

Внезапно в разговор вмешалась Тереза Дуайт, хотя обычно она только отвечала на вопросы.

— Через меня Харла слышал все, о чем вы говорили.

Об астрономии сведения у него поверхностные. Он очень рад услышать от вас, что действительно существует «солнце» — источник света и тепла. Правда, у них была такая теория, основанная на том простом соображении, что свет и тепло должны же откуда-то исходить. Однако свет у них появляется и исчезает настолько медленно, что очень трудно определить, откуда встает солнце. Существование других небесных тел, кроме Венеры, для них также чисто логический вывод. Если они сами существуют, если существует их планета, то, считают они, возможно, имеются и другие населенные планеты, обитатели которых не могут увидеть их планету.

— См. Плиния Старшего, — пробормотал Пол Уоллак.

Я посмотрел на него.

— Плиний как-то излагал теорию Пифагора о сферичности Земли. Один невежа прервал его, спросив: «А как же люди на той стороне? Почему они не падают вниз?» Плиний ответил, что и на той стороне Земли, наверное, тоже есть дураки, которые спрашивают у своих мудрецов, почему не падаем вниз мы.

— Этот анекдот вряд ли может нам очень помочь, — заметил я.

— Да-да, конечно. Виноват. А время уходит.

Дверь лаборатории открылась и вошел Лу Грехэм — руководитель группы электроники.

— Нашел! — сказал он.

Шум голосов в лаборатории сразу уменьшился на тридцать децибел. Лу сказал:

— Если магнит подвергнуть действию кислоты, то на сталь у его северного полюса кислота воздействует сильнее.

Я покачал головой.

— Лу, — сказал я, — мы не знаем, имеется ли на Венере магнитное поле, не знаем, направлено ли оно так же, как наше, не знаем, наконец, изобрели ли уже венерианцы компас.

— Да нет же, я о другом, — ответил он. — Я понимаю, что это ничего не решило бы. У магнитного поля есть вектор, по стрелку на его конце люди рисуют по собственному усмотрению.

— Так как же вы определите, где находится северный полюс магнита?

— Сделаю электромагнит! Затем применю «правило правой руки». Вы обхватываете электромагнит правой рукой так, чтобы пальцы руки были параллельны виткам обмотки и указывали в ту сторону, куда течет ток. Тогда отогнутый большой палец укажет северный полюс.

— Блестяще! Не эту ли самую задачу мы и пытаемся решить? Теперь остается только выяснить, имеется ли у Харла правая рука с полным набором пальцев, и мы тотчас объясним ему, какая у него правая рука, а какая левая!

— Да нет же, — возразил он. — Вы не поняли, Том. Для этого вовсе не требуется правая рука. Мы просто начнем наматывать обмотку электромагнита. Сделаем это так. Поместим стальной стержень горизонтально перед собой. Проводник, начиная с «начала», поведем от себя и над стержнем. Потом, обогнув стержень, поведем проводник под стержень и к себе, снова обогнем стержень и так далее, пока обмотка не будет закончена. Если теперь к «началу» обмотки подсоединить положительный полюс батареи, а к «концу» — отрицательный, то северный полюс окажется слева. И там стальной стержень будет растворяться в кислоте быстрее.

Я посмотрел на него.

— Лу, — сказал я медленно, — если вам удастся теперь

объяснить, чем отличается положительный полюс батарей от отрицательного, так же определенно, как принцип обмотки электромагнита, мы вернем Холли на Землю. Можете вы это сделать?

Лу повернулся к Терезе Дуайт.

— Этот Харла следил за моими рассуждениями?

Она кивнула.

— Можете вы передать, что он говорит?

— Вы говорите, я слушаю, он читает мои мысли. А я читаю его мысли и могу рассказать их вам.

— Ну и отлично, — сказал Лу Грехэм. — Тогда начнем строить элемент Лекланше. Спросите у Харла, знает ли он, что такое углерод. Черный, не поглощающий световые лучи элемент. Углерод распространен чрезвычайно широко, он лежит в основе всех органических соединений. Он занимает шестое место в периодической таблице элементов. Известен ли Харла углерод?

— Да, известен.

— Теперь надо добавить цинк. Цинк — это легкий металл, получить его в чистом виде не составляет труда. В природе его очень много. Цинк использовался древними цивилизациями при выплавке бронзы и латуни задолго до того, как наука получила возможность определить его как отдельный элемент. Ему известен цинк?

— Может быть, — сказала Тереза не очень уверенно. — Что случится, если Харла возьмет вместо цинка какой-нибудь другой металл?

— Ничего страшного, — сказал Лу. — Подойдет любой легкий достаточно распространенный металл. Например, олово, магний, натрий, кадмий и тому подобное.

— Харла передает — продолжайте.

— Теперь надо сделать электролит. Лучше всего взять какую-нибудь щелочь.

— Осторожнее! — вмешался я. — Того и гляди вы за-

хотите, чтобы для определения щелочи Харла воспользовался лакмусовой бумажкой.

— Совсем не обязательно, — сказал Лу. Он посмотрел на Терезу и добавил: — Щелочи обжигают кожу.

— И кислоты тоже! — возразил я.

— Щелочи часто встречаются в природе, — напомнил мне Лу. — А кислоты нет. Но главное в том, что нам годится и кислота. Можно использовать даже соленую воду. Однако лучше всего подошла бы щелочь. В любом случае скажите Харла, что материалы, подобные цинку, были известны цивилизованным народам задолго до того, как химия превратилась в науку. Кислоты же были открыты сравнительно недавно.

— Харла все понял.

— Ну, а теперь, — победоносно сказал Лу Грехэм, — сделаем батарею, поместив уголь и цинк в электролит. Уголь будет положительным электродом, и его надо соединить с началом обмотки нашего электромагнита. Конец обмотки надо соединить с цинком. Северный полюс будет слева.

— Харла понимает, — сказала Тереза. — Все это он себе представляет. Но как узнать теперь, какой из концов стального стержня и есть северный полюс?

— Намагнитим стальной стержень и поместим его в кислоту, северный полюс растворится быстрее.

— Харла говорит, что подобное явление ему не знакомо. Он ничего подобного не слышал, хотя электромагниты, батареи и все прочее ему известно очень хорошо.

Я посмотрел на Лу Грехэма.

— Вы придумали это сами или вычитали в учебнике?

— Вообще я об этом где-то читал, — смущенно признался он, — но...

— Лу, — сказал я разочарованно, — я не утверждал, будто общую отправную точку вообще невозможно найти.

Но нам нужны такие вещи, о которых можно рассказать в течение нескольких минут. Что-нибудь зримое...

Какая-то мысль забрезжила в моей голове, и я умолк.

Пол Уоллак смотрел на меня так, как будто хотел что-то сказать, но боялся прервать нить моих размышлений. Наконец он не выдержал и спросил:

— Вы что-то придумали, Том?

— Возможно, — пробормотал я. — Ведь должен же быть какой-нибудь зримый пример!

— То есть?

— В туннельной капсуле, конечно, найдется много вещей, наглядно демонстрирующих нужный нам принцип. Например, винты.

Я повернулся к Солу Грейбену. Сол — это наш гений среди механиков. Набросайте ему эскиз губной помадой на папиросной коробке — и он представит вам сверкающий механизм, работающий как столонларовые часы. Однако на этот раз Сол помотал головой.

— Все постоянные соединения там сварные, а все временные — на пружинных защелках, — объяснил он.

— Черт побери! — сказал я. — Но должно же там быть хоть что-то!

— Нашлось бы, — ответил Сол, — но, чтобы добраться до этого, Харла придется пустить в ход ацетиленовый резак.

Я повернулся к Терезе.

— Харла телепат. Не может ли он видеть сквозь металл?

— Этого не может никто, — сказала она негромко.

Уоллак тронул меня за плечо.

— Вы впадаете в обычную ошибку: телепаты вовсе не обладают способностью видеть машину как рабочий чер-

теж. Вовсе нет. Ясновидение, насколько мне известно, вообще не имеет ничего общего со зрением.

— Но, — стоял я на своем, — должно же быть между ними что-то общее, даже если ясновидение и отличается от зрения. Так что же такое ясновидение?

— Если бы вы, Том, были слепы от рождения, я мог бы объяснить вам, что я зрячий и вижу те особенности вещей, которые вы воспринимаете только на ощупь. Это вы могли бы понять. Но никакими силами вам нельзя было бы объяснить, что именно стоит за словом «картина», и вы так бы и не постигли, что такое зрительный образ.

— Хорошо, — не отступал я, — ну а может ли он заглянуть в человеческое тело?

— Что?

— Сердце Холли остановилось, — сказал я. — Но оно не сдвинулось с места. Если Харла способен видеть сквозь мышцы, он мог бы разглядеть большой орган в грудной полости, расположенный вблизи позвоночника.

Тереза сказала:

— Телепатические образы, полученные Харла, расплывчаты и неясны. — Она посмотрела на меня. — Нечто вроде совсем нерезкого и сильно передержанного рентгеновского снимка.

— Рентгеновского снимка? — переспросил я.

— Точнее я вам объяснить не могу, — ответила она неуверенным тоном.

Я оставил эту тему. Тереза пыталась подобрать сравнение, которое могло бы как-то передать ее ощущения. Я почувствовал, что более ясного представления о сущности телепатического зрения мне получить не удастся.

— А не может он разглядеть получше?

— Он не имеет на это права.

— Права! — вспыхнул я. — Да ведь...

Умлак жестом остановил меня.

— Не заставляйте Терезу подыскивать слова, Том. Харла не имеет права вторгаться в личность Холли Картер. Поэтому он не может воспринять образ ее внутренних органов.

— Черт побери! — крикнул я. — Так дайте ему это право.

— Никто из нас не уполномочен на это.

— Будь они прокляты, эти полномочия, — рявкнул я вне себя от гнева. — Дело идет о ее жизни!

Уоллак печально кивнул.

— В экстренных случаях хирург может и не посчитаться с законами, запрещающими оперировать больного без его согласия. Однако даже если он спасет пациента, тот все-таки может подать на него в суд. В нашем случае, Том, дело обстоит совсем иначе. Как вы, возможно, знаете, способности телепата зависят от доброй воли и взаимного желания передавать информацию. Тереза и Харла могут общаться, потому что они оба хотят этого.

— Но разве Харла не может понять, что все мы хотим, чтобы он посмотрел?

— Поймите же наконец, Том, что дело вовсе не в нашем разрешении. Это объективный факт. Положение упростилось бы, если бы Холли была замужем за одним из нас, но даже и в этом случае картина не стала бы совсем ясной. Это ведь форма посягательства на свободу личности.

— Свободу личности? Но в данном случае сама мысль об этом совершенно абсурдна.

— Может быть, и так, — сказал Пол Уоллак. — Но ничего изменить нельзя. Это закон природы. Такой же нерушимый, как, например, закон всемирного тяготения или закон отражения света. Но если бы даже я устанавливал эти законы, то я не имел бы права что-нибудь тут менять. Даже ради спасения жизни Холли Картер. Поймите, Том, если бы телепатия стала такой свободной и неограничен-

ной, какой она представлялась первым ее сторонникам, то жизнь превратилась бы в непрерывный ад.

— Но при чем здесь свобода личности? Ведь Харла даже не гуманоид. Может же кошка смотреть на короля?

— Конечно, Том, но долго ли разрешали бы кошке читать королевские мысли?

— Может ли Харла хотя бы осмотреть ее снаружи? — проворчал я.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Вы имеете в виду шрамы или еще какую-нибудь особую примету?

— Да. Скажем, родимое пятно. Никто из нас не совершенен.

— А вы можете указать что-нибудь такое?

Я задумался.

Вызвать в памяти образ Холли Картер не составляло для меня никакого труда. К несчастью, я смотрел на Холли глазами влюбленного, а это значит, что для меня она была само совершенство. Если у нее и были коронки, я их не замечал. Она была сложена пропорционально, а ее волосы спадали свободно, не разделенные пробором. Кожа у нее безупречна... во всяком случае, там, где ее не закрывал купальный костюм, когда Холли загорала, сидя в шезлонге на краю плавательного бассейна.

Я покачал головой. Приходилось смириться с весьма неприятной необходимостью. Но это было нелегко: я хотел, чтобы моя богиня была совершенна, и если уж плоть ее была такой же уязвимой, как у обыкновенных смертных, мне тяжело было узнать об этом от человека, знавшего ее ближе, чем я.

Но я не хотел, чтобы она умерла. Поэтому я повернулся к Фрэнку Крэндолу.

— Может быть, ты знаешь?

— Что?

— Какие-нибудь шрамы или родинки.

— Например?

— К черту! — вспыхнул я. — Например, шрам от операции аппендицита, по которому можно было бы отличить правую сторону от левой.

— Но слушай, Том, я ведь не ее врач. Как говорится в старом анекдоте: при таких купальниках много ли увидишь!

Мое сердце радостно екнуло. Даже смертельная опасность, которой подвергалась сейчас Холли, не могла полностью заглушить мою радость, когда я услышал, как Фрэнк Крэндол признался, что не только не был ее любовником, но и находился с ней в отношениях, ничуть не более близких, чем я. И все же я предпочел бы, чтобы Холли оказалась просто слабой женщиной, если бы такой ценой можно было вернуть ее на Землю!

Я очнулся от этих мыслей. Холли была свободна, она осталась совершенной богиней — но ей грозила гибель.

Я не заметил, как Сол Грейбен вышел из комнаты, но выходить он выходил, потому что в эту минуту отворилась дверь и он вошел, держа в руках тяжелый ротор гироскопа, крутившийся в кардановом подвесе. Сол был весь какой-то взъерошенный.

— Мне кажется, будто я прокопался целый час, — сказал он. — Не станете же вы утверждать, что эта вот машинка неотделима от убогих представлений так называемых *Homo sapiens*, обитающих на Земле.

Он повернул подставку, и мы все стали смотреть, как поворачиваются кольца, оставляя ротор в той же плоскости.

— Этот эффект должен быть верен для всего космоса, — заметил Сол. — Но стоит мне сделать шаг, как я обя-

зательно спотыкаюсь о собственную ногу. Смотрите. Поместим гироскоп так, чтобы его ось была расположена горизонтально, и будем вращать ротор так, чтобы верхняя часть его обода двигалась от нас. Казалось бы, это даст нам общую отправную точку. Но, к сожалению, дальнейшего объяснить невозможно. Если мы будем отклонять правый конец оси вниз, то гироскоп повернется в горизонтальной плоскости по часовой стрелке и дальний от нас край ротора повернется направо. Но это значит определять А через А. И, следовательно, у меня ничего не вышло.

Фрэнк Крэндол покачал головой.

— Возможно, существует какой-то абсолютный принцип, но никому из нас он, по-видимому, не известен. У нас просто нет времени на поиски. На мой взгляд, положение безнадежно. И нам следует употребить оставшееся время на поиски подходящего объяснения.

— Какого объяснения? — недоуменно спросил Уоллак.

— Посмотрим правде в глаза, — сказал Крэндол. — Еще несколько минут, и Холли Картер уже нельзя будет воскресить. До сих пор никто из нас не нашел способа объяснить этому Харла, как различить «право» от «лево».

— Так что же вы предлагаете?

— Я считаю, что смерть — это удел умирающих, — глухо ответил Крэндол. — Оставим их встретить свой час достойно и в покое. Жизнь же принадлежит живущим, и для них нет покоя. Мы, живые, должны подумать и о себе. Через пять минут Холли успокоится навеки. А нам, остальным, придется отвечать за нее.

— О чем вы говорите?

— Как вы предлагаете объяснить этот несчастный случай? — спросил Крэндол. — Кто-нибудь обязательно пожелает узнать, что случилось с останками Холли Картер. Я уже вижу, как весь ад срысывается с цепи. И я вижу, как нас сживают со свету насмешками, потому что мы не

смогли различить «право» и «лево»! И я вижу, как от нас всех остается мокрое место, потому что мы допустили этот эксперимент.

— По-видимому, ваша репутация беспокоит вас больше, чем судьба Холли Картер?

— У меня есть будущее. У Холли его нет. Черт побери, — простонал он. — Мы не можем даже положиться на случай.

— На случай?

— Ну а как вы думаете, захочет этот венерианец рискнуть жизнью, если мы предложим ему закрыть глаза и наугад ткнуть в одну из кнопок?

— Ну, как вам известно, — начал было Уоллак, — мы при этом тоже рискуем. Но...

— Простите, — сказал я. — У меня есть идея, хотя и довольно нелепая. Можно мне попробовать?

— Конечно.

— Одного «конечно» мало. Мне нужна тишина и Тереза, чтобы разговаривать с Харла.

— Если у вас есть идея, пробуйте, — сказал Уоллак.

— Ты действительно знаешь, что надо сделать? — спросил Фрэнк Крэндол.

— Мне так кажется, — ответил я. — Если из этого выйдет толк, то только потому, что Холли мне очень близка.

— Вполне возможно, — сказал он, пожимая плечами.

Я еле сдержался — людей вызывали на дуэль за меньшее. Но Крэндол добавил спокойно:

— Ты мог бы стать гораздо ближе — это уж твоя вина. Она всегда говорила, что у тебя живой и лукавый ум и что болтать с тобой после долгого напряжения мысли — истинное удовольствие. Но ты вечно куда-то торопился. Ну давай, Том. Желаю удачи.

Я перевел дух.

— Тереза? — окликнул я.

— Что, мистер Линкольн?

— Попросите Харла, чтобы он сосредоточился на кнопках.

— Он готов.

— Между кнопками имеется еле заметное различие.

— Это он знает, он только не знает, в чем оно состоит.

— Они чуть-чуть отличаются температурой. Одна кнопка немножечко теплее другой.

— Харла их ощупал.

Я отбросил обращение в третьем лице и начал говорить с Терезой так, словно передо мной была телефонная трубка.

— Харла, — сказал я, — только часть различия между кнопками сказывается на их температуре, которую можно ощутить при прикосновении. Но существует еще и другой вид теплоты. Может быть, внутреннее чувство подсказывает вам, что одна кнопка лучше другой?

И ответ Харла прозвучал так, словно мы разговаривали без посредничества Терезы.

— О да! Меня влечет одна из них, более теплая. Если бы речь шла об игре, я поставил бы на нее без колебаний. Но в серьезных делах чувство — плохой вожатый.

— Да нет же, — ответил я быстро, — это и есть наша общая отправная точка. Нажмите на более теплую.

Меня прервали. Уоллак толкнул меня и оттащил от Терезы. Фрэнк Крэндол бросился к ней с криком:

— Нет! Нет! Теплее красная кнопка! Нажмите на зеленую!

Но и его прервали. Ухнул вытесненный воздух — и на стартовой площадке появилась туннельная капсула. В ней находилось жуткое существо, которое держало в змеевидных щупальцах тело Холли Картер. Свободным щупальцем оно открыло дверь.

— Возьмите ее скорее, пока я еще в силах удерживать дыхание, — сказал Харла, по-прежнему через посредство Терезы. — Я пришлю вам туннельную капсулу пустой. Ведь теперь я сумею — я знаю, что теплее там, где сердце.

Харла отпустил бесчувственную девушку мне на руки и вернулся в капсулу. Капсула исчезла и вернулась пустой как раз в тот момент, когда доктор начал хлопотать вокруг Холли.

Теперь моя Холли со мной, но по временам я просыпаюсь и лежу подле нее весь в холодном поту. Ведь Харла запросто мог ошибиться! Точно так же, как ошибались Уоллак и Крэндол, считая, что красная кнопка должна быть теплее. Их реакция, как и реакция Харла, была чисто эмоциональной.

Надеюсь, Харла либо простит меня, либо никогда не узнает, что я говорил так уверенно и играл на его чувствах для того, чтобы он поставил на карту случайности (пятьдесят шансов из ста) свою... ее... наши жизни.

И я засыпаю только после того, как мне удастся убедить себя, что это было нечто большее, чем простая случайность. Когда разум и логика оказались бессильны, наши чувства подсказали Харла правильный выбор.

Ведь «право» и «лево» возникают только тогда, когда житель Земли определит их.

Лео Сцилард — видный венгерский физик и биофизик. В начале 30-х годов вынужден был покинуть родину и в конце концов поселился в США. Вместе с Энрико Ферми, знаменитым итальянским ученым, работал над осуществлением цепной реакции в уране. Будучи убежденным антинацистом, Сцилард возглавил борьбу ученых-атомников против военного применения атомной бомбы. Лео Сцилард известен также как автор научно-фантастических рассказов.

К вопросу о „Центральном вокзале“

Нетрудно вообразить, как мы были потрясены, когда, совершив посадку в этом городе, обнаружили, что он необитаем. Десять лет мы провели в звездолете, десять лет томилась нетерпением и изнывали от вынужденного безделья, наконец прибываем на Землю — и тут оказывается (как вам, без сомнения, известно), что жизнь на планете исчезла.

В первую очередь следовало установить, как это произошло, выяснить, действует ли еще фактор, погубивший жизнь, — какова бы ни была его природа — и опасен ли он для нас. Не то что мы могли бы принять какие-то меры для собственной защиты, нет, но надо было решить, можно ли отправлять сюда новые экспедиции или разумнее пока воздержаться.

Сначала казалось, что перед нами неразрешимая загадка. Никакой вирус, никакая бактерия не способна уничтожить все живое. Но не прошло и недели, как один из наших физиков совершенно случайно обнаружил в воздухе следы радиоактивности. Будучи крайне слабой, эта ра-

диоактивность сама по себе не имела значения, но при анализе было установлено, что ее источником могла стать только определенная смесь большого числа различных радиоактивных элементов.

Тогда Иксрем припомнил, что пять лет назад на Земле отмечались таинственные вспышки (все они имели место на протяжении одной недели). Ему пришло в голову, что эти вспышки, возможно, были урановыми взрывами, а нынешняя радиоактивность могла возникнуть пять лет назад и вначале была достаточно сильной, чтобы истребить все живое.

Все это звучало малоубедительно, так как уран сам по себе не взрывается и может стать в этом смысле опасным лишь в результате крайне сложной обработки. Поскольку обитатели Земли — те, кто построил такие города, — были, очевидно, разумными существами, трудно поверить, будто они тратили столько сил на обработку урана лишь для того, чтобы уничтожить самих себя.

Тем не менее последующий анализ подтвердил, что найденные в воздухе радиоактивные элементы действительно образуются при взрыве урана и соотношение их точно такое, какое должно быть спустя пять лет после взрыва. Едва ли тут случайное совпадение, так что в этой части теория Иксрема стала теперь общепризнанной.

Когда же Иксрем в своих рассуждениях заходит дальше и пытается объяснить, как и почему взрывался уран, с ним при всем желании невозможно согласиться. Иксрем считает, что между обитателями двух континентов шла война, в которой победили обе стороны. Действительно, первые двадцать вспышек были зарегистрированы на евразийском континенте, а уж за ними последовали пять гораздо более мощных вспышек на американском континенте; поэтому вначале я почти склонялся к тому, чтобы принять эту гипотезу всерьез.

Я полагал, что на этих континентах обитали два разных биологических вида землян, что оба вида не умели или не желали контролировать рождаемость, что это могло привести к перенаселению, недостатку продуктов питания и смертельной борьбе между видами. Но я вынужден был отвергнуть собственное предположение, так как ему противоречили два факта: во-первых, скелеты жителей Земли, найденные на евразийском и на американском континентах, принадлежат существам одного и того же биологического вида, а, во-вторых, статистические данные, основанные на количестве найденных скелетов, показывают, что как на том, так и на другом континенте перенаселенность отсутствовала.

Не считаясь с фактами, Икскрем настаивает на своей гипотезе войны. Хуже всего то, что теперь в своих выводах он опирается только на весьма спорные наблюдения, недавно сделанные нами при тщательном осмотре «Центрального вокзала»; хотя собранные нами данные, без сомнения, представляют большой интерес, иметь отношение к настоящему вопросу они никак не могут.

Прибыв на Землю, мы не представляли, с чего начать исследования, и потому первым объектом избрали одно из крупнейших строений в городе. Что означает его название — «Центральный вокзал», не известно, но его назначение понятно всякому. Это строение было связано с примитивной системой транспорта, базировавшейся на том, что громоздкие машины тащили за собой по рельсам колесные экипажи.

Вот уже более десяти дней изучаем мы «Центральный вокзал», и нам удалось собрать обширный материал, любопытный и загадочный.

Разрешите начать с факта, который мы успешно истолковали, — лично я, во всяком случае, считаю толкование правильным. Как мы установили, вагоны, стоящие на этом

вокзале, снабжены табличками двух видов: «Для курящих» и «Для некурящих», что ясно указывает на какое-то разделение пассажиров. Меня тут же осенило: по-видимому, в городе жили два племени — темнокожие, или, по-земному, «курящие», и менее пигментированные (хоть и не совсем альбиносы), с белой, или «некурящей», кожей.

От обитателей Земли остались только скелеты, а по ним нельзя получить данные о цвете кожи. Поэтому сначала казалось, что подтвердить мою теорию будет нелегко. Но тем временем в городе были обнаружены обширные строения, которые явно предназначались для непонятных и таинственных целей. Внутри этих строений по стенам развешаны полотна в рамках, причем на полотнах изображены различные пейзажи и обитатели Земли. И тут мы убедились, что земляне и в самом деле распадались на два класса: одним была свойственна сильная пигментация (видимо, «курящие»), другим — слабая (разновидность «некурящих»). Именно этого и следовало ожидать.

Необходимо оговорить, что определенный процент изображений доказывает существование третьей разновидности землян. У представителей этой третьей разновидности, помимо двух рук и двух ног, имелось еще и по два крыла, и все они явно относились к слабо пигментированным. Ни один из множества рассмотренных скелетов не принадлежал к особям крылатого племени; отсюда я заключаю, что перед нами изображения давно вымерших существ. В том, что этот вывод правилен, сомневаться невозможно, так как крылатые существа гораздо чаще встречаются на старых картинах, нежели на более поздних.

Разумеется, у меня нет возможности описать здесь все находки, которыми изобиловал «Центральный вокзал», но я расскажу о самой загадочной, тем более что именно на ней Иксрем основывает свою гипотезу войны.

Открытие, о котором идет речь, сделано в результате

исследования, казалось бы, незначительной мелочи. В необъятных залах «Центрального вокзала» мы набрали на два небольших помещения, укромно запрятанных в глубине здания. В каждом из этих помещений (одно из них помечено «М», а другое «Ж») имеется несколько крохотных кабинок, служивших временным укрытием для землян, пока те отправляли естественные потребности. Сразу же возник вопрос: каким образом находили земляне эти укрытия в необозримых просторах «Центрального вокзала»?

Если землянин искал наугад, то, чтобы наткнуться на эти помещения в здании таких размеров, он должен был затратить примерно час (в среднем). Однако не исключено, что земляне устанавливали их местонахождение с помощью органов обоняния; мы пришли к выводу, что в случае, если их обоняние в тридцать—сорок раз превосходило нашу рудиментарную способность воспринимать запахи, то среднее время поисков составляло не час, а пять—десять минут. Таким образом, проблема оказалась несложной.

Гораздо сложнее обстояло дело с другим вопросом. Он возник в связи с тем, что, как выяснилось, во всех без исключения кабинках дверь запиралась неоправданно сложным устройством. Мы рассмотрели такие устройства и обнаружили, что внутри них находятся круглые металлические диски. Теперь уже известно, что эти хитроумные устройства преграждали вход в кабинку до тех пор, пока кто-нибудь не опускал в щель еще один диск; в момент опускания диска дверь открывалась, позволяя войти в кабинку.

На этих дисках изображения и надписи различны, но везде присутствует общее слово «Свобода». Каков же смысл этих устройств, дисков в устройствах и слова «Свобода» на дисках?

Было выдвинуто несколько гипотез, но общее мнение склоняется в пользу следующей: здесь процессу отправления естественных потребностей сопутствовало обрядовое действо, возможно аналогичное любопытным ритуалам, о которых сообщает с планет Сигма-25 и Сигма-43. Согласно этой теории, слово «Свобода» обозначало какую-то добродетель, высоко ценимую обитателями Земли или же их предками. В этом случае становится понятно, почему жертвоприношение дисков непосредственно предшествовало акту отправления естественных потребностей.

Но отчего же надо было принимать меры (или, как говорит Иксем, насильственные меры) да еще пользоваться специальным устройством, чтобы жертвоприношение обязательно состоялось в каждом отдельном случае? Это тоже можно объяснить, если допустить, что земляне приближались к кабинке только в случае настоятельной необходимости и при отсутствии этих устройств могли случайно забыть о жертвоприношении диска и впоследствии мучились бы угрызениями совести. Подобные угрызения совести, вызванные неисполнением предписанных обрядовых действ, не редкость среди обитателей планет Сигма-25 и Сигма-43.

Мне представляется, что в общем и целом на данном этапе это объяснение наиболее удовлетворительно, и, вероятно, последующие изыскания подтвердят его истинность. У Иксема, как я уже упоминал, есть своя теория, которая, как он думает, объясняет решительно все, в том числе и диски в устройствах, и даже взрывы урана, истребившие жизнь.

По его мнению, диски выдавались землянам в награду за услуги. Он утверждает, будто земляне отнюдь не были разумными существами и не стали бы участвовать в коллективных мероприятиях без действенного побуждения.

Он утверждает, что невозможность отправлять естест-

венные потребности, пока не принесен в жертву диск (при каждом отправлении), побуждала землян стремиться к приобретению таких дисков, а желание приобретать диски заставляло их участвовать в совместном труде, необходимом для функционирования общества.

Он полагает, что диски, найденные в местах отправления естественных потребностей, отражают лишь частный случай более общего принципа и что земляне скорее всего должны были вручать такие диски не только перед входом в эти места, но и перед тем, как получить доступ к пище и т. п.

На днях Иксрем заходил ко мне побеседовать на эту тему; я не уверен, что полностью его понял, ибо говорил он чрезвычайно быстро, как с ним часто бывает, если он увлекается очередной своей теорией. Все же общую суть я уловил, и, по-моему, его доводы лишены смысла.

Очевидно, он произвел сложнейшие расчеты, доказывающие, что система производства и распределения благ, которая зиждется на системе обмена дисков, не может быть устойчивой и неизбежно подвергается сильным колебаниям, отдаленно напоминающим маниакально-депрессивный цикл душевнобольного. Иксрем позволяет себе утверждать, будто в депрессивной фазе война становится психологически возможной даже внутри одного вида.

Я первый соглашусь с тем, что у Иккрема блестящие способности. Его теории неизменно оказываются ложными, но до сих пор в каждой из них содержалось хотя бы зерно истины. Однако в последней теории это зерно ничтожно мало; кроме того, на сей раз я могу доказать, что Иксрем заблуждается.

Последние дни мы занимались выборочным обследованием десяти жилых домов города; выборка велась по принципу случайности. В каждом доме мы нашли по несколько мест отправления естественных потребностей, но ни

одно из них не было оборудовано вышеописанным устройством, содержащим диски, — ни в одном из обследованных домов. Этот факт не оставляет от теории Иккрема камня на камне. Теперь можно считать установленным, что диски, найденные в местах отправления естественных потребностей на «Центральном вокзале», помещались туда при обрядовом действе. Очевидно, такие обряды были связаны с отправлением естественных потребностей в общественных и только в общественных местах.

Я рад, что нам удалось разрешить эту проблему вовремя, так как мне было бы жаль, если бы Иккрем поставил себя в глупое положение, включив свою теорию в отчет. Это весьма одаренный юноша, и, несмотря на то что он сыплет нелепыми идеями по любому поводу и без повода, я к нему очень привязан.

Роберт Уилли — псевдоним Вилли Лея, известного американского ученого, специалиста в области ракетостроения, почетного члена Британского межпланетного общества. Уилли — автор книги «Ракеты, управляемые снаряды и космические путешествия». Он широко сотрудничает во многих научно-популярных журналах и постоянно ведет отдел в журнале «Гэлэкси мэгэзин».

Вторжение

Уолтер Харлинг смотрел, как солдаты вставляли обойму длинных и малоприятных на вид патронов в магазин зенитного орудия. Пучок тонких стволов подымался почти вертикально прямо к кронам могучих старых деревьев, которые скрывали батарею от вражеских кораблей. У дула стволы завершались барабаноподобными приспособлениями — шнейдеровскими дульными тормозами, которые отражали поток газов после выстрела, так что контротдача гасила отдачу и ствол сохранял неподвижность.

Внешние отверстия дульных тормозов были плотно закрыты металлическими крышками с резиновой прокладкой. Если бы дождевая вода попала в ствол, то никто не мог бы предсказать, что произошло бы при следующем выстреле. А дождь шел, упорный многочасовой дождь. И хотя до вечера было еще далеко, темнота уже сгустилась. Взгляд лишь с трудом различал ближайшие деревья и задранные стволы орудий в сыром сумрачном воздухе.

Батарея стояла неподалеку от дороги. По другую сторону дороги, на поляне, излюбленном месте отдыха туристов в этом лесу (одном из прекраснейших заповедных

лесов страны), находилась батарея восьмидюймовых гаубиц. Она вела размеренный огонь. Уолтер Харлинг всего час назад довольно долго смотрел, как стреляет батарея. Каждые четырнадцать минут тяжелый ствол одной из гаубиц вздрагивал от сильнейшей отдачи взорвавшегося заряда. Затем стреляли три остальных орудия с точными интервалами в двенадцать секунд. Потом на четырнадцать минут они замирали. Угол возвышения толстых стволов показывал, что гаубицы стреляют на максимальное расстояние.

Уолтер Харлинг не понял бы, что все это может показаться настоящей войной только штатскому наблюдателю, если бы ему об этом не сказали. Да и когда ему сказали, он поверил не сразу. Но потом он начал замечать разницу. Гаубицы стреляли без пламегасителей... И солдаты вели бы себя иначе, если бы ожидали ответного обстрела. Они напрягали все силы, чтобы выпускать снаряды по дальней цели с предельной частотой, на которую были способны их орудия. Но они не прислушивались, стараясь уловить свист вражеских снарядов. О возможности «ответного удара» их предупреждали заблаговременно.

В знаменитом лесу, затянутом теперь сеткой дождя, стоял непрерывный грохот артиллерийской стрельбы. Огонь вели многочисленные батареи тяжелых гаубиц, причем синхронизация была безупречной и очередной снаряд взлетал в воздух не реже чем через пятнадцать секунд. Казалось даже, что это работают какие-то чудовищные машины — с оглушительным шумом, но ритмично.

Внезапно сквозь дождь и монотонный рев артиллерии, который стал словно бы неотъемлемой частью мокрого леса, пропелся крик команды.

— Части противовоздушной обороны, внимание! Приближается неприятельский корабль.

Расчеты зениток мгновенно ожили. Они встали у ору-

дий, готовые в любую секунду приступить к исполнению своих обязанностей, напряженно ожидая команды, а может быть, и смерти.

Ждать команды пришлось долго. Однако сквозь безмолвие, которое, казалось, наступило за внезапной суетой (гаубицы продолжали стрелять с точностью часового механизма), Харлинг услышал глухой гром более тяжелых орудий. Он знал, что на единственном железнодорожном пути, проходившем неподалеку от опушки заповедного леса, установлено несколько двадцатичетырехдюймовых железнодорожных орудий.

Тяжелые дальнобойные пушки присоединили свои залпы к залпам гаубиц.

Командир зенитной батареи, который сидел с наушниками звукоуловителя на голове среди штабелей снарядов, внезапно выкрикнул ряд цифр. Смысла этих цифр Харлинг не понял.

— Беглый огонь. Пли!

Следующие несколько минут были заполнены разноголосым ревом. Четыре орудия принялись выбрасывать в воздух снаряды, делая по сорок выстрелов в минуту каждое. Точно так же стреляли и все остальные батареи. Лес, казалось, был набит закамуфлированными зенитными батареями. Харлинг поднял голову, щурясь от дождевых капель, но в темном небе не было видно ничего, кроме вспышек рвущихся снарядов. Если над ними действительно прошел неприятельский корабль, как показал детектор командира батареи, то он был скрыт низкими тучами.

Внезапно все вокруг озарила пронзительная вспышка, словно разом взорвалось десять тонн магния. Вслед за этим слева занялось багровое зарево. Это загорелись деревья. Но зарево вскоре погасло. Дождь оказался эффективнее огнетушителей, которые, вероятно, пустили в ход солдаты, находившиеся неподалеку от того места, куда

ударила «молния». Противник ответил на огонь, который по нему вели.

К Харлингу подошел ординарец.

Он отсалютовал, и из каждого шва его формы брызнула вода.

— Танки отправляются через полчаса, сэр, — доложил он. — Автомобилю по этой грязи не пройти, — добавил он, заметив удивленный взгляд Харлинга. — Когда они кончат выгружать снаряды, вас просят вернуться с ними. Генерал вас ждет.

— Хорошо, — ответил Харлинг. Он произнес это рассеянно, потому что думал совсем о другом. Когда ординарец ушел, он неторопливо направился по чавкающему лесному мху к изрытому колеями проселку.

Эта странная война началась всего несколько месяцев назад, в тот момент, когда на земле царил полный мир и человечество, гордясь своими достижениями, перестало думать о бессмысленных разрушениях. Человечество даже верило, что находится на пороге новой эры, куда более значительной, чем та, начало которой было положено открытием американского континента несколько веков назад.

Впрочем, непосредственная причина войны возникла раньше, хотя и не более чем за десять лет до ее начала. У пологих горных отрогов из долины в долину струилась могучая река. По ее берегам в изобилии росли кедры, сосны и лиственные деревья. Это был огромный и красивый лес — настолько красивый, что правительство превратило значительную его часть в национальный заповедник.

Туда стекались туристы со всей страны и даже из-за границы. А геологи во время летних отпусков исследовали долины и русло реки, которые, с их точки зрения, были настолько интересны, что обычная работа становилась

удовольствием. Одна из самых больших долин некогда была огромным озером. Много тысяч лет назад река, питавшая это озеро, сумела проложить себе путь дальше, отыскав рыхлую породу в горном хребте, озеро перелилось в соседнюю долину и в конце концов через пустыню достигло океана.

Там, где некогда прорвалась вода древнего озера, еще сохранился водопад, не очень высокий, но могучий. Время от времени к нему приезжали инженеры, проверяя, нельзя ли воспользоваться им как источником электрической энергии. И каждый раз они приходили к выводу, что строить там гидроэлектростанцию не имеет смысла. Разница уровней была не очень велика, а потребность в электроэнергии в этой части страны полностью удовлетворялась уже существующими станциями.

Затем всего в двух десятках миль от водопада были обнаружены значительные залежи бокситов. Так возникла потребность в дополнительной электроэнергии, и в конце концов правительство решило заставить водопад производить полезную работу. Тут пригодились изыскания геологов. Было решено восстановить перемычку, некогда размытую древним озером, и тем самым возродить озеро. Это обеспечило бы алюминиевый завод электрической энергией, а излишки воды можно было использовать для орошения земель у бокситовых рудников, проведя туда канал, который одновременно служил бы для перевозки руды и алюминия в более густо населенные области страны.

Новые методы строительства плотин сделали все это не только возможным, но и относительно легким. Одновременно с исследованиями велись работы над проектом плотины, которая должна была стать последним словом в строительстве плотин — настолько революционной была ее конструкция. По мере того как уровень озера в долине поднимался, к плотине добавлялись новые секции, удержи-

вавшие на месте благодаря давлению воды, преградой которой они служили. Возведение плотины правительство доверило энергии и инженерному таланту Уолтера Харлинга, выбрав его из множества кандидатов, и он стал душой и мозгом строительства. Вместе с плотинной росла его слава. Когда работы были завершены, ирригационное управление с гордостью объявило, что создано самое большое искусственное озеро на земле, далеко превосходящее все остальные и красотой и полезностью. Вряд ли стоит говорить, что гидростанция была самой современной и самой мощной.

Работала она безупречно. Как бы ни росли требования алюминиевого завода, она спокойно снабжала его необходимыми миллионами киловатт-часов. При упоминании о Харлинговской плотине министерство финансов расцветало довольными улыбками. Гидростанция была прекрасна даже с бухгалтерской точки зрения — вещь крайне редкая. За три с половиной года ее успешной работы не случилось ни одной неполадки. Правда, кто-то однажды умудрился подключить к линии высокого напряжения и украсть девяносто тысяч киловатт-часов, прежде чем его наконец поймали.

Бедой пришла внезапно в одну прекрасную весеннюю ночь, когда дежурные инженеры, которые безмятежно следили за показаниями многочисленных приборов, были исполнены благодушия, знакомого только тем, кто выполняет идеальную работу в идеальных условиях. Они чувствовали — и сказали бы об этом вслух, если бы их спросили, — что живут на самой лучшей планете в самое лучшее время.

Вдруг стрелки приборов словно взбесились. Те, которым полагалось стоять на нуле, начали показывать чудовищную перегрузку, другие метнулись к нулю и повели себя так, словно испытывали неодолимую потребность по-

казать отрицательную величину. Отчаянно замигали десятки сигнальных лампочек. Зазвенели почти все сигналы тревоги. Но даже их звон был не совсем нормальным — они звонили отрывисто, непривычным стаккато, как обыкновенным электрическим звонкам звонить не положено. Радиоприемник, из которого до той минуты лилась тихая музыка, начал издавать звуки, больше всего смахивавшие на скверную имитацию артиллерийских заградительных залпов.

Зазвонили телефоны — так же отрывисто, как сигналы тревоги, а когда инженеры сняли трубки, то услышали тот же грохот, который доносился из приемника.

Все прекратилось столь же внезапно, как началось. Стрелки приборов вернулись в нормальное положение, правда, все еще подрагивая, словно от волнения, сигналы тревоги и телефоны умолкли, сигнальные лампочки погасли, а из приемника полились первые такты «Лунной сонаты». Инженеры переглянулись, но никто ничего не сказал, потому что каждый пытался найти какое-то объяснение случившемуся и не находил.

Прежде чем они успели обменяться хотя бы первыми предварительными фразами, все повторилось сначала. Но на сей раз им показалось, что они обнаружили причину всех этих непонятных явлений. Над лесом медленно плыли три дирижабля, направляясь к плотине и зданию гидростанции. Вскоре инженеры увидели, что это не дирижабли, хотя назвать их самолетами тоже было нельзя. Луна светила ярко, и нетрудно было заметить, что перед ними — что-то совсем незнакомое. Неизвестные предметы больше всего напоминали фюзеляжи больших самолетов.

По форме они походили на удлинненные капельки с круглым поперечным сечением, завершавшиеся узким длинным острием. Инженеры различали металлическую обшивку, несколько поврежденную и обгоревшую, и могли

даже пересчитать ряды эллипсообразных иллюминаторов, но не видели ничего, что помогало бы этим трем небесным кораблям держаться и двигаться в воздухе. Не было ни моторов, ни пропеллеров, ни даже крыльев или хвостового оперения. Просто висящие в воздухе красивые корпуса величиной с небольшой океанский лайнер. Время от времени у хвоста возникала светящаяся спираль, но она вспыхивала и угасала столь быстро, что наблюдатели не были уверены, не обманывает ли их зрение.

Три корабля опустились на землю в какой-нибудь тысяче футов от здания станции — снижались они медленно и мягко, как дирижабли, хотя, несомненно, не имели никакого вместилища для легкого газа, который поддерживал бы их в воздухе. Теперь уже почти все работники гидростанции стояли у окон, рассматривая неизвестные корабли. Они не могли различить никаких опознавательных знаков, но не сомневались, что корабли эти принадлежат воздушному флоту их собственной страны, так как не было никаких оснований опасаться вражеского вторжения. К тому же такое вторжение, несомненно, выглядело бы совсем иначе. Те немногие, кто остался у приборов, с величайшим изумлением увидели, что количество выдаваемой энергии вдруг начало резко снижаться. Через тридцать секунд оно уже равнялось нулю. Внезапно без видимой причины перегорело несколько предохранителей. Тем не менее приборы показывали, что турбины и генераторы по-прежнему продолжают работать на полную мощность. Казалось, будто кто-то похищает всю вырабатываемую ими энергию до того, как она достигает линии передач.

Филлипс, главный инженер гидростанции, бывший в ту ночь дежурным, решил получше рассмотреть неизвестные корабли. В сопровождении некоторых работников

станции он поднялся на плоскую крышу. Корабли по-прежнему лежали на земле, но, казалось, за этот короткий срок успели приблизиться к станции. Теперь их отделяло от нее не более пятисот футов. Затем произошла еще одна невероятная вещь: корабли начали погружаться в землю. Почва в этом месте была не особенно мягкой и свободно выдерживала вес автомобиля. Но, разумеется, это были не каменные породы. Все три корабля уходили в почву так, словно были свинцовыми болванками. Когда верхняя часть корпуса оказалась на уровне почвы, погружение прекратилось. И тут один из наблюдателей допустил ошибку. Луна к этому времени исчезла за облаками, и таинственные корабли совсем скрылись из виду, так как ни один из их многочисленных иллюминаторов не был освещен.

— Прожектор! — предложил кто-то.

Филлипс сам навел прожектор на корабли. Затем кто-то нажал на выключатель, и прожектор осветил корабль. Последовала яркая вспышка. Сначала луч задел одну из стальных мачт, поддерживающих тяжелые провода высокого напряжения. Мачта разлетелась на мелкие куски. Затем он опустил ся на здание станции, и через какую-то долю секунды все жучки и ночные бабочки, сидевшие на стенах, все птицы и ящерицы, обитавшие в плеще, и, разумеется, все люди внутри станции и на ее крыше были мертвы.

На следующий день над кораблями появились самолеты. Прекращение подачи электроэнергии было замечено на сотни миль вокруг. А то, что со станции никто не звонил и никто там не отвечал на звонки, было замечено и еще дальше. Поэтому на разведку были посланы самолеты. Многие полагали, что Харлинговская плотина рухнула и

все, кто находился в долине, погибли в волнах. Однако летчики, кружившие над долиной, убедились, что плотина совершенно цела и стоит на месте. Впрочем, они заметили и кое-что необычное. Одна из мачт линии передачи бесследно исчезла. Провода, которые она прежде поддерживала, были обрезаны и подведены к трем неизвестным предметам, похожим на металлические дирижабли, на три четверти зарытые в землю. Эти самолеты не вернулись на свой аэродром, и когда они перестали отвечать на вызовы по радио, к Харлингговской плотине были посланы другие самолеты. Один из них вернулся, и летчик доложил, что самолет его напарника внезапно разлетелся в воздухе на куски, когда на них обоих с земли был направлен какой-то яркий луч.

После этого полеты гражданской авиации к плотине прекратились. Армия взяла дело в свои руки. И три дня спустя было собрано уже немало сведений... А тем временем в лесу тайно сосредоточивались батареи тяжелой артиллерии.

В штабе командующего шли ожесточенные споры.

Факты были ясны, но необъяснимы.

Три воздушных корабля неизвестной конструкции захватили самую большую электростанцию страны. Они не остановили ее и используют получаемый ток для каких-то своих неизвестных целей. Самолеты, пытающиеся атаковать их, обречены на верную гибель, так как корабли располагают неизвестным, но смертоносным оружием. Впрочем, различные самолеты оно поражало по-разному, и некоторым удалось спастись. Правда, они получили повреждение, но сумели, планируя, уйти из опасной зоны.

Обследование показало, что их двигатели и некоторые приборы бесследно исчезли, если не считать нескольких горсточек металлических обломков. Кто-то случайно обнаружил, что эти обломки намагничены. Кто-то еще

вспомнил, что в уцелевших самолетах было мало стальных деталей. Вывод напрашивался сам собой: белый луч с кораблей уничтожал железо и сталь, возможно, создавая такое магнитное напряжение и натяжение, что металл ломался (хотя с точки зрения ферромагнитной теории это было бы необъяснимо), а возможно, каким-то иным, совершенно неизвестным способом, и намагничивание было только побочным его результатом.

Наземная разведка сообщала и о других не менее странных фактах. Возле плотины, по-видимому, возникла зона, в которой гибло все живое. Эта зона, насколько удалось установить, имела форму кольца, в центре которого находились корабли. Кончалась она сразу за плотиной. Тот, кто пересекал границу зоны, тут же падал мертвым без видимой причины. Солдаты, как могли, поместили границу зоны.

Другая группа разведчиков постаралась установить связь с неизвестными кораблями с помощью гелиографа, так как на радиосигналы они не реагировали. Корабли ответили яркой вспышкой, которая уничтожила солдат, гелиограф и грузовик. По-видимому, обитатели кораблей не выносили яркого света, а быть может, они считали, что это такое же оружие, как и их собственный луч.

Время от времени один из кораблей подымался из своей ямы и совершал полет над каким-нибудь другим континентом. Их видели (а если не видели, то опознавали благодаря очень типичным «стаккатным» помехам, возникавшим в радиоприемниках при их приближении) почти повсюду. Однажды о появлении корабля сообщил Гонконг, а на следующий день — почти одновременно Лондон и Берлин. Затем Буэнос-Айрес и Нью-Йорк, с интервалом всего два с половиной часа. Но ничего не случилось. Если к кораблю направлялись самолеты, то он взмывал в верхние слои атмосферы, куда они за ним следовать не могли.

Иногда корабли выбрасывали какой-то таинственный сигнал — светящийся шар, который бывал вначале темно-фиолетовым, затем медленно синел, после чего все быстрее один цвет радуги сменялся другим, пока наконец не становился красным.

Профессор астрономии Хасгрейв первым заговорил о том, что многие втайне подозревали уже давно, — он сказал, что неизвестные корабли прибыли на Землю с другой планеты, возможно, даже из иной солнечной системы.

Военные власти сначала только посмеялись над Хасгрейвом, однако они вынуждены были признать, что никто из их ученых не мог даже объяснить принцип действия неизвестных кораблей, не говоря уж о том, чтобы создать что-либо подобное. Кроме того, им пришлось признать, что их разведка не могла обнаружить ни малейших данных, свидетельствовавших о том, что в какой-либо из стран земного шара велась постройка подобных кораблей. Они уже перестали отрицать внеземное происхождение этих кораблей, когда Хасгрейв внезапно сумел найти убедительное объяснение цветному световому шару, который корабли выпускали над несколькими городами.

Это было не оружие, объяснил он, а предупреждение. Корабли пытались использовать астрономический принцип для установления связи. Шар, изменяясь в цвете от синего до красного, воспроизводил эффект Допплера. В астрономии он означает удаление какого-то тела. Поскольку сам шар оставался неподвижным, отсюда следовало, что самолетам предлагалось удалиться. Нарастание скорости смены цветов означало, что им следует удалиться как можно быстрее.

После нескольких дней усиленной умственной работы власти наконец убедились, что три загадочных корабля действительно были космическими гостями. Точнее говоря,

гостями они все-таки не были. Они просто явились на Землю и устроились на ней, как им заблагорассудилось. Вступать в сношения с людьми они явно не собирались и даже рекомендовали им держаться подальше. Пока к ним не приближались, они никому не причиняли вреда. И ничего не захватывали, если не считать электрической энергии, производимой гидростанцией Харлингвской плотины. Они вели себя точно так же, как человек, вскрывающий пчелиный улей, — избегали причинять бессмысленный вред, а просто забирали мед и давили пчел, которые им мешали. Но у пчел есть жала, чтобы защищаться и мстить за погибших. У человечества также было жало — самолеты, танки и пушки.

Вскоре люди уже жаждали начать войну против пришельцев. Ведь они явились не как друзья и, следовательно, были врагами. Их видимое безразличие глубоко уязвило человечество: им следовало хотя бы принести извинения за смерть людей, погибших по их вине. Создания, наделенные разумом, способные проделывать то, что проделывали они, несомненно, могли бы установить связь с обитателями Земли, если бы хотели. И как бы то ни было, они первыми начали враждебные действия, и им следовало показать, что человечество готово сражаться.

В конце концов командующий позволил убедить себя, что пора начать артиллерийский обстрел. К этому времени в лесу было сосредоточено значительное число тяжелых батарей.

Командующий отдал приказ.

Шесть восьмидюймовых снарядов по крутой траектории опустились на три корабля.

У командиров батарей было достаточно времени, чтобы учесть все факторы, влияющие на траекторию. Пять из шести снарядов точно поразили цель... но взорвались в пятидесяти ярдах над ней. Шестой слегка отклонился и по-

пал в землю неподалеку от станции — взрыв образовал большую воронку и слегка повредил здание.

Через двадцать четыре часа генералу доложили, что у плотины за ночь появился купол из серебристого металла. Он был построен над гидростанцией, и пробный выстрел показал, что купол этот так же неуязвим для тяжелых снарядов, как и сами корабли.

И тогда эта странная война началась всерьез. Однако почти все время она была односторонней и абсолютно безрезультатной. Артиллеристы, хотя и вели непрерывный обстрел, ни разу не смогли заставить корабли врасплох. Незвестная сила, которая заставляла снаряды взрываться на безопасном для кораблей расстоянии, действовала непрерывно. Настроение у солдат становилось все хуже, тем более что корабли иногда отвечали и каждая вспышка их лучей уносила много жизней и орудий.

Наконец профессор Хасгрейв разработал план. Он был твердо убежден, что таинственная сила пришельцев в конечном счете опирается на электричество и, значит, ее можно обезвредить. Первым, кому Хасгрейв сообщил свои выводы, был Уолтер Харлинг, создатель Харлинговской плотины, которая стала центром всех этих событий. Затем они оба совещались с командующим, а потом с президентом. В конце концов было решено использовать план Хасгрейва, и Уолтер Харлинг после ожесточенных споров все-таки настоял на своем и добился разрешения взять исполнение этого плана на себя.

Танк, разбрызгивая воду и грязь, доставил Харлинга к простому, но просторному зданию лесничества, где теперь разместился штаб, руководивший военными операциями. Генерал ждал его там.

Они стояли в дверях и смотрели на темный мокрый лес. Оба молчали, и каждый знал, о чем думает другой.

— Все готово, — наконец сказал генерал.

— И я готов, — ответил Харлинг.

Они обменялись рукопожатиями.

— Красные ракеты, — сказал Харлинг.

— Красные ракеты, — повторил генерал. — Желаю удачи, Харлинг.

Офицеры проводили Харлинга по мокрой бетонной дорожке, которая вела на берег озера. Там на воде покачивались катер и эскадрилья гидросамолетов. Харлинг услышал, как они взлетели через десять минут после того, как катер, буксировавший его лодку, отошел от берега. Когда гидросамолеты взмыли в воздух, рев артиллерии постепенно замер. Харлинг знал, что происходило сейчас в лесу.

Расчеты проверяли орудия, готовясь начать обстрел по условленному сигналу. Снаряды укладывались возле орудий, чтобы не было ни секунды задержки. Автоматические гидроприборы наводили стволы батарей на цель. Гигантские железнодорожные пушки, способные стрелять лишь через большие интервалы, поднимали свои стволы так, чтобы их сверхтяжелые снаряды попали в точно заданное место в точно заданный момент. Опытнейшие офицеры с помощью логарифмических линеек вычисляли точную величину заряда, необходимого для получения заданной траектории при определенном давлении, плотности и температуре воздуха.

— Полмили до опасной зоны, — сказал офицер на катере.

— Отдать канат!

— Желаем удачи!

Харлинг подождал, пока катер не скрылся за завесой дождя. Затем он еще раз осмотрел свою лодку. Она была построена без единого железного гвоздя или винтика. Над бортами деревянного суденышка поднимались алюминиевые стойки, поддерживавшие сетку из блестящих медных

колечек. Сетка накрывала всю лодку, и Харлинг мог стоять под этим медным шатром только полусогнувшись. Края сетки были опущены в воду так, чтобы оставалось место для весел.

Для Харлинга было приготовлено нечто вроде широко-го плаща из медных колечек. Сетку над его головой поддерживали распорки, прикрепленные к широкому алюминиевому воротнику. «Плащ» был такой длины, что во-лочился по земле, какую бы позу Харлинг ни принял. Как и защитная сетка над лодкой, он был рассчитан на то, чтобы обезвредить самый мощный электрический разряд. Харлинг облачился в это странное одеяние и начал грести, направляясь к щитовой плотине. Тем временем гидро-самолеты (на них все было сделано из алюминия, вплоть до моторов, которые, естественно, очень быстро выходили из строя), точно светлячки, кружили над тремя кораблями и металлическим куполом, защищавшим здание гидро-станций. Самолеты пытались отвлечь внимание против-ника на себя.

Если он вообще обращал внимание на их бесполезные маневры...

Когда Харлинг вступил в опасную зону, он почувство-вал во всем теле легкое покалывание. Невидимый барьер действительно оказался мощнейшим электрическим по-лем, созданным и сохраняемым способом, неизвестным земной науке. Внезапно из мрака возникла плотина, точ-но массивная семифутовая стена, встающая из вод озера. Харлинг повел лодку вдоль изгиба плотины. Он знал ее всю, до последнего дюйма, но теперь было не время для сентиментальных размышлений. Он думал об одном: в по-рядке ли механизмы затворов. Они были гидравлически-ми, и электрическое поле не могло им повредить. Но ведь

«противник» мог их просто уничтожить. А послать к плотине разведку, которая проверила бы, целы ли они, было невозможно.

Харлинг приблизился к одной из металлических лестниц, которые вели с гребня плотины на дно озера. Он привязал к ней лодку и проверил положение нескольких десятков красных сигнальных ракет, укрепленных на медной сетке. После этого он взял бикфордов шнур (об электрическом запале, разумеется, не могло быть и речи), который был вставлен в резиновый шланг. К концу шланга были привязаны спички в водонепроницаемом футляре. Сжимая конец шланга в руке, Харлинг приподнял медную сетку над лодкой и перешел на металлическую лестницу, внимательно следя за тем, чтобы края защитной кольчуги оставались погруженными в воду. Он подождал, но никаких электрических явлений не последовало.

К счастью, вдоль внутренней стороны плотины, футах в четырех под водой, тянулся узкий карниз. Харлинг решил, что эта подводная дорожка — путь более надежный, чем гребень плотины. Там, даже если бы он полз, его могли бы заметить, несмотря на темноту. По мнению Хасгрейва, пришельцы, возможно, обладали способностью «видеть» тепловые волны, излучаемые его телом.

Харлинг шел, сжимая в левой руке конец шланга и футляр со спичками, а в правой армейский пистолет: ведь никто не мог предсказать заранее, что ждет его в щитовой. Наконец он добрался до нее и увидел, что дверь открыта. На пороге, преграждая ему путь, лежал труп — вахтер, дежуривший в ночь вторжения. Нигде во всех четырех помещениях не было ни одного живого существа. Харлинг осмотрел рычаги: их явно давно уже никто не касался, и они, казалось, были в полном порядке. Он попробовал рычаг самого маленького щита... Механизм работал. Значит, можно было приступить к выполнению плана.

Он открыл футляр — спички были сухие. Тогда он повернул штурвалы, которые открывали верхние затворы обоих водосливов. Однако он не стал открывать нижние затворы, впускавшие воду в канал. Теперь вода должна была наполнить оба гигантских водослива и остановиться у нижнего затвора. Если бы он открылся, вода ринулась бы не в канал, перекрытый вторым затвором, а затопила бы долину. Поэтому механизмы были сконструированы так, что открыть нижние затворы по отдельности было невозможно. Они открывались и закрывались только вместе. Приборы на пульте управления показывали, что они закрыты, и Харлинг не стал их открывать. Он подождал три минуты, зная, что от этих ста восьмидесяти секунд зависит все. Пока не истекли сто пятьдесят секунд, ему раз сто казалось, что часы его остановились. И сто раз он убеждался, что это не так.

Повсюду в лесу ждали командиры оружейных расчетов. Глаза их не отрывались от часовых циферблатов, руки готовились дернуть спусковой шнур. Первоклассные летчики, выделявая самые отчаянные фигуры высшего пилотажа над застывшими в неподвижности вражескими кораблями, то и дело поглядывали на гребень плотины.

Две минуты сорок секунд.

Бесчисленные тонны воды неслись по крутому уклону закрытых водосливов.

Две минуты сорок пять секунд.

Вода продолжает заполнять водосливы, так что уровень озера снижается на несколько дюймов, но проливной дождь маскирует это.

Две минуты пятьдесят секунд.

Через двадцать секунд вода достигнет нижних затворов. Три секунды... Одна, чтобы успел сгореть бикфордов шнур. Одна-две — для ракет. Еще четыре для...

Две минуты пятьдесят пять секунд.

Харлинг чиркнул сразу семью спичками и стиснул шланг.

Три минуты!

Еще две секунды ожидания. Харлинг отсчитывал их сдавленным голосом; вместо того чтобы сказать «раз... два...», он назвал более длинное число:

— Сто один... сто два...

Он поджег шнур, бросил шланг на пол и растянулся рядом с ним.

Три секунды спустя пятьдесят сигнальных ракет взмыли в небо. Несмотря на сырость, большинство из них сработало. Они рвались вверх сквозь дождь... Харлинг подумал, что, не будь сопротивления дождя, они могли бы взорваться среди низко нависающих туч так, что остались бы незамеченными.

Небо внезапно побагровело от вспышек ракет.

В ответ раздался громовый залп ста орудий, отдача заставила дернуться стволы, грохот оглушил солдат, снаряды с визгом пронизывали дождь.

Первыми своей обычной цели достигли снаряды гаубиц и, как всегда, взорвались над кораблями и куполом. Двдцатичетырехдюймовые снаряды железнодорожных пушек отстали от них на секунду. Прицел был взят с невообразимой точностью. Два снаряда одновременно ударили по обе стороны долины...

И разбили нижние затворы!

Бешеный поток воды вырвался из водосливов и хлынул в долину, так как вторые затворы, запирающие канал, оставались закрытыми. В то же мгновение снаряды двух сводных батарей семнадцатидюймовых мортир ударили по плотине — в те секции, которые уже не подпирала вода. Харлинговская плотина с грохотом обрушилась в долину. Вода затопила купол и корабли. И вместе с водой на них обрушились все снаряды, остававшиеся в резерве десятков

батарей тяжелых гаубиц, над которыми теперь курился пар.

Профессор Хасгрейв не ошибся. Защитное поле, на котором безвредно рвались снаряды и бомбы, исчезло, вода каким-то образом уничтожила его.

Лавина тяжелых снарядов накрыла цель. И цель перестала существовать...

Во главе спасателей, которые поднялись в щитовую в поисках Харлинга, был сам генерал. Они не слишком ясно представляли, что ожидали увидеть, но, во всяком случае, это было не то, что они увидели.

Харлинг в весьма скудном костюме — почти всю свою одежду он развесил для просушки — сидел, озаренный лучами восходящего солнца, за единственным столом контрольного пункта. Он торопливо писал формулы и уравнения на обороте афиши, рекламирующей пиво. И, не слушая поздравлений, сообщил своим спасителям, что Харлинговская плотина начнет работать еще до весны.

КОНРАД ФИАЛКОВСКИЙ

Конрад Фиалковский — польский ученый-кибернетик, доктор физических наук, специалист в области вычислительной техники, сотрудник Варшавского политехнического института. Советскому читателю известен сборник его научно-фантастических рассказов «Пятое измерение».

Я — миликилос

«ПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ «КОСМОЛЕТА»!»

«МИГ — И ВЫ НА ЛУНЕ!»

«СОВРЕМЕННЫЙ ЗЕМЛЯНИН ПУТЕШЕСТВУЕТ ПО КОСМОСУ ТОЛЬКО В ВИДЕ ЭЛЕКТРОМАГНИТНОЙ ВОЛНЫ!»

«ОРГАНИЗУЙТЕ ГРУППОВЫЕ ПОЕЗДКИ НА ЮПИТЕР!»

«МЧИСЬ СО СКОРОСТЬЮ СВЕТА К ГРАНИЦАМ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ!»

Фоторекламы стреляли гигантскими буквами в небо над центральным портом и гасли в стратосфере, видимые на расстоянии сотен километров.

Я сидел на четырнадцатом этаже тринадцатого корпуса в комнате 1413 и играл в шахматы с автоматом. Как обычно, я проигрывал — впрочем, иначе и быть не могло. Помню, однажды, несколько месяцев назад, я выиграл, но тогда у автомата были повреждены системы связей и он играл со мной, используя одну сто двадцать седьмую часть своего мозга. Об этом сухим профессиональным тоном мне сообщил ремонтный автомат (в тот момент его индикатор достоверности стоял на 99,9%).

Я терпеть не могу шахмат и в свободное время старательно обхожу все места, где можно встретить шахматистов. При одном виде шахматного коня у меня портится

настроение. Но здесь, на четырнадцатом этаже тринадцатого корпуса, в отделе жалоб и предложений, у меня просто нет другого занятия. Месяцами сюда никто не заглядывает. Ни у кого нет претензий к «Космолету». Все довольны, что развитие цивилизации позволило создать подобное бюро путешествий. Гениальное изобретение уменьшило нашу солнечную систему до размеров большого города. Раньше, во времена, к которым не хочется возвращаться даже мысленно, путешествие было сложной проблемой. Взять, к примеру, хотя бы полет на Юпитер, — а ведь это далеко не окраинная планета! Чтобы побывать там, приходилось заказывать место в ракете за несколько месяцев. Полет длился несколько недель. Попробуйте вообразить, как чувствует себя человек, запертый в тесной ракете, где от бескрайних просторов пустоты его отделяет лишь хрупкий металлический панцирь. Но, к счастью, все это кануло в Лету. Сегодня с помощью ракет перевозят только грузы, да и то такие, которые, собственно говоря, можно было бы и не возить.

Современный человек, освобожденный от веками сковывающей его атомной структуры собственного тела, путешествует со скоростью света в виде сгустка информации. Собственно, идея такого путешествия не нова. Уже древние считали, что, изготовив соответствующие химические соединения и расположив их так, как они расположены в живом человеке, можно получить другого человека, во всем подобного оригиналу. Это-то бесспорно. Трудность состояла в том, чтобы создать соответствующий анализатор. В течение многих веков эта проблема оставалась неразрешимой, и лишь развитие нейроэлектроники позволило в наше время создать мозг, способный запомнить структуру человеческого тела.

Сразу же после этого появился «Космолет», могущественный сложнейший конгломерат, малюсеньким винтиком

которого являюсь я (четырнадцатый этаж тринадцатого корпуса, отдел жалоб и предложений). Я не стану расхваливать наше бюро — для этого есть отдел рекламы. Замечу только, что другого столь безупречно работающего отдела в солнечной системе нет.

Подумайте, сколько драм написано о том, как Он летит в ракете исследовать ледяные скалы Титана, а Она остается на Земле и посылает ему письма, полные тоски (либо наоборот). Теперь этой проблемы вообще нет. Вы хотите познакомиться с ней? Пожалуйста: договариваетесь о встрече у подножия Памира, входите на Титане в анализатор, который разложит вас на атомы, знакомясь со структурой вашего тела. Искрывающую информацию о ней передают по радио на Землю. Земной синтезатор воспроизводит ваше тело, и всего за несколько часов вы переноситесь в Азию.

Мы не допускаем ненужных драм. Правда, литераторы не могут простить нам уничтожения столь удачного видеотронного сюжета и обвиняют «Космолет» в том, что он-де искажает тело и искривляет ноги, а кому-то там синтезатор якобы забыл воспроизвести печень! Но это ложь! Я уже много лет работаю в отделе жалоб и предложений, и ничего такого не случалось, ну, разве что разок-другой, но это к делу не относится.

Помню, началось это с утра. Главный контролер нашего порта указывал на скверный прием с внешних планет и предлагал задержать пересылку путешественников. Потом он успокоился и мы решили, что помехи в приеме были вызваны временным возрастанием солнечной активности. Когда контролер, уже совершенно успокоившись, зажег на контрольном пульте зеленый треугольник, разрешая прием, я пошел в свою комнату и принялся за обычное

занятие. Я как раз кончил проигрывать шестую партию, когда засветился экран видеофона и передо мной предстала испуганная физиономия диспетчера.

— Дам, кажется, тебе сегодня предстоит пережить несколько неприятных минут...

— Что случилось?

— Какая-то авария на Титане... Оттуда возвращались несколько человек...

— И что — растворились в пустоте?

— Нет, но их немного деформировало... — Диспетчер соорудил такую гримасу, что я заподозрил наихудшее.

— Не воспроизвели им голов, конечностей?..

— Нет. Но они уменьшились. словно кто-то превратил нормальных людей в карликов, точно сохранив все пропорции. И это самое странное...

— Но это же невозможно! Это не может быть случайностью...

— Да, похоже на злой умысел.

— Но зачем кому-то понадобилось создавать карликов? — удивился я, так как недооценивал человеческой изобретательности.

— Я тоже этого не понимаю, — он пожал плечами. — Во всяком случае, я тебе не завидую. Неприятности на сегодня тебе обеспечены.

— Сколько их?

— Неприятностей?

— Да нет, этих... уменьшенных?

— Увидишь. Во всяком случае, приготовься к приему. Через несколько минут первая партия выйдет из синтезаторов...

Я встал. Пригладил волосы, сдул невидимую пылинку со стола, еще раз окинул кабинет критическим взглядом и придал лицу деловое выражение. Сейчас кто-нибудь войдет и начнется... Придется объяснять, что эта метаморфо-

за произошла не по вине «Космолета», что всему причиной законы физики...

Я долго расхаживал по кабинету, а когда наконец остановился, информационный автомат с треском распахнул дверь перед небольшим человечком. Человечек подозрительно огляделся и подошел ко мне.

— Меня зовут Бим Мом, — сказал он гулким басом, исходившим откуда-то из глубины живота.

Это было так неожиданно, что я с трудом удержался от смеха.

— Дам, заведующий отделом жалоб и предложений, — представился я.

Бим Мом кивнул, словно подтверждая, что именно я ему и нужен.

— У вас какие-нибудь претензии к «Космолету»? — спросил я, и вида не подав, что знаю, в чем дело.

— Претензии? Это не то слово! Я потерпел ущерб и возмущен! — крикнул он, а его голос напоминал басовитое рычание стартующей ракеты. — Вы безответственные головотяпы, эксплуатирующие человеческую доверчивость! Что вы наделали, посмотрите... — Он трагическим жестом указал себе на грудь.

— Успокойтесь и скажите наконец, в чем дело?

— То есть как в чем? Вы же меня... укоротили, разве не видите?

— Нет. А как вы выглядели раньше?

— Вы не видите разницы? Раньше я был человеком, мужчиной, а не обрубок, как теперь! Посмотрите! — Он сунул мне под нос свою видеографию.

Действительно, на фоне зеленых скал Титана стоял слегка сгорбившись широкоплечий мужчина, а передо мной была его уменьшенная копия.

— Да, бывает, — сказал я негромко.

— Что бывает?

— Помехи при приеме...
— Не понимаю. — Он пожал плечами.
— Вы кто по профессии? — спросил я.
— Астроном. — Бим Мом с недоумением взглянул на меня.

— Чудесно! — обрадовался я. — Мы с вами поладим!
— Ни в коем случае! — опять вспылil Бим Мом.
— Да я не об этом. Как астроном вы должны знать принципы термодинамики.

— Да, конечно, — растерянно согласился он.
— Вот это я и имел в виду.
— Но какое отношение имеют принципы термодинамики...

— То есть как? Ведь, между прочим, они гласят, что в замкнутой системе энтропия не уменьшается.

— Уж не хотите ли вы сказать, что именно поэтому нас превратили в лилипутов? Глупости! Вы и сами это отлично знаете.

В дверях появилась уменьшенная молодая женщина. Она внимательно осмотрела меня с головы до ног, словно я был манекеном в витрине.

— Ну да... — Я не находил веских возражений, а она тем временем подошла совсем близко.

— Замечательно вы нас... обработали. Правда, теперь я умещусь в любом из этих прелестных детских гелиоптеров, зато все мои платья будут мне велики! Вам хотя бы известно, что именно произошло? — Она бросила на меня пронизывающий взгляд.

И тут я понял, что не гоюсь для отдела жалоб и предложений. У меня в голове не было ни единой мысли. Я не мог ничего придумать. «Только и умеешь, что проигрывать автомату», — сердито подумал я.

— Значит, вам ничего не известно! Советую хорошенько обдумать план действий, пока они не явились сюда.

— Кто «они»?

— Волноэкскурсия с Титана, которую переслали после нас. Они собрались внизу и обсуждают, что делать дальше. Рано или поздно они придут к вам.

— Ну, что-нибудь я им да скажу, — сказал я легкомысленно.

— Советую придумать что-нибудь пооригинальнее. Среди них есть археологи, у некоторых при себе автобиты... — усмехнулась она.

Я побледнел, и она заботливо спросила:

— Вам нехорошо?

— Нет... нет...

Бим Мом неожиданно оживился.

— Представляю себе, что тут произойдет через минуту, — расхохотался он.

Через минуту в кабинет ворвались волноэкскурсанты. Они толкались в дверях, пытаясь перекричать друг друга. Некоторые грозили мне сжатыми кулачками. И только тогда я понял свою истинную роль в «Космолете». Я был тем, кого в древности называли жертвой, которую резали во славу богов во время больших торжеств. «Космолет», придерживаясь принципа: «Наш клнент — наш бог», тоже, видимо, должен был иногда приносить жертвы.

Вначале я пытался что-то им объяснить, но вскоре понял, что они все равно меня не слушают. Кричали те, которые уже были в кабинете. Те, кто еще оставался за дверью, тоже кричали. Шум стоял невыносимый. Если б не искаженные яростью лица, их можно было бы принять за шумную ватагу ребятишек, выходящих из детского сада.

Я подумал, что у меня, наверное, вид провинившегося школьника, и чуть не рассмеялся. Однако мое положение отнюдь не было веселым. Человечков в кабинете набивалось все больше и больше.

Кабинет не был резиновым, так что попасть внутрь удалось не всем. Стало так душно, что у меня по лбу заструился пот. Я дышал с трудом, хотя толпа едва доходила мне до груди. Им, должно быть, приходилось еще хуже, но, несмотря на это, верещание не прекращалось. В смешанном хоре голосов я все чаще различал крик:

— Окно! Окно!

Наконец кто-то рядом со мной крикнул:

— Откройте окно!

Я подумал, что им душно, но вдруг почувствовал, что они настойчиво подталкивают меня к окну. Четырнадцатый этаж! Перед глазами у меня встали ряды окон нижних этажей и в глубине, внизу, — серая площадь гелиодрома с разбросанными на ней многоцветными пятнами гелиоптеров.

— Но послушайте! — Я старался перекричать их. — Ведь это не моя вина. Во всем виноваты программисты передатчика на Титане! Они вас укоротили. Я тут ни при чем...

Меня никто не слушал. Окно распахнулось. Подоконник все приближался и приближался.

Вдруг мне показалось, что в окне, заглушая нестройный хор голосов, раздается жужжание мотора. Я повернулся. За окном висел гелиоптер. В корзинке, прицепленной у него под хвостом, сидел репортер видеотронии и с помощью видеопередатчика передавал то, что творилось в кабинете. Он помахал мне рукой и крикнул:

— Спасибо, что повернулись... Прекрасно... Теперь улыбнитесь! — Его многократно усиленный голос я слышал отлично.

Я скривил лицо, сиюсь улыбнуться, ибо сознавал, что на меня глядят миллионы видеозрителей. Однако улыбки не получилось. Она превратилась в гримасу боли, так как в этот момент меня ударили в солнечное сплетение.

— В окно его, в окно! — истерически верещал кто-то.

В эту минуту я заметил, что к окну приближается еще один гелиоптер, а под его фюзеляжем колышется веревочная лестница. Это было спасение. Не обращая внимания на удары, которыми меня осыпали, я начал протискиваться к окну. Репортер ободряюще улыбнулся и принял к визиру аппарата.

Спустя секунду я был уже на подоконнике и с ужасом увидел, что репортер знаками показывает пилоту второго гелиоптера, чтобы тот не приближался к окну.

— Лестницу! Лестницу! — отчаянно вопил я, изо всех сил цепляясь за раму. Сзади на меня наседали толпа, впереди разверзлась пропасть.

— Подождите минутку, — успокаивал меня в мегафон репортер. — Мне нужно расстояние, чтобы охватить всю картину...

— Но они меня выкинут... Спасите!

— Потерпите. Только момент. — Гелиоптер с репортером медленно отошел подальше. Второй с лестницей придвинулся ближе.

Я схватился за лестницу, уже падая, и кое-как вскарабкался к дверце кабины. Кто-то втащил меня внутрь. Несколько раз сверкнула фотовспышка. Это сидящие внутри репортеры запечатлели момент моего появления в кабине.

— Вы Дам, специалист по теории сокращений?

— Какое будущее ожидает укороченного человека?

— Это первый этап укорочения? Ваш прогноз?

— Ускорит ли это экспедиции к звездам?

Вопросы сыпались со всех сторон. Я ошарашенно вертел головой, а потом энергично кивнул.

— Да, это укорочение, — неопределенно ответил я.

— Скажите, укороченный человек чем-нибудь отличается от нас? — Небольшой чернявый репортер в очках немного заикался.

— Абсолютно ничем. Просто он немного поменьше... — Я начал обретать уверенность.

— А этот взрыв восторга, который мы наблюдали, был вызван улучшением самочувствия?

— Разумеется! Чем меньше организм, тем меньше потребности, отсюда и улучшение самочувствия.

И где они углядели восторг, хотел бы я знать!

Больше они ни о чем меня не спрашивали, так как мы опустились на гелиодром. Выходя из гелиоптера, я услышал отрывок сообщения:

«...восторг укороченных людей не поддается описанию. Они радуются своему росту, — сказал нам проектировщик Дам, специалист «Космолета» по вопросам миниатюризации. — «Космолет» свершил великое, историческое открытие, достойное нашей эры, эры миниатюризации. В эпоху, когда каждый предмет, каждый автомат становится все меньше, человек также должен пересмотреть свое отношение к собственному росту. Будущее принадлежит миниатюризованным — именно миниатюризованные люди полетят к звездам».

Я шагал по плитам гелиодрома, и все расступались передо мной. Образовавшийся таким образом живой коридор вел к двери кабинета директора «Космолета». Я хотел как-нибудь улизнуть, добраться до ближайшего гелиоптера и улететь домой, однако стоило мне свернуть с назначенного маршрута, как из толпы выбежал молодой человек, поддержал меня и отвел на середину прохода. Сверкнуло несколько вспышек, а на лицах стоявших поблизости людей отразилось беспокойство.

— Ему нехорошо? — послышалось в толпе.

— Это от переутомления, — ответил кто-то приглушенным басом.

Больше я не пытался сбежать.

Кабинет директора был переполнен.

— Дорогой коллега! — Директор сделал шаг мне на встречу. — Я восхищен вашим успехом. Это успех всей нашей организации. — Последнюю фразу он произнес громко, чтобы ее слышали в кабинете все.

— Но, господин директор...

— Нет, нет, коллега! Примите мои сердечнейшие поздравления.

Потом я пожимал десятки рук. Все наперебой говорили, что гордятся мною, что это достижение космического масштаба. Я уже перестал слушать, когда кто-то задал вопрос:

— Почему вы вели свою работу втайне?

Я не нашелся, что ответить. Так я и знал, что кто-нибудь наконец задаст вопрос, на который придется отвечать конкретно. Я лихорадочно искал какой-нибудь правдоподобный ответ. У меня мелькнула было мысль признаться, что все это ошибка и недоразумение. Но нет. После этого Годья наверняка не захочет со мной разговаривать! А этого я допустить не мог. Вдруг меня осенило. Как можно более таинственным жестом я указал на директора.

— Об этом спросите у него, — добавил я столь же таинственно.

Я успел заметить, что несколько репортеров кинулись к директору, и с ехидным удовлетворением подумал, что теперь настала его очередь выкручиваться и придумывать правдоподобные ответы.

Я уже успел ответить репортерам, сколько раз в день ем, пользуюсь ли в работе универкосмической энциклопедией, когда мне лучше работается — утром или вечером, а также что я думаю о целесообразности первой звездной экспедиции (по-моему, сказал я, она весьма целесообразна), когда из толпы вышел тощий блондин и, благоговейно глядя на меня светло-голубыми глазами, спросил:

— По-вашему, профессор, миниатюризация должна охватить все человечество?

— Да, — ответил я не задумываясь. («Профессор» — такая мелочь, что ради исправления ошибки не стоило смущать молодого человека.)

— А почему вы, профессор, до сих пор еще не миниатюризовались?

Я опешил. Что ему ответить?

— В самом деле — почему? Вот в чем вопрос! — сказал я на всякий случай, чтобы выиграть время.

Охотнее всего я бы удалился, но юноша вопросительно смотрел на меня.

— Это станет ясно впоследствии, — сообщил я решительным тоном и вдруг понял, что он мне не верит.

Он было отвернулся, но мне показалось, что в его взгляде мелькнула тень подозрения.

— Не все проблемы еще разрешены полностью, — добавил я и в тот же момент сообразил, что ляпнул глупость.

— Значит, первые миниатюризованные люди всего-навсего подопытные кролики? — оживился блондин.

— Ни в коем случае! — пожал я плечами.

— Какие еще подопытные кролики? — заинтересовался стоящий рядом репортер.

— Ну, те, укороченные, — объяснил юноша.

На лице репортера появилось плотоядное выражение.

— Нельзя ли поподробнее? — обратился он ко мне.

— Право, не могу. Я не знаю, о чем говорит этот молодой человек...

Я отошел, но краем глаза заметил, что репортер о чем-то оживленно разговаривает с юношей.

Я стал знаменитостью. Дома меня ожидали знакомые и репортеры. Впрочем, репортеров было больше, хотя

и среди знакомых я заметил лица, которых не видел много лет.

Годья сияла, отвечая то одному, то другому, как я работаю, отдыхаю, какими видами спорта увлекаюсь и почему. При этом она так настойчиво подчеркивала свою роль в моей жизни, что всем становилось очевидно, что без нее я до сих пор копался бы в песочнице и, уж наверное, не кончил бы даже начальной школы. Она не здороваясь кинулась мне на шею и прильнула ко мне поцелуем, достаточно долгим для того, чтобы все репортеры успели сделать видеоснимки.

На следующий день я любовался ими на экране видеотрона и по земному и по межпланетному каналу. «Семейная жизнь великого ученого», — так звучал комментарий. Все наперебой восхищались удачным экспериментом «Космолета». И только одна телегазетенка в статье «Недозволенный эксперимент» приводила мой ответ на вопрос юноши, который спросил, почему я сам до сих пор не миниатюризовался.

— Интриги завистников, — объявила Годья, дослушав статью.

И тут пришла телевидеограмма от директора. Она была краткой и недвусмысленной. Когда я явился к нему, он сразу же начал:

— Мне кажется, вам придется миниатюризоваться.

— Это еще зачем?

— Чтобы доказать, что вы сторонник этой метаморфозы.

— Но я чувствую себя вполне нормально и при моем природном росте.

— Верю, но миниатюризоваться все равно придется. Поймите: сегодня здесь побывали три репортера. Им и в голову не приходит, что вы можете отказаться от миниатюризации. Они не спрашивали меня, собираетесь ли вы

это сделать, их интересовало только одно: когда вы это сделаете. Понятно?

— Ну да, только...

— Никаких «только». Если вы этого не сделаете, рано или поздно пресса узнает, что ваши заслуги в области миниатюризации не столь уж велики. А тогда...

— Хорошо. Я подвергнусь миниатюризации! — ответил я и в ту же ночь был излучен на Титан. Уже будучи на спутнике, я узнал из последних общесистемных известий, что создатель миниатюризации Дам отправился на Титан с целью... Комментатор добавил, что мода на миниатюризацию возрастает и в связи с этим начат серийный выпуск микроизлучателей.

— Стало быть, вы хотите стать миликилосом? Почему?

Так я впервые услышал, как называется миниатюризованный человек. Спрашивал кибернетик, программист передатчика на Титане.

— Мне кажется, это разумеется само собой. Как создатель...

— Я гляжу, вы и сами в это поверили?

— Во что?

— В то, что вы создали миликилоса.

— А кто же, по-вашему, его создал?

— Я! Я создал миликилоса, и я сам миликилос.

— Вы? Но вы же нормального роста!

— Теперь да. А раньше я был одним из самых высоких людей в солнечной системе. Меня дразнили мачтой космического маяка.

— И вы решили уменьшиться?

— Да, но, к сожалению, я еще не успел перепрограммировать излучатель, когда ту волноэкскурсию отправили на Землю.

— Как же так? Или вы о ней не знали?

— Знал. Но у моего настольного вычислителя, в котором были все расчеты, перегорели контуры, и, пока я воспроизводил вычисления, экскурсию уже излучили.

— Так вот оно что!

— Вот именно. Но вам не о чем беспокоиться. Все кончилось как нельзя лучше. — Он ехидно засмеялся и ушел, шагая по черно-белым плиткам пола ходом шахматного коня. Меня передернуло.

С тех пор прошло несколько лет. В настоящее время в солнечной системе насчитывается около четырех миллиардов миликилосов. Статья «Миликилос» занимает четыре телестраницы в универкосмической энциклопедии. Годья — миликилос, директор «Космолета» тоже. Одежда миликилосов красивее, элегантнее, ярче и лучше изготовлена. Первые миликилосы из памятной передачи с Титана превратились в своего рода аристократию и при каждом удобном случае напоминают, что они пионеры миниатюризации. Телевизиограмма моей встречи с ними в комнате 1413 на четырнадцатом этаже тринадцатого корпуса хранится в архивах, и один историк, толкуя ее, написал, что охваченная энтузиазмом толпа первых миликилосов в порыве восторга по поводу миниатюризации чуть было не задушила создателя миликилизма.

А я? Что ж, я издал воспоминания и по-прежнему работаю в отделе жалоб и предложений. Некоторые видят в этом старомодную скромность. Правда, теперь я работаю в огромном кабинете на первом этаже. Я по-прежнему постоянно проигрываю автомату в шахматы, но, чтобы дотянуться до пульта управления, мне пришлось обзавестись особым складным стульчиком, — автомат мне не по росту.

Отто Фриш — известный австрийский ученый, физик-теоретик, один из основоположников атомной физики, член Королевского общества. В годы гитлеровской диктатуры вынужден был покинуть родину и переехать в Англию.

***О возможности создания электростанций
на угле***

От редактора. Приводимая ниже статья перепечатана из ежегодника Королевского института по использованию энергетических ресурсов за 40 905 год, стр. 1001.

В связи с острым кризисом, вызванным угрозой истощения урановых и ториевых залежей на Земле и Луне, редакция считает полезным призвать к самому широкому распространению информации, содержащейся в этой статье.

Введение. Недавно найденный сразу в нескольких местах уголь (черные, окаменевшие остатки древних растений) открывает интересные возможности для создания неядерной энергетики. Некоторые месторождения несут следы эксплуатации их доисторическими людьми, которые, по-видимому, употребляли уголь для изготовления ювелирных изделий и чернили им лица во время погребальных церемоний.

Возможность использования угля в энергетике связана с тем фактом, что он легко окисляется, причем создается высокая температура с выделением удельной энергии,

близкой к 0,0000001 мегаватт-дня на грамм. Это, конечно, очень мало, но запасы угля, по-видимому, велики и, возможно, исчисляются миллионами тонн.

Главным преимуществом угля следует считать его очень маленькую по сравнению с делящимися материалами критическую массу. Атомные электростанции, как известно, становятся неэкономичными при мощности ниже 50 мегаватт, и угольные электростанции могут оказаться вполне эффективными в небольших населенных пунктах с ограниченными энергетическими потребностями.

Проектирование угольных реакторов. Главная трудность заключается в создании самоподдерживающейся и контролируемой реакции окисления топливных элементов. Кинетика этой реакции значительно сложнее, чем кинетика ядерного деления, и изучена еще слабо. Правда, дифференциальное уравнение, приближенно описывающее этот процесс, уже получено, но решение его возможно лишь в простейших частных случаях. Поэтому корпус угольного реактора предлагается изготовить в виде цилиндра с перфорированными стенками. Через эти отверстия будут удаляться продукты горения. Внутренний цилиндр, коаксиальный с первым и также перфорированный, служит для подачи кислорода, а тепловыделяющие элементы помещаются в зазоре между цилиндрами. Необходимость закрывать цилиндры на концах торцовыми плитами создает трудную, хотя и разрешимую математическую проблему.

Тепловыделяющие элементы. Изготовление их, по-видимому, менее сложно, чем изготовление элементов для ядерных реакторов, так как нет необходимости заключать горючее в оболочку, которая в этом случае даже нежелательна, поскольку она затрудняет доступ кислорода. Были рассчитаны различные типы решеток, и уже самая простая из них — плотноупакованные сферы, — по-видимому,

вполне удовлетворительна. Расчеты оптимального размера этих сфер и соответствующих допусков находятся сейчас в стадии завершения. Уголь легко обрабатывается, и изготовление таких сфер, очевидно, не представит серьезных трудностей.

Окислитель. Чистый кислород идеально подходит для этой цели, но он дорог, и самым дешевым заменителем является воздух. Однако нельзя забывать, что воздух на 78% состоит из азота. Если даже часть азота прореагирует с углеродом, образуя ядовитый газ циан, то и она будет источником серьезной опасности для здоровья обслуживающего персонала (см. ниже).

Управление и контроль. Реакция начинает идти лишь при довольно высокой температуре (988° по Фаренгейту). Такую температуру легче всего получить, пропуская между внешним и внутренним цилиндрами реактора электрический ток в несколько тысяч ампер при напряжении не ниже 30 вольт. Торцовые пластины в этом случае необходимо изготавливать из изолирующей керамики, и это вместе с громоздкой батареей аккумуляторов значительно повысит стоимость установки. Для запуска можно использовать также какую-либо реакцию с самовозгоранием, например между фосфором и перекисью водорода, и такую возможность не следует упускать из виду.

Течение реакции после запуска можно контролировать, регулируя подачу кислорода, что почти столь же просто, как управление обычным ядерным реактором с помощью регулирующих стержней.

Коррозия. Стенки реактора должны выдерживать температуру выше 1000° К в атмосфере, содержащей кислород, азот, окись и двуокись углерода, двуокись серы и различные примеси, многие из которых еще неизвестны. Многие металлы и специальная керамика могут выдержать такие условия. Конечно, лучше всего было бы использо-

вать никелированный ниобий, но, возможно, придется применить чистый никель.

Техника безопасности. Наиболее серьезную угрозу для обслуживающего персонала представляет выделение ядовитых газов из реактора. В состав этих газообразных продуктов, помимо исключительно токсичных окиси углерода и двуокиси серы, входят также некоторые канцерогенные соединения, такие, как фенантрен. Выбрасывание их непосредственно в атмосферу недопустимо, поскольку приведет к заражению воздуха в радиусе нескольких миль. Эти газы необходимо собирать в контейнеры и подвергать химической детоксификации либо, смешивая с водородом, заполнять ими большие шары и запускать их в верхние слои атмосферы. При обращении как с газообразными, так и с твердыми продуктами реакции необходимо использовать стандартные методы дистанционного управления. После обезвреживания эти продукты лучше всего топить в море.

Существует возможность, хотя и весьма маловероятная, что подача окислителя выйдет из-под контроля. Это приведет к расплавлению всего реактора и выделению огромного количества ядовитых газов. Последнее обстоятельство является главным аргументом против угольных и в пользу ядерных реакторов, которые за последние несколько тысяч лет доказали свою безопасность. Пройдут, возможно, десятилетия, прежде чем будут разработаны достаточно надежные методы управления угольными реакторами.

ФРЕД ХОЙЛ, ДЖОН ЭЛЛИОТ

Фред Хойл — всемирно известный английский астроном, астрофизик, математик, автор многих выдающихся трудов в самых различных областях астрофизики, член Королевского общества. Особенно велики его заслуги в области космогонии — науки о происхождении и развитии планет, звезд и галактик.

Перу Хойла принадлежат также несколько научно-фантастических книг, из которых наибольшую известность получили романы «Черное облако» и «Андромеда» (последний написан в соавторстве с Дж. Эллиотом). В настоящий сборник включены отрывки из романа «Дар Андромеды», который является продолжением хорошо известного советскому читателю романа «Андромеда».

Дар Андромеды

Краткое изложение предшествующих событий.
Английская обсерватория принимает радиосигналы, поступающие откуда-то из созвездия Андромеды. Сигналы эти расшифровываются как программа сверхмощной счетно-решающей машины. Ее строительство ведется в Торнессе, ракетной базе, расположенной на северо-западе Шотландии. За ходом работ следит полуправительственный международный концерн «Интель». Агенту «Интеля», бывшему эсэсовцу Кауфману, с помощью шантажа и подкупа удается получить копию программы. Молодой ученый Джон Флеминг, руководящий постройкой машины, постепенно приходит к выводу, что с ее помощью какие-то внеземные разум-

ные существа намерены завладеть Землей. Окончательно он убеждается в этом, когда профессор биохимии Мадлен Дауни по формулам, выданным машиной, создает искусственного человека — девушку, которой дают имя Андромеда (Андре) и которая должна служить связующим звеном между машиной и окружающим миром. Однако постепенно под влиянием Флеминга она «очеловечивается». Флеминг заручается поддержкой высокопоставленного чиновника министерства науки Осборна и с помощью Андре уничтожает машину. Они с Андре бегут из Торнесса. Далее действие переносится в вымышленное государство Азаран — маленькую аравийскую страну, которая в результате экономических трудностей, связанных с истощением запасов нефти, попадает в зависимость от «Интеля». «Интель» строит вблизи столицы Азарана новую счетную машину, но руководящий работами совместно с молодым арабским ученым Абу Зеки американец Йен Нилсон, сын известного метеоролога, разгадав истинные намерения «Интеля», бежит из страны. Агенты Кауфмана настигают его в Женеве и убивают на глазах у отца и Осборна. Кауфман решает убрать Осборна, как нежелательного свидетеля, но только ранит его. Случайно он при этом обнаруживает убежище Флеминга и Андре и насильно увозит их в Азаран. Там они встречаются с Мадлен Дауни, которая приехала в страну по приглашению азаранского правительства вести работы по повышению плодородия почвы, но также оказалась пленницей «Интеля». С появлением Андре интелевская счетная машина начинает работать. Однако девушка заболевает неизлечимой болезнью — медленной атрофией мышц. Глава «Интеля» в Азаране французенка Гамбуль готовит политический переворот в стране — власть дол-

жна перейти к ее любовнику и сообщнику Салиму. Но когда Андре знакомит ее с «планом», заложенным в машину внеземными создателями, Гамбуль меняет свои намерения.

7

...Кофе закипел. Мадлен Дауни налила две чашки и передала одну Флемингу.

— У меня еще никогда не было такого чувства, — сказала она. — Как будто все рушится.

Он усмехнулся.

— Ну, мне оно хорошо знакомо, как вам известно. И я на опыте убедился, что обращаться к кому-либо за помощью — например к Осборну — бесполезно. И от насильственных действий тоже большого проку нет, — он яростно помешал кофе, плеснув на блюдце. — А теперь счетная машина взяла верх и от нас уже ничего не зависит. Мы бессильны что-нибудь изменить.

И словно придавая особый смысл его словам, над интелевским поселком пронесся свирепый порыв ветра, слышалось царапанье песка о бетон и стекло. Дауни пошла закрыть дверь, но остановилась, заметив, что по двору бежит Абу Зеки. Молодой ученый несколько секунд не мог отдышаться.

— Доктор Флеминг, — выговорил он наконец. — Полковник Салим убит.

Флеминг кивнул, словно он ничего другого и не ожидал.

— А его приспешники?

Абу облизнул пересохшие губы.

— Не знаю. Я ничего не понимаю. Армейские караулы сняты. В поселке остались только интелевские охранники и служащие. Все они вооружены. Я ничего не понимаю.

Флеминг встал и выглянул за дверь.

— Я объясню вам, что произошло, — сказал он. — Мадемуазель Гамбуль взяла власть в свои руки. Она либо приказала убить Салима, либо сама его прикончила. Она не остановилась бы перед убийством, даже если бы его не потребовала счетная машина. У них предусмотрены все случайности, и раз заговор Салима не удался, значит, так было задумано с самого начала.

Над поселком пронесся новый порыв ветра. Флеминг встряхнул головой, словно песок засорил ему глаза. Он повернулся и захлопнул дверь.

— Президента мадемуазель превратит в свою марионетку. Она будет дергать нитки, а он — плясать, как ей того захочется. То же ждет и всех нас.

Дауни медленно допила кофе.

— Джон, — сказала она, думая о чем-то своем, — это очень странно.

— Странно? Почему? У Гамбуль нет выбора. Она выполняет предписания машины.

Дауни нетерпеливо отмахнулась.

— Я не о политике. Меня интересует ветер. В здешних местах в такое время года не бывает сильных ветров.

— Разве? — спросил он рассеянно. — Это напоминает мне Торнесс. Когда мы с Андре прятались на острове, погода была адская.

— Да, — согласилась Дауни. — Метеорологические условия и там отклонялись от нормы. Я, пожалуй, пойду в лабораторию, — закончила она, сосредоточенно хмурясь, словно уже вела опыт. — Мне очень нужны пробы морской воды.

Флеминг пошел к себе в коттедж. Ветер по-прежнему дул порывисто, то взметая в воздух сотни тысяч жалящих песчинок, то внезапно стихая. Флеминг взглянул на часы. Половина седьмого. Он включил свой коротковолновый приемник, настроенный на программу Би-би-си для

Ближнего и Среднего Востока. Неужели им еще долго придется довольствоваться только такой односторонней связью с внешним миром?

Слышимость была отвратительная: голос лондонского диктора звучал то громче, то тише, а иногда пропадал вовсе.

«...Не поступило никаких дополнительных известий о положении в Азаране. Границы по-прежнему закрыты...» — Несколько десятков секунд из приемника доносился только треск и шипение, а когда слышимость улучшилась, диктор уже говорил: «...такие же атмосферные условия преобладают по всей Западной Европе, а также в средиземноморских странах. Сообщения об ураганных ветрах поступают с восточного побережья Африки в районе Адена и от метеорологических станций Исландии и Ньюфаундленда».

Флеминг выключил приемник. Удивительно ли, что даже погода взбесилась, если весь мир неумолимо приближается к неслыханной катастрофе!

8

На следующий день Жанин Гамбуль вызвала Кауфмана к себе в кабинет. Когда немец вошел, она не подняла головы, и он вытянулся по стойке «смирно», не решаясь напомнить о своем присутствии.

Наконец она кончила писать, холодно посмотрела на него и сказала, так и не пригласив его сесть:

— Положение полностью стабилизировалось. Будьте добры сообщить об этом в Вену, изложив ход событий. Укажите, что мы взяли власть в свои руки и без труда закрепим ее за собой. Сегодня утром президент созывает совещание своего совета. Бедняга, он очень напуган, но понимает, что выхода у него нет. На этом совещании вы

будете представлять «Интель». Вот ваши предложения, — и она протянула ему исписанные листы бумаги.

Кауфман начал их внимательно читать. Иногда он одобрительно кивал головой.

— Я всегда делал все, что было в моих силах, — произнес он с чувством. — Можете на меня положиться.

— Прекрасно, — она сухо кивнула ему. — А теперь отправляйтесь в резиденцию президента и проинструктируйте его секретаря.

Флеминг с самого начала прекрасно понимал свое положение. Он знал, что он пленник «Интеля», но только наутро после переворота ему довелось убедиться в этом на практике. Работать он не хотел, так как не сомневался, чего именно от него потребуют. Разговаривать было не с кем — Абу вызвала Гамбуль и он ушел в административный корпус. Повсюду расхаживали патрули. Перед завтраком охранник не пропустил Флеминга в лазарет, где лежала теперь Андре. Ему удалось только вызвать ее сиделку, от которой он узнал, что больная чувствует себя хуже, но сейчас спит.

Флеминг отправился завтракать и долго сидел за столом, не прикасаясь к черному хлебу, фруктам и маслинам — их обычному рациону, — и только чашку за чашкой пил крепкий сладкий кофе.

Потом он неторопливо пошел к лаборатории Дауни. Охранники подозрительно уставились на него, но пропустили.

Дауни работала за лабораторным столом. Она рассеянно поздоровалась с Флемингом и почти не обратила внимания на его слова, когда он сказал, что его беспокоит состояние Андре.

— Мы ничем не можем ей помочь, — пробормотала

она, потянувшись к стойке с большими пробирками и взяла одну из них.

— Взгляните-ка, Джон! — потребовала она.

Флеминг посмотрел на пробирку в ее руке. Пробирка была до половины наполнена какой-то сероватой, полупрозрачной массой, которая не сразу отлипала от стекла, когда Дауни ее встряхивала. Содержимое остальных пробирок было на вид точно таким же.

— Что это? — спросил Флеминг.

— Пробы морской воды, которые они мне все-таки доставили. — Дауни невесело усмехнулась. — Надо отдать «Интелю» должное: работа его аппарата хорошо налажена. Они не разрешили мне поехать брать пробы самой, но зато в остальном сделали больше, чем я просила. Здесь у меня пробы не только из Персидского залива, но из Средиземного моря, Индийского океана и даже из Западной Атлантики, доставленные на самолете. Таким образом, у меня есть материал для сравнения.

— Но что тут сравнивать? — спросил Флеминг.

Дауни энергично встряхнула пробирку, и жидкость полностью утратила прозрачность.

— Вы видите? — осведомилась она. — А обычная морская вода бывает вот такой. Как вы могли заметить, она не мутнеет.

Флеминг встряхнул пробирку, которую она ему протягивала. А потом взял со стойки еще несколько. Их содержимое каждый раз мутнело.

— А может, Кауфман вас надул и все пробы взяты в одном месте? — осведомился он с усмешкой.

Дауни покачала головой.

— Ну нет. Он ведь выполнял не мои распоряжения, а приказ «Интеля». А вы знаете, что начальства он слушается беспрекословно. Если бы ему приказали доставить мне воду с берегов Антарктиды, он и это выполнил

бы. Но поглядите-ка, что происходит, когда эта мутная морская вода попадает в чистую.

Она взяла пустую пробирку, налила в нее чистой морской воды, а потом добавила две капли белесой мутн. Они сразу же растворились и исчезли бесследно. Дауни вставила пробирку в держатель, за которым находился рефлектор.

— Посмотрите, что сейчас произойдет, — сказала она.

Постепенно вода на дне затуманилась и вскоре та же белесая муть заполнила всю пробирку.

— Интересно, как к этому относятся рыбы? — пробормотал Флеминг. — А вы знаете, что это такое?

— Бактерии, — ответила Дауни. — Подойдите сюда.

Он послушно подошел к столу с микроскопом, который она быстро настроила.

— Взгляните на это стеклышко, — распорядилась она.

Флеминг приложил глаз к окуляру и присвистнул. Крохотный шаровидный организм вибрировал. У него на глазах он разделился и вскоре обе половинки достигли прежней величины. Через тридцать секунд разделились и они. Флеминг поднял голову.

— А откуда они взялись?

Дауни ничего не ответила. Она достала из термостата предметное стеклышко и положила его под другой микроскоп.

— Это умерщвленная окрашенная особь. Ни малейшего сходства ни с одной из известных мне групп бактерий. Простейший организм, как сами можете убедиться. И ничем как будто не замечательный, если не считать способности размножаться с фантастической быстротой. Если бы эти бактерии не были заключены в пробирки... Если бы в их распоряжении был весь океан... — она не договорила.

Флеминг вернулся к столу и внимательно прочитал аккуратные этикетки на пробирках.

— Районы, где брались эти пробы, — сказал он, — примерно совпадают с теми, которые теперь постоянно упоминаются в сводках погоды: бури, ураганы и прочие прелести.

— Да, — согласилась Дауни. — И одно из этих мест нам прекрасно известно. Весьма насыщенная смесь.

Она осторожно, словно с каким-то страхом, взяла пробирку, помеченную «Минч».

— Пролит между Шотландией и Гебридскими островами, — пояснила она.

— С Торнессом на востоке, — закончил он. — Ну и что?

— Ведь где-то должна быть исходная точка, — ответила Дауни. — И вода там будет более насыщена бактериями, чем в районах, зараженных позднее.

Флеминг уставился на нее.

— Но какие у вас доказательства, что именно в Минче...

Дауни покачала головой.

— Их у меня пока нет. Когда я получила пробы, вода в пробирках была уже насыщена до предела. А о том, каково было процентное содержание бактерий в воде, когда брались пробы, у меня нет никаких сведений. Для окончательного заключения мне нужно получить точные и подробные данные о местоположении центров всех этих ураганов, а также взятые там и сразу же проанализированные пробы воды. Тогда, возможно, выявится какая-то прямая зависимость между этими крошками и погодой.

— А может быть, и не выявится, — возразил Флеминг с натянутой улыбкой. — Послушайте, Мадлен, нам не следует давать слишком много воли воображению и эмоциям. Накопление материала, отбор фактов, выво-

ды — вот необходимые условия. А мы заперты тут и не в состоянии ничего предпринять, хотя вы, конечно, можете изучить строение своей бактерии. Однако «Интель» доставил вам все эти пробы весьма быстро и аккуратно: несомненно, и они предполагают, что изменения погоды вызваны какой-то необычной причиной. Если вы потребуете еще проб отсюда и до Тимбукту... то есть отовсюду, где только есть море, исполнительный Кауфман тотчас отправит туда своих подчиненных с совочками и ведерками. Нам же с вами остается пока внимательно следить за сводками погоды.

Они договорились, что с этого дня будут слушать все сводки погоды, какие только удастся поймать, и отмечать на карте упоминающиеся в них районы.

На скудость материала они пожаловаться никак не могли. В дневном выпуске новостей сводка погоды занимала центральное место. Впервые за всю историю страны на Англию обрушились ураганы, неся опустошение и гибель по всему побережью от Пензанса до Уика. Рухнули мачты линий высоковольтной передачи. В Ланкашире и восточной Англии море затопило обширные пространства. И метеорологи не обещали скорой перемены погоды: такое низкое давление до сих пор еще никогда не наблюдалось вне тропиков.

Флеминг и Дауни слушали эту сводку вместе. Записывать подробности не было нужды, а обсуждать услышанное не хотелось. Но тут со стороны пустыни внезапно налетел бешеный ветер, поднимая маленькие песчаные смерчи, застучали открытые двери, задребезжали стекла, и это произвело на них гораздо более гнетущее впечатление, чем далекий голос лондонского диктора. Ветер был сухим и горячим, но Дауни поежилась, точно от холода.

Флеминг вертел ручку настройки. Возникали и глохли слова на неизвестных языках, музыка, опять слова.

Наконец он нашел то, что искал, — позывные «Голоса Америки».

«...Метеорологическая служба Соединенных Штатов, — говорил диктор, — сообщает, что к восточному побережью США движутся новые ураганы, не уступающие по силе ураганам, которые обрушились на запад Европы этой ночью. По мнению американских ученых, в климате Земли наступают изменения, сравнимые с теми, которыми было ознаменовано начало ледникового периода...»

Флеминг выключил приемник.

Дауни встала.

— Я буду в лаборатории, — сказала она.

Следующие два дня они избегали друг друга. Оба остро ощущали свою беспомощность, но добросовестно слушали сводки погоды и записывали названия районов, в которых ураганы свирепствовали с наибольшей силой.

Особенно интересны были данные о скорости ветра. Утром на третий день, прослушав очередную сводку о новых бедствиях в Англии, Нидерландах, Франции и Испании, Флеминг отправился в лабораторию к Дауни. Он увидел, что эти дни она не сидела сложа руки. На одной из стен была повешена огромная карта северного полушария, утыканная разноцветными булавками. Между Гибралтаром и Оркнейскими островами, а также к востоку от Гебрид они сливались в единое пятно.

— А, Джон! — приветствовала его Дауни. — Как видите, определенная закономерность выявляется достаточно четко. Но это еще не все! — И она подвела его к длинному столу у стены, на котором стояло около полусотни пробирок.

— Кауфман, конечно, не успел доставить мне весь материал, о котором я просила. Но вчера прибыло еще десять проб, взятых в различных точках у берегов Англии. Я распорядилась, чтобы после взятия пробы пробир-

ки сразу же кипятили. Эти бактерии гибнут при температуре сорок градусов, и, таким образом, за время перелета количество их не увеличивалось. — Она постучала пальцем по пробирке. — Вот тут их больше всего. Проба взята у берегов Обаншира. Разумеется, это еще не прямое доказательство, но, я думаю, нам достаточно и его. Сейчас сюда должны привезти Андре.

— Но ведь она больна! — возразил Флеминг. — Чем она может нам помочь?

— Она больна и ей становится все хуже, — ответила Дауни. — Вот почему нам следует безотлагательно поговорить с ней. Вы знаете, Джон, что я вовсе не так уж бессердечна, но она может нам помочь, в этом я уверена.

— Решаете вы, — вздохнул Флеминг. — Но мне это не нравится.

Сиделка вкатила в лабораторию инвалидное кресло, в котором полулежала Андре. Флеминг взял ее руку и поставил себя весело улыбнуться. Это было нелегко: девушка невероятно исхудала, и он ужаснулся, заметив, насколько она изменилась с тех пор, как его допустили к ней в последний раз.

Дауни объяснила ей положение вещей, показала пробирки и добавила, что наиболее насыщенная проба была взята в Минче.

— Что такое «Минч»? — спросила Андре.

— Пролив у Торнесса, где все это началось, — ответила Дауни резким тоном.

— Это невозможно. И бессмысленно. К машине это не может иметь никакого отношения. У нее совсем другая задача.

Дауни недоверчиво хмыкнула.

— Другая или не другая, но если так будет продолжаться, то от нас ничего не останется, а заодно и от ее задачи. Попробуйте вспомнить! Подумайте!

— Машина об этом ничего не знает, — настаивала Андре.

— Эта машина... — задумчиво сказал Флеминг. — Но почему-то бактерия кажется мне знакомой... Ваш анализ далеко продвинулся, Мадлен?

Дауни молча подошла к письменному столу и достала папку.

— Вот тут все мои результаты — в двоичном коде. Вам это что-нибудь говорит?

Флеминг отошел с папкой к окну и, сев на подоконник, принялся изучать цифры. Потом он отложил папку и сказал:

— По-видимому, я не ошибаюсь. Все это кажется ужасно знакомым.

— В таком случае это ваша работа! — прервала его Андре.

Он с удивлением обернулся к ней.

— Моя?

— Там, в Торнессе. Вот почему здешняя машина ничего не помнит, — она помолчала, собираясь с силами. — Сколько раз вы пытались уничтожить ту машину, прежде чем вам это удалось?

— Несколько раз.

— После одной из таких попыток она решила нанести ответный удар. При помощи этой бактерии. — Андре бросила на Флеминга холодный, враждебный взгляд, полный отчаяния. — В ваше распоряжение была отдана могучая сила, а вы обратили ее против самих себя. Вы не захотели меня выслушать. Вы никого не слушали. И обрекли на гибель все человечество. А теперь поздно. Вас ждет катастрофа.

В ее голосе была нечеловеческая покорность судьбе. Флеминг отвернулся и пошел к двери. Его охватило тупое отчаяние.

Дня два он прятался от всех в уединении своей комнаты. «Интель» позаботился снабдить своих пленников первоклассной библиотекой, и Флеминг рассеянно перелистывал технические журналы, не улавливая смысла того, что читал. Впрочем, журналы были старые: ураганы мешали поддерживать регулярную воздушную связь, и хотя самолеты «Интеля» еще совершали рейсы между Азараном и Европой, они перевозили лишь наиболее важные грузы.

Флеминг услышал гудение счетной машины и догадался, что по распоряжению Гамбуль Андре отвезли в машинный зал. Догадывался он и о том, какие расчеты делает машина — что-нибудь вроде ракет-перехватчиков, которыми так гордилось торнесское начальство. Его охватило неприятное ощущение своей причастности к происходящему, и, чтобы отвлечься, он прикинул, что происходит с материалами, по мере того как выходное печатающее устройство выдает их. Даже опытные специалисты по электронике ничего в них не поймут, если их предварительно не расшифровать. Тут он вспомнил про Абу Зеки и стал думать о нем. Не об Абу — первом-классном продукте технологической эры, а об Абу-человеке — глубоко порядочном, добром, с широким кругозором.

Флеминг вскочил с кровати, на которой он провалялся полдня, и решительно взял телефонную трубку. В безнадежной битве и один союзник лучше, чем ничего.

Диспетчер ответил, что доктор Абу Зеки сейчас в машинном зале. У Флеминга не было ни малейшего желания идти туда и смотреть, как машина высасывает последние силы из умирающей Андре. Он попросил соединить его с машинным залом, не считаясь с тем, что их разговор будет, несомненно, записан на пленку.

— Здравствуйте, Абу! Может, мы с вами повидаемся в неофициальной обстановке? Я хотел бы познакомиться

с вашей семьей. Боюсь только, что без охраны меня не отпустят.

— Конечно, доктор Флеминг! Ваш визит — большая честь для меня, — осторожно ответил Абу. — Вам будет интересно посмотреть, как живут в Азаране простые люди. Боюсь только, мое жилище покажется вам очень скромным, но вы будете в нем желанным гостем.

Со второй половины субботы и до понедельника Абу был свободен, и они договорились, что Флеминг поедет с ним. Флеминг тут же позвонил Кауфману. Того не было, но секретарша записала все подробности и вечером Флемингу принесли пропуск. По-видимому, в его просьбе не усмотрели ничего странного.

Абу был гордым владельцем маленького итальянского автомобиля, а от интелевского поселка до его деревни было всего двадцать пять миль. Но, объяснил он, контракт обязывал его жить в поселке.

— Моей жене это не нравится, но с нами живет ее мать, — добавил Абу. — А с ребенком столько забот, что время от субботы до субботы проходит очень быстро.

Асфальт сменился булыжником, и вскоре шоссе превратилось в обыкновенный проселок. Абу пришлось снизить скорость. Охранник, еле уместившийся сзади на дополнительном сиденье, ругался при каждом толчке, но, очевидно, был доволен неожиданной прогулкой, хотя ветер то и дело забрасывал в машину колючий песок.

Дорога, извиваясь, уходила вверх по пологому склону. Кругом вздымались скалы. Очертания невысокой горной гряды впереди становились все более четкими, несмотря на крутившуюся в воздухе пыль.

Абу указал на кучку прямоугольных домиков с плоскими крышами на небольшой площадке под крутым утесом.

— Вот моя деревня, — сказал он. — Вернее, та, в кото-

рой я живу теперь. В этих местах люди селились с незапамятных времен. Вон, поглядите!

Флеминг посмотрел, куда указывал Абу. Скалы вокруг были покрыты остатками гигантских барельефов — стилизованные изображения зверей, ряды бородатых воинов. Ни одна фигура не сохранилась полностью. Во многих местах их пересекали глубокие трещины.

— Древние персы, — сказал Абу. — Раньше здесь работали английские археологи, а еще совсем недавно — американцы. Но интересовал их древний храм. Вы его увидите, когда мы проедем следующий поворот.

От храма, ютившегося на обрывистом уступе, сохранились только развалины — над хаосом обрушившихся стен там и сям торчали колонны. Абу объяснил, что колонны эти римские, но во время раскопок были найдены следы других цивилизаций и религий — ассирийской и персидской, а также несколько табличек с египетскими иероглифами.

— Как вам известно, Азаран подпадал под власть многих империй. Но теперь это больше никогда не повторится!

Он свернул с дороги на еле заметную тропу и вскоре затормозил перед маленьким домиком. На пороге стояла его жена — очень красивая молодая женщина. Хотя на ней был арабский костюм, покрывала она не носила.

Когда Абу знакомил ее с Флемингом, она потупилась, но поздоровалась с ним на прекрасном английском языке.

— Лемка училась в Каирском университете — она была одной из первых студенток, принятых туда в соответствии с программой президента Насера, — гордо сообщил Абу.

— Вам жарко, — сказала Лемка. — Войдите в дом, там прохладнее. И какой ужасный ветер!

Она оглянулась на машину и вдруг заметила солдата.

— Что он тут делает? — прошептала она, хватая мужа за руку. — Тебя арестовали?

— Он сопровождает доктора Флеминга, — объяснил Абу, но Лемка продолжала тревожиться.

— В городе большие беспорядки? — спросила она. — По радио ничего не передают. Сообщили только, что переворот не удался и теперь все спокойно. Это верно?

— Да, — ответил Абу. — Все нормально. А теперь принеси нам чего-нибудь выпить и займись обедом. Я предупредил моего английского друга, что ему, как говорится, надо будет довольствоваться, чем бог послал.

Лемка ушла через занавешенную дверь в маленькую кухню.

— Послушайте, Абу, — сказал Флеминг, усевшись на низкой тахте, — вы не поверили тому, что я рассказывал вам про эту счетную машину, ведь так? Но поверьте тому, что я сейчас скажу.

Лемка вернулась с кувшином вина и стаканами. Наполнив стакан, она протянула его Флемингу. Вино было сладким и слабым, но зато холодным.

— Все это, в сущности, очень просто, — продолжал Флеминг, не обращая внимания на то, что его слушает Лемка. — «Интель» построил счетную машину и нанял вас для работы с ней. Как вы знаете, после бегства Нилсона она перестала действовать, поэтому они похитили меня, а со мной и эту девушку, Андромеду. Целью «Интеля» было обеспечить себе техническое превосходство над всеми соперниками, а также безопасную базу для дальнейших операций. Это устраивало интеллект, чьим орудием является счетная машина. Но это не устраивало Салима. Он был умен и честолюбив и намеревался взять контроль в свои руки. Андромеда это знала — вернее, узнала от счетной машины, которая могла предусмотреть такую вероятность, и решила передать всю власть «Интелю».

— У вас нет доказательств! — упрямо возразил Абу. Тут вмешалась Лемка.

— Ты ведь знаешь, что он прав, — сказала она. — И ты должен помочь ему.

Абу сердито посмотрел на жену, но она не опустила глаз, и он вдруг улыбнулся.

— Я попробую, — сказал он тихо, неловко взяв ее за руку, и добавил: — В понедельник, доктор Флеминг, я попробую поговорить с мадемуазель Гамбуль.

Флеминг поблагодарил его, хотя и не верил, что из этой попытки может выйти что-нибудь путное.

— Отлично! — сказал он. — Мы придумаем, что ей сказать, как воззвать к ее совести... впрочем, вряд ли у нее есть хоть какое-то подобие совести. Но мы ведем себя нечестно по отношению к вашей супруге. Сегодня все-таки день отдыха!

За несколько часов, проведенных вне напряженной атмосферы интелевского поселка, дружба между Абу Зеки и Флемингом окрепла. Утром в воскресенье Абу повел англичанина осматривать храм, но они были принуждены скоро вернуться, так как ветер дул еще сильнее, чем накануне, и с обрыва над храмом то и дело срывались камни. Флеминг объяснил, чем, по мнению его и Дауни, вызвано изменение погоды. Абу поверил этому тем легче, что он уже видел выводы, которые сделала машина относительно бактерий, найденных в морской воде.

Как только Абу заступил на дежурство, он попросил мадемуазель Гамбуль принять его.

Француженка, казалось, была очень рада его видеть.

— Ну что же, доктор Зеки, — начала она. — Вы первый здесь узнаете, что сегодня утром мы провели испыта-

ние ракеты-перехватчика. Все прошло блестяще. Теперь в этой области мы догнали Англию. — Она улыбнулась и вопросительно посмотрела на него. — У вас тоже есть для нас какая-нибудь хорошая новость?

— Да, мадемуазель, — ответил он. — Но сначала я хотел бы поговорить с вами о другом.

— Так что же вам нужно? — спросила Гамбуль подозрительно.

— Я пришел по поручению доктора Флеминга. Он считает, что изменения погоды в Америке, Европе и отчасти здесь как-то связаны с машиной. С задачей, которую она выполняет... — он замолчал, увидев, что француженка смотрит на него с нескрываемой злобой. — Доктор Флеминг просит, чтобы профессору Дауни было разрешено связаться с Международной метеорологической службой.

— Ни в коем случае! — отрезала Гамбуль, стукнув кулаком по столу. — Все это глупости!

— Но если машина...

— Я знаю, что делает машина. Указания, которые она нам дает, совершенно ясны. Погода не имеет ни малейшего отношения к миссии, возложенной на нас машиной.

Абу переменял тактику.

— Быть может, вы выслушаете доктора Флеминга... — начал он.

— Он меня не интересует! — крикнула она. — Он не может сказать мне ничего дельного! Вам ясно?

Абу попытался к двери.

— Благодарю вас, мадемуазель, — пробормотал он.

Когда дверь за ним закрылась, Гамбуль нагнулась к микрофону селектора, который был уже давно включен.

— Герр Кауфман, — сказала она. — Вы слышали, что говорил доктор Абу Зеки? Прекрасно. Обеспечьте постоянное наблюдение за ним.

Осборн смотрел из окна вагона на бесконечные кварталы южного Лондона. Его левая рука все еще была в лубке, чтобы обеспечить покой грудным мышцам, пробитым пулей кауфманского наемника. Однако он чувствовал себя почти здоровым, а рана быстро затягивалась.

Если он спасся чудом, то же можно было сказать и о Лондоне. Город сравнительно мало пострадал от урагана, бушевавшего накануне, — во всяком случае, насколько можно было судить, глядя в окно поезда. Только телевизионные антенны наклонялись под самыми фантастическими углами и во многих крышах на месте сорванных труб зияли черные дыры. В проходе стояло так много пассажиров, что Осборн не мог бы отойти от окна, даже если бы хотел. От Орпингтона, где он жил, до Лондона поезд шел около двух часов. И нельзя было сказать, что поезд опаздывает: просто он шел без расписания. Контактные провода были сорваны, электропоезда не ходили, и оставалось только радоваться, что дизельные поезда дальнего следования останавливаются на всех пригородных станциях. Впрочем, поезд полз так медленно еще и потому, что автоматика не работала и все стрелки переводились вручную.

Осборн всегда был предусмотрительным человеком и отправился в Лондон загодя, понимая, что после подобной бури транспортные неполадки неизбежны. Но теперь он начал беспокоиться: заседание в министерстве было назначено на 10.30, а те, кто живет вблизи Уайтхолла, конечно, не опоздают.

На южном берегу Темзы поезд простоял десять минут. Осборн смотрел на электростанцию в Баттерси, такую же огромную и массивную, как всегда, но дым над ее трубой не уходил в небо, а стлался по земле, потому что ветер

был еще очень силен. Поезд еле заметно тронулся, но постепенно набрал скорость. Тут электрическая сигнализация была в порядке, и, покачиваясь на стрелках, поезд, наконец, подошел к перрону Чаринг-Кросса. Пассажиры ринулись к выходам, не обращая внимания на написанные от руки призывы остерегаться битого стекла.

Стренд был почти таким же, как всегда. Правда, ураган сорвал леса со строящегося дома, но машины двигались свободно, хотя и медленно. Центр Трафальгарской площади был огорожен канатами. Нельсон все еще смотрел на Лондон со своей колонны, но власти, по-видимому, сочли нужным принять меры предосторожности.

Осборн свернул в Уайтхолл. Кое-где выбитые окна были загорожены ставнями, но и только. Биг-Бен не пострадал, и его стрелки показывали двадцать одну минуту одиннадцатого. Осборн ускорил шаги — кажется, он все-таки не опоздает.

Министр был уже у себя в кабинете. Нилсон вошел две-три минуты спустя. Он выглядел постаревшим — смерть сына была для него тяжким ударом.

Министр сразу перешел к делу.

— Сейчас не время для церемоний, — сказал он. — Профессору Нилсону нужна ваша помощь, Осборн. Профессор Нилсон возглавляет международную комиссию, и им требуется секретарь.

— Ваша кандидатура нам подходит больше всего, — сказал Нилсон хрипло, неестественно громким голосом.

Осборн внимательно поглядел на него.

— И у вас тоже? — спросил он. — Затруднено дыхание?

Нилсон кивнул.

— Это чувствуется повсюду, но особенно в горах.

— Началась эвакуация горных районов Шотландии, — сказал министр. — Мы еще не объявляли об этом официаль-

но, но это повсеместное явление. Воздух становится слишком разреженным.

Нилсон подошел к столу, к которому была прикреплена кнопками метеорологическая карта.

— Альпы и Пиренеи полностью эвакуированы, — сказал он. — Может быть, вы подойдете сюда, господин министр, и вы, Осборн. Я хотел бы показать вам, что мы пока сумели установить.

Они послушно подошли и стали рядом с американцем.

— Атмосферное давление стремительно падает здесь повсюду, — начал он, проводя широкую дугу от Шетландских островов до Бретани. — А также повсюду, где у нас есть корабли Службы погоды или военные суда, производящие необходимые наблюдения. Другими словами, область наиболее низкого давления находится в северной части Атлантики и в Средиземном море. В Индийском и Тихом океанах падение давления не столь значительно, но оно падает и там. Естественно, что в результате началось стремительное перемещение воздушных масс с суши — вот чем объясняются эти ураганы и разреженность воздуха.

— Чем же я могу вам помочь? — спросил Осборн.

— Разумеется, если вы хорошо себя чувствуете, — перебил его министр. — Рана вас не тревожит?

— Я вполне здоров.

— Отлично, — сказал Нилсон. — Вы, конечно, понимаете, что материал, который мне удалось собрать, довольно случаен и хаотичен. Его необходимо систематизировать, а затем провести подробный анализ. Это требует значительной организационной подготовки. Нам необходимо изучить все сводки погоды по крайней мере за последние полтора месяца. У вашего министерства военно-воздушных сил есть кое-какие предварительные данные. Я лично убежден, что это ненормально низкое давление возникло вначале в одной строго определенной точке,

Министр снова взглянул на карту.

— Вероятно, Осборн, вы догадываетесь, в какой именно, — сказал он. — Это началось здесь.

Его палец уперся в центр сложных завитушек. Там веером расходились на запад пунктирные линии, означавшие закрытый район — ракетный полигон Торнесса. Осборн даже не удивился. Во всем этом была какая-то фатальная предопределенность.

На здание внезапно обрушился яростный удар ветра, но современные стальные рамы не задрезбуждали, а только протестующе загудели. Ветер стих так же неожиданно, как и налетел. С улицы донесся звон бьющегося стекла.

— Сейчас важнее всего быстрота, — сказал министр.

До позднего вечера Осборн с Нилсоном занимались организационными вопросами. Необходимо было создать и проинструктировать аппарат и наладить связь. Информацию должна была поставлять метеорологическая станция в Бракнелле. Связываться с ней приходилось по радио. На телефон и телеграф полагаться было нельзя.

Весенняя ночь еще не наступила, а ветер вновь усилился. Судя по всему, следовало ожидать урагана еще более страшного, чем накануне. Осборн решил не возвращаться домой.

Нилсон ушел к себе в отель пообедать, и Осборн остался один. Он воспользовался этой передышкой, чтобы спокойно обдумать положение. Все страны, большие и малые, наперебой предлагали комиссии свою помощь и сотрудничество — когда Осборн вспоминал об этом, ему становилось легче на душе. Но в длинном списке этих стран был крохотный пробел. И Осборну показалось странным, что, несмотря на угрозу всемирного стихийного бедствия, Азаран так ревниво придерживается своей новой изоляционистской политики.

Он снял телефонную трубку и попросил соединить его

с дежурным по связи с Ближним и Средним Востоком в министерстве иностранных дел. Тот немедленно подошел к телефону, но они практически не слышали друг друга, так как ветер выбрал именно эту минуту, чтобы разбушеваться не на шутку. Осборну пришлось кричать, и он совсем задохнулся от этого усилия.

В трубке раздался ответный крик и тяжелое дыхание:

— Попробуем, сэр, но не знаю, получится ли что-нибудь. Телеграфные и телефонные линии пошли ко всем чертям, да и на радио полагаться нельзя. Нам повезет, если мы сумеем хоть что-нибудь передать отсюда. Кроме того, вам, вероятно, известно, сэр, что там были беспорядки. Азаран официально прервал связь с внешним миром... — Страшный грохот заглушил конец фразы. — Выбило все окна, — пробормотал голос. — Ну и ночька!

Было уже далеко за полдень, когда Флеминг заставил себя встать с постели и пошел в душ. Им все больше овладевала апатия, и он несколько часов провалялся на кровати, ничего не делая и почти не думая. Он не верил, что Абу сумеет уговорить Гамбуль принять его, а кроме того, не очень представлял, что он ей скажет, даже если она согласится встретиться с ним.

Но как бы то ни было, Гамбуль его не вызвала. Душ освежил его тело, если не мозг, и Флеминг направился в машинный зал. Андре сидела возле стержней. Рядом стоял Кауфман. Андре выглядела так плохо, что Флеминг в нерешительности остановился, но она не обратила на него никакого внимания, и он пошел дальше.

Печатающее устройство работало, и Абу изучал поступающие из него цифры.

— У меня ничего не вышло, — пробормотал Абу, не отводя глаз от бумажной ленты. — Теперь за мной следят.

Флеминг нагнулся, словно его заинтересовали цифры.

— По-моему, никто из нас ничего не может сделать. Разве только предупредить остальной мир.

Абу оторвал ленту и выпрямился.

— Вечером побывайте у меня дома, — шепнул он. — Только без охранника. Мне ускользнуть не удастся, но Лемка вам все объяснит.

И Абу быстро ушел в соседнюю комнату. Флеминг задумчиво смотрел ему вслед.

В коридор вышла Дауни.

— Я увидела, что вы с Абу Зеки шепчетесь, как заговорщики, и не хотела вам мешать, — сказала она. — В чем все-таки дело?

— Я и сам не знаю, — ответил Флеминг. — Возможно, это ловушка: он сегодня утром был у Гамбуль. А может быть, мыльный пузырь надежды. Но если уж погибать, так с музыкой. А какими приятными новостями порадуете нас вы?

— Я знаю теперь, что это за бактерия.

— А именно?

— Синтезированная искусственно. Если бы мы знали, как она действует, картина прояснилась бы еще больше.

— А если бы Андре?..

Дауни грустно улыбнулась.

— Я уже пробовала. Она говорит, что машина тут бес- сильна. Ей об этой бактерии ничего не известно.

Они пошли к двери, так как поблизости от них остав- новился охранник.

— Я уже хватаюсь за соломинки, — сказал Флеминг. — А потому, если наш друг Абу действительно расставил мне ловушку, я в нее попадусь.

Дауни схватила его за локоть.

— Будьте осторожны, Джон! Без вас...

— Я всегда выхожу сухим из воды, — усмехнулся он.

Выбраться из поселка незаметно было не так-то просто. Флемингу пришлось ждать, пока совсем не стемнеет, а он не совсем ясно понял, где именно Абу оставил свою машину. Но ему на помощь пришла погода. Ветер, буйствовавший весь день, теперь превратился в настоящий ураган, и часовые попрятались за столбами и стенами, стараясь укрыться от жалящего песка.

Когда Флеминг добрался до автомобильной стоянки, его глаза уже привыкли к темноте и он без труда узнал машину Абу. Как и обещал Абу, ключ был вставлен в замок зажигания. Флеминг выехал из ворот довольно медленно, чтобы не возбудить подозрений какого-нибудь часового, спрятавшегося поблизости.

Вести машину было трудно, к тому же он не очень хорошо запомнил дорогу. Дважды, когда на машину обрушивался песчаный смерч, он съезжал в канаву. Но итальянский автомобильчик с задними ведущими колесами был прекрасно приспособлен для подобных условий, и часа через два Флеминг все же добрался до дома Абу.

Он постучал, дверь чуть-чуть приоткрылась. Он назвал себя, и Лемка впустила его в дом, поспешно заперев за ним дверь.

В углу сидела старуха в национальном арабском костюме. Нижнюю часть лица она закрыла покрывалом, но темные глаза смотрели на него дружелюбно. На коленях она покачивала ребенка.

— Это ваш сын? — спросил Флеминг у Лемки, поглядев на младенца.

— Да, это Йен, — ответила она с гордостью. — Мы назвали его в честь доктора Нилсона. А у вас есть дети?

— Нет.

Флеминг не знал, как держаться с этой прямолинейной молодой женщиной.

— Хотите кофе? — спросила Лемка и что-то сказала

матери по-арабски. Старуха положила младенца в колыбель и вышла на кухню.

— Что, собственно, все это означает? — спросил Флеминг, когда они сели и Лемка начала тихонько покачивать колыбель. — Абу ничего мне не объяснил.

— Я попросила его позвать вас, — спокойно ответила Лемка. — Мой двоюродный брат — радист на одном из самолетов «Интеля». Он летает в Европу.

— Разве полеты еще продолжаются?

Лемка кивнула.

— Это трудно, но еще возможно. Может быть, вам нужно связаться с английскими учеными? Экипажу запрещено брать какие бы то ни было письма. Их перед вылетом обыскивают. Но мой брат сказал, что он сумеет провезти письмо.

Флеминг задумался. Все это очень походило на ловушку

— Но с какой стати он станет рисковать? — спросил он.

Мать Лемки вернулась с кофе, налила им по чашке и тихо опустилась на пол в дальнем углу. Лемка посмотрела на нее, потом на сына.

— Он сделает это для меня. Для своих родных, для нашего маленького Йена.

В ее словах была простая и теплая человечность, настолько не похожая на окружающие кошмары, что Флеминг сразу поверил ей.

— Он летит в Лондон? Чудесно. А что он может передать? Записку?

Лемка кивнула.

— Вы ведь понимаете, что это опасно. За это сажают в тюрьму и даже расстреливают.

— Спасибо, — Флеминг не сумел найти нужных слов. — Я поговорю с профессором Дауни, что именно следует написать.

Он встал.

Лемка подошла к нему.

— Что же будет дальше? — прошептала она.

Флеминг откинул занавеску, закрывающую крохотное оконце. Здесь, под прикрытием крутого горного склона, воздух был чист от песка и мириады звезд мерцали на темном куполе неба.

— Следует учитывать две вещи, — сказал он наполовину сам себе. — Во-первых, где-то в туманности Андромеды существует разум, который пытается войти в соприкосновение с любыми формами жизни, имеющимися в галактике. Когда он находит такую жизнь, он подчиняет ее, овладевает ею. Эти попытки продолжаются, возможно, несколько миллионов лет и в каких-то мирах они, возможно, увенчались успехом. А теперь речь идет о нашей Земле — для ее же пользы, утверждает эта девушка, Андромеда. Это одно.

— А второе?

— Там, где этот разум встречается другой разум, враждебный себе, он его уничтожает, быть может заменяя на что-то другое. Вот это и происходит теперь, потому что мы сопротивлялись. Вернее, потому что я пытался сопротивляться. И потерпел неудачу. — Его голос дрогнул. — Вот почему, Лемка, можно сказать, что я обрек на гибель человечество.

— Но пока еще не все потеряно, — прошептала она.

— Да, — согласился он. — Пока еще есть надежда, что у профессора Дауни будут какие-нибудь новости для вашего двоюродного брата.

Флеминг вернулся в поселок на рассвете. Он, не скрываясь, въехал прямо в ворота, освещенные прожекторами, и весело помахал часовому. Тот ухмыльнулся в ответ. Очевидно, часовым было приказано не выпускать европейцев из поселка и беспрепятственно впускать их туда.

Флеминг дождался начала рабочего дня и только тогда пошел к Дауни. Он знал, что их записка должна быть краткой, конкретной и содержать не только просьбу о помощи.

В лаборатории кроме Дауни был и Абу Зеки. При виде Флеминга он облегченно вздохнул, но ничего не сказал.

Дауни наклонилась над большим танком, который она приказала установить под длинным окном. Танк был герметически закрыт стеклянной крышкой, через которую проходило несколько резиновых трубок и проводов. Они были подсоединены к различным приборам с самописцами. В одном из приборов Флеминг узнал барограф. На дне танка была мутная морская вода.

Дауни рассеянно поздоровалась с ним.

— Андре ничем не может нам помочь, — сказала она. — По-моему, она искренне хотела что-нибудь сделать, но у нее просто нет сил. И все же с помощью Абу мне удалось получить кое-какие данные.

— Вы что-нибудь узнали? — спросил Флеминг.

— Довольно мало. Теперь мне известно, что делает эта бактерия, — с этими словами Дауни сняла пробирку, установленную вертикально отверстием вниз над одной из резиновых трубок, вмонтированных в крышку танка. — Она поглощает азот. В этой пробе воздуха, взятой над самой поверхностью воды, содержится менее трех процентов азота. Она, кроме того, поглощает кислород, но в незначительном количестве. Впрочем, взгляните сами.

Дауни повернулась к шкафу и достала растрепанную пачку бумажных лент.

— Ознакомьтесь с этими формулами, Джон. И скажите, что они вам напоминают.

Флеминг молча изучал ряды цифр.

— Я уже говорил, что это что-то знакомое.

Он отдал ей записи.

— Еще один синтез, — пробормотала Дауни.

На лице Флеминга отразилась глубокая тревога.

— Новый? — воскликнул он.

— Нет-нет, — успокоила его Дауни. — Чтобы получить это, нам пришлось обратиться к прошлому. Вчера вечером я добралась до знакомого материала. Мы получили его от счетной машины в Торнесе больше года назад, когда я начала работать над синтезом ДНК.

— Это откуда? — спросил он тихо. — Часть программы, создавшей Андромеду?

— Нет. Этот материал был получен независимо, — в тоне Дауни была непоколебимая уверенность. — Я поставила на нем опыт — это было еще на той стадии, когда мы, в сущности, действовали вслепую.

Она отошла к танку и с отчаянием посмотрела на серую мутную жидкость на его дне.

— Я синтезировала несколько таких бактерий.

— А что с ними было дальше?

Дауни ответила с видимым усилием.

— Они показались мне безвредными и совершенно ни к чему не пригодными. Очередная неудача — так я тогда подумала. Я продержала их в разных питательных средах неделю. Они не погибли, но и никак не развивались. Просто размножались. Потом пробирки были вымыты и простерилизованы.

Флеминг шагнул к ней.

— Как вы не понимаете...

— Я все понимаю! — резко перебила Дауни. — Бактерии попали в раковину, в канализационную трубу, в коллектор, а откуда — в море.

— На что и рассчитывала проклятая машина! Но ведь этой дряни была унция, не больше. Они не могли так размножиться.

— Могли, — ответила Дауни. — Я пыталась точно установить дату прекращения этого эксперимента. Больше из чисто академического интереса. Но во всяком случае, с тех пор прошло больше года. С помощью этого танка я смогла установить быстроту их размножения. Это нечто фантастическое. Ни один известный вирус, ни одна бактерия не размножается с такой быстротой. А теперь, когда заражены океаны, вы можете представить себе, в какой прогрессии идет увеличение их количества.

— Сколько времени потребуется, чтобы... — начал Флеминг.

Дауни посмотрела ему в глаза.

— Примерно год. Или меньше. К этому сроку будет достигнута максимальная насыщенность всей морской воды на земном шаре.

Флеминг посмотрел на прибор, чертивший кривую содержания азота в воздухе танка.

— Они поглощают только азот и немного кислорода? И больше ничего? — спросил он.

— Насколько я могу судить, да. Однако в нормальных условиях море поглощает азот чрезвычайно медленно. Планктон и прочее. Любая фабрика искусственных удобрений связывает азота за неделю больше, чем море поглощает его за год. Это не имело ни малейшего значения. Ведь азота очень много. Но эти бактерии без труда могут поглотить весь атмосферный азот. Вот это и происходит теперь. Атмосферное давление падает. В конце концов азот исчезнет вовсе, а с ним и растения. Когда давление понизится всерьез, наш организм перестанет усваивать кислород и исчезнут все животные.

— Если только... — начал Флеминг.

— Никаких «если» не существует.

Флеминг посмотрел на Абу Зеки, который тихо стоял в стороне и внимательно следил за их разговором.

— Мадлен, — сказал он. — С помощью Абу мы можем послать в Лондон письмо.

Дауни осталась равнодушной.

— О чем? — осведомилась она.

— О том, что происходит.

— Какой смысл! — она пожала плечами. — Но пожалуйста, если вам так хочется. Почему бы и не сделать благородный жест, даже когда уже поздно. — Она снова нагнулась над танком, вглядываясь в жидкость на его дне. — Андре была права. Машина создавала жизнь. Теперь она создала смерть. Для нас, человечества, это КОНЕЦ — вот в этой водичке.

— И все-таки написать надо! — настаивал Флеминг. — Родственник Лемки готов рискнуть. Пишите покороче, но изложите все, что вам удалось установить.

Его решительный тон подействовал на Дауни.

— Хорошо, Джон, — обещала она.

Абу улыбнулся.

— Я подожду записки, профессор, — сказал он Дауни. — Я обычно обедаю в городе. А мой родственник обедает в том же кафе.

Флеминг направился к двери.

— Желаю вам обоим удачи, — сказал он с наигранной бодростью. — Встретимся здесь попозже вечером?

Снаружи дул горячий ветер. Флеминг пошел к себе. Он был рад остаться один. Роль оптимиста требовала от него слишком больших усилий. А кроме того, ему нужно было о многом подумать. Лучше же всего ему думалось, когда он оставался наедине с бутылкой шотландского виски.

Флеминг послал служителя за виски. Тот вернулся через пять минут. «Интель» позаботился окружить своих

пленников комфортом и не скупился на всевозможные одурманивающие средства — как физические, так и духовные.

Флеминг не стал обедать и поэтому был немного навеселе, когда вернулся в лабораторию. Ветер не стихал и темнота уже сгустилась без обычных недолгих сумерек.

Абу и Дауни ждали его.

— Я видел моего родственника, — сказал Абу. — Он взял записку. Конечно, я не знаю, удалось ли ему пронести ее на летное поле. Но, во всяком случае, я слышал, как их самолет взлетел — точно по расписанию. Это было час назад.

Флеминг поблагодарил его.

— Возможно, вашему родственнику не удалось пронести записку благополучно; возможно, в Лондоне на нее не обратят внимания... Но даже если они все поймут и всему поверят, не знаю, какие меры смогут они принять. И при всех обстоятельствах нам придется действовать самим. Следовательно, нам нужна Андре. Абу, сходите в лазарет и скажите сиделке, чтобы она привезла ее сюда.

— Теперь? — неуверенно спросил Абу.

— Да. Кауфман таскает ее в машинный зал, когда им заблагорассудится. И сиделка, бедняжка, должна подчиняться.

— Зачем она вам понадобилась? — неодобрительно спросила Дауни.

— Как союзница.

— Она откажется. Да и вообще она слишком слаба.

— Значит, ей придется превозмочь слабость. Она — наша единственная надежда. Если торнесская машина соорудила бактерию, значит должна существовать соответствующая антибактерия. Я не специалист в вашей области, Мадлен, но ведь это, кажется, одна из основ биологии?

— А вам, случайно, не известен микроорганизм, кото-

рый будет любезно действовать в обратном направлении? — осведомилась Дауни.

— Машине он должен быть известен, — ответил Флеминг, не обращая внимания на ее саркастический тон. — Я знаю, что это не та машина, но она сумела воссоздать формулу первой бактерии — во всяком случае, мы с Андре добились от нее этого. И можем повторить ту же операцию, чтобы получить противоядие.

Прежде чем Дауни успела ответить, вернулся Абу. Он придержал дверь, и сиделка вкатила в лабораторию кресло Андре. Флеминг уже привык, что девушка каждый раз, когда он видит ее вновь, кажется все более слабой, все более прозрачной. Но он так и не сумел привыкнуть к ненависти, которая вспыхивала в ее глазах, когда она смотрела на него.

— Спасибо, — сказал он сиделке, не глядя на Андре. — А сейчас оставьте ее здесь. Когда будет нужно отвезти ее назад, мы вас позовем.

Сиделка заулыбалась.

— Ее нельзя было привозить сюда, сэр. Она только что заснула.

— Не беспокойтесь. Это необходимо, — вмешался Абу.

Сиделка укутала ноги Андре пледом и медленно вышла. Когда дверь закрылась, Андре спросила, чего они от нее хотят. Говорила она еле внятным прерывистым шепотом.

— Нам нужна еще одна формула, — объяснил Флеминг. — Какой-нибудь бактерии или вируса, которые бы уничтожали первую бактерию и высвобождали поглощенный ею азот.

— И надо, чтобы новая бактерия размножалась быстрее первой, — добавила Дауни. — Это будет еще один рискованный опыт с биосинтезом, еще один процесс, создающий жизнь. И для этого мне нужна формула.

Андре слушала их с напряжением, в котором было что-то пугающее. Теперь она слабо покачала головой.

— Не знаю... Это потребует слишком много времени.

Флеминг взглянул на Дауни.

— Разве? — пробормотал он.

Дауни невольно посмотрела на девушку.

— Не знаю, — сказала она. — С ней... — тут она спохватилась и продолжала другим тоном: — Если вы спрашиваете, сколько времени мне потребуется на лабораторные опыты, то это другой вопрос. В сутках, даже если их осталось у нас немного, по-прежнему двадцать четыре часа, а я умею обходиться без сна.

Теперь они оба смотрели на Андре. Они мысленно приказывали ей подчиниться, совершить невозможное. По ее губам скользнуло что-то вроде улыбки, и она кивнула. Флеминг повернулся к Абу.

— Сходите за сиделкой. Скажите, что завтра в девять утра Андре должна быть готова для работы в машинном зале. Ведь она — единственный шанс, который нам остается. Объясните сиделке, что мы не бессердечные злодеи. Растолкуйте ей, что это необходимо. Если понадобится, напугайте ее — намекните, что и она погибнет, если не поможет нам.

Уговоры (или угрозы) Абу подействовали. На следующее утро в девять часов сиделка послушно вкатила Андре в машинный зал. Она объяснила, что больная очень слаба и встать с кресла не сможет.

В зале был только Флеминг. Дауни не верила в возможность успеха, а Абу остался снаружи, чтобы вовремя предупредить о появлении Кауфмана или Гамбуль, по-прежнему хранившей тайнственное молчание. Если бы Флеминг не был всецело поглощен главной задачей, он, конечно, встревожился бы, заметив, что «Интель» как будто совсем не контролирует, чем они занимаются.

Андре с трудом приложила ладони к стержням. Машина ожила, едва только девушка появилась в зале, однако экран светился очень слабо. Изображение осталось туманным даже после того, как Флеминг задернул занавески на окнах. Он увидел, что Андре повернулась к экрану. Теперь ее руки сжимали стержни так, словно из них в ее тело поступала живительная энергия. В ее усилиях сосредоточиться было что-то трагическое. Потом ее пальцы разжались, она вся поникла, ее голова бессильно упала на грудь. Сотрясаясь от рыданий, Андре что-то невнятно шептала. Флеминг нагнулся к ней.

— Я не успеваю понять... Возьмите меня отсюда.

Потом она добавила, точно говоря сама с собой:

— Я не хочу умирать.

Сиделка оттолкнула Флеминга.

— Она перенапряглась. У нее нет сил... Вы не имеете права требовать...

Она решительным движением откатила Андре от экрана. Но Флеминг преградил ей дорогу.

— Андре! — сказал он негромко. — Никто из нас не хочет умирать, но мы все умрем, если каким-то чудом азот не будет возвращен из моря в атмосферу.

Андре с усилием приподняла голову.

— Вы умрете все вместе, а я умираю одна.

Флеминг ласково погладил ее по руке. Андре отодвинула руку.

— Не трогайте меня, — прошептала она. — Я кажусь вам отвратительной.

— Нет! — резко перебил он. — Не отвратительной, а очень красивой. С того самого времени... с того самого времени, когда мы сбежали из Торнесса. Но попробуй собраться с мыслями! Только ты можешь помочь нам теперь. Я ведь даже не знаю, чем занимается сейчас машина. Власть все еще принадлежит Гамбулю?

Флеминг широким жестом указал на окружавшую их со всех сторон счетную машину.

— Так почему она сюда больше не приходит?

Андре помолчала, собираясь с силами.

— Ей это не нужно. Машина указала ей путь. И она с него не свернет. Ей больше ничего не нужно. Поэтому она не приходит сюда. Я не могу ей ничего показать. Я сама уже ничего не вижу, — она поглядела на темный экран. — Я отдохну и вернусь.

Сиделка покатила кресло к дверям. На этот раз Флеминг ее не остановил. Он смотрел, как за ними закрылась входная дверь, и около минуты простоял неподвижно в тяжелой тишине пустого зала.

Внезапно он вздрогнул. Заработало печатающее устройство! Потом его быстрый треск прекратился. И снова раздался — теперь оно работало медленнее, но без остановок. Флеминг подошел и поглядел на бумажную ленту.

— Тут сам черт ногу сломит, — пробормотал он. — Но это несомненно какой-то биологический материал.

Он решил пойти к Дауни. Само по себе это могло показаться не таким уж важным — предварительный анализ, и только. Но значение случившегося было огромно, Андре действительно хочет помочь им, и, возможно, Дауни удастся сотворить чудо... если у них хватит времени.

Едва Флеминг вышел во двор, как ветер обрушился на него с такой силой, что он зашатался. У него перехватило дыхание, он судорожно глотал воздух, но облегчения не наступало. Опустив голову, пригнувшись, он зашагал навстречу вихрям песка к лаборатории. Вспыхнувшая было надежда угасла. Время... откуда его взять?

В трех тысячах миль оттуда над Лондоном занималась заря — над Лондоном, который постигла неслыханная ка-

тастрофа. Кое-где на середине наиболее широких улиц стояли полицейские в шлемах, стараясь держаться подальше от домов. Иногда сквозь вой ветра прорывался звон колокола санитарной машины. В здании министерства науки слабо светились два-три еще уцелевших и не забытых досками окна.

В сером свете утра лица четырех мужчин, сидевших вокруг заваленного бумагами стола, казались совсем измученными. Совецание длилось несколько часов, но никто не предложил ничего дельного. Обсуждение проблемы превратилось в бесплодный спор и ведомственные свары.

Когда Осборн начал бессмысленно препираться с секретарем премьер-министра об ответственности отдельных министерств и финансировании общего плана действий, хотя все это было уже решено накануне. Нилсон, обычно сдержанный и благожелательный, вдруг вспылил.

— У вас, англичац, удивительный талант заботиться о бюрократических тонкостях, когда небеса рушатся! — воскликнул он.

— Мы все устали, профессор, — резко ответил министр. — И мы можем делать только то, что нам представляется наилучшим.

— Извините, — пробормотал Нилсон устало.

Секретарь премьер-министра потянулся за сигаретой, увидел, что пачка пуста, смял ее и швырнул в угол.

— Половина страны сидит без электроэнергии, а вторая половина где затоплена, где занесена снегом, где изуродована ураганами. Люди умирают быстрее, чем воинские подразделения успевают их хоронить. Если бы вы могли хотя бы примерно указать, сколько еще времени это продлится...

Нилсон хотел было ответить, но гут в комнату на цыпочках вошла секретарша и протянула Осборну серый конверт.

— Вам, сэр, срочно, — сказала она. — Доставлено курьером из Лондонского аэропорта.

Осборн вскрыл конверт, неторопливо развернул листок папиросной бумаги и начал читать.

Потом обвел взглядом остальных и передал письмо министру.

— Из Азарана, — сказал он. — От Мадлен Дауни.

— Читайте вместе, — сказал министр Нилсону и секретарю премьера. — Так будет быстрее. Об этом надо немедленно поставить в известность кабинет.

Он подождал, пока они не прочли письмо, и нетерпеливо спросил:

— Вы можете что-нибудь предложить, Нилсон?

Американец кивнул.

— Вы не могли бы отправить меня в Азаран — сегодня же? — спросил он.

10

Четырехмоторный самолет пробежал по дорожке, повернулся и замер. К нему подъехали электроразгрузчики. Члены экипажа, измученные беспосадочным перелетом — от самого Лондона они летели на высоте, не превышавшей 6000 футов, выдерживая натиск ураганного ветра, — медленно спустились по лестнице и побрели к административному корпусу. Капитан вручил документы европейцу с плоским затылком, который мельком взглянул на них и протянул пухлую руку за личными документами членов экипажа. Капитана он отпустил сразу же, но когда к нему подошли следующие двое, он задержал их и снова заглянул в бумаги.

— А это кто? — спросил он по-немецки.

Спрошенные посмотрели на него с недоумением, и кое-как он повторил тот же вопрос по-арабски.

Юсел, двоюродный брат Лемки, вежливо улыбнулся.

— Мой помощник. Он не знает арабского и того языка, на котором вы заговорили сначала.

Интелевец нахмурился.

— Мне не сообщали ни о каких изменениях в численности экипажа. Зачем вам понадобился помощник?

— Для наблюдения за курсом, — ответил Юсел. — Нам приходится лететь очень низко. Выше плотность воздуха слишком мала.

Интелевец сердито перечитал документы. Не обнаружив ничего подозрительного, он швырнул их на стол. Юсел взял бумаги и повел своего спутника в комнату отдыха летчиков, где они переоделись. Его спутником был Нилсон.

— Ну, худшее позади, — сказал ему Юсел. — Теперь я отвезу вас в дом моей двоюродной сестры. Там вы будете в полной безопасности. Ее муж, доктор Абу Зеки, свяжется с вами, как только ему представится возможность.

Нилсон кивнул.

— Чем скорее, тем лучше.

Отвезя американца, Юсел вернулся в город. Когда он вошел в кафе, начинало уже вечереть, но ему пришлось прождать еще час. Наконец появился Абу Зеки — он держался настороженно, как человек, знающий, что за ним ведется слежка. За бутылкой прохладительного напитка Юсел вполголоса рассказал ему о приезде Нилсона.

— Ему нужно увидеться с доктором Флемингом и профессором Дауни, — добавил он.

Абу Зеки обвел маленькое полупустое кафе тревожным взглядом.

— Не знаю, сумеют ли они оба уйти незаметно, — сказал он. — Но во всяком случае, я их предупрежу.

Услышав, что приехал Нилсон старший, Флеминг решил махнуть рукой на осторожность и отправиться к нему как можно скорее. Он сказал Дауни, чтобы она была готова, едва стемнеет — конечно, если ее не пугает риск.

Погода им благоприятствовала. На закате разразилась буря: полыхали молнии, налетали короткие ливни, стуча по стеклам и песку. Часовые, мокрые и дрожащие, укрылись кто где мог. Флеминг и Дауни выбрались из поселка под проливным дождем, и их никто ни разу не окликнул.

Дорога была ужасной. Маленькую машину Абу то и дело заносило на жидкой грязи. Но ливень был местным: сорок минут спустя они уже ехали по сухой земле, хотя молнии продолжали сверкать, а гром гремел не переставая.

Когда Лемка открыла дверь и Флеминг увидел позади нее Нилсона, он почувствовал непонятное облегчение. Молчаливый кивок американца, его крепкое рукопожатие почему-то вселили в него бодрость.

Для Дауни Нилсон был проблеском надежды, обещанием спасения, в возможность которого она упорно не хотела верить. Но она не совсем понимала цель его приезда. И она и Флеминг сидели, скрывая волнение, пока широкоплечий спокойный американец, оципывая виноградную гроздь, рассказывал им, что происходило в Лондоне. И о том, как они там уже готовы были признать положение безвыходным, когда вдруг получили письмо Дауни.

— Но есть ли какой-нибудь шанс? — спросил у нее Нилсон.

— Не больше песчинки.

Дауни отодвинула поднос с ужином Нилсона и разложила на столике бумаги, которые прятала за поясом юбки. Она нетерпеливо разгладила их.

— В основном это расчеты спирали ДНК, — начала она. — Машина (я думаю, вы согласитесь) дала вполне убедительный анализ. Насколько я могу судить, в потенции это бактерия. Но одно дело — молекулярная структура, и совсем другое — создание компонентов и их синтез. Однако в результате может получиться та антибактерия, которая нам нужна.

Нилсон внимательно изучал цифры.

— Это работа машины, которую построил Йен?

Дауни кивнула.

— Я все думаю... — он не договорил.

Флеминг сидел рядом с колыбелью, машинально вертя в пальцах подвешенную к ней погремушку.

— ...как обернулось бы дело, если бы ваш сын остался здесь? — закончил он.

Нилсон поглядел на него.

— Его безжалостно убили, — сказал он. — У нас на глазах. Если бы я мог отыскать того, кто...

— Я не знаю, кто именно стрелял, — ответил Флеминг. — Но я могу назвать вам человека, отдавшего приказ убить его. Это некий Кауфман, наш здешний опекун.

— Мне хотелось бы встретиться с ним, — сказал Нилсон.

— Может быть, вы и встретитесь.

Дауни начала собирать бумаги.

— Во всяком случае, смерть вашего сына была мгновенной, — сказала она с глубоким сочувствием. — А наша смерть будет труднее... Если все это не поможет, — она снова сунула бумаги за пояс. — Не хватает еще многого, но узнать это для нас может только Андре.

— А как она себя чувствует? — спросил Нилсон.

Дауни посмотрела на маленького Йена. Ребенок не спал и весело улыбался, видя вокруг себя столько людей.

— Она была искусственно живой. Не как... — Дауни резко отвернулась от колыбели. — В ее крови не хватает какого-то компонента. Я не знаю, какого, а машина этого не учла.

— Но не могла ли бы она получить помощь от машины и для себя? — спросил Нилсон.

— Не хватит времени, — ответил Флеминг. — Возможно, она и сумела бы что-нибудь узнать, но нужно было

получить формулу антибактерии. Андре выбрала эту задачу...

Нилсон задумчиво посмотрел на Флеминга.

— Это было нелегкое решение! — сказал он.

Флеминг молча закурил сигарету, глубоко затянулся и только тогда ответил:

— Да, вы правы. Нелегкое.

Он отошел к окошку и уставился в темноту. Чтобы смягчить напряжение, Дауни поспешно спросила Нилсона, не нужна ли ему копия расчетов, сделанных машиной. Нилсон покачал головой. Везти бумаги в Лондон бессмысленно, объяснил он. Вот если бы это была пробирка с живыми антибактериями!

— Если эта девушка сумеет довести анализ до конца... — начал он, но тут его перебил Флеминг.

— Ш-ш-ш! Лемка!

Лемка, которая сторожила у дороги, стремглав бежала через двор к дому. Они слышали стук ее сандалий по плитам дворика.

— Мы находимся под постоянным надзором, — объяснила Дауни. — Правда, мы думали, что сегодня нам удалось ускользнуть.

В комнату ворвалась Лемка, ее глаза горели от волнения.

— Солдаты! — воскликнула она. — Целый грузовик!

На мгновение все застыли. Затем Дауни вытащила бумаги и протянула их Лемке.

— Отдайте их вашему мужу. Он потом вернет их нам. Лемка повернулась к Нилсону.

— Идите в комнату моей матери, туда они не посмеют войти!

— Будем надеяться, — с улыбкой ответил он и пошел за ней.

В дверь постучали — не очень сильно и не очень гром-

ко. Лемка вышла из задней комнаты и отперла дверь. Кап-
рал, отдав честь, сказал что-то по-арабски. Позади него
стояли два солдата с винтовками за плечами.

— Он говорит, что они приехали за вами и за доктором
Флемингом, — перевела Лемка, обращаясь к Дауни.

— Скажите им, что мы сейчас идем, — ответила Дау-
ни, пытаясь улыбнуться любезной светской улыбкой. —
С нами ничего не случится, не беспокойтесь. Но для док-
тора Нилсона вам надо будет подыскать более безопасное
убежище. Мы найдем способ связаться с вами.

Лемка крепко пожала ей руку.

— Мой двоюродный брат что-нибудь придумает. Но
нам не следует больше разговаривать, не то солдаты запо-
дозрят неладное.

Один из солдат влез в автомобиль вместе с ними, а кап-
рал знаками показал Флемингу, чтобы он ехал прямо за
грузовиком. Погода немного улучшилась: ветер был по-
прежнему сильным, но дул он ровно.

Вернувшись в поселок, они увидели, что все окна ма-
шинного корпуса ярко освещены. К автомобилю подско-
чили два солдата и провели Дауни и Флеминга внутрь
здания. Кауфман сидел у себя в кабинете. Лицо его пере-
косилось от еле сдерживаемого гнева. Рядом с ним стоял
Абу. Вид у него был встревоженный.

— Это еще что такое! — рявкнул немец, едва они во-
шли. — Почему вы покинули поселок без разрешения?

— Без чьего разрешения? — резко спросила Дауни. —
И с каких это пор нужно просить разрешения для того,
чтобы навестить знакомых, семью коллеги?

Кауфман не выдержал ее взгляда и отвернулся.

— Вам известно, что вы не должны выходить из посел-
ка без сопровождения, — прорычал он, стараясь скрыть
смущение.

Флеминг шагнул к нему, сжав кулаки.

— Эй вы, тевтонский гаулейтер! — начал он, но его остановил Абу Зеки.

— За вами послали потому, что дело не терпит отлагательств: девушка потеряла сознание, работая с машиной.

— Андре? — крикнул через плечо Флеминг, бросаясь к двери. — Я пойду к ней.

— Ей очень плохо? — спросила Дауни у Абу.

— Она очень ослабела, — ответил он. — Но прежде чем она лишилась чувств, печатающее устройство выдало вот это, — и он протянул Дауни ворох бумажных лент, который взял со стола.

Кауфман откашлялся.

— В будущем за вами станут следить более внимательно, — предостерег он, но не сумел скрыть растерянности и тревоги. — А насколько для нас важна эта девушка?

— Настолько, насколько для вас важна ваша жизнь. Если она не доведет до конца этой работы, вам останется жить очень недолго!

Дауни с трудом заставила себя ответить Кауфману, но тут она заметила в его глазах страх и впервые поняла, что и у него есть уязвимое место.

— Так что, ради бога — и ради собственной шкуры, — постарайтесь поменьше вмешиваться!

Кауфман посмотрел на нее с подозрением, но ничего не сказал и молча вышел из кабинета.

В палате, где лежала Андре, было темно. Когда Флеминг на цыпочках вошел туда, сиделка, сидевшая возле затененного ночника, вскочила и сделала протестующий жест.

— Ничего, — шепнул он. — Я просто хочу посмотреть на нее. Я не стану ее будить.

Сиделка досадливо вздохнула и вместе с ним подошла к кровати. Глаза Флеминга привыкли к темноте, и он увидел исхудавшее тело Андре, обрисовывавшееся под тонким одеялом. На белой подушке смутным пятном темнела ее голова. Он нагнулся и увидел, что она смотрит на него.

— Мне не следовало уезжать, — прошептал он, ласково поглаживая ее волосы.

Его пальцы случайно задели лоб Андре. Он был влажным и холодным.

Медленно, с трудом она сказала:

— Я сделала то, что вы хотели. У профессора Дауни теперь есть все необходимые данные.

Флеминг слышал ее слова, но не улавливал их смысла.

— Я должен был остаться здесь, с тобой, — сказал он.

Флеминг нашел руку Андре. Она была неестественно вывернута. Он попытался нащупать пульс и ничего не почувствовал.

— Я умираю, — прошептала она, догадавшись, что он делает.

Флеминг отдернул руку.

— Нет! — почти крикнул он. — У нас еще есть в запасе несколько козырей. Сюда приехал Нилсон. Отец человека, который построил эту машину. Он заставил меня понять мою ошибку. Нашу ошибку. Машина должна помочь не только нам, но и тебе.

Он выпрямился.

— Слушайся меня во всем, — приказал он. — Как прежде. Сейчас ты уснешь. Завтра я приду за тобой и отвезу тебя к машине. Да-да, я знаю, — сказал он, заметив, что она хочет возразить. — Ты очень ослабла. Сегодня вечером ты потеряла сознание. Но ведь теперь я буду рядом и помогу.

Сам он не верил, что действительно сумеет помочь ей, но надеялся вдохнуть в нее бодрость. Андре пошевелилась,

словно стараясь лечь поудобнее. Ее веки затрепетали и сомкнулись. Лицо приняло спокойное сонное выражение.

Флеминг вышел из палаты, поманив за собой сиделку. В коридоре он принялся тихо уговаривать ее не бояться и никому ничего не рассказывать.

— Нам всем грозит смерть, — объяснил он. — Ваша больная старается спасти нас. А мы обязаны попытаться спасти ее. Доверьтесь мне, и мы это сделаем.

Девушка неохотно кивнула, а Флеминг пожалел, что не может так же легко уговорить самого себя.

Всю ночь Флеминг лежал не смыкая глаз, обдумывая новый план действий на тот краткий срок, который еще был в их распоряжении. Когда рассвело, он заставил себя, как обычно, принять душ, побриться и позавтракать, чтобы дать Андре еще несколько драгоценных минут для восстановления сил после вчерашнего тяжелого обморока. И все равно, когда он пришел в лазарет, было еще очень рано. Сонные часовые, которые терпеливо ждали смены — до нее оставалось еще около двух часов, — бдительно смотрели ему вслед, когда в сопровождении сиделки он катил кресло Андре к машинному корпусу.

Когда он вошел в палату, Андре ничего не сказала ему. Только улыбнулась. Если бы не эта улыбка, можно было бы подумать, что она в забытии. Флеминг отослал сиделку, усадил Андре перед экраном и смирился с мыслью, что у него остается одна надежда: попытаться внушить Андре нужные мысли, не получая от нее никакого подтверждения, поняла она его или нет.

Так и случилось. Флеминг рассказывал ей, в чем, по мнению Дауни, заключалась причина ее болезни и как их обоих мучит совесть. Он нарисовал до сусальности счастливую картину ее будущей жизни, если только она подскажет Дауни, как ей помочь. Под конец он притворился

рассерженным и потребовал, чтобы она доказала, насколько она сильна.

Андре сидела, безжизненно поникнув, расслабленно уронив руки на колени. Только иногда ее ресницы вздрагивали, показывая, что она в сознании и слушает его. Флеминг, наконец, умолк, не зная, что еще сказать ей. Он увидел, что Андре пытается заставить себя сделать движение. Медленно-медленно она подняла одну руку к стержню. Машина загудела. В центре экрана вспыхнула ослепительная точка и, постепенно теряя яркость, расплылась по нему. Флеминг, не сводя глаз с Андре, пятился, пока не уперся в стену. Он замер в напряженном ожидании. У него на глазах осуществлялось невозможное.

Потом кто-то дернул его за рукав. Рядом с ним стоял Абу и вопросительно глядел на него. Флеминг мотнул головой в сторону кабинета, и они тихонько вышли из зала.

— Как? — спросил Абу. — Она...

— Кажется, — ответил Флеминг наугад. Он с трудом заставил себя не думать об Андре и спросил: — А что нового у вас?

— Я вернулся домой после полуночи, — ответил Абу. — Мне пришлось пройти через караульную. Но дежурный офицер не считал нужным дать мне провожатого. Юсел пришел незадолго до меня. Мы устроили профессора Нилсона в безопасном месте — в пещере над храмом. Ему там будет неплохо, так как много ходить ему не придется. Поднялся он туда с трудом — воздух там разрежен. Правда, Юсел говорит, что в Европе и на уровне моря воздух не плотнее.

— У него есть пища и вода?

— Лемка будет каждый день навещать его...

Они оба вздрогнули. Раздался треск печатающего устройства. Флеминг забыл обо всем, кроме Андре.

— Сходите за сиделкой, ей надо лечь, — распорядился он, а сам подошел к девушке и обнял ее за плечи. — Мо-

лодец! — сказал он. — А теперь отдыхать и не сдаваться!

Он схватил бумажную ленту с короткими рядами цифр. Частностей он не понимал, но основное было ясно: речь шла о компонентах плазмы. В течение десяти минут он смотрел, как появляются все новые цифры. Наконец мотор умолк и машина погрузилась в безмолвие.

Дауни работала за лабораторным столом среди обычного хаоса аппаратуры, в котором разбиралась только она сама. Флеминг бросил перед ней бумажные ленты.

— Что это? — спросила она, не отрывая взгляда от капель, падавших из фильтра. — Формула еще какой-нибудь бактерии?

— Нет! — ответил Флеминг. — Формула для Андромеды.

Дауни оторвалась от работы и с недоумением посмотрела на него:

— А кто ее программировал?

— Сама Андре. Собственно, я ее принудил. Насколько я могу судить, эти цифры обозначают отсутствующие химические компоненты в ее крови. Переведите их на язык химии, и мы сумеем вылечить ее.

Взяв ленты, Дауни тяжело опустилась на стул.

— На это потребуются недели, — бормотала она, просматривая цифры. — А у меня на руках эта более важная работа, — она устало махнула рукой в сторону лабиринта реторт и пробирок на столе.

— Но если мы с ней справимся, то лишь благодаря Андре! — напомнил Флеминг.

Дауни рассердил скрытый в его словах упрек.

— Давайте, наконец, выясним этот вопрос, Джон, — начала она подчеркнуто ровным тоном. — Сначала вы были против того, чтобы я создала ее. Потом, когда она была

создана, вы требовали, чтобы я ее убила. Затем вы настаивали на том, чтобы ее не допускали к машине. А теперь...

— Я хочу, чтобы она жила.

— А мы все? — спросила Дауни. — Вы хотите, чтобы мы жили? Как по-вашему, сколько еще я могу взять на себя? Мои силы ограничены. У меня нет помощников, а я измучена до предела. Порой мне кажется, что мой мозг отказывает. — Она взяла себя в руки и улыбнулась ему. — Неужели вы думаете, что я не попыталась бы спасти ее, если бы могла?

— Вам надо поговорить с Гамбуль, — негромко сказал Флеминг. — Меня она отказывается видеть, а Абу Зеки она больше не доверяет. Но вас, возможно, она послушается. Убедите ее, что нам необходима большая свобода действий и помощь извне...

Дауни задумалась о чем-то своем.

— Не знаю. Просто не знаю, — бормотала она.

Внезапно раздался оглушительный удар грома. Здание вздрогнуло, аппаратура на столе затряслась и зазвенела. И сразу же послышался вой ветра.

— Даже Гамбуль способна понять, что эта погода ей не подвластна, что она не входит в ее треклятый план!

— Хорошо, — согласилась Дауни. — Я попробую объяснить ей положение вещей.

Мадемуазель Гамбуль согласилась принять Дауни в своей резиденции только на следующее утро.

Как ни странно, она держалась очень любезно и спросила, не нуждается ли профессор в какой-нибудь помощи.

— У вас есть все необходимое для нашей работы?

— Для вашей — да, но не для моей, — поправила Дауни и без дальнейших предисловий коротко и ясно изложила причины, вызвавшие изменение атмосферных условий.

Гамбуль внимательно, не перебивая, слушала ее. Она подошла к окну и стала смотреть туда, где за городом поднимались над пустыней грозные массы кучевых облаков.

Когда Дауни замолчала, французенка заговорила не сразу.

Она вернулась к письменному столу, села и только тогда негромко спросила:

— Какая смерть нас ждет?

В ответ на объяснения Дауни она энергично взмахнула рукой.

— Это не входит в план! — возразила она. — И не должно было случиться. Там все ясно и логично.

— И какие же инструкции вы получили?

Гамбуль рассеянно посмотрела на нее, вновь переживая ночь, которую она провела перед счетной машиной.

— Властвовать, — пробормотала она. — Все знают, что так должно быть, но никто не пробовал по-настоящему. Была горстка...

— Наполеон? Гитлер? — подсказала Дауни.

Гамбуль не обидело такое сравнение.

— Да, — согласилась она. — Но им не хватало таланта, а вернее — им не помогал мозг, вроде этого. Придется принести в жертву почти все. Но не таким образом. И не теперь! Мы еще не готовы!

— И велика ли ваша власть? — спросила Дауни.

— Здесь — да. Но это же только начало!

— Еще не все потеряно, — сказала Дауни, рассчитывая сыграть на властолюбии французенки и ее ужасе.

Гамбуль встрепелась.

— А именно? — резко спросила она.

— Нам, возможно, удастся спасти атмосферу. Гарантировать нельзя ничего, но надежда есть. С помощью счетной машины мы как будто получили формулу антибакте-

рии. Возможно, нам удастся ее синтезировать. Но для этого мне требуются помощники и оборудование. Если мы получим искомые бактерии, нужно будет организовать их массовое производство, а затем заразить ими моря всего мира.

Гамбуль смерила ее подозрительным взглядом.

— А как вам удастся получить такое количество?

Дауни терпеливо объяснила, что раз созданная бактерия начнет размножаться естественным путем и, вероятно, быстрее первой.

— Как только мы получим достаточное количество материала, его следует разослать во все страны, которые смогут создать свои собственные установки, чтобы в дальнейшем работа шла всюду одновременно.

Гамбуль рассмеялась. Это был малоприятный смех — в нем звучало одно злорадство.

— Прекрасно! — сказала она. — Только мы не примем сотрудничества других стран. «Интель» построит все необходимые установки сам. И «Интель» будет продавать эту бактерию, назначив свою цену. Это обеспечит нам ту власть, о которой я говорила. Значит, это все-таки часть плана! Я не сразу сообразила. Теперь мир в наших руках!

Дауни вскочила, не сводя взгляда с лица француженки.

— Нет! — забыв про осторожность, крикнула она, вне себя от возмущения. — Вы сошли с ума! В план машины это не входило!

Но Гамбуль как будто не слышала. Ее глаза остекленели, и она сказала сухо и повелительно:

— Укажите, какое именно оборудование и в каком количестве вам нужно, профессор Дауни. Все ваши пожелания в этом отношении будут выполняться без ограничений.

В зале заседаний кабинета министров в доме номер десять по Даунинг-стрит был установлен портативный киноаппарат. Премьер-министр и несколько его коллег, включая министра науки, а также Осборн сидели у одного конца стола и смотрели на экран.

Премьер-министр устало махнул рукой.

— Достаточно, — сказал он. — Будьте добры, зажгите свет.

Бескрайнее море, раскинувшееся там, где еще совсем недавно лежали плодороднейшие земли Голландии, замерцало на экране и погасло.

— Вопрос в том, сэр, — сказал министр внутренних дел, — разрешим ли мы показать этот фильм по телевидению?

— Почему бы и нет? — ответил премьер. — Пусть те, кто может, посмотрят, что делается в Европе. Им там приходится даже хуже, чем нам. Возможно, кого-нибудь эта мысль и утешит. Да к тому же фильма все равно почти никто не увидит: девять десятых страны лишено электричества.

Он повертел в пальцах трубку и с сожалением положил ее на стол. Было трудно дышать, не то что курить.

— Какие-нибудь известия от Нилсона? — спросил он.

— Пока нет, сэр, — ответил Осборн. — С самолетом «Интеля» прибыло еще одно сообщение от профессора Дауни. Она утверждает, что эта бактерия была искусственно синтезирована по формуле, полученной от счетной машины в Торнессе, сэр.

— Но она принимает какие-нибудь меры?

— Она пишет, что работает над проблемой, сэр. Мы надеемся, что она введет Нилсона в курс дела и он ей поможет.

— А не мог бы этот арабский летчик доставить Нилсона обратно, раз у нас уже есть исходные данные?

Осборн почтительно кашлянул.

— Боюсь, что расчеты придется производить там. Ведь только там есть машина...

Премьер встал и прошел к своему месту во главе стола.

— Мне кажется, пора прибегнуть к действенным мерам, — сказал он негромко.

Министр науки смущенно пожал плечами.

— Мои специалисты сделали соответствующий прогноз, сэр. Они этого не рекомендуют. Видите ли, сэр, машина...

— ...снабдила «Интель» теми же средствами обороны, что и нас, — закончил премьер. — Значит, нам остается только воззвать к их совести?

— Да, сэр, — пробормотал министр науки.

— Боюсь, от этого будет мало проку. Но ничего другого ни мы, ни оппозиция придумать не можем. Я распоряжусь, чтобы Центральное управление информации подготовило что-нибудь для Би-би-си. Ведь какие-то радиостанции еще работают?

— Давентри, сэр, еще ведет передачи, — сказал министр науки. — Армия сосредоточила там несколько передвижных генераторов. Возможно, нам удастся связаться с Азараном на коротких волнах.

Специальное обращение передавалось каждый час на английском и арабском языках. Уже в конце первой передачи Гамбуль приказала глушить ее.

Она вызвала к себе Кауфмана, чтобы он вместе с ней прослушал обращение, записанное на пленку. Немец сидел с невозмутимым лицом.

«Говорит Лондон. Мы обращаемся к правительству и народу Азарана с просьбой о помощи, — звучал далекий,

искаженный помехами голос. — Европейский континент опустошен ураганами. Атмосферные изменения, которые достигли уже и вашей страны, грозят гибелью всему миру. Воздух, которым мы дышим, поглощается морем. Через несколько недель погибнут миллионы людей, если не будет сделано отчаянного усилия прекратить этот процесс. Десятки тысяч людей гибнут уже теперь. Англии нанесен тяжелейший ущерб. Три четверти Голландии под водой. Венеция разрушена цунами. Руан, Гамбург и Дюссельдорф более не существуют...»

— Дюссельдорф... — повторил Кауфман, и его лицо перекошилось. Гамбуль продолжала слушать, не обращая на него внимания.

«В эту самую минуту над Атлантическим океаном бушуют бури, движущиеся к Европе. Нам нужна ваша помощь, чтобы предотвратить катастрофу...»

Голос утонул в ровном гуле, и французенка выключила магнитофон.

— Тут мы включили заглушку, — объяснила она. — Но я хотела бы узнать от вас, Кауфман, каким образом им стало известно, что мы имеем к этому какое-то отношение?

Кауфман тупо посмотрел на нее.

— Дюссельдорф... — повторил он. — Это моя родина. Мой старик отец...

— Считалось, что мы можем положиться на нашу службу безопасности, — злобно перебила его Гамбуль. — А ею руководите вы, герр Кауфман!

Немец очнулся.

— Мы делали все, что было в наших силах, — упрямо сказал он.

Гамбуль пожала плечами.

— Теперь это уже не имеет значения. Как только Дауни выведет свою бактерию, себя мы тут обезопасим. А потом предложим помощь другим — на наших условиях.

Мадемуазель Гамбуль сдержала слово: все заказы Дауни выполнялись в первую очередь. «Интель» располагал такими ресурсами, что даже несмотря на воцарившийся в Европе хаос необходимые материалы были скоро найдены и отправлены самолетами в Азаран. Еще удивительней могла показаться быстрота, с которой были подобраны помощники: молодые талантливые биохимики, специализировавшиеся в бактериологии и молекулярном строении нуклеиновых кислот. Два аспиранта из Цюриха и девушка-химик, работавшая в научно-исследовательском отделе крупнейшей немецкой фармацевтической фирмы. Расспрашивая их, Дауни выяснила, что они приехали совершенно добровольно, прельщенные не только щедрой оплатой, но и возможностью заняться интереснейшими исследованиями в малоизученной области, к тому же, как они надеялись, подальше от ураганов. Они не имели ни малейшего представления об истинной сущности «Интеля» и о кошмаре, который был причиной катастрофических атмосферных явлений. Широкая публика повсюду еще верила, что скоро все придет в норму само собой.

Дауни рассказала своим помощникам обо всем, умолчав только о том, откуда взялась бактерия.

Она заставляла их работать до изнеможения. Но они понимали, что дорогá каждая минута, и вскоре прониклись к ней величайшим уважением. Когда они приходили утром, она уже работала и оставалась в лаборатории еще долго после того, как, совсем измученные, они отправлялись спать. Результаты были получены раньше, чем Дауни позволяла себе надеяться. Ровно через десять дней после того, как они взялись за дело всерьез, первая капля синтезированных бактерий была размазана по крохотной медной пластинке и помещена под электронный микро-

скоп. Дауни регулировала увеличение, а ее помощники, затаив дыхание, стояли рядом. Увеличение в пятьсот тысяч раз. В миллион. В миллион с четвертью... А вот и она! Многоугольное образование с ресничками, симметричное... И это был не инертный кристалл, а живой организм.

Дауни молча сделала знак, чтобы посмотрели и они. Один за другим ее помощники приобщались к торжеству этой минуты: была создана жизнь — пусть неизмеримо крохотная, но жизнь!

Дауни с трудом опомнилась и вернула к действительности молодых энтузиастов. Ведь пока они получили только редчайший научный экспонат. Настоящая проверка была еще впереди. Каждой бактерии предстояло превратиться в миллиарды бактерий, чтобы можно было заполнить пробирку. А потом их надо еще было бросить в бой против организмов, враждебных им по самому их замыслу.

Бесценные и такие маленькие капельки были помещены в различные питательные среды. Теперь пришлось целых шесть часов сидеть сложа руки и ждать. В девяти пробирках бактерии погибли, в трех оставшихся среда была насыщена ими до предела.

Содержимое этих пробирок было перенесено в другие, большей емкости. Бактерии продолжали бешено размножаться. В первом часу ночи Дауни решила начать критическую проверку.

Она наполнила пробирку мутной морской водой из танка, кишевшей роковыми бактериями. Пробирку заткнули стерильной резиновой пробкой. Один из помощников набрал в шприц новую культуру и передал шприц Дауни. Игла пронзила резиновую пробку, и муть поглотила светлую каплю.

— Теперь снова надо ждать, — сказала Дауни, и только легкая дрожь в голосе выдавала обуревавшее ее волнение. — Выпьем пока кофе.

Она никому в поселке не говорила, насколько близок успех, — слишком велико было бы разочарование, если бы она ошиблась. Однако когда период ожидания подходил к концу, в лабораторию заглянул Абу Зеки, привлеченный светом в окнах.

— Входите, входите! — приветствовала его Дауни. — Вы пришли как раз вовремя, чтобы разделить с нами радость успеха или придумать какое-нибудь оправдание неудаче.

— Что-нибудь получилось? — спросил он.

Дауни неуверенно усмехнулась.

— Теоретически — да. А на практике... Сейчас увидим.

Она подошла к своему столу, где стоял стерильный термостат с пробиркой, и, осторожно достав пробирку, поднесла ее к свету. Остальные сгрудились у нее за спиной. На две трети пробирка была заполнена прозрачной водой. Дауни подняла ее еще выше, и все увидели, как к пробке поднялось несколько крохотных пузырьков освобожденного газа.

Дауни заставила себя очнуться.

— Пробирка очистилась за шестьдесят три минуты, — пробормотала она. — Теперь испробуем их в танке.

Больше уже не нужно было заботиться о стерильности и точности измерений. Они вылили в танк две пробирки с новой культурой и принялись наблюдать за процессом. Постепенно в мути начали образовываться прозрачные участки, а к поверхности неторопливо поднимались пузырьки, лопались и тотчас сменялись новыми.

— Это высвобождается азот, — сказала Дауни. — И давление в танке меняется.

Действительно, стрелка барографа медленно, но упрямо ползла вверх.

— Ви сделайте это! — воскликнула ассистентка.

— Мы это сделали, — поправила Дауни. — Осталь-

ное — только вопрос организации массового производства. Мы немного отдохнем, а потом определим скорость размножения, воздействие на нее температуры и солености воды.

Она повернулась к Абу:

— Им пора заняться подготовкой массового производства. Сходите к Гамбуль или к Кауфману и предупредите, что я приду к ним завтра... то есть сегодня с раннего утра.

Ей не понадобилось ехать в город к Гамбуль. Глава «Интеля» сама явилась к ней, когда Дауни еще завтракала. Гамбуль просто попросила инструкций, словно была скромной ассистенткой профессора.

В результате через час коротковолновые передатчики передавали приказ за приказом в штаб-квартиру «Интеля» в Вене: покупать за любую цену и в любой стране фосфаты, белки и аминокислоты и отправлять их в Азаран по воздуху и водой; нанять инженеров для очистки нефтехранилищ от нефти и превращения их в танки для выращивания новой культуры; перестроить старый нефтепровод и проложить новые трубы, чтобы прямо качать антибактерии в Персидский залив.

В ответ пришло только подтверждение, что распоряжения получены. Ни вопросов, ни заверений, ни просьб об отсрочке. В ту же ночь прибыли первые самолеты с инженерами и грузом химикалий. Два самолета разбились, попав в бурю над восточной частью Средиземного моря, третий взорвался при посадке, так как в эту минуту над аэродромом проносился смерч, но остальные прибыли благополучно.

Весь следующий день воздушный мост работал непрерывно, и первый грузовой пароход, наспех зафрахтованный в Кейптауне, радировал примерное время своего прибытия.

Через неделю после первого лабораторного испытания большие количества антибактерий начали выбрасываться в море у азаранского побережья в десяти пунктах, выбранных со строгим учетом местных течений. Результат сказался уже через двенадцать часов.

Флеминг, которому разрешили поехать на побережье вместе с Дауни, стоял у самой воды, где пустыня переходила в огромный золотой пляж, и как завороченный следил за пузырями азота, непрерывно лопающимися в волнах. На море был шторм, но даже кипящая пена не могла скрыть эти пузыри, и он испытывал какую-то особую легкость, вдыхая восстановленный воздух.

Обратно они отправились только на третий день.

— Теперь надо найти способ тайно отправить антибактерии с Нилсоном в Европу, — сказала Дауни. — Все это очень мило, но эффект получается сугубо местным: как видите, на погоде он не сказался вовсе.

— Надежды на то, что «Интель» сам вышлет антибактерии, нет никакой? — Флеминг напряженно щурился, вглядываясь в дорогу, так как внезапно хлынул ливень с градом и через ветровое стекло почти ничего не было видно.

— Никакой! — отрезала Дауни. — Они согласны снабжать остальной мир, только если будут приняты их условия. А какие именно — это пока тайна. Но догадаться нетрудно.

Голос Дауни потонул в вое ветра, чуть не перевернувшего машину.

— Погода ухудшается, — крикнула она с тревогой. — Может быть, мы допустили какую-нибудь ошибку? Вы видите, что происходит, Джон?

Флеминг кивнул, наклонившись вперед.

— Мы обрабатываем море только здесь и больше нигде. В атмосферу непрерывно поступают миллионы куби-

ческих футов азота. В результате в строго ограниченной зоне создается конус высокого давления, повсюду вокруг давление чертовски близко к нулю, а первые бактерии пожирают весь высвобожденный азот. Таким способом мы ничего не добьемся и только устроим серию хороших ураганов.

— Какой бессильной и ничтожной чувствуешь себя из-за всего этого... — пробормотала Дауни.

Около часа Флеминг вел машину молча, стараясь не потерять дороги в этом калейдоскопе дождя, грязи и ветра.

Милях в десяти от города ветер стих, хотя дождь не прекратился. Воздух стал ненормально прозрачным и создавалось обманчивое впечатление, будто далекие предметы находятся гораздо ближе к автомобилю, чем было на самом деле.

— Взгляните-ка вон туда! — сказал Флеминг, мотнув головой в сторону гор на горизонте.

Их силуэты четко вырисовывались на более темном фоне лилово-черных туч, которые неслись позади них. А прямо над массивом завивалась гигантская серая облачная спираль, расширявшаяся кверху и непрерывно менявшая очертания.

— Это тайфун, — сказала Дауни. — Мы находимся в мертвой зоне около его центра. Дай бог, чтобы он не сместился сюда.

— Эта воронка, по-моему, стоит прямо над деревней Абу, — пробормотал Флеминг. — Как бы чего-нибудь не случилось с его семьей! Но может быть, они заметили приближение туч и успели укрыться в пещере, где прячется Нилсон.

Однако только Лемка поднялась в пещеру до тайфуна. Она принесла Нилсону еду, а он, замстив странную не-

подвижность воздуха и бешено мчащиеся на юг тучи, не отпустил ее.

Сначала Лемка пыталась спорить: ее мать и мальчик перепугаются бури. К тому же Юсел обещал приехать и рассказать о том, как он думает вывезти Нилсона с запасом бактерий из страны. Но когда тайфун налетел и загнал их в пещеру, она в ужасе умолкла.

— Ни с вашим братом, ни с вашей семьей ничего не случится, — уговаривал Нилсон, но сам он далеко не был уверен в этом.

Его предсказание не сбылось. Юсел приехал почти сразу же после ухода Лемки. Он торопился, рассчитывая пойти вместе с ней, так как у него были хорошие новости для американца: на следующий день их самолет должен был лететь в Лондон, и он мог переправить туда письмо. От волнения он забыл про осторожность и не заметил, что за завесой песка и дождя в миле за его машиной следует другой автомобиль.

Поэтому он был застигнут врасплох, когда дверь распахнулась и в комнату ворвался Кауфман в сопровождении двух солдат. Те, не дожидаясь приказа, схватили Юсела, сунули ему в рот кляп и привязали к стулу.

Мать Лемки испуганно жалась к стене, крепко держа младенца, а Кауфман принялся методично хлестать Юсела по лицу тыльной стороной ладони. Удары были не очень сильные, но они сыпались непрерывно, и постепенно Юсел впал в полубессознательное состояние.

Кауфман отступил, тяжело дыша. Глаза старухи, устремленные на него поверх покрывала, смущали его. Много лет назад он часто встречал такие взгляды — так смотрели на него люди, которые, может быть, и испытывали страх, но чей дух ему не удавалось сломить.

— Уберите отсюда старуху и щенка, — распорядился он.

Когда солдаты вытолкали женщину на кухню, Кауфман вытащил кляп изо рта Юсела.

— А теперь будь умником, — сказал он, новой пощечиной приводя его в чувство. — Я человек мягкий и не люблю прибегать к силе, но теперь ты получил представление о том, что тебя ждет, если ты не ответишь на несколько простых вопросов. Кого ты привез сюда?

Юсел глядел на него остекленевшими глазами и молчал. Кауфман снова принялся бить его. Голова Юсела моталась из стороны в сторону, он уже почти не понимал, где он и что с ним происходит. Один из солдат уколол его штыком, чтобы привести в чувство, а Кауфман повторил свой вопрос:

— Профессора Нилсона, — ответил Юсел, как загипнотизированный.

— Нилсона?! — ахнул Кауфман.

— Отца того молодого ученого, — глухо пробормотал Юсел.

Кауфман от облегчения даже зажмурился. На секунду он готов был поверить в привидения.

— Зачем ты его привез? Где он? — прорычал немец.

Начав отвечать, Юсел уже не мог остановиться. Кауфман бил его, солдат колол штыком, и понемногу они узнали все, что им было нужно.

Удовлетворенно гмыкнув, Кауфман повернулся к солдатам.

— Ты отведешь его в машину. А ты, — он махнул второму солдату, — пойдешь со мной. Мы возьмем этого американца.

Он вышел из дома в сопровождении солдата. Ветра не было, но откуда-то справа, постепенно нарастая, доносился воющий рев. Кауфман так торопился схватить свою добычу, что даже не посмотрел на черные тучи, мчавшиеся за вершинами гор.

Тайфун обрушился на них, когда они подходили к развалинам храма. Лавина воды и ветра сбила их с ног, они кое-как отползли под ненадежную защиту одной из упавших колонн и дрожа лежали там, пока буря не унеслась так же внезапно, как налетела.

— Надо возвращаться, пока нас не застигла новая буря, — пропыхтел Кауфман. — Иди к машине и посмотри, как там твой товарищ и арестованный. А я погляжу, что случилось со старухой и младенцем.

Кауфман взвешивал, не забрать ли их с собой в качестве заложников, но когда он добрался до деревни, дома Абу Зеки он не увидел. Ураган сорвал плоскую крышу и стены обрушились. Кауфман заглянул в зияющую дыру на месте окошка и сразу попятился: изуродованный женский труп — зрелище не из приятных...

Солдаты возились под капотом машины. Вода попала в зажигание, и мотор завелся только через полчаса. Юсел, связанный, с кляпом во рту, лежал на заднем сиденье. Наконец мотор зачихал, а потом заработал ритмично. Кауфман сел рядом с шофером.

— Гони во всю мочь, — приказал он. — Чтобы новая буря не застигла нас посреди пустыни. И поезжай прямо к резиденции мамзель Гамбуль. Мы отвезем к ней арестованного. Мамзель Гамбуль сама захочет его допросить.

Когда они добрались до города, небо вновь затянули черные тучи и стало темно как ночью. Вылезая из автомобиля, Кауфман услышал вой второго тайфуна, приближавшегося с дальнего конца города. Немец кинулся в дом, оставив Юсела в машине.

Мадемуазель Гамбуль, как обычно, сидела за письменным столом. В темноте ее лицо казалось неясным пятном: электричества не было, и она отдернула тяжелые занавески на окнах, где в частом переплете рам не осталось уже почти ни одного стекла.

Когда Кауфман подошел к ней, француженка, наконец, повернула к нему голову.

— А! Это вы, — сказала она раздраженно. — Как только ветер немного ослабнет, отправляйтесь в наш поселок и позвоните в Вену. Скажите им, что мы берем всю ответственность на себя и они должны подчиняться нам.

Это требование не удивило Кауфмана.

— Я не буду звонить в Вену, — сказал он медленно и вятно. — Бывают неодолимые препятствия. И сейчас мы столкнулись с таким препятствием. Первый тайфун застиг меня в пустыне. У меня есть для вас важные новости.

Гамбуль встала и подошла к окну.

— Тоже трусили, э? — насмешливо спросила она. — Все боятся ответственности, риска. Сегодня я навещала эту девушку. Она умирает. И бредит. Она сказала, что я ошиблась, что я не поняла план, что в нем ничего этого не было. Но я-то знаю, что не ошиблась, герр Кауфман. Вся власть и знания принадлежат мне и только мне!

Кауфман подошел к ней. Где-то в городе вспыхнул пожар. И ветер раздувал его, несмотря на проливной дождь.

— Вы сошли с ума. Вы нас всех погубите, — пробормотал немец.

— Жалкий вы человечешко! — ответила Гамбуль. Она даже не рассердилась и в ее голосе было только презрение. — Такой же мелкий трус, как и все остальные. Слепец! Идите-ка сюда!

Она быстро подошла к стеклянной двери, ведущей на балкон, и повернула ручку. Но чтобы преодолеть напор ветра, ей пришлось налечь на дверь всем телом.

— Идите же! — повторила она. — Полюбуйтесь на разгул стихий, которые работают на меня!

Кауфман не сдвинулся с места.

— Трусили? — засмеялась она. — Напрасно. Нас они не тронут. Не могут!

Гамбуль торжественно вышла на балкон и, остановившись у самой балюстрады, протянула руки к небу. В вое ветра Кауфман расслышал ее злорадный смех.

Подчиняясь безотчетной мысли, он подбежал к двери балкона и захлопнул ее. Рев бури как будто на мгновение стих. Затем раздался оглушительный грохот и дом содрогнулся до самого основания. Обломок парапета упал на балкон и разлетелся в куски.

Кауфман увидел, что Гамбуль недоумевающе смотрит на разбитый мрамор, и тут ее начал хлестать песок. Она нагнула голову, протирая глаза, бросилась к двери и принялась бить по ней кулаками. Толстое стекло треснуло. Руки Гамбуль были все в крови. Кауфман видел, как беззвучно открывается и закрывается ее рот — она звала его.

Он попятился в глубь комнаты и продолжал спокойно следить за происходящим. Удары ветра следовали один за другим все чаще, так что между ними уже не было пауз. Дом стонал и вздрагивал. Наконец-то! Поток каменных обломков обрушился на балкон, вырвал его из стены и швырнул на мощный двор. Каменная пыль смешалась с песком, колыхаясь, как дым. Кауфман подошел к окну и, близоруко щурясь, посмотрел вниз.

Разглядеть что-нибудь было трудно, но ему показалось, что он видит на куче обломков неподвижное тело. Он простоял так минуту или две. А потом отошел, отодвинул стул подальше от дрожащей стены, сел и закурил сигару. Рука, державшая сигару, была абсолютно твердой.

— Когда буря кончится, — сказал он вслух, обращаясь к пустой комнате, — я сам свяжусь с Лондоном. Тут следует заручиться поддержкой англичан.

Он нахмурился, надеясь, что это окажется не слишком трудным. Профессора Дауни он уломят, но Флеминг может оказаться несговорчивым противником. К сожалению, в прошлом между ними были кое-какие неприятные столк-

новения. А этого тупого английского нежелания считаться с изменением обстановки он никогда не мог понять.

Буря пронеслась, тучи поредели, стало светло, но все еще дул довольно сильный ветер. Кауфман спустился во двор. Охранник доложил, что Юсела заперли в подвале. Кауфман приказал содержать его под стражей, но в приличных условиях, и пошел взглянуть на труп Гамбуль. Он валялся среди каменных обломков, изломанный и изуродованный. На Кауфмана неподвижно смотрели черные, налитые кровью глаза.

Один из автомобилей Гамбуль уцелел, и Кауфман приказал отвезти себя в поселок. Разрушения на окраине города, по которой они проезжали, были ужасающими. Местные жители рылись среди обломков, но разбежались, увидев машину с опознавательным знаком «Интеля».

Низкие массивные здания поселка пострадали мало. Кое-где были выбиты окна да опрокинуты и разбиты небольшие модернистские сооружения у ворот. Не обращая на них внимания, Кауфман подъехал к лабораторному корпусу.

Дауни он застал одну: она наполняла бактериями пробирки. После зрелища страшных опустошений вид столов, в беспорядке заставленных всевозможной лабораторной посудой, почему-то подействовал на Кауфмана успокаивающе.

— А, профессор Дауни! — начал он, сияя улыбкой. — Надеюсь, вы не пострадали от бури?

— Нет, — ответила она сухо.

— Я приехал сообщить вам, что фрейлейн Гамбуль более нет в живых. — Ее удивленный взгляд доставил ему большое удовольствие. — Она погибла во время тайфуна. Теперь старший представитель «Интеля» здесь я. И я про-

шу вас помочь мне. Наши меры по уничтожению бактерий в морской воде привели к возникновению ураганов — следовательно, они дают результаты? Так?

— По-видимому, да. Во всяком случае, в здешнем море.

— Вундербар! * — сказал он. — Но в остальном мире дела идут плохо и пойдут еще хуже, если мы не дадим им вашего спасительного средства.

— И как можно быстрее!

Кауфман кивнул.

— Так я и думал! — Он понизил голос. — Знаете, профессор, мадемуазель Гамбуль не собиралась ничего предпринимать, пока мир не согласился бы на ее условия — возмутительные, неслыханные условия! Но, конечно, она была психически больна. Вы знаете, что она собственно-ручно убила Салима? Застрелила его? О, она была одержимой. И продолжала бы тянуть время, пока мы все не погибли бы.

Дауни холодно посмотрела на него.

— Вполне возможно, что мы все и погибнем.

Кауфман нервно облизнул губы и, сняв очки, принялся их протирать.

— Лондон обращался к нам по радио. Я отвечу им, как только будет восстановлена связь. И докажу, что мы можем помочь всему миру — на первом же самолете профессор Нилсон отвезет в Лондон ваше сообщение об анти-бактерии.

Он заметил ее удивление и, надев очки, ответил с торжеством:

— Да-да. Я давно знал о том, что профессор Нилсон здесь. Он может не поверить мне. Он еще не понимает, что я просто деловой человек, а хорошие деловые люди умеют видеть за несчастьями счастливое будущее.

* Чудесно (нем.).

Дауни не сумела скрыть радости.

— Значит, Нилсон сможет приступить к организации распределения антибактерий по всему миру?

Кауфман досадливо покачал головой.

— Не все сразу, не все сразу! — сказал он. — Когда будет предложена настоящая цена. Я же объяснил вам, что я деловой человек.

Он пошел к двери. Улыбка исчезла с его лица.

— Чтобы через час ваше отпечатанное на машинке сообщение было готово!

Некоторое время Мадлен Дауни продолжала машинально работать. Она даже от Кауфмана не ожидала, что он будет торговаться, когда речь шла и о его собственной жизни.

Потом она отправилась в машинный корпус, чтобы с кем-нибудь посоветоваться. Стекла в дверях были разбиты, пострадала охладительная башня, но машинный зал был цел и невредим. Охранников нигде не было видно, но из комнаты отдыха к ней вышел техник. Он сказал, что не знает, где сейчас может быть доктор Флеминг, а Абу Зеки сразу же после первой бури уехал домой узнать, что с его семьей.

Дауни поблагодарила его и пошла в лазарет.

Сиделка загородила выбитые окна ширмами. Она с облегчением улыбнулась, увидев входящую Дауни.

— Мисс Андре спала и не слышала бури, — сообщила она шепотом. — По-моему, ей немного легче.

Дауни села рядом с кроватью. Сиделка была права: даже в полусвете было видно, что лицо Андре было не таким землисто-бледным, как раньше.

— Что-нибудь... что-нибудь случилось? — спросила Андре, не пошевелившись и не открывая глаз.

Дауни взяла ее исхудалую руку в свои.

— Да! Барограф в лаборатории показывает, что давле-

ние непрерывно повышется. До каких пор это будет продолжаться, я не знаю.

Андре попыталась приподняться.

— В план не входило, чтобы мы... — она бессильно откинулась на подушку. — Я пыталась убедить ее. Но она не стала слушать. Она была здесь вчера вечером. Я говорила ей, чтобы она верила мне, а не машине. Но...

— Вы говорите о Гамбуль? — мягко перебила Дауни. — Она погибла во время бури, Андре. Теперь всем командует Кауфман.

Андре медленно кивнула, словно это ей было известно. Ее пальцы попытались сжать руку Дауни.

— Вы мне верите? — прошептала она.

Дауни кивнула. Андре выпустила ее руку и закрыла глаза.

— Расскажите мне обо всем, что произошло, и я скажу вам, что нужно делать.

Дауни насколько могла кратко изложила положение вещей. Она продолжала объяснять, хотя ей показалось, что Андре потеряла сознание или уснула — настолько неподвижно лежала девушка. Но через две минуты Андре заговорила тихо и монотонно.

Дауни слушала, стараясь не пропустить ни слова. Ответственность, которую возлагала на нее Андре, была чудовищной. Но эта ответственность, и пугая, обнадеживала: логический, разумно обоснованный план действий не мог не привлечь Дауни, которая в первую очередь была ученым. Когда Андре умолкла, Дауни произнесла только одну фразу:

— Я немедленно этим займусь.

Полчаса спустя она была уже у президентского дворца и требовала, чтобы ее провели к президенту. Она приехала одна на уцелевшем автомобиле, который нашла на интеллектуальной стоянке. Правда, за рулем она в последний раз си-

дела еще в студенческие годы, но прихотливые кривые, которые выписывала машина, объяснялись и тем, что шоссе во многих местах было повреждено и засыпано обломками. Обычная интелевская охрана перед дворцом отсутствовала.

Президент принял ее немедленно. С тех пор как она видела его в последний раз, он очень постарел. Однако его старомодная любезность осталась неизменной. Он встал, поцеловал ей руку и пригласил сесть. Потом распорядился, чтобы подали кофе, и только тогда опустился на свой стул с высокой спинкой.

— Моя страна гибнет, профессор Дауни, — сказал он просто.

— Погибнуть может весь мир, — ответила она. — Вот почему я пришла к вам. Вы можете отвратить эту гибель. Вам известно, что мадемуазель Гамбуль умерла?

Президент наклонил голову.

— Значит, теперь вы свободны!

— Свободен! — повторил он с горечью. — Когда уже поздно!

— Нет, еще не поздно! — возразила Дауни. — И это отчасти зависит от вас, ваше превосходительство. Если созданная мною антибактерия останется в руках «Интеля», то последнее слово будет принадлежать Кауфману. И мир окажется во власти «Интеля».

— Мне почти ничего не сообщали, но я примерно представляю ход событий. Как я могу помешать этому Кауфману? Ведь он опирается на те силы, на которые опирались Салим и мадемуазель Гамбуль...

— Кауфмана мы возьмем на себя, — обещала Дауни. — А вы можете отдать антибактерии всему миру как дар Азарана. Это будет первым деянием свободной страны.

Он грустно посмотрел на нее.

— А также и последним?

— Нет, если все лаборатории мира получают антибактерии! Тогда у нас будет шанс.

Дауни ехала назад в поселок, полная решимости направить события по руслу, которое ей представлялось единственно верным, но ответственность по-прежнему пугала ее и она почувствовала, что ей необходимо поговорить с Флемингом, получить одобрение его скептического ума.

Флеминга она нашла в помещении позади счетной машины. Он работал за столом, заваленным расчетами.

— А! — протянул он лениво. — Я заперся здесь — подальше от ветра пустыни и всяких иных помех. — Он поглядел на часы. — Неужто так поздно? Я пытался разобратся в этом лекарстве для Андре. Перевел цифры в химические формулы. Но я не слишком понимаю, что здесь к чему.

Он протянул Дауни листы с расчетами, она бегло их просмотрела и сказала:

— В случае какой-нибудь ошибки это ее сразу убьет.

— Но ведь она все равно умирает? Я проверял все возможности...

— Джон, у нас нет для этого времени! — нетерпеливо перебила она.

Флеминг смерил ее взглядом:

— Сами делаем, сами ломаем, так?

Дауни покраснела.

— Но есть еще более важная задача! Вы ведь не забыли, что сейчас делается во всем мире?

— Нет, не забыл.

— Мы наделали много ошибок, — продолжала она. — И я и вы. Теперь я пытаюсь их исправить — это наша единственная надежда. Судьба мира зависит от того, возьмем ли верх мы или Кауфман.

Флеминг сардонически улыбнулся.

— Машина обратила вас на путь истинный, как Гамбуль?

— Гамбуль нет в живых, — ответила Дауни, сдерживаясь.

— Да? — Флеминг вскочил на ноги. — Значит, машина просчиталась! Она было овладела положением, но потерпела неудачу!

Дауни покачала головой.

— Ни то и ни другое. С помощью Гамбуль она хотела поставить нас в такое положение, чтобы мы начали действовать самостоятельно.

— Или по ее указке! — поправил Флеминг, кивая в сторону машины.

— Нет, самостоятельно, Джон, — повторила Дауни. — Теперь решения принимаем мы. Разве вы не понимаете, что это начало совсем новой жизни?

Флеминг сгреб бумаги.

— К черту все! — сказал он. — Сегодня я больше не способен думать. Нам следует поспать немного, прежде чем ветер опять примется срывать крыши.

Они вместе вышли во двор. Многие коттеджи превратились в занесенные песком груды развалин, но их домики уцелели, и, пожелав Дауни спокойной ночи, Флеминг ушел к себе. Стекла вылетели, и за сломанными пальмами он легко различал силуэт здания, где помещался лазарет. Сиделка где-то раздобыла фонарь. Это было единственно светлое пятно в смоляном мраке, и этот желтый кружок света притягивал взгляд Флеминга, точно магнит, гипнотизировал его. Он задремал, думая о жизни, которая еле теплилась где-то рядом с этим крохотным огоньком.

Его разбудил Абу Зеки.

— Случилось очень многое, — сказал Абу, стараясь го-

ворить спокойно. — Вчерашняя буря особенно свирепствовала в горах. Мой дом разрушен.

— А ваша семья? — Флеминг привскочил на постели, сразу проснувшись.

— Лемка и Йен живы. Моя теща погибла, — голос Абу задрожал. — Она прикрыла мальчика своим телом. Когда я вошел, мне... мне показалось, что они оба мертвы. Но тут Йен заплакал. Он был весь в крови... в крови своей бабушки.

— А Лемка?

— Она осталась в пещере с профессором Нилсоном. Она отнесла ему еду, а он не отпустил ее, когда началась буря. Они пришли как раз когда я вытащил Йена из развалин. Боюсь, Лемка очень ожесточилась из-за того, что вы и профессор Дауни... из-за того, что мы все делали тут.

— Она права, Абу, — ответил Флеминг, и его охватило знакомое ощущение безнадежности. — Я понимаю, что всякие слова сочувствия тут лишние. А как Юсел и Нилсон?

— Юсел пока жив. Он приехал к нам, чтобы поговорить с профессором Нилсоном, но Кауфман выследил его. Они избили Юсела и увезли его с собой. Утром, когда мы отвели Лемку с Йеном к соседям, Юсел приехал в интелевской машине. Он привез Нилсону письмо от Кауфмана. Юсел сказал нам, что мадемуазель Гамбуль погибла.

— Письмо Нилсону? — спросил Флеминг. — Что в нем было?

— Кауфман хочет его видеть. Он гарантирует, что профессору ничего не грозит. Юсел считает, что это ловушка, но мистер Нилсон решил поехать. Я привез его. Он сейчас в административном корпусе — ждет, когда Кауфман вернется из города.

Флеминг спрыгнул на пол.

— Я иду туда. Вам тоже следует быть там, Абу. Если

Кауфман затеял очередное представление с пистолетами и кинжалами, я хочу при этом присутствовать.

Они побежали к административному корпусу. В ясном свете зари поврежденный фасад выглядел грязным и жалким. В огромном холле царил хаос — несомненный результат не только бури, но и деятельности некоторых предпримчивых охранников, воспользовавшихся сумятицей, чтобы присвоить вещи поценнее.

— Кауфман, разумеется, восседает в святой святых — в кабинете Гамбуль. Оставайтесь здесь, Абу, и предупредите нас в случае какой-нибудь опасности, — распорядился Флеминг.

Он бесшумно взбежал по лестнице. Створка массивной двери директорского кабинета была полуоткрыта. Прокравшись вдоль стены, Флеминг остановился и прислушался.

Кауфман говорил с приторной любезностью:

— Надеюсь, самолет из Вены прибудет благополучно, герр Нилсон. Мы ожидаем его в самом ближайшем времени. Погрузка будет произведена немедленно. Боюсь, вам придется нелегко в полете. Атмосферные условия по-прежнему отвратительны повсюду.

— А ваши письменные гарантии? — спросил голос Нилсона.

— У меня есть письмо, подписанное президентом, — ответил Кауфман. — Это придаст делу официальность, но действовать будем мы.

Флеминг ждал именно такого заявления. Он толкнул дверь и вошел в кабинет. Кауфман оглянулся, вздрогнул, но продолжал, словно они по-прежнему были одни.

— Мы, то есть «Интель», будем производить антибактерии и продавать их, разумеется, не предлагая в качестве альтернативы смерть. Это была идея фрейлейн Гамбуль. Я положил этому конец.

Флеминг подошел к столу.

— Не стройте из себя филантропа, Кауфман. Вы никого не обманете.

— А вы не имеете права врываться сюда без приглашения! — отрезал тот.

— Ваша охрана куда-то разбежалась, — сообщил Флеминг. — Даже секретарши нет на месте.

Он встал рядом с Нилсоном и пристально посмотрел на немца.

Кауфман достал портсигар и извлек из него сигару. Он раскурил ее, но долго не гасил спичку, и его рука чуть-чуть дрожала.

— К чему такая злопамятность? — сказал он, вынув сигару изо рта. — Приходится выполнять распоряжения начальства. Приказ есть приказ. Но ведь при этом стараешься причинять как можно меньше зла. Наоборот!

В его голосе появилась хнычущая нота, и он с тревогой вглядывался в лица своих посетителей.

Нилсон встал, опираясь на край стола. Суставы его пальцев побелели от напряжения.

— Вы убили моего сына, — с обманчивым спокойствием сказал он. — По вашему приказу его застрелили у меня на глазах — и на глазах его матери! Если бы у меня было оружие и если бы ваша смерть не задержала мой отлет с антибактериями, я убил бы вас, как только вошел в этот кабинет.

— Ну что вы! — пробормотал Кауфман.

— Как умерла Гамбуль? — резко спросил Флеминг.

— Она была на балконе. Он обрушился. Я присутствовал при этом. Я все видел. Она была сумасшедшей... Я все равно не сумел бы ее спасти.

— А вы пытались?

— Нет! — взревел немец. — Я мог втащить ее в комнату, когда обрушился парпет. Но я этого не сделал. Я предпочел спасти...

— ...собственную шкуру!

— Весь мир! — Кауфман вскочил и вызывающе посмотрел на них через стол. Прежде чем они сообразили, что происходит, он отшвырнул стул и бросился к дверце, которая вела на потайную лестницу. Рывком распахнул ее — и попятился. Там с каменным лицом стоял Юсел, сжимая в руке кривой кинжал.

Кауфман вернулся к столу.

— Вы не имеете права! — Его голос перешел в визг. — Я честно веду дело. Я стараюсь помочь вам!

Флеминг подошел к окну.

— Погода как будто не портится, — сказал он. — Самолет должен прибыть вовремя. А пока — помогайте, как вы и обещали. Подтвердите свое распоряжение о предоставлении самолета профессору Нилсону. И обеспечьте, чтобы этот самолет полетел именно в Лондон, а не куда-нибудь еще. На этом ваши функции здесь кончаются. Ну, пишите!

Кауфман, поколебавшись, кивнул. Он взял ручку и открыл ящик стола, словно собираясь достать бланк.

Движения его были молниеносны — через мгновение он уже пятился к двери, держа их под прицелом.

— Это не ваша специальность, господа, — насмешливо сказал он. — Не следует братья не за свое дело! — и, повернувшись, ринулся вниз по лестнице.

Флеминг и Нилсон кинулись за ним. Флеминг увидел, как Абу в холле оглянулся и прыгнул к лестнице. Предостерегающий крик Флеминга и выстрел прозвучали одновременно. Абу тяжело рухнул на пол. Кауфман с разгону налетел на тело своей жертвы, споткнулся и упал. Прежде чем он успел подняться, его схватили Нилсон и подбегавший Юсел. Флеминг бросился к Абу, нагнулся над ним и приподнял. Голова его друга бессильно повисла, изо рта хлестала кровь. Стекленеющие глаза словно о чем-то

просили. Но может быть, это ему только показалось. Флеминг бережно опустил на пол безжизненное тело.

Нилсон бил Кауфмана, забыв обо всем.

— Перестаньте! — крикнул Флеминг, подходя к всхлипывающему немцу. — Мы не станем вас убивать. Если в мире еще сохранились суды, вам придется отвечать за убийство в Женеве и во многих других местах.

— Но я тут ни при чем! — взвыл Кауфман. — Я только выполнял приказ.

Флеминг с отвращением отвернулся.

— Юсел, — сказал он. — Отвезите его в аэропорт. Отберите у него пистолет. Он сопротивляться не будет.

— Погодите!

Они обернулись и увидели, что в дверях стоит Дауни.

— Что вы все здесь делаете? — спросила она и вдруг увидела тело Абу.

Флеминг рассказал, что произошло, а потом послушно пошел за ней наверх.

— И вы тоже! — приказала она Нилсону и Кауфману.

Юсел вышел, вернулся с белым плащом, накрыл им тело убитого и тоже поднялся в кабинет Гамбуль.

Дауни села за стол Гамбуль, Кауфман стоял перед ней. Юсел не спускал глаз с немца. Флеминг, испытывая неприятное чувство, отошел к окну, но Дауни окликнула его.

— Джон! Все это не так просто, как вам, по-видимому, кажется. Мы еще не разделились с герром Кауфманом.

Она поглядела на унылое изукрашенное синяками лицо немца.

— Кому вы подчинялись в Вене?

Кауфман решил было не отвечать, но, оглянувшись на Юсела, передумал и угрюмо пробормотал:

— Правлению.

— Вы сообщили им о смерти Гамбуль?

— Да.

— И кого же назначили вместо нее?

Кауфман отвел глаза.

— Меня.

— Но вы же не член правления?

— Я временно исполняю обязанности директора, — ответил немец, и к нему как будто вернулась уверенность.

— До каких же пор? — спросила Дауни, но не получила ответа.

— Лучше скажите без принуждения, — посоветовал Флеминг.

— Или вы предпочтете, чтобы я свернул вам шею? — добавил Нилсон.

— Сегодня из Вены должны прилететь трое членов правления, — объяснил Кауфман, обращаясь только к Дауни, точно к судье, на снисходительность которого он мог рассчитывать. Дауни как будто почти не удивилась.

— Трое?

— Им следовало приехать гораздо раньше! — Кауфман постепенно воодушевлялся. — Фрейлейн Гамбуль эта работа была не по плечу, она довела ее до умственного расстройства. Но фрейлейн Гамбуль отказывалась от помощи. Если принять во внимание размах нашего предприятия, у нас же не было никакого штата! Но она имела большое влияние на председателя правления, — Кауфман сально подмигнул. — Интересная женщина! Теперь все обстоит по-другому. Я перевел все на настоящие деловые рельсы. У нас будут тут члены правления, и администраторы, и штат — сегодня придут уже многие.

— Да неужели? — с интересом спросила Дауни.

— О да! И у нас будут все необходимые человеческие и иные ресурсы. Итак... — Он с торжеством оглянулся на Флеминга и Нилсона, но Дауни перебила его:

— Итак, мы вас всех арестуем, — dokonчила она не-

возмутимо. — Это будет нетрудно устроить. А вы, как только самолет приземлится, поможете нам составить зашифрованную вашим личным шифром телеграмму в Вену.

— О чем?

— О том, что члены правления прибыли благополучно, что все обстоит прекрасно и дальнейшая помощь вам не нужна. Кроме того, вы сообщите нам все, что вам известно о вашем председателе и членах правления в Европе — все адреса и номера телефонов, которые имеются у вас здесь.

Дауни повернулась к американцу.

— Я дам вам краткий отчет для Лондона, профессор Нилсон, и столько антибактерий, сколько возможно. К вечеру вы будете уже там.

12

Премьер-министр принимал членов чрезвычайного комитета в своем личном кабинете на втором этаже дома номер десять на Даунинг-стрит. Хотя это тщательно скрывалось от широкой публики, он уже два дня не вставал с постели. Доктора объявили, что у него астма — но в сущности той же болезнью страдали теперь все пожилые люди, вынужденные дышать разреженным воздухом. Известие о чуде Дауни в Азаране уже достигло Уайтхолла, но результаты его пока еще никак здесь не сказывались.

Однако премьер-министр поднялся, чтобы поздороваться с министром науки и Осборном.

— Рад, что вы добрались благополучно, — прохрипел он. — Дела обстоят по-прежнему скверно?

— Чудовищно, сэр, — объявил министр. — Все низины у Хаммерсмита залиты водой, все шоссе затоплены, — он закашлялся.

— Да, нам с вами приходится туго, — заметил премьер-министр. — Мы первые протянем ноги. Что, впрочем,

разрешил немало политических проблем. Скоро в Англии будет самый молодой кабинет за всю ее историю — Кабинет Уцелевших.

Министр науки вежливо засмеялся.

— Неприятно то, сэр, что Лондонский аэропорт затоплен. Гэтвикский аэродром уже давно вышел из строя. А министерство гражданской авиации не может сообщить ничего обнадеживающего о Герне. Я хотел бы просить вас дать распоряжение министерству военно-воздушных сил срочно освободить аэродром в Лайнгеме для внеочередной посадки. И обеспечить два вертолета для доставки сюда пассажиров и груза. Они могут сесть в Гайд-парке. Там хватит места, несмотря на все пункты первой помощи и полевые кухни.

— Это означает, что у вас есть еще какие-то новости, Берти! — сказал премьер-министр. — Право, вам иногда следует сдерживать вашу любовь к драматическим эффектам.

— Нам радировали из Азарана, сэр, — вмешался Осборн. — Профессор Нилсон летит в Лондон.

— А антибактерии?

— Он везет, сколько было возможно взять. К сожалению, скверная летная погода не позволит брать много груза. Но и этого хватит для снабжения тысячи установок.

— По всему миру?

— Да, — ответил министр науки. — Должен сказать, сэр, что международный дух сотрудничества просто великолепен. Япония предложила все свои уцелевшие танкеры, чтобы выбрасывать антибактерии в основные морские течения вроде Гольфстрима. Советский Союз отдает под их разведение пять крупнейших химических заводов. Пятьдесят процентов американских нефтеочистительных установок уже подготовлены. Наши саперы надеются к субботе привести в порядок все газомеры на побережье; мы мо-

билизовали все молочные цистерны и бензовозы частных фирм, и они уже сосредоточиваются в назначенных пунктах.

— Прекрасно! — прохрипел премьер-министр. — Будем надеяться, мой милый, что это произойдет не слишком поздно для кое-кого из нас. Когда Нилсон прилетит, вы, конечно, станете с ним совещаться. Но потом пришлите его сюда. Я хотел бы обсудить с ним его планы. И надо подготовить заявления для радио — люди нуждаются в словах ободрения и надежды.

Однако лишь на следующий день вечером премьер-министр наконец решил, что у него есть право сообщить миру о появлении надежды на спасение.

Предыдущие сутки были заняты лихорадочной деятельностью. Тысяча пробирок с культурой, которые привез Нилсон, оказалась ничтожно малой, когда началось распределение. Сотня была тут же отправлена на английские установки — для экономии времени обслуживающий персонал получил от Нилсона устные объяснения. Тем временем печатались инструкции на языках стран, которые должны были получить антибактерии, а армейские радисты связывались с этими странами, сообщая необходимые сведения и примерное время прибытия материала.

Передача началась с заявления президента Азарана.

Несмотря на помехи и трудности радиосвязи, его напевный голос можно было услышать почти по всему земному шару.

«В течение многих веков народ Азарана считался отсталым. Но для нас большая радость и честь, что сегодня мы можем принести спасение остальному миру. В нашей стране атмосферные условия уже улучшаются и нам ста-

новится легко дышать. Мы от всего сердца надеемся, что вскоре так же легко дышать станет всем людям на Земле».

Затем произнес свою историческую речь английский премьер:

«Пробирки с искусственно полученными бактериями, которые нам доставили из Азарана, могут положить конец катастрофе, постигшей человечество. С помощью ученых, от которых теперь зависит наша судьба, правительства всех стран делают все, что в их силах. В Соединенном Королевстве бактерии уже выращиваются в установках и перекачиваются в море. Первые партии культуры уже прибыли в лаборатории стран, дружно сотрудничающих в этом крестовом походе против всемирной гибели. Новые партии антибактерий поступают из Азарана и будут распределяться со всей возможной быстротой. Дружные усилия во всех уголках Земли помогут очистить море, и мы опять будем дышать родным воздухом наших стран».

Премьер-министр без сил откинулся на спинку кресла и отдыхал, пока его речь переводилась на пять рабочих языков ООН. Потом он потребовал свою машину. Обернувшись к сопровождавшим его лицам, он просипел:

— Мне хотелось бы посмотреть, господа, насколько обещания, которые я только что дал, соответствуют действительности. Кажется, в порту есть установка?

Лимузин премьера в сопровождении полицейской машины проехал по темным улицам Сити, мимо Тауэровского моста. Он медленно пробирался среди обломков и после бесчисленных объездов в конце концов все-таки остановился у старой пристани.

Шел мелкий холодный дождь, но и он был приятной передышкой от непрерывных штормов и ураганов. У воды стояли два человека в дождевиках, следя за сигналами темной фигуры в полицейской моторной лодке. Они удив-

ленно вздрогнули, узнав в сгорбленном старике премьер-министра.

— Мы проверяем высвобождение азота, сэр, — объяснил один из них. — Антибактерии были рассеяны здесь шесть часов назад.

— Ну и как? — спросил премьер.

— Отлично, сэр. Вот посмотрите сами.

Речная вода, освещенная прожектором моторки, казалась черной и грозной. Но вдруг над ее поверхностью возник и лопнул пузырь. А за ним еще два.

— Так происходит по всей реке, сэр. Пузыри наблюдаются уже два с половиной часа. Это высвобождается азот, когда вторая бактерия пожирает первую.

К пристани подъехала еще одна машина. Осборн, предупрежденный секретарем премьера, привез с собой Нилсона. Премьер-министр с улыбкой помахал им рукой.

— Но я надеюсь, что лечение не окажется опаснее болезни? — спросил он у американца.

Нилсон покачал головой.

— Нет, сэр. Антибактерия погибает в условиях, которые сама же создает. Профессор Дауни провела исчерпывающую проверку. У этой бактерии есть только один враг, один источник питания — бактерия, полученная в Торнессе. Едва запас этих бактерий истощается, как вторая бактерия гибнет.

— Точно так же антибиотики уничтожают микроорганизмы, а потом разрушаются...

— С той разницей, что на этот раз, мы полагаем, уничтожение будет полным...

Премьер-министр с улыбкой перебил Нилсона:

— Я вижу, вы полностью контролируете свою антибактерию.

Он постоял еще немного на краю пристани, глядя, как лопаются пузыри.

Через двадцать четыре часа после возвращения Нилсона в Англию положение в Азаране совершенно изменилось. Самолеты десятка стран вылетели туда с учеными и техническим персоналом, чтобы помочь Дауни и наладить связь. Были сформированы специальные силы ООН, однако президент намеревался прибегнуть к их помощи, только если «Интель» начнет вооруженные действия. Дауни теперь могла без помех заниматься своим основным делом.

Впрочем, «Интель» вскоре без лишнего шума прекратил свое существование. Международная полиция в тесном сотрудничестве со службами безопасности разных стран, используя сведения, которые Нилсон доставил в Лондон, обыскала и закрыла штаб-квартиры концерна в Вене, Цюрихе и Гонконге; кое-какие имена в захваченных документах вызвали замешательство в некоторых высокопоставленных кругах. Два самоубийства и ряд отставок по причине плохого здоровья прошли почти незамеченными во всемирной борьбе с последствиями катастрофы, но от всемогущего концерна остались только опустевшие конторы в разных странах да бесполезные невостребованные миллионы в сейфах швейцарских банков. В Азаране главным центром производства антибактерий заведовала теперь Мадлен Дауни, а счетной машиной — Джон Флеминг. Оба они стали знаменитостями.

Вскоре после того, как Флеминг сам передал Кауфмана в руки международной полиции, его ждало переживание, оставившее неизгладимый след в его душе. Он собрал личные вещи Абу, оставшиеся в рабочем столе покойного ученого, и поехал в деревню к Лемке, испытывая некоторое облегчение при мысли, что адъютант президента уже сообщил ей о смерти мужа.

В дворике полуразрушенного дома царила глубокая тишина. На веревке сохло белье. В тени осевшей стены

стояла колыбель. В наспех сложенном очаге тлел хворост. Флеминг позвал, и в дверном проеме появилась Лемка.

— Я приехал, чтобы сказать... — начал Флеминг.

— Не говорите мне, что вы очень сожалеете, — перебила Лемка, отворачиваясь и подходя к бельевой веревке. — И не говорите мне, что это не ваша вина.

— Я не хотел, чтобы за меня пришлось расплачиваться вашему мужу, — пробормотал он.

Она гневно обернулась.

— За вас пришлось расплачиваться всем нам!

— Вы же знаете, что я его любил. Очень любил. Я приехал узнать, нельзя ли что-нибудь сделать... — произнес он умоляюще.

Лемка старалась сдержать слезы.

— Вы сделали достаточно. Вы спасли мир — от последствий собственных ошибок. И думаете, что все хорошо!

— Я старался остановить... — он не договорил.

— Вы старались, а страдали мы. Эта девушка — ваша девушка — была права, когда сказала, что вы обрекали на гибель всех нас. Поезжайте к ней и послушайте, что она скажет теперь!

— Она умирает.

— Вы и ее убили? — в ее взгляде было больше жалости, чем ненависти. Флеминг не знал, что ответить. Он положил сверток с вещами Абу возле колыбели и ушел.

Вернувшись в поселок, Флеминг кружным путем прокрался в свой коттедж и, достав из ящика бумажные ленты и собственные расчеты, принялся их изучать.

Когда Дауни отказалась помочь ему, он отложил эти материалы, так как знал, что один он бессилен — просто он недостаточно знал биохимию. В лазарете он не был целую вечность, потому что не мог смириться с мыслью о смерти Андре и уже не верил, что у Дауни найдутся силы, время или желание помочь ему.

Дауни теперь обосновалась в административном корпусе в центре быстро сплетенной паутины радио- и телефонной связи, давая указания и советы ученым, занятым производством антибактерий по всему миру. Он не знал, как она справляется с этим и спит ли она когда-нибудь — он давно ее не видел.

Флеминг сидел, угрюмо уставившись на ряды цифр. Потом откупорил бутылку виски и попробовал разобраться в них. Была уже полночь, когда он нетвердым шагом прошел по пустынному двору к лаборатории.

После окончания предварительных опытов большие tanks для выращивания культуры были перенесены в административный корпус, где хватало места для всех новых помощников Дауни. В лаборатории теперь царил безжизненный порядок. Флеминг нащупал выключатель. Свет загорелся. Электросеть в основном была восстановлена еще накануне.

Он сам не знал, из каких тайников памяти вдруг всплывали нужные сведения, полученные еще в студенческие дни, а может быть, некоторую роль тут сыграло и виски. Медленно, неуверенно, с пьяным упорством он начал претворять свои расчеты в химические реакции.

Флеминг чувствовал, что идет примерно по правильному пути, но был вынужден с горечью признать, что самые примитивные процедуры прикладной химии были ему, в сущности, не по зубам. Ему не хватало терпения и аккуратности, но упрямство и воспоминание о жалости в глазах Лемки не позволяли ему сдаться. Он не заметил, что электрический свет давно растворился в солнечном, и не услышал, как открылась дверь.

— Ну и кавардак! — произнес голос Дауни. — Во что превратилась моя лаборатория! Что это вы затеяли?

Флеминг сполз с высокого табурета и потянулся.

— А, Мадлен! — сказал он. — Я пробовал синтезиро-

вать средство для Андре. Главная цепь как будто получается, но вместо боковых цепей выходит черт знает что.

Дауни оценивающе оглядела плоды его трудов на нескольких столах.

— И не удивительно, — воскликнула она. — Вы настряпали что-то невероятное. Лучше предоставьте заниматься этим мне.

— Но я думал, вам некогда. Я думал, у вас есть время только для мировых проблем.

Дауни, не обращая внимания на его слова, просматривала уравнения.

— Несомненно одно: если в ее крови или гормонах не хватает какого-то химического компонента, его можно возместить химическим же путем. Но у нас нет уверенности, что это именно то, что требуется.

— Но почему? — возразил он. — Это же рецепт нашего электронного начальства!

Дауни задумалась.

— Зачем вам это нужно, Джон? — спросила она. — Вы же всегда боялись ее. Всегда хотели от нее избавиться?

— А теперь я хочу, чтобы она жила!

Дауни внимательно посмотрела на него, и ее губы тронула улыбка. Она сняла халат, висевший на стене.

— Идите позавтракайте, Джон. А потом возвращайтесь сюда. У меня есть для вас работа.

Они работали в совершенной, почти инстинктивной гармонии, тщательно избегая каких бы то ни было споров — эмоциональных или этических. Они говорили только о невероятных сложностях их работы. Это продолжалось десять дней и значительную часть десяти ночей. Они наспех просматривали сообщения о повышении атмосфер-

ного давления по всему миру и о заметном падении силы ветра и тотчас забывали о них.

Опасаясь неудачи, Дауни не сказала Флемингу, что начала делать инъекции Андре еще до того, как проверка была полностью завершена. Этическая сторона вопроса ее не беспокоила: Андре могла умереть в любую минуту.

Флеминг по-прежнему не навещал больную. Он чувствовал, что сможет прийти к ней, только когда станет ясно, что спасительное средство наконец получено. Он знал, что Дауни регулярно заходит в лазарет, но сознательно не спрашивал ее об Андре.

А Дауни, наблюдая медленное улучшение в состоянии своей пациентки, все еще боялась поверить в свою победу. Только когда пришел врач и провел полное и всестороннее обследование больной, она решилась признать, хотя бы себе, что невозможное произошло.

На следующей неделе Флеминг как-то вечером пошел в машинный корпус. Ему требовался помощник-неспециалист, и он пригласил на эту должность Юсела, отчасти чтобы как-то облегчить свою совесть: жалование было большим, а это могло пригодиться Лемке и ее сыну.

Когда Дауни вошла в зал, Юсел под каким-то предлогом тактично оставил их одних.

— Джон, — сказала она. — Андре здесь.

Флеминг удивленно оглянулся:

— Где?

— За дверями, — Дауни угрюмо улыбнулась его удивлению. — Она выздоровела, Джон. Нам это удалось. Ей больше ничего не грозит.

Сначала ей показалось, что Флеминг вообще решил ничего не говорить, но потом он спросил обиженно:

— Почему вы мне раньше ничего не сказали?

— Я не была уверена, выздоровеет ли она.

Флеминг глядел на Дауни с недоверчивым удивлением:

— Так, значит, вы ее вылечили и сразу же привели сюда — к машине! Как все это просто! Словно продумано заранее, словно мы чьи-то орудия — и только! — Нахмурившись, он отвернулся. — Что мы теперь противопоставим ей? И машине?

— Это зависит от вас, — ответила Дауни. — Я ничем вам помочь не могу. Моя работа здесь окончена. Завтра я улетаю домой.

— Вы не имеете права! — воскликнул он. — Вы не можете бросить меня вот так... когда она опять здесь.

Впервые он просил о помощи. И Дауни ответила мягко:

— Послушайте, Джон. Вы же не ребенок, который прячется за материнскую юбку. Вы считаетесь ученым. Андре не использовала нас с вами как орудия. Это мы поставили мир на грань катастрофы. И это Андре его спасла, — она пошла к двери и сделала знак Андре войти. — Мы еще увидимся перед моим отлетом.

Андре быстро подошла к Флемингу, улыбаясь как счастливая школьница. Она все еще была очень худа и бледна, но не казалась больной. Наоборот, ее переполняла жизнерадостная энергия, придававшая ее красоте какую-то особенную тонкость, и Флеминг против воли оттаял.

— Я просто глазам своим не верю, — сказал он.

— Вы не рады?

— Конечно, рад...

— Вы меня боитесь? Но я сделаю так, как решите вы. Одно я знаю твердо: расстаться мы не можем.

— Тогда уедем отсюда, — Флеминг оглянулся на серую громаду машины. — Только сначала уничтожим ее — и на этот раз основательно. А потом отыщем для себя какой-нибудь спокойный уголок.

— Хорошо, — ответила Андре. — Но вы решили так, обдумав все? По-настоящему?

Она взяла его за руку и подвела к машине.

— Я покажу вам то, что показывала мадемуазель Гамбуль. Станьте поближе ко мне.

Машина замурлыкала. Экран засветился. Словно при наводке на резкость кинопроектора, тени уменьшались, приобретали четкость и перспективу.

— Похоже на Луну, — пробормотал Флеминг. — Мертвые горы, засыпанные пылью долины.

— Это не Луна, — прошептала Андре, не отводя глаз от экрана. — Это планета, откуда были посланы радиосигналы.

— Они хотят показать себя?! Какие странные эффекты освещения...

— У них голубое солнце, — объяснила Андре.

Теперь на экране расстилалась бесконечная равнина, сливавшаяся на горизонте с черным небом. На переднем плане высились огромные продолговатые предметы, составленные без всякого порядка и, по-видимому, глубоко ушедшие в рыхлую поверхность равнины.

У Флеминга по коже забегали мурашки.

— Господи! — прошептал он. — Что это?

— Это они, — ответила Андре. — Те, кто послал весть. Те, на кого, по-вашему, похожа я.

— Но ведь они неживые. То есть, — поправился он, — они неподвижны. И их оболочка всюду кажется однородной. Как же они видят?

— Глаза им были бы бесполезны. Свет голубого солнца разрушил бы ткани и нервные волокна того типа, который известен вам. Они видят по-иному, и остальные их органы чувств не похожи на те, которые развились у живых существ... — она заколебалась, но докончила: — ... Таких, как мы.

Изображение на экране замерцало, стало гаснуть и исчезло.

— И это все? — спросил Флеминг, чувствуя себя обманутым.

Андре повернулась к нему. На лбу у нее блеснули капли пота, зрачки расширились.

— Да, — улынулась она. — Это все. Они — Те. Они хотели, чтобы мы увидели их планету. Они считали, что этого будет достаточно. Может быть, это предупреждение. Может быть, они хотели показать нам, что несет с собой время и как избежать гибели. Как стать такими, как они.

Флеминг посмотрел на темный экран. И снова словно увидел эти жалкие в своей неподвижности формы.

— Нет, — сказал он.

— Но ведь надо только указать возможный путь, — возразила Андре. — Пройдут миллионы лет, прежде чем Земля...

Они спорили еще долго, и наконец Андре сказала:

— Вы твердо знаете, чего хотите? Вы хотите уничтожить все это? — она выразительным жестом указала на машину.

— Да! — сказал он твердо. — Я хочу именно этого.

Андре протянула ему небольшую кассету с магнитофонной лентой.

— Что это? — спросил Флеминг, отдергивая руку.

— Это кассета снятия программы. Она стирает все записи в секторе памяти. Если ее ввести в машину, через несколько минут та превратится в бесполезную массу металла и стекла.

Флеминг вместе с ней подошел к вводному устройству. Он смотрел, как Андре вставила кассету на место и повернула щелкнувший фиксатор. Его взгляд скользнул к красной кнопке на панели управления. Он протянул руку, но Андре мягко остановила его.

— Я знаю, что вы делаете ошибку, — сказала она. — Пусть это будет кто-нибудь другой. Мы оставим записку. Только кому?

— Юселу, — весело улыбнулся Флеминг.

— Хорошо, — согласилась она. — И он включит вводное устройство, ни о чем не подозревая.

Андре написала несколько слов на первом листке блокнота у кресла оператора и крупными печатными буквами вывела имя Юсела.

— А теперь, — сказала она, — увезите меня отсюда.

В автомобиле Андре прижалась к его плечу. Флеминг уверенно вел машину по дороге, столь для него памятной. Потом свернул прямо к горам, чтобы не разбудить спящих жителей деревни Лемки.

Рука об руку они поднялись по козьей тропе к развалинам древнего храма. Когда они добрались до широкой лестницы, которая вела к обрушившемуся портику, Флеминг молча остановился.

— Зачем мы сюда пришли? — прошептала Андре.

— Дышать! — ответил он и, откинув голову, глубоко вздохнул всей грудью.

Андре тоже посмотрела вверх — на небосвод, совсем темный над гребнем горы, куда почти не достигал лунный свет. Там блеснула Полярная звезда. А неподалеку мерцала еще одна звезда.

— Это Бета Кассиопей, — сказал Флеминг, не сомневаясь, что она глядит туда же, что и он. — Еще ее называют Красавицей в кресле. Видишь, как она сидит?

— Нет, — засмеялась Андре, продолжая смотреть на небо. — Но теперь я знаю, зачем вы привезли меня сюда. Вон то светлое пятно между Полярной звездой и вашей Красавицей.

— Да, — ответил он и обнял ее за плечи, словно оберегая от опасности.

— Андромеда, — прошептала она. — Моя тезка.

— Их родина. Этих созданий, неподвижных, безглазых, только мыслящих. — Он отвернулся от звезд. — Какая-то нелепость. Вспомни машину, которую они заставили нас построить в Торнессе. Вспомни, как она сожгла твои руки!

Андре кивнула.

— Я помню. Но если бы машина была очень мудрой, очень благодетельной, вы стали бы ей противиться?

Он покачал головой.

— А сделав ее жестокой и беспощадной, они вынудили вас взять контроль в свои руки. Вот почему здесь, в Азаране, мы изменили счетно-решающие цепи и лишили машину собственной воли. Так это и предполагалось.

— И дрянь, жрущая азот?

— Конечно. Ее появление должно было окончательно обеспечить переход контроля в руки людей. Чтобы окончательные решения принадлежали им, а не машине. Был допущен только один просчет. Они не учли, что машина может быть совсем разрушена. Если бы вы не сделали того, что сделали в ту ночь в Шотландии, бактерии были бы уничтожены гораздо раньше.

Флеминг положил руки ей на плечи.

— А ты? — спросил он. — Каково было твое назначение? Обеспечить машине всю полноту власти?

— Нет. Я должна была найти тех, кто сумел бы правильно ее использовать, — она начала теревить пуговицу его пиджака. — Но вы мне не доверяли. Хотя... хотя сами же хотели напролом пройти к совсем новым знаниям. — Внезапно она отошла от него. — Это все, Джон. Остальное в ваших руках.

— А ты? — спросил он.

— И я тоже.

— Но что ты такое?

— Плоть и кровь, — ответила она, подходя к нему. — Изделие Дауни.

Он сжал ее лицо в ладонях и повернул так, что свет ущербной луны отразился в ее глазах.

— Если в мире бывают чудеса, то это, наверное, чудо! — сказал он.

Взявшись за руки, они начали спускаться по тропе.

— Я помню тот вечер, когда мы начали принимать сигнал, — задумчиво произнес Флеминг. — Я что-то лепетал про новое Возрождение. Пьян был немножко. А Бриджер сказал: «Когда падают все опоры, человеку надо за что-то держаться». — Он обнял Андре и притянул к себе. — Чем раньше я начну учиться держаться за тебя, тем лучше, верно?

Она улыбнулась, но ее еще что-то тревожило.

— А дар Андромеды? — спросила она.

Они уже спустились на равнину, и Флеминг вдруг ускорил шаги. Опять схватив Андре за руку, он потащил ее к автомобилю.

— Куда мы так торопимся? — спросила она.

Флеминг оглянулся и снова громко рассмеялся.

— Спасать ее! — Он выкрикнул это так громко, что в скалах прокатилось эхо. — Мы как раз успеем опередить Юсела. Новое Возрождение начнется примерно через час — если мы поторопимся.

Он усадил Андре в машину, но прежде чем сесть самому, на мгновение остановился и посмотрел в уже бледнеющее небо. Звезды гасли одна за другой. Но между Красавицей в кресле и Полярной звездой он разглядел в неизмеримых просторах пространства туманное пятнышко великой галактики Андромеды.

Человек в лучах прожекторов

В декабре 1960 года уже тяжело больной Лео Сцилард (точнее Силард) прилетел в Москву на очередную Пагуошскую конференцию. На аэродроме Сциларду сообщили, что его дожидается посылка — тяжелая каменная пепельница в виде взлетающей на гребне волны рыбы.

Тихий седой человек снял очки, недоуменно прищурился, потом вдруг улынулся:

— Да это же дельфин, специально к моему докладу!

Сцилард построил доклад на материалах своей книги «Голос дельфина», в которой показал, что дружбе всегда предшествует взаимопонимание.

Так фантастическое произведение, созданное крупнейшим физиком, оказалось причастным к борьбе за мир на земле. Быть может, это был закономерный финал пути, начатого еще четверть века назад...

★

Лиза Мейтнер навсегда покинула Германию, когда большая работа над синтезом трансурановых элементов была в основном завершена. Однако связь ее с Ганом и Штрассманом не прервалась. Они продолжали переписываться. Ган коротко сообщал о наиболее важных результатах, а Мейтнер их комментировала. Цель казалась близкой. Бомбардировка урана нейтронами как будто обещала подарить новые элементы: 93, 94, 95 и 96. Следовало торопиться. Ведь подобные исследования проводили Ирэн Жوليو-Кюри и Савич во Франции, а несколькими годами ранее бомбардировку урана нейтронами наблюдал в Риме Энрико Ферми. В Советском Союзе пристальное внимание этому процессу уделяли Флёров и Петржак.

Но речь шла «всего лишь» о новых элементах, ни о чем более...

Ган и Штрассман первые убедились в том, что мишень не содержит новых сверхтяжелых элементов. Напротив, они обнаружили осколки деления. Уран под действием нейтрона расщеплялся

на более легкие элементы. 22 декабря 1938 года они направили сообщение о проведенных работах в научный еженедельник «Ди натурвиссеншафт». Директор издательства клятвенно заверил Отто Гана, что статья появится в ближайшем выпуске, ровно через две недели — 6 января 1939 года.

На карту была поставлена безупречная репутация Гана. Либо это ошибка, либо... Он написал обо всем в Стокгольм Лизе Мейтнер.

Письмо нашло ее в небольшой уютной гостинице крохотного городка Кунгелъв, куда она приехала на рождественские каникулы вместе с племянником Отто Фришем.

Как и его прославленная тетка, Отто Фриш был и физиком и беженцем из третьего рейха. Но работал он не в Стокгольмском физическом институте, куда была приглашена Мейтнер, а у великого Бора, в Копенгагене.

Лиза Мейтнер слишком хорошо знала Гана, чтобы допустить возможность ошибки в химической идентификации элементов. Сомнений быть не могло: уран действительно расщеплялся на барий и криптон, хотя это и противоречило законам природы. Оставалось принять, что законы эти неверны.

Но Отто Фриш сказал: «Невероятно». Он даже слышать не хотел о подобной ереси. Схватил лыжи, открыл балконную дверь и выпрыгнул из лоджии на снег.

Но пока он застегивал крепления, Мейтнер тоже успела сбегать вниз. И они пошли вместе по бескрайнему заснеженному полю, над которым качались от ветра колючие верхушки какой-то рыжей сухой травы. Она шла, задыхаясь, по его лыжне и что-то кричала ему, крохотная старушка, затерянная среди чужой белой равнины.

Потом Отто Фриш писал:

«Ей потребовалось довольно много усилий, чтобы заставить меня слушать, но в конце концов мы начали спорить о природе открытия, сделанного Ганом... Самой поразительной чертой этой новой формы ядерной реакции было высвобождение огромной энергии».

Он был совершенно растерян. В письме к матери он признался: «Я чувствую себя как человек, который, пробираясь сквозь джунгли, не желая этого, поймал за хвост слона и сейчас не знает, что с ним делать».

В день выхода из печати статьи Гана и Штрассмана Фриш возвратился в Копенгаген и рассказал обо всем Бору.

«Как мы могли не замечать этого так долго!» — взволновался Бор. Через несколько часов он был уже на борту корабля, отправлявшегося в шведский порт Гетеборг. А ровно через сутки огромный лайнер «Дротнингхольм» уносил его за океан.

Так начала раскручиваться бешеная пружина беспримерной атомной эпопеи.

Не успел корабль Бора войти в нью-йоркскую гавань, как Отто Фриш провел классически простой эксперимент, который должен был подтвердить истолкование им и Мейтнер опытов Гана. И 15 января 1939 года стал отсчитывать первые секунды грозный атомный век. Атомный термометр Фриша показал энергию, в 50 миллионов раз превышавшую энергию, выделенную при сжигании водорода в кислороде. Космические процессы могли протекать и в земных условиях. Английский журнал «Нейчур» в рекордный срок опубликовал статью Мейтнер и Фриша «Деление урана с помощью нейтронов — новый тип ядерной реакции». Джин был выпущен из бутылки.

А Нильс Бор, прибыв в Нью-Йорк, не торопился в Принстонский институт высших исследований, где его ожидал Эйнштейн. Абстрактные проблемы космоса и статистической природы причинности отступили на задний план. Обсудив открытие Гана с Уилером, Бор встретился с лучшими физиками Америки, в числе которых к тому времени был уже и Ферми, бежавший из фашистской Италии.

Но опустим ряд исторических и хорошо известных теперь вех, которые привели в конце концов к взрывам в пустыне Аламогордо и над Хиросимой...

3 марта 1939 года Лео Сцилард (который к тому времени при-

ехал из хортистской Венгрии в США) совместно с Уолтером Зинном поставил опыт, который имел своей целью воспроизвести деление урана.

«Появление вспышек света на экране,— писал Сцилард,— могло означать, что в процессе деления урана излучались нейтроны, а это в свою очередь означало, что освобождение атомной энергии в больших масштабах было не за горами.

Мы повернули выключатель и увидели вспышки.

Некоторое время мы наблюдали за ними, а затем всё выключили и пошли домой.

В ту ночь у меня почти не оставалось сомнений, что мир ждет беда».

Вспышки на экране осциллографа, которые шепотом подсчитывал Сцилард, были гирляндами фонарей вдоль дороги, ведущей к пропасти, имя которой «цепная реакция». Космическая сила, запертая в уране, могла быть высвобождена не только в реакторе, но и в бомбе.

А в Германии велись работы по расщеплению урана, нацисты тянулись к чешским рудникам, к норвежским заводам тяжелой воды. Гитлер мог получить атомную бомбу.

Приехавший в Америку профессор Петер Дебай подтвердил самые худшие опасения.

В 1945 году, отвечая на вопросы сенатской комиссии, Лео Сцилард скажет:

«Они (немцы.— *Е. П.*) могли бы начать работы по созданию атомного оружия в 1940 году, а, приложив максимум усилий, успешно завершили бы их к весне 1944 года. Они победили бы, прежде чем у нас появилась бы возможность осуществить вторжение в Европу».

Жизнь показала, что немецкие физики были гораздо дальше от создания атомной бомбы, чем это казалось. Сокрушительные удары Советской Армии решили судьбу войны задолго до операции «Оверлорд». Битва на Волге, а не высадка в Нормандии явилась поворотным пунктом истории.

Но в начале войны у ученых-антифашистов были самые реальные опасения, что Гитлер сможет получить атомную бомбу. По предложению Сциларда они приняли решение обратиться к Рузвельту.

Кто мог рассчитывать на самое внимательное отношение президента? Только Эйнштейн. И они направились к великому творцу теории относительности.

— Я не знаком с президентом, и президент не знает меня,— ответил Эйнштейн.

— Он знает и уважает вас. Вы — единственный человек, которого он выслушает. Для Америки и всего мира крайне необходимо что-либо предпринять. Нельзя терять ни минуты.

2 августа 1939 года Сцилард и Теллер повезли в канцелярию президента историческое письмо Эйнштейна.

Так началась беспрецедентная гонка за бомбой, которой не суждено было сокрушить нацизм, но которая взорвалась потом над Хиросимой, сброшенная «летающей крепостью».

Я привел эти эпизоды не только для того, чтобы напомнить о том, кто такие Сцилард и Фриш. Причастные к величайшей эпопее века, они вновь встретились на куда более скромной ниве научной фантастики. И мне хотелось проанализировать, почему это произошло. Для этого-то и пришлось возвратиться к событиям почти тридцатилетней давности.

★

Обратимся теперь к произведениям Фриша (новелла «О возможности создания электростанций на угле») и Сциларда (рассказ «К вопросу о „Центральном вокзале“»). Словно сговорившись, оба они выбрали почти одинаковую форму изложения. В первом случае — это стилизация под научную статью, во втором — своего рода обзор, как принято говорить, «современного состояния проблемы». Даже заголовки и те удивительно похожи! Но если вспомнить, что заголовки примерно 40% научных публикаций начинаются со слов «К вопросу о...» или «О возможности (невозможности)», то все становится на свои места. Поэтому речь пойдет не о *случайном*

сходстве, а о сходстве, обусловленном близостью поставленных задач. В научно-фантастической литературе, где исходные параметры обычно задаются весьма жестко, это случается часто.

Вероятно — если бы это только было возможно, — овладей человек атомной энергией до начала эры тепловых электростанций, новелла Фриша могла бы быть зарегистрирована в реестре открытий. Примерно так мог бы описать инженер-атомщик только что изобретенную им угольную топку. Зачем понадобилась Фришу такая временная инверсия? Возможно, просто ради шутки? Недаром ведь новелла была включена в сборник «Физики шутят». Обратимся, однако, к заключительным словам новеллы:

«Существует возможность, хотя и весьма маловероятная, что подача окислителя выйдет из-под контроля. Это приведет к выделению огромного количества ядовитых газов. Последнее обстоятельство является главным аргументом против угля и в пользу ядерных реакторов, которые за последние несколько тысяч лет доказали свою безопасность».

Какой жестокой иронией звучат они на фоне газетных сообщений о крушениях атомных бомбардировщиков над испанским селением Паламарес и над гренландскими ледниками, о захоронении контейнеров с радиоактивными отходами в океане, что совсем недавно поставило под вопрос саму возможность сохранения жизни на планете! Нет, не ради шутки взялся за перо член Королевского общества, профессор Кембриджского Тринити-колледжа Отто Фриш, который был в числе тех, первых, шагнувших к атомному веку.

Сотрудники лос-аламосской лаборатории, где был осуществлен знаменитый «Манхеттенский проект», пытались, когда уже дымился поверженный Берлин, остановить роковые шаги к бездне. Сцилард был одним из активнейших участников «Манхеттенского проекта» и одним из наиболее яростных противников бомбардировки японских городов. Он знал, что бомба уже находится в руках генералов, что цели намечены: Хиросима, Кокура, Нагасаки и Нигата. Жестокая ирония судьбы! Он отдал свои руки, свой мозг,

всего себя одной задаче — спасти мир от угрозы тотального уничтожения. И детище рук его грозит теперь миру новой, неслыханной катастрофой.

И вновь Лео Сцилард отправляется к Эйнштейну. Цикл замыкается, всё возвращается на круги свои. Стремясь остановить чудовищную колесницу, Эйнштейн и Сцилард направляют письмо Рузвельту. Но президент умер, так и не прочитав его.

«Весь 1943 и отчасти 1944 год,— писал потом Сцилард,— нас преследовал страх, что немцам удастся сделать атомную бомбу раньше... Но когда в 1945 году нас избавили от этого страха, мы с ужасом стали думать, какие же еще опасные планы строит американское правительство, планы, направленные против других стран».

Точно в 2.45 по марианскому времени, в понедельник 6 августа 1945 года с трех параллельных дорожек секретной базы на острове Тиниан взлетели три бомбардировщика «Б-29». Новый президент Трумэн прочел письмо. Это был его ответ.

«Нетрудно вообразить, как мы были потрясены, когда, совершив посадку в этом городе, обнаружили, что он необитаем»... Так начинается рассказ Сциларда «К вопросу о „Центральном вокзале“». Чужие ученые чужой, далекой цивилизации проводят раскопки на совершившей атомное самоубийство Земле. Рассказ ведется от лица исследователя, олицетворяющего «здравый смысл». Он полемизирует с неким Иксремом, выдвинувшим гипотезу о том, что «между обитателями двух континентов шла война, в которой побеждали обе стороны». Это юмор с оттенком самоубийства, немой крик, почти истерика. Для Сциларда картина испепеленной ядерными реакциями расщепления Земли — не плод досужей фантазии, а неотступное апокалиптическое видение. Он был одним из тех, кто выпустил джина и не сумел потом загнать его обратно в бутылку. Он был драматургом и жертвой трагедии, которая разыгрывалась вокруг него. Казалось, что и за гранью смерти пепел живых, еще беззаботно смеющихся людей будет стучать в его большое сердце.

Это «здравый смысл», неумение видеть дальше собственного носа заставляет подменить трагедию фарсом, копаться вокруг проблемы укромных помещений с буквами «Ж» и «М» на дверях. Мертвая, навсегда мертвая Земля! А если на секунду вернуться к истокам, может, это его «здравый смысл» поставил теперь человечество на острие ножа? Нет, очевидно, это не так... Не «здравый смысл» вел его в то пасмурное утро к Эйнштейну, а эмбарго, наложенное немцами на чешский уран, и пущенные на полную мощность электролизные батареи завода «Норск Хайдро» в Веморке.

Так тем страшнее роковые шаги, чем менее они случайны.

До последних дней своей жизни (он умер от рака) Лео Сцилард продолжал бороться за мир. Все было подчинено этой сверхзадаче, как он ее называл. В том числе и литературное творчество. Кошмары оживали на бумаге, чтобы никогда не стать явью. Сцилард был гениальным физиком. Но после Хиросимы физика отошла для него на второй план. Вот почему рассказы Сциларда-фантаста нельзя рассматривать просто как хобби ученого. Он относился к ним очень серьезно. Он верил, что мир на Земле зависит от воли каждого человека. Поэтому люди должны знать правду.

★

Подобно некоторым новейшим научным дисциплинам, фантастика возникла «на стыке», только не на стыке научных ветвей, а на взаимном сближении различных по методам, но единых по цели путей человеческого познания. Эта философская проблема только-только затронута, она еще ждет своего исследователя (мы уже писали об этом с М. Емцевым в журнале «Коммунист» № 15 за 1965 год).

Только подход к научной фантастике как к уникальному явлению современной культуры позволяет понять, почему она оказалась столь притягательной для ученых. Физики-ядерщики Лео Сцилард и Отто Фриш, профессор биохимии Айзек Азимов, блистательный астрофизик Фред Хойл, антрополог Чэд Оливер, астроном и видный популяризатор науки Артур Кларк, сподвижник Эйнштейна польский академик Леопольд Инфельд, творец кибернетики

Норберт Винер — вот достаточно убедительный перечень крупных ученых, которых научная фантастика «завербовала» в свои ряды.

Можно, конечно, спорить, насколько случаен или, напротив, закономерен такой синтез науки и искусства. Думается все же, что он не случаен. Во всяком случае, он точно отражает одну из главных особенностей современного развития познания: соединение отдельных, часто очень далеких друг от друга ветвей. Этот синтез представляет собой и великолепную иллюстрацию одного из основных законов диалектики — закона отрицания отрицания.

Иероглифы на базальтовой стеле Абу-Симбела говорят: «Когда человек узнаёт, что движет звездами, Сфинкс засмеется, и жизнь на земле иссякнет». Мы не знаем еще, что движет звездами. Может быть, никогда не узнаем. Может быть, узнаем завтра. Важнее не столько смысл изречения, сколько удивительная паучья поэзия. Или, быть может, удивительная опозитизированная наука? Нашему веку недоступно такое целостное восприятие мира. Человеческая культура давно уже разделилась на культуру естественную и культуру гуманитарную. Обособление их растет день ото дня. У каждой не только свой особенный язык или специфика эволюции, но и свои эстетические каноны. Неудержимо растущее и непостижимо ветвящееся древо науки вырастило наконец собственные эстетические плоды, странные и ни на что не похожие. «Красивое уравнение», «изящный вывод», «ювелирный эксперимент». Слова, слова, слова! Здесь иное изящество, иная красота. Просто естественники еще по привычке употребляют эстетические термины гуманитариев. Это всего лишь атавизм. Придет время — появятся новые слова. Но стоп! Не надо начинать с терминологии. Лучше попытаемся оглянуться назад, в туманную тьму, когда зарождавшаяся культура была настолько слаба и наивна, что существовала в некоем единении, без всякого намека на дифференциацию — тысячеглавую гидру двадцатого века. Но вот беда: даже просто оглянуться назад и то нельзя без точной науки. Древние манускрипты расшифровывают теперь кибернетики, археологические находки подвергают спектральным и

радиоуглеродным анализом физики и химии. Даже в поэтике появились подозрительные естественнонаучные «метастазы». Самые привычные и обыденные вещи обрели вдруг неких количественных двойников. У вещей обнаружилась структура. Они стали телами (для физиков), веществами (для химиков), моделями (для математиков).

Революционные идеи естествознания с их радикальной ломкой привычных представлений о времени и пространстве, строении вещества и сущности жизни не могли не затронуть сознания даже абсолютно далеких от науки людей. Наука вторгается во внутренний мир не только прямо, связывая, допустим, силу эмоций с величиной информации, но и опосредованно. В том числе и через искусство. Наука и искусство — могучие реки человеческого познания. Цели у них общие. Пути, как принято говорить (но это отнюдь не самоочевидно), различные. Где-то на заре цивилизации эти реки были слиты в единый поток. Когда же они разделились? И почему мы, во второй половине XX века, вдруг вновь начинаем искать объединяющие их черты? Случайность это или закономерность? Возвращение по эволюционной спирали к «якобы старому» качеству или бесплодные поиски эфемерных закономерностей и связей? Быть может, научная фантастика и есть тот проток, который соединил оба русла?

Ранние Упанишады, Рамаяна, Бхагавад Гита древней Индии объединяют космогонию и теологию, моралистику и оккультные пророчества, оставаясь поэмами в самом высоком смысле этого слова. Гекзаметры Парменида и Эмпедокла и оды Манилия и Пруденция выливаются в итоге в законченную и изощренную поэму «О природе вещей» Лукреция, которая долгие столетия была... самым полным сводом знаний по античной атомистике. По крайней мере в этом она близка насыщенному познавательным материалом творчеству Жюль Верна.

Но в древних памятниках трудно порой отличить естественнонаучные представления от мистики, философию от поэзии, космологию от мифологии. Древнеавилонский эпос, древнееврейская

книга Зогар, индийская Махабхарата не просто путано и темно отражали мир, они отражали его синкретически. Они рисуют нам метод познания, в котором научное мышление неотделимо от художественного. В учебниках географии показано, как Земля покоится на трех китах, плавающих в океане, или на трех слонах, стоящих на черепахе. Но это не значит, что древние именно так рисовали себе картину мира. Нам трудно судить об истинных их воззрениях, поскольку они зачастую представлены чисто символически. Нельзя прямо отождествлять миф с философией, но нельзя и совершенно отделить мифологию от первых наивных представлений человечества об окружающей действительности. Вот почему жизнеописания Рамы и Кришны, Мадрука и Озириса, Сатурна и Хроноса, безусловно, содержат затемненные и символически преобразованные представления о пространстве, времени и тех главных элементах, которые должны лежать в основе всего сущего. Древние не знали физики в нашем понимании этого слова. Но они создали зародыши описательной науки, которую можно назвать «фантастической физикой». И понять в принципе ее мог каждый, поскольку говорила она на общедоступном языке.

Недаром писатели, посвятившие свое творчество естествознанию, так любят цитировать древние поэмы и мифы. Роберт Юнг, в частности, предпослал своей книге об атомной бомбе «Ярче тысячи солнц» эпиграф из Бхагавад Гиты:

Мощью безмерной и грозной
Небо над миром блистало б,
Если бы тысяча солнц
Разом на нем засверкала.

Нелепо, однако, было бы в этом великолепном поэтическом отрывке усматривать отголоски некогда происшедшего атомного взрыва. Взрыв был в Хиросиме, много веков спустя. Сразу ведь ничего не бывает.

Медленно, тернистым путем горьких разочарований, ошибок, неожиданных взлетов и падений идет человек к познанию. Это был упорный, не знающий отдыха путь к неведомым целям, который часто приводил к пропасти или терялся в темных лабиринтах. В начале этого пути люди зачастую пытались проникнуть в неведомое с помощью молитв и заклинаний. И лишь потом, когда были заложены основы цивилизации, появились ростки того могучего древа, которое мы зовем современной наукой. Но диалектика великая вещь — современная наука все больше походит на колдовство! В храмах ее орудует каста жрецов, выработавшая для своих мистерий особый, никому не понятный язык.

Все современные науки развились в конечном счете из философских раздумий и опыта. Можно спорить до бесконечности о примате того или иного вклада, это не опровергнет банальную истину: истоком любой научной отрасли и всей науки в целом является язык простых смертных, одинаково понятный нищим и королям. И вот теперь, на наших глазах, язык современных магов естествознания все дальше отходит от своей питательной среды, причем он не погибает, как Антей без Земли, а властно вторгается в общедоступный язык, засоряет и обедняет его. Но это, как говорится, только цветочки. Быть может, самое грозное веяние века заключается в том, что интеллектуальный мир ученого-естественника все сильнее обособляется от мира людей, говорящих на обычном языке. Так не является ли научная фантастика мостом между интеллектуальными мирами?

Дифференциация науки на все большее число отраслей, а следовательно, дробление «языка науки» на все большее количество ее «диалектов» и ученых отделяет друг от друга, затрудняет, а порой делает попросту невозможным их профессиональное общение. Право, библейская легенда о Вавилонской башне наполняется грустным смыслом. Девяносто процентов всех живших на Земле ученых приходится на наше время и только десять процентов — на все предыдущие эпохи. Число научных работников удваивается

примерно каждые десять лет. И если мы хотим продолжать возводить все новые и новые этажи башни познания, нам следует серьезно задуматься об угрозе «смещения» языков. И быстро что-то решать, радикально менять привычные взгляды и устоявшиеся взаимоотношения.

«Непосвященным людям,— как справедливо заметил Ричи Калдер,— наука представляется в виде какой-то сокровищницы за семью печатями, доступной лишь избранным, где хранятся сундуки с драгоценностями, именуемыми «физика», «химия», «биология», «геология», «астрономия» и др. Каждый сундук заперт на замок с секретом, открыть который может только тот, кто посвящен в тайну его механизма. А в сундуках — множество ящичков и ящичков с надписями: «ядерная физика», «кристаллография», «твердое тело», «коллоидная химия», «органическая химия», «генетика», «биофизика», «биохимия» и так до бесконечности».

Но это, так сказать, статичная картина. В динамике дело обстоит еще хуже. Дифференциация науки порождает увеличение числа все меньших по размеру отдельных ящичков. Как бы в итоге не осталась у нас одна тара! А популяризировать науку становится все труднее. Брошюры, которые, к примеру, выпускает издательство «Знание», все меньше напоминают популярные. Они напичканы графикой, формулами и даже математическими выкладками. На сегодняшний день многие из них годятся лишь для ученых, которые хотят знать о достижениях коллег из смежных отраслей.

Итак, язык науки все непонятнее для неспециалистов. Влияние татарского ига на русский язык было колоссальным, но современная наука за несколько десятилетий побила рекорды трехсотлетнего ига. Достаточно посидеть несколько часов на симпозиуме по проблемам плазмы, элементарных частиц, многомерных пространств или фазовых равновесий в растворах, чтобы убедиться в непонимании смысла родной речи.

Но разве фантастика не сумела органично вместиť в себя научные диалекты? Это уже не обеднение литературного языка, а обогащение его!

Отдельные области науки одинаково трудны для всех, кто с ними не связан. Современная математика непонятна даже блестящим физикам-теоретикам. Они, правда, пользуются для своих выкладок математическим аппаратом, но не знают современной математики, которая идет лет на пятьдесят вперед.

Гениальный физик Оппенгеймер писал: «Мне очень трудно понять, чем занимаются современные математики и почему они занимаются этим: пытаюсь представить себе общую картину, я терпел крах. Я с восторгом, хотя и как простой любитель, открываю для себя то, чем занимаются биохимики и биофизики. Но у меня есть преимущество: оно состоит в том, что я довольно хорошо знаю маленькую часть одной отрасли науки, а потому сам могу провести четкую границу между знанием и невежеством».

И это говорит физик-универсал, великолепно ориентирующийся в математической физике, электродинамике, физике элементарных частиц, физике звезд! Что же тогда могут сказать люди, у которых нет оппенгеймеровского «преимущества»? Вот почему вряд ли возможно хорошо информировать каждого человека о достижениях науки. А быть может, и вообще нельзя дать такую информацию. Не прибегая к сомнительным метафорам и очень отдаленным аналогиям, немисливо на общедоступном языке рассказать о том, что такое виртуальный процесс, волновая функция или даже термодинамический метод Гиббса.

Между тем научно-популярная литература по физике и так называемая «научно-художественная» литература только этим и занимаются. С одной стороны, они выполняют благородную задачу, стараясь хоть как-то информировать людей о «заумных проблемах», с другой — порождают опасное ощущение благополучия. Подлинное понимание подменяется жонглированием «настоящими» научными терминами и некими совокупностями «обычных» слов, никакого отношения к этим терминам не имеющих. Это не вина отдельных авторов, а наша общая беда. Так делают все: писатели, журналисты и даже ученые, если хотят дать действительно популярный материал. Нет и, вероятно, не может быть «словаря»,

с помощью которого удалось бы «перевести» науку на обычный язык. Нужен не словарь, а целый комплекс методов, которых пока нет. Вот почему современная система популяризации одновременно и необходима и вредна, ибо она порождает дилетантизм. Внимательно прочтя стоящую популярную книжку по физике, читатель получает обманчивое ощущение, что он вроде бы все знает, что он «на уровне». А вместе с тем он не приблизился к познанию современной физики ни на шаг. И этого не надо скрывать, это, напротив, надо подчеркивать.

Как-то на севере Канады геологи привлекли одно индейское племя к поискам урановой руды. Когда индейцев спросили, как они представляют себе цель таких поисков, их вождь невозмутимо ответил: «Искотчкотуит каочипыик», что значит: «Молния, выходящая из скалы».

Мне кажется, эти слова могут служить превосходной иллюстрацией одновременно и огромной пользы и весьма ограниченных возможностей нынешней системы популяризации.

Научная популяризация внесла колоссальный вклад в развенчание богов небесных и в создание богов земных. Наука стала ее божеством, а ученый — пророком, деяния которого можно описать, но нельзя объяснить.

А современная научная фантастика, даже не пытаясь объяснить науку, смело ввела нас в лабораторию ученого, приобщила к миру его идей.

Мы уже пережили тот период, когда велись серьезные дискуссии на тему «Нужен ли инженеру Бетховен» и неистовые рыцари ломали полемические копья на ристалищах физики и лирики. Многим чуть поседевшим ветеранам таких битв уже немного смешно вспоминать их. Профессия космонавта тоже стала попривычной. Мы видели этих бесстрашных людей из плоти и крови и на земле, и в космосе. Поэтому нам теперь и спорить стыдно: возьмет, к примеру, или не возьмет с собой в полет космонавт «ветку сирени».

Но не настал еще день, когда мы с неловкой усмешкой вспомним дискуссии и другого рода: «Можно ли быть сегодня культурным человеком, не зная науки».

Вот в какое время появилась научная фантастика — литература о науке, многое у науки заимствующая, но написанная на понятном для всех языке. И появление ее закономерно.

Фантастика, как правило, отражает сегодняшний день науки, независимо от века, в котором протекает действие произведения. Основные ее герои — ученые нашего времени, люди, с которыми встречался почти каждый человек: на заводе или животноводческой ферме, в учебном заведении или в больнице. Воображение писателя наделило их волшебной властью над пространством и временем, жизнью и мертвой природой. Эти люди могут делать то, о чем сегодня только мечтают наши современники. Есть лишь одна существенная особенность: герои фантастических произведений делают все гораздо лучше и быстрее, в итоге они способны творить чудеса, вполне объяснимые, однако, законами воображаемых наук будущего. Причем на эти науки будущего наложены жесткие ограничения: методология их не должна противоречить современным представлениям. В противном случае собственно *научная фантастика* теряет резкие очертания и «размазывается» в безбрежном жанре «чистой фантастики», столь же древней, как и сама история.

Основные посылки и ограничения, характерные для научной фантастики, дают возможность проследить весь путь научной или псевдонаучной идеи — от ее возникновения до конкретного, образного воплощения в какие-то, пусть даже совершенно невероятные, формы. И не так уж важно при этом, в каком точно веке действуют наделенные волшебной властью герои, мышление которых характеризуется одной общей чертой: это научное мышление.

Можно приводить новые и новые примеры, иллюстрирующие неослабевающий интерес ученых к фантастике. Все они сводятся к одному: фантастика позволяет поставить мысленный эксперимент, она воздействует на эмоциональное образное мироощущение ученого, как бы задает определенный энергетический тонус, творческое напряжение, которое так необходимо для исследователя. Обходные пути, пути ассоциаций, неожиданных аналогий, намек и

эмоциональной подсказки в научном творчестве не менее важны, чем последовательное и планомерное накопление и переработка научной информации. И здесь неоценима роль научной фантастики, самой сутью которой является смелый поиск нового, лежащего за пределами сегодняшнего знания. Новизна, неожиданность, парадокс, переоценка ценностей, воинствующий антидогматизм — неотъемлемые черты научной фантастики.

Фантастика, как отрасль художественной литературы, не задается целью прямой популяризации научных идей. «Жюльерновское» направление стало теперь лишь одним из многих притоков, вливающих в полноводное русло. Но в своей внутренней логике, в принципах анализа и синтеза фантастика очень близко подходит к науке. Для нее характерно как бы размышление вслух о путях и превращениях идеи, тот внутренний монолог, который теперь заново открыл авангардистский кинематограф.

Писатель-фантаст, как и ученый, часто ставит эксперимент. Первая ненаписанная фраза многих произведений могла бы звучать так: «Что будет, если...» Далее открывается совершенно необозримый испытательный полигон. Вот почему цели такого эксперимента могут быть самыми различными.

Фантастика вносит в проблему недостающий ей человеческий элемент. Она превращается в своеобразное эстетическое зеркало науки. Наука как таковая не связана с моралью, тогда как ученый — сознательный член общества — не может и не должен быть безразличным. Нельзя языком математики, физики, биологии, химии излагать моральные аспекты тех или иных открытий. Фантастика дает такую возможность. И язык у нее, о какой бы науке ни шла речь, единый, общедоступный. В этом, мне кажется, основная притягательная сила фантастики для ученых.

«Если бы мне пришлось вновь пережить свою жизнь,— писал Чарльз Дарвин,— я установил бы для себя за правило читать какое-то количество стихов и слушать какое-то количество музыки по крайней мере раз в неделю; быть может, путем такого постоянного упражнения мне удалось бы сохранить активность тех частей

моего мозга, которые теперь атрофировались. Утрата этих вкусов... может быть, вредно отражается на умственных способностях, а еще вероятнее — на нравственных качествах, так как ослабляет эмоциональную сторону нашей природы.

Беликий эволюционист понимал, насколько важно искусство для научного творчества. Природа едина, но математика далеко не единственный ее язык. Как правило, наиболее блистательные открытия приносит нам аналогия, перебросившая свой невидимый мост между самыми отдаленными областями человеческой жизни.

Академик А. Е. Арбузов часто говорил: «Не могу представить себе химика, не знакомого с высотами поэзии, с картинами мастеров живописи, с хорошей музыкой. Вряд ли он создаст что-либо значительное в своей области». И это действительно так: у науки своя эстетика. Но заметить, почувствовать ее может лишь тот, для кого искусство не является наглухо запертой дверью. Для Бутлерова путь в науку начался, по его собственному признанию, с увлечения «химическим колоритом». Его поразили сверкающие красные пластинки азобензола, игольчатые желтые кристаллы азоксибензола, серебристые чешуйки бензидина.

Тяга к классическому совершенству, привычка к гармонии пропорций, скупость художника в деталях и элементах конструкции — вот что дает исследователю искусство. Недаром один из основоположников структурной теории Кекуле любил и хорошо знал архитектуру. Он искал красоту, упорядоченность и лаконичность форм и в построении молекул. И поиск этот был аналогией, переброшенной от искусства к естествознанию.

Таких примеров можно привести много. Но наш век отличается особой спецификой. Сейчас от ученых зависит судьба всего человечества. Ученые передали людям власть над титаническими силами. И в зависимости от того, в какую сторону будут повернуты эти силы, наша Земля станет либо мертвым небесным телом, либо центром процветающей космической цивилизации. Сегодня это известно каждому.

Вот почему моральные проблемы науки достигли теперь неви-

данной остроты. И те «нравственные качества», о которых писал Дарвин, определяют сегодня лицо ученого: либо гражданина своей страны, ответственного перед собственной совестью и миром, либо маньяка, хладнокровно вооружающего поджигателей войны нервным газом, «пятнистой лихорадкой Скалистых гор», кобальтовыми бомбами.

Так научная фантастика стала для ученых полигоном испытания моральных проблем, причем полигоном открытым, на котором могут присутствовать сотни тысяч зачастую очень далеких от науки людей. Отсюда особая ответственность, с которой подходили такие ученые, как Спилард или Винер, к литературе.

★

На мою долю выпало счастье встретиться один раз с Норбертом Винером. И когда я читал его рассказ «Голова», то мысленно видел всепонимающие, чудовищно увеличенные круглыми многодиоптрийными очками его глаза...

Вот врач, насильно приведенный гангстерами, обрил череп бандита, погубившего его семью, выпилил кусок кости, обнажил мозг...

Мне казалось, что это рассказывает сам Винер, что это он тот хирург, который дал когда-то знаменитую клятву Гиппократу и решает теперь вековой гамлетовский вопрос. И с волнением ждал я, как решит его великий творец кибернетики, как решит его мудрый и очень добрый человек. Может быть, и для самого Винера это было своего рода внутренним монологом. Необходимо быть добрыми, но нельзя быть «добренькими». После освенцимов и биркенау, после Хиросимы. Я не верю, что принципы демократии требуют равной свободы и для фашистов, чьи партии колониями ядовитых грибов возрастают в уютных теплицах «благополучных» стран, и для маньяков, одержимых манией насилия и убийства. Если человек сам отделяет себя от людей стеной ненависти, он теряет право быть человеком.

И я рад, что Винер именно так разрешил гамлетовскую проблему. Норберт Винер, скромный и по-настоящему добрый человек.

Впрочем, иного я и не ожидал от него. В своей автобиографической книге он писал:

«Между экспериментальным взрывом в Лос-Аламосе и решением использовать атомную бомбу в военных целях прошло так мало времени, что никто не имел возможности как следует подумать. Сомнения ученых, знавших о смертоносном действии бомбы, больше других и лучше других представляющих себе разрушительную силу будущих бомб, попросту не были приняты во внимание, а предложение пригласить японские власти на испытание атомной бомбы встретило категорический отказ.

За всем этим угадывалась рука человека-машины, стремления которого ограничены желанием видеть, что механизм пущен в ход. Больше того, сама идея войны, которую можно вести, нажимая кнопки,— страшное искушение для всех, кто верит в силу своей технической изобретательности и питает глубокое недоверие к человеку. Я встречал таких людей и хорошо знаю, что за моторчик стучит у них в груди. Война и нескладный мир, наступивший вслед за ней, выпесли их на поверхность, и во многом отношении это было несчастьем для нас всех.

Примерно такие и многие другие мысли проносились у меня в голове в день Хиросимы.

*

Я услышал стук «моторчиков», когда читал рассказ американского ученого Роберта Уилли «Вторжение». Вроде бы совершенно случайно начался этот конфликт. Пришельцы приняли прожекторный луч за оружие землян и ответили ударом. А потом застучали «моторчики». Люди с такими механическими штучками в груди, которые в свое время обрушили атомный смерч на Хиросиму и которых на южноамериканском континенте зовут «гориллами», приступили к привычной работе. Восьмидюймовые гаубицы в лесу, оцепление, бомбардировки с воздуха, танки. Даже в странной войне — «на войне, как на войне». Создатель уникальной плотины инженер Уолтер Харлинг вроде бы совершил акт героизма. С тысячами хитроумных предосторожностей, без страха и сомнений, сов-

сем один взорвал он детище рук своих. Электростанция перестала давать ток, силовая завеса над кораблями пришельцев исчезла, и тысячи тонн металла, начиненного тринитротолуолом, сделали свое дело. Вроде бы все хорошо, можно спать спокойно — Земля избавлена от... непонятной угрозы. Ликующие толпы во главе с самим генералом бросаются к герою. А он, «не слушая поздравлений, сообщил своим спасителям, что Харлинговская плотина начнет работать еще до весны».

Но мы-то понимаем, какое гнусное дело совершил этот филистер, уверенный в своей правоте, ни на секунду не задумывающийся над тем, что творит. И не столько тот факт, что «снаряды накрыли цель, и цель перестала существовать», сколько это тугодумное безмыслие, эта безапелляционная непогрешимость навевают тягостное чувство бессилия, гнева и стыда.

Такое же тихое отчаяние, спрятанное под внешним благополучием иерархического порядка и ритуала, слышится и в рассказе Чэндлера Девиса «Блуждая на высшем уровне». Бюрократизм, доведенный до предела, продуманный регламент абсолютного централизма оборачиваются в итоге не только анархией, но и абсурдом. Корпорация, в которой блуждает профессор Леру, — экологически замкнутая система. В ней нет места ни для него, ни для его оксидазы, ни для кого-либо в мире. Абсолютное отчуждение от науки, от реальной жизни. Бюрократическая машина делится равнодушно и неотвратимо, как одноклеточная бактерия, и замыкается сама в себе. Она настолько совершенна, что даже жертвы творят молитвы во славу ее. Но как раз такое совершенство и чревато взрывом. И этот взрыв неминуем, несмотря на то, что сам Чэндлер Девис видит в развитии лишь эволюционную сторону. Революции не только неизбежны, они необходимы, хотя бы для того, чтобы взрывать «совершенство» корпораций. Профессор Леру — это уже не трагический гений, не поверженный в борьбе с бездушной машиной титан, это слепой и безвольный червяк. Таким рисует автор ученого будущего, экстраполируя нынешнее состояние монополистической бюрократии.

К такой же статичной экстраполяции прибегает и Джон Пирс («Грядущее Джона Цзе» и «Не вижу зла»). Правда, то грядущее, в котором оказывается Джон Цзе, мало напоминает мир Корпорации. Но общность исходных позиций бросается в глаза. Заглавие «Не вижу зла» звучит как своего рода кредо. Вик Тэтчер идет дальше профессора Леру. Он продает себя и свою науку без трагической маски на лице, весело, бесшабашно, игриво. Он просто в этом «не видит зла». Это не значит, конечно, что автор столь же слеп, как и его герой. Пирс прекрасно видит зло. Поэтому он, собственно, и берется за перо. Но будущее он раскрывает только методом статической экстраполяции, не предвидя, даже не ожидая нового качества, причем делает это в какой-то мере декларативно. Недаром в том грядущем, куда попадает физик-ядерщик Джоп Цзе, само слово «физик-ядерщик» звучит как грубое ругательство. Это явный намек на то, что ядерщики опять «провинились» перед человечеством. Мы можем только догадываться, что выкинули они на этот раз.

Мне думается, что именно в этом слабость рассказов Пирса. Он буквально следовал известному принципу, согласно которому история повторяется дважды: один раз как трагедия, другой раз как фарс. Поэтому-то он и придал своим рассказам четкие элементы фарса. Но возвращаясь вдруг мысленно к рассказу Сдиларда, мы понимаем, что трагедию ничем нельзя подменить.

Рассказ Джеймса Макконнелла «Теория обучения», пожалуй, самый интересный в сборнике.

С аналитической беспощадностью и внешней бесстрастностью Макконнелл предпринимает исследование проблемы, которая и не нова, и вроде бы не очень важна, и уж, во всяком случае, не вызывает у большинства людей особых эмоций. Действительно, сколько раз на протяжении веков говорилось о наших «меньших братьях», «четвероногих друзьях» и т. п. И всякий раз человека призывали одуматься, снизить, прислушаться... Тщетные потуги. Даже дельфиний промысел не везде прекращен.

Но вот человек сам оказывается в положении подопытного

животного п с горечью, юмором, болью, отчаянием, наконец, вынужден регистрировать каждый шаг унижительных и абсурдных испытаний. Он стал подопытным животным для внеземного психолога, причем создалась парадоксальная ситуация. Испытатель проводит свою жертву через все круги экспериментального ада (точно так же, как жертва поступала в свое время с лабораторными крысами): коробку Скиннера, Т-образный лабиринт, прыжковый стенд.

«Нет, наверное, это все-таки ад, и приговор Лорда Верховного Палача гласил: «Пусть кара будет достойна преступления!»

И подопытному совершенно ясна психология испытателя (еще бы, это почти зеркальное отражение!), который с тупой настойчивостью ставит эксперимент за экспериментом, не давая себе труда задуматься. Испытатель целиком во власти догмы: животные (а *Homo sapiens* для ученых его планеты животное) не наделены сознанием. И подопытный бьется о железные стенки дурацких ловушек, которые по самой своей природе не позволяют ему проявить интеллект. Любое отклонение от статистического распределения расценивается испытателем либо как сложный инстинкт, либо как патология. В последнем случае следует закономерный вывод. Главный экспериментатор межгалактической космолаборатории ПСИХО-145 возвращает «подопытный образец в исходную колонию» (обратно на Землю), которую предлагает уничтожить. Разве не так поступают в том случае, когда заболевают животные в исследуемом ареале? Разница только в масштабах!

Макконнелл взял старую проблему. Он совершил «только» простую инверсию, прибег к доказательству от противного. Испытанный научный прием, который вдруг озарил обыденность неземным беспощадным светом.

Повесть Фреда Хойла и Джона Эллиота «Дар Андромеды» затрагивает ту же болезненную проблему ответственности ученого. Устами своего Галилео Галилея Брехт сказал: «Если ученый не будет осознавать свою ответственность перед обществом, то настанет день, когда на очередное новое открытие человечество откликнется воплем ужаса». Хойл и Эллот положили эту проблему в основу фабулы.

Хойл по праву считается гениальным астрофизиком. Он выдвинул ряд совершенно фантастических гипотез в области космологии и физики небесных тел. Ему принадлежит идея рождения вещества из вакуума, хорошо объясняющая трудные аспекты теории расширяющейся Вселенной; он первым предположил, что квазизвездные источники являются сверхзвездами, а не туманностями. Но повесть «Дар Андромеды» не блещет фантастической стороной. Она во многом традиционна, в ней нет новых для фантастики идей. И все же она привлекает нас активным неприятием зла, четкой расстановкой сил, неприкрытой авторской симпатией к честным и деятельным людям. Людей второй половины XX века трудно порази́ть картинами вселенских катастроф. Поэтому связывание азота атмосферы, страшные бури и падение давления не очень задевают наше сердце и как бы скользят мимо сознания. Они воспринимаются скорее как условный символ некой угрожающей людям беды.

Но это не лишает остроты чисто событийные приключенческие эпизоды. Авторы ненавидят насилие и фашизм, верят в силу человеческого разума и в доброту разума далекого, внеземного. Они не только ставят вопросы, но и отвечают на них, не только вскрывают потенциальные источники опасности, но и указывают пути борьбы.

«Дар Андромеды» достойно и закономерно завершает основной раздел этого сборника, который можно было бы назвать «Совесть ученого».

★

Рассказы других писателей-ученых трудно было бы объединить тематически. Быть может, потому, что они не касаются сугубо волнующих любого современного ученого проблем. Но теряя такую свою специфику, они не становятся менее интересными для читателя. У искусства свои законы. Кем бы ни был написан рассказ — физиком, врачом, филологом, — он живет потом своей жизнью, независимо от профессии или интересов автора. Биография Сциларда помогает нам понять, почему именно он создал данное произведение, но ничего не добавляет к самому произведению.

Вот рассказ профессора биохимии и одного из наиболее извест-

ных фантастов Айзека Азимова «Что если...» Заголовок его обещает нам классический рассказ-эксперимент. Мы прочли первые строки и забыли, что Азимов биохимик, вообще забыли про Азимова! Нас интересуют только лирические миниатюры, говорящие о неотвратимости любви или, может быть, судьбы. Но когда мы прочли рассказ и мысленно возвратились от конца к началу, нам стало понятно, что эксперимент все же состоялся. Возможно, речь здесь идет о закономерностях статистики или о том, что будущее в каком-то виде «записано» на эйнштейновых мировых линиях. Разве это нам важно?..

Юмористический рассказ Уильяма Моррисона (псевдоним американского химика Джозефа Сеймексона) «Пиршество демонов» вовлекает нас в трагикомический водоворот событий, венцом которых является превращение нашей планеты в некую антиэнтропийную флуктуацию, живущую наперекор разлетающейся и выхолаживающейся Вселенной. И, право, нас не очень удивило, что абстрактные «демоны» Максвелла превратились в реально существующие образования, напоминающие одновременно и «демонов элементов» Платона, и элементарий Парацельса, и саламандр средневековых мистиков, и сгустки элементарных частиц. Более того, мы не очень интересуемся и соблюдением второго закона термодинамики для Земли и неприменимостью его ко Вселенной. Конечно, при желании даже здесь можно было бы обнаружить определенный подтекст (о котором автор, конечно, не подозревал), но разве хороший юмор сам по себе не может быть целью?

Очевидно, можно наметить такую закономерность: чем дольше ученый занимается фантастикой, тем дальше он отходит от науки (разумеется, только в писательском творчестве), тем яснее видит в фантастике только литературный прием и тем чаще обращается к исконным общечеловеческим темам.

Азимов давно стал для нас «только» писателем, Моррисон, который занимается литературой с 1945 года, давно с легким сердцем нарушает в своих рассказах самые фундаментальные законы природы, а крупнейший итальянский фантаст Лино Альдани даже из-

бегают брать в свои герои ученых. В его рассказе «Повальное безумие» принимают участие король рок-н-ролла, сенатор-профашист, полуодетая кинодива, законодатель мод и некий среднестатистический «рядовой» гражданин. Лишь на миг Альдани прибегает к вмешательству внегалактических сил, чтобы собрать всех этих людей в одном помещении. Зачем? Быть может, для того, чтобы показать, что судьбы мира в первую очередь зависят от «рядовых» людей?

Так с разных сторон мы подходим к основному объекту исследования ученых-фантастов, фантастов вообще, литературы вообще. И объект этот — человек с его недостатками и высокими идеалами, с его силой и слабостью, смертный представитель бессмертного человечества. Все в этом объекте достойно самого пристального внимания: конфликт логики и чувства («В безвыходном положении» Джорджа Смита), неодолимое стремление к невозможному («Малыш Андерсон» Роберта Ричардсона), временная атрофия мышления, вызванная подменой подлинного исследования догмой («Теория обучения» Джеймса Маккопнелла).

К этой цели ведут самые различные пути: собственно научная фантастика с элементом приключений Артура Кларка («Юпитер Пять»), научная стилизация Фриша, юмористические парадоксы польского инженера Конрада Фиалковского («Я — миликилос»), поэтическая новелла Азимова, рассказ-предупреждение Спиларда.

В этом сила и новизна научной фантастики, которая позволила скрестить на человеке прожекторные лучи науки и искусства, которая сама пронизана теплым светом прекрасного и холодным огнем научного поиска.

Маги двадцатого века взялись за перо. И им есть что сказать читателю.

Еремей Парнов

**ПИРШЕСТВО
ДЕМОНОВ**

Редактор *И. Хидекель*
Художник *Л. Ламм*
Художественный редактор *Ю. Максимов*
Технический редактор *А. Резоухова*
Корректор *Н. Спичкина*

Сдано в производство 25/I 1968 г.
Подписано к печати 20/V 1968 г.
Бумага № 2 70×108¹/₃₂=6,19 бум. л.
Усл. печ. л. 17,33.
Уч.-изд. л. 16,86. Изд. № 12/4494
Цена 85 коп. Зак. 777

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ярославль, ул. Свободы, 97

85 коп.

